

# Социология



## **ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

# 6

# 2021

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Основан в марте 2004 года  
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован  
в Министерстве печати и информа-  
ции Российской Федерации.  
Свидетельство о регистрации  
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004  
ISSN 1812-9226*

**Учредители:**

*Московский государственный уни-  
верситет  
им. М.В. Ломоносова;  
Российская социологическая  
ассоциация*

Адрес редакции:  
*119992, Москва, Ленинские горы,  
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-  
гический факультет,  
3-й учебный корпус  
Тел.:(495)939-24-05;  
e-mail: socjournal.msu@gmail.com  
http://soziologi.ru*

Бумага офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №895.

Подписано в печать 30.12.2021

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

Главный редактор:  
*В.И. Добреньков*  
Заместитель главного редактора:  
*А.И. Кравченко*  
Заведующая редакцией:  
*А.А. Ведерникова*

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ  
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,  
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,  
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,  
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,  
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,  
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,  
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,  
А.А. Осеев, В.Н. Петров,  
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,  
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,  
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

---

**К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

**ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:**

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).



## ОГЛАВЛЕНИЕ

## ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Ким А.С.</i> Самомотивация хабаровского массового протеста: методология социологического анализа.....	5
<i>Кравченко А.И.</i> «Твердое ядро» и «защитный пояс» И. Лакатоса: структура и функции ценностной системы... 15	15
<i>Старостина Д.А.</i> Формирование дискурса о теле в феминистских исследованиях: «второй пол», субъект в процессе, номадическая субъективность.....	34
<i>Бекхожаева А.К., Абдишова Г.Б., Темирбекова Э.Т.</i> Социальные программы как механизм реализации социальной политики.....	46
<i>Куткина Н.А., Назарова Н.С.</i> Формы и методы воздействия цифровых технологий на общество.....	51
<i>Плотникова М.А.</i> Роль института Общественной палаты в формировании общественного мнения на муниципальной территории.....	56
<i>Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Мацко А.И., Варнина А.С.</i> Современное состояние физической культуры как маркера социальных изменений общественного устройства.....	64

## ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Гуденкова О.И., Савицкая Ю.П.</i> Особенности региональной идентичности современной студенческой молодежи.....	70
<i>Дзагурова Н.Х.</i> Социальная роль бабушки в современной осетинской семье.....	78
<i>Комбаев А.В., Борисова А.С., Суманев Е.В.</i> Этническая идентичность в Байкальской Азии.....	84
<i>Моторина И.Е., Субочева О.Н., Яковлева Е.А.</i> Отношение работников к внедрению техники и цифровых технологий: опыт эмпирического исследования.....	93

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.  
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Абдулаева Э.С.</i> Исторические аспекты развития института социальной помощи в России.....	99
<i>Ананишнев В.М., Завьялов А.Е., Осмоловская С.М., Ткаченко А.В., Федотов К.В.</i> Социальное управление в московском мегаполисе: социологический анализ на примере учреждений высшего образования.....	107
<i>Блошко В.В., Капустин В.В.</i> Социальные факторы эффективности патриотического воспитания граждан России.....	113
<i>Верещагина А.В., Бинева Н.К., Войтенко В.П.</i> Социальная справедливость в развитии полиэтничного регионального пространства Республики Крым: результаты массового опроса.....	122
<i>Забродина Т.И., Мартиросян К.В.</i> Влияние социально-психологических характеристик личности на уровень профессионального выгорания у представителей социально-экономических и сиговономических профессий.....	132
<i>Кузнецова Н.Ф., Кочина Е.А., Осколков А.В.</i> «Серебряное» волонтерство как фактор социального благополучия людей пенсионного возраста (на примере Республики Хакасия).....	138
<i>Чернобровкина Н.И., Бедрик А.В., Мамина Д.А.</i> Оценка неформального межэтнического контракта с позиций социальной справедливости (на примере Республики Карачаево-Черкессия).....	144
<i>Михайлова М.Н., Пирвердиева Э.А.-К.</i> Проблема сохранения духовных ценностей в условиях цифровизации социальных процессов.....	153

*Потемкин В.К.* Процессы интеграции социологических, социально-психологических и экономических знаний в профессиональной деятельности человека ..... 159

*Хрипунова С.В.* Особенности формирования психологических ресурсов и профессионального благополучия у военнослужащих: социологический анализ ..... 169

*Шкляева Н.А.* Качество трудовой жизни как фактор социального благополучия молодежи в системе образования ..... 175

*Штепа С.Е.* Социологическая диагностика социальных рисков потребительского кредитования российской молодежи: вопросы методики и организации ..... 184

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.  
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.  
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ**

*Воронина О.А.* Постгендерная антропология: квил и транс ..... 192

*Маслова В.А.* Натурализм во французской литературе второй половины XIX века: истоки и противоречия ..... 203

*Михайлов И.А.* Онтология и антропология в философии Хайдеггера ..... 211

*Никольский А.В.* Визуальные системы наблюдения и фотография в контексте dark ecology ..... 222

*Руденко А.В.* Проблема «Другого» с позиции экзистенциально-феноменологического анализа ..... 231

**СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ**

*Сафронов А.В.* Аргумент случайности против физикализма. Трагедия, Картезий и прагматизм ..... 237

*Ситников А.П., Левашев Д.Н., Эмирбекова Э.Э., Рововая Т.А.* Концепт и проблема архаизации российского общества: репрезентация в социально-философском знании ..... 249

*Хвастунова Ю.В.* Движение Терасем как религиозная альтернатива трансгуманизма ..... 259

*Колесников Л.А.* Противодействие девиантному экономическому поведению: социально-философский аспект ..... 268

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

*Орлова О.М., Заладина А.С.* Профориентационная активность студентов вуза ..... 273

*Узунов В.В.* Современное состояние и проблемы развития Южного федерального округа в контексте социальной консолидации ..... 282

*Филясова Ю.А.* Объективизация перфекционизма личности в условиях современных общественных трансформаций (на основе обзора отечественных исследований) ..... 291

*Семенова Э.Х., Мхеидзе Л.Р., Селим М.С., Урусов С.Б.* Улучшение эргономики рабочего пространства в организациях в условиях пандемии: на примере сферы туризма ..... 302



## Самомобилизация хабаровского массового протеста: методология социологического анализа

**Ким Александр Сергеевич,**

доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права  
E-mail: stosorok2005@yandex.ru

В статье применяется методологический анализ феномена массового протеста на примере событий в Хабаровске летом 2020 г. Рассмотрение теоретико-методологических подходов социологического изучения социального протеста используется для построения концептуальной схемы раскрытия механизма самомобилизации массового протеста. Факторы возникновения массового протестного поведения депривированных групп, объясняемые концепцией мобилизации ресурсов, в современных условиях не могут быть поняты на основе такого подхода, так как хабаровские события показали, что слои населения, составляющие социальную базу протеста, могут артикулировать свое недовольство, не обладая политическими и информационными ресурсами. Чтобы адекватно отобразить истинную картину возникновения такого рода протеста, следует учитывать сложную взаимосвязь микро- и макроуровня протекания социальных процессов. Именно поэтому завершающим компонентом в построении методологической модели изучения массового протеста определена концепция социальных сетей.

**Ключевые слова:** депривированные группы, концептуальная схема, самомобилизация, социальный протест, массовый протест, протестное поведение, феномен социальных сетей.

Глубинные противоречия современного общества в последнее время все чаще находят свой выход именно в массовых протестах, которые на начальном этапе (а не редко и в дальнейшем) носят спонтанный характер, что проявляется в децентрализованности протестной активности с точки зрения ее самомобилизации. Свидетельством массовых протестов такого рода являются многочисленные массовые беспорядки в США и ряде европейских стран, возникшие под влиянием убийства полицейскими темнокожего американца Дж. Флойда 25 мая 2020 г. В некотором смысле децентрализованным может считаться и начавшееся летом 2020 г. массовое протестное движение в Белоруссии, спроводированное как предвыборной кампанией, так и результатами голосования на президентских выборах 9 августа 2020 г. С июля по август 2020 г. проходили стихийные массовые уличные акции в г. Хабаровске, направленные в защиту и поддержку экс-губернатора Хабаровского края С. Фургала, который на должность главы региона был избран большинством избирателей в 2018 г., но был задержан по подозрению в организации заказных убийств в 2004–2005 гг. Ввиду вышеизложенного представляется весьма актуальным в рамках социологической науки предложить такую методологию изучения массового протеста, которая давала бы возможность выстраивания концептуальной схемы его самомобилизации как социального процесса.

Следует отметить, что социальный протест как общественный феномен имеет определенную исследовательскую традицию в рамках зарубежной социологической науки. Первая группа теоретико-методологических моделей, определяющих характер и направленность социологического изучения социального протеста, рассматривают последний в контексте коллективного



поведения. В ряду такого рода концепций находятся теории Г. Лебона, Г. Блумента, Г. Тарда, в которых присутствует социально-психологическая интерпретация социального протеста [13]. К концепциям социального поведения следует также причислить теории конвергенции Г. Олпорта, возникновения норм В. Тэрнера, политического протеста Дж. Школьника, прирастающей ценности Н. Смелзера, а также теоретические конструкции Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Рисмена [5]. В этой связи, следует отметить, что протестную активность в Хабаровске июля – августа 2020 г. можно рассматривать с позиции того, что в толпе доминирует склонность к деструктивным проявлениям совокупной психической и деятельной энергии [14]. Уместно здесь говорить и о проявлении массовой истерии, триумфе иррациональности [7]. В контексте современности можно указать и на то, что значительная часть хабаровчан, как и население различных регионов России и других стран, испытывает потребность в эмоциональной разрядке, выплеске негативной энергии, накопившейся в период коронавирусного локдауна [9,10,11].

В рамках первой группы теоретико-методологических моделей можно выделить концепции, в которых исследователи анализируют протестное поведение в ракурсе его социальной, а не психологической обусловленности [9]. Так, в политической социологии протестное поведение исследуется как форма массового воздействия на политическую власть в рамках участия индивидов в социально-политической жизни не только на индивидуальном уровне (А. Кэмпбелл, Д. Истон, П. Лазарсфельд, Ф. Конверс), но и на уровне коллективных действий (А. Турен, Т. Парсонс).

Иными словами, социальный протест выступает «в форме политической борьбы социальных субъектов, в политическом самосознании которых возникает недовольство реализуемыми системой власти преобразованиями... Протест реализуется путем «нетради-

ционных» форм политического поведения» [12]. Традиционность или нетрадиционность политического поведения определяется наличием либо отсутствием норм и правил регулирования интересов различных социальных общностей. Исходя из этого, традиционные формы политических действий базируются на нормативных правилах и законах, включенных в механизм артикуляции интересов. Нетрадиционные же формы основываются на нормативных правилах и законах, ограничивающих или запрещающих проведение на регулярной основе мероприятий массового волеизъявления и участия в виде митингов, шествий, пикетов, демонстраций, забастовок и т.д. и т.п. [5].

Следующая группа теоретико-методологических моделей исследования социального протеста рассматривает его в рамках конфликтологических теорий как социальный процесс, характеризующийся агрессивным противоборством между различными социальными группами, обладающими несовместимыми социальными (экономическими, политическими) интересами [К. Маркс и Ф. Энгельс, А. Бентли, Э. Берджесс, К. Боулдинг, Р. Дарендорф, Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Коллинз, Р. Парк, Т. Парсонс, А. Смолл, А. Токвиль]. Так, Дарендорф усматривал главный источник социального конфликта в политических противоречиях между социальными группами, природой которых является концентрация власти у одних и ее отсутствие у других, в силу чего дифференциальное распределение власти «неизменно становится определяющим фактором систематических социальных конфликтов» [15].

Таким образом, мы увидели, что исследование проблемы массового социального протеста в зарубежной (преимущественно западной) социологической науке происходит, с одной стороны, в контексте психологических концепций, связанных с исследованием социально-стрессовых состояний, а с другой, в рамках концепций, исследующих социальную аномию, социальные дезорганизации и дисфункции



и направленных на анализ отклоняющегося поведения индивидов, спровоцированного определенными социальными условиями и неадекватным социальным контролем со стороны власти. Политические аспекты феномена протеста, социальной агрессии и насилия рассматриваются как в политической социологии, так и в рамках конфликтологических концепций.

Различные направления изучения протеста и факторов протестного поведения сначала весьма слабо согласовывались между собой, а то и вовсе противоречили друг другу. Однако впоследствии наметилась тенденция взаимовлияния и сочетания различных, зачастую противоположных исследовательских подходов. Именно поэтому, целесообразно полагать конструктивным для отечественной социологической мысли использование зарубежного эвристического арсенала для формирования комплексных методологических моделей, в рамках которых происходил бы синтез различных концепций и парадигм.

С этой точки зрения значимым направлением дальнейшей разработки концептуальной схемы массового социального протеста является совмещение следующих теоретико-методологических установок.

Прежде всего, необходимо опираться на появившуюся в рамках социологии общественных движений в 70-е годы XX в. теорию мобилизации ресурсов, предложенную Ч. Тилли, С. Тэрроу, Н. Смелзером. Они раскрывали механизм протеста на основе парадигмы коллективного действия, в рамках которой протест определяется как совместное действие людей, объединенных общими интересами, направленное против власти или ее представителей [4]. Кроме того, рациональным представляется опора на получившую широкое распространение в 70-е годы XX в. в западной социологии концепцию относительной депривации, представленной С. Стауффером, М. Мертоном и В. Руинсиманом. Под депривацией понимается субъективное ощущение недо-

вольства по отношению к условиям своего существования в настоящем [5].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что теория относительной депривации является конструктивным методологическим инструментом, посредством которого можно объяснить каким образом социальное неравенство может быть как предпосылкой, так и объективным условием массового протестного недовольства. В нынешних условиях мультипликация всех кризисных составляющих в условиях коронавирусного локдауна приводит к глубоким социально-экономическим последствиям, еще больше увеличивая разрыв между богатыми и бедными. С учетом вышеизложенного, неудивительно, что оправдались сделанные в мае 2020 г. социологические прогнозы о росте протестных настроений [6].

В ракурсе социально-психологической парадигмы социального протеста весьма показательными стали массовые манифестации в Хабаровске в июле-августе 2020 г. Очевидно, что нарастание недовольства произошло в результате наложения различных видов социально-экономических ограничений, испытываемых определенными социальными группами, на психологическую усталость населения, что реализовалось в массовом протестном поведении. С точки зрения определения субъектов актуального массового протеста, следует отметить, что к ним, прежде всего, относятся подверженные сильнейшей депривации слои населения, утратившие в условиях режима самоизоляции работу и сбережения. В числе этих слоев множество наемных работников, самозанятых, представителей среднего и мелкого бизнеса, части интеллигенции, студенчества.

Факторы возникновения массового протестного поведения депривированных групп в рамках концепции мобилизации ресурсов объясняются влиянием лидеров и формируемых движений. Однако, такой подход не применим при объяснении того, каким образом слои населения, составляющие социальную базу протеста, могут артикулировать

посредством него свое недовольство при практически полном отсутствии политических и информационных ресурсов. Собственно, это и наблюдалось во время массовых протестных акций в Хабаровске летом 2020 г., характеризовавшихся отсутствием централизованного управления и высоким уровнем самоорганизации. Действительно, трудно адекватно объяснить механизм возникновения децентрализованного массового протеста в условиях полного «обнуления» партийно-политической жизни в Хабаровском крае, достигшего своего апогея как раз к началу массовых протестных акций в Хабаровске (начавшихся 11 июля 2020 г.).

По меткому наблюдению известного хабаровского публициста К. Бубона, «хабаровские протесты обнажили и очень ярко проявили давно известную российскую беду: в стране отсутствуют структуры и институты, которым люди могли бы искренне доверять. Даже самое мирное и доброжелательное проявление общественной активности, даже самое рассудительное проявление гражданами их собственного мнения повергает имитационные псевдо-«политические» партии в состояние глубочайшего паралича»<sup>1</sup>. Показателен в этом отношении пример ЛДПР как «правящей партии», голос которой так и не прозвучал на хабаровских улицах и площадях. Во всем городе за почти месяц массового протестного движения не появилось ни одного ее партийного флага. Между тем, в Законодательной думе Хабаровского края эта партия имеет двадцать восемь мандатов из тридцати шести (для сравнения – у «Единой России» – два мандата, у «Яблока» – один). В составе городских дум крупнейших городов края – Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре – с осени 2019 г. только пред-

ставители ЛДПР. Политические партии полностью проигнорировали массовые митинги и демонстрации, никоим образом, не имея к ним ни малейшего отношения в качестве мобилизационной структуры. «А ведь именно эти митинги могли бы позволить им набрать себе настоящий актив, который состоял бы из деятельных людей. Только, как оказалось, партии в этом вовсе не заинтересованы... Если партии не способны привлечь людей к сотрудничеству с собой, то какие возможности остаются у граждан для их участия в общих делах?»<sup>1</sup>.

Таким образом, поскольку ни один лидер и ни одна политическая партия так и не стали факторами мобилизации протестного поведения хабаровчан, их массовый протест характеризовался самоорганизацией. На наш взгляд для того, чтобы адекватно отобразить истинную картину возникновения такого рода протеста, следует учитывать сложную взаимосвязь микро- и макроуровня протекания социальных процессов и формирования социального поведения. Между тем, по мнению американского социолога М. Грановеттера, фундаментальный недостаток современной социологической теории в том и состоит, что она не может удовлетворительным образом связать взаимодействия микроуровня со структурами макроуровня. Конечно, достаточно полно исследованы такие макрофеномены, как социальная мобильность, организация сообщества и политическая структура, а также существует множество полезных теорий, в которых исследуется микроуровень социальной жизни. Однако, «при этом, в большинстве случаев от нас всё же ускользает понимание того, как взаимодействие в малых группах приводит к формированию макроструктуры» [2].

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным для раскрытия природы самоорганизации массового протеста обратиться к рассмотрению феномена социальных сетей. Их возникновение предсказывали классики социологии Э. Дюркгейм и Ф. Тен-

<sup>1</sup> Бубон К. В стране политических нулей. Протестующими в Хабаровске не заинтересовалась ни одна партия // Новая газета. 2020. URL: [https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/10/86602-v-strane-politicheskikh-nuley?utm\\_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm\\_campaign=dbr](https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/10/86602-v-strane-politicheskikh-nuley?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr) (дата обращения 12.09.2020).



нис в своих работах по изучению социальных групп, а также Дж.Л. Морено в контексте исследования социальных связей с применением понятие «социограмма» [8]. Само по себе понятие «социальная сеть» вошло в оборот в 1954 г. благодаря британскому социологу Дж. Барнсу, который заключил, что размер социальной сети вокруг одного индивида составляет примерно 150 человек [14]. Российские исследователи Д.А. Губанов, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили интерпретируют социальную сеть как социальную структуру, включающую множество индивидуальных или коллективных агентов и определенного на нем множества (совокупности) отношений, связей между агентами [3].

Сеть как социальная структура характеризуется особым типом связей между позициями индивидов, объектами и событиями, которые отбираются в зависимости от целей построения сети. Сетевая структура является при этом совокупностью связей между акторами. При этом одни акторы могут быть связаны друг с другом сильнее, чем другие. Если говорить о таком типе сетей как вертикальные, то они характеризуются строгой иерархией акторов. Что касается горизонтальных социальных сетей, то они существуют в виде объединения социальных индивидов приблизительно равного статуса [8].

Данные характеристики социальных сетей необходимо учитывать в контексте рассмотрения социального взаимодействия в глобальной интернет-сети термин «социальная сеть» впервые применил Т. О'Рейли в середине 2000-х гг.<sup>2</sup>

Социальные сети в Интернете обладают следующими свойствами:

- 1) отображение символа индивида в социальной реальности;
- 2) установка на информационный вектор социального взаимодействия между акторами на основе удаленного доступа;
- 3) облегченность поиска акторов сети в режиме онлайн;

4) возможность мгновенного добавления в свой социальный круг по принципу наличия либо реальной, либо опосредованной связи или по принципу схожести интересов;

5) обсуждение в онлайн-режиме различных фактов, событий, проблем, являющихся информационным субстратом – интернет-контентом.

Следует также дополнить, что социальные интернет-сети дают возможности для:

- взаимного контроля между своими акторами;
- формирования социальных кругов, групп и объединений по интересам;
- открытия или закрытия доступа к личной и групповой информации (например, закрытые группы в соц-сетях – ВКонтакте, Instagram, мессенджерах – Telegram, WhatsApp, Viber).

Таким образом, социальные сети, формирующиеся в открытом информационном пространстве, имеют значительное количество черт, свойственных социальной сети как социальной структуре. При этом спецификой виртуальных сетей является то, что статус ее актора как социального субъекта не играет роли в процессе информационного взаимодействия. Чего нельзя сказать о реальном общественном пространстве, в котором поведение актора сетей ограничивается рамками его социального статуса, предписывающем ему набор определенных социальных ролей.

С точки зрения разработки методологического анализа протестной самомобилизации, рационально, наш взгляд, рассматривать ее в рамках следующей схемы: потенциал протеста – установка на протест – мобилизация протеста.

1. Общественное мнение как протестный потенциал. С. Фургал (кандидат от ЛДПР) был избран на пост губернатора Хабаровского края, набрав 69,57% голосов от общего числа, проголосовавших в ходе голосования, которое само по себе являлось протестным. Это в значительной степени было обусловлено негативным отношением

<sup>2</sup> O'Reilly T. What Is Web 2.0.2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 17.09.2020).



ем большинства избирателей региона к бывшему губернатору и политической элите края, которая была сформирована преимущественно из выдвинутых «Единой России». Их управленческая и законодательная деятельность не воспринималась положительно с точки зрения эффективности решения региональных проблем. Критическая масса протестных представлений, оценок и суждений в немаловажной степени образовалась, в том числе и за счет негативного отношения к продвигаемой руководством страны пенсионной реформе, что окончательно переломило ситуацию в ходе второго тура голосования на губернаторских выборах в пользу кандидата от оппозиционной «Единой России» ЛДПР.

Деятельность победившего на выборах С. Фургала в должности руководителя региона снискала поддержку широких слоев населения. На наш взгляд, причиной этого явилось то, что в глазах общественности в лице нового губернатора персонифицировался долгое время не удовлетворяемый запрос на доброжелательный, человечный образ высокопоставленного представителя власти, лишённого чиновничьего высокомерия и открытого для диалога с рядовыми гражданами. Такой положительный имидж возник в результате ряда предпринятых С. Фургалом популистских действий, которые весьма эффективно способствовали удовлетворению общественного запроса на социальную справедливость. Например, к ним можно отнести известные меры по сокращению расходов на содержание региональных управленческих структур, широко известные «публичные порки» чиновников и руководителей предприятий и организаций, связанные, например, с «выравниванием» питания школьников в начальных классах, с инспекцией хода строительства социальных объектов в Комсомольске-на-Амуре, с поездками по районам Хабаровского края, решением проблемы обманутых дольщиков. Весьма популистский характер, на наш взгляд, носит Распоряжение губернатора Хабаровского края от 31 ок-

тября 2019 г. «Об установлении запрета на 2020 г. на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Хабаровского края, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности»<sup>3</sup>.

Таким образом, в общественном мнении хабаровчан, сложившемся за более чем полтора года, сформировалось стойкое представление о народном губернаторе, который честно и добросовестно работает на благо населения края. Причем, весьма распространёнными в общественном мнении стали суждения о воспрепятствовании его деятельности со стороны политических кругов, связанных как с федеральным центром, так и местными элитами, ассоциирующимися с «Единой Россией» и бывшей краевой властью.

2. Установка на протестное поведение. На основе вышеуказанного протестного потенциала сформировалась вполне определенная предрасположенность к реализации массового недовольства арестом С. Фургала. В числе основных факторов, послуживших этому, можно указать накопившуюся социально-психологическую напряженность в условиях локдауна (самоизоляции), вызвавшую потребность в разрядке в форме выплеска негативной энергии. Также следует учесть готовность к протестным действиям подверженных депривации широких слоев населения, у которых снизились доходы, утратились сбережения, а у некоторых и рабочие места. Немаловажное значение имеет и то, что значительная часть общественности не имеет другой возможности самовыражения, кроме массового протеста, в плане артикуляции своего социального недовольства, что вызвано, как уже упоминалось выше, полным «обнулением» региональной партийно-политической жизни. В условиях пандемии чрезвычайно востребо-

<sup>3</sup> Фургал запретил мигрантам работать на транспорте [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2019/11/10/106722/> (дата обращения: 17.09.2020)



ванной оказалась человечность, взаимоподдержка и социальная солидарность, что также явилось одним из факторов предрасположенности к протестному поведению. Чрезвычайно жесткое задержание 9 июля 2020 г. популярного губернатора по подозрению в совершении им тяжких преступлений пятнадцатилетней давности наложило на огромное недоверие к власти, что, собственно, и стало триггером массовых протестных выступлений в Хабаровске. В глазах общественности это событие позиционировалось как пренебрежение властями свободного волеизъявления народа в сочетании с полным отсутствием четкой доказательной базы инкриминируемых С. Фургалу деяний. Готовность к протестной реакции, таким образом, была обусловлена сочетанием объективных и субъективных предпосылок, дающих основание полагать, что массовые протестные акции в Хабаровске – это объективированное общественное мнение.

3. Мобилизация протеста (самомобилизация протестных масс). Массовые уличные шествия и митинги были зафиксированы, начиная с 11 июля и по настоящее время, в основном по выходным дням. Пиковыми днями массового протеста с точки зрения количества участников были 11 июля, 18 июля, 25 июля. По некоторым оценкам, 18 июля 2020 г. на центральную площадь и улицы Хабаровска вышли от 40 до 60 тыс. протестующих (при численности населения города – 620 тыс. человек)<sup>4</sup>. Центром мобилизации массового протеста стали социальные сети в Интернет пространстве, что стало подтверждением эффективности «силы слабых связей», на что указывал М. Грановеттер еще в начале 1970-х гг. Оказывается, что внутри социальных сетей слабые связи имеют гораздо большее значение, чем сильные, поскольку через первые информация

«просачивается» быстрее. Это происходит, по его мнению, из-за того, что слабые связи «важнее для отдельных пользователей при их «вливании» и взаимодействии в сообществе, тогда как в результате сильных связей образуется тесная локальная группа» [16]. Массовая сетевая структура способствовала «разливу» по коммуникационным каналам информации о месте и времени протестных акций. Естественно, что данный механизм сработал в силу того, что в значительной степени общественность уже была консолидирована, благодаря сложившимся в ее мнении оценкам и суждениям.

В задачу статьи не входит углубленный анализ динамики протекания массового протеста. Однако, с высокой степенью вероятности можно полагать следующее: сила «слабых связей» наиболее эффективна на начальной стадии массового протеста, выполняя функцию мощного фактора самоорганизации. В дальнейшем эта сила ослабевает в виду того, что перенос виртуального сетевого взаимодействия на реальное не приводит к преобразованию обезличенности, анонимности, размытости ответственности в «сильные связи», необходимые для образования «тесного» протестного движения. В условиях реального социального взаимодействия «слабые связи» становятся еще слабее, поскольку точечные задержания, аресты, административные наказания и угроза уголовной ответственности только усиливают автономность акторов сети, их разобщение.

Поскольку массовые акции – это единственная возможность выражения социального недовольства, задержание С. Фургала представляется скорее триггером самомобилизации протеста. Децентрализация обусловила массовую «атомизацию» протеста, что проявилось в абсолютно различных лозунгах, под которыми шли протестанты. Именно в данном обстоятельстве и кроется причина размытости того общественного дискурса, без которого невозможно длительное и устойчивое воспроизводство массового протестно-

<sup>4</sup> Математика с DVhab.ru: сколько человек на самом деле участвовало в субботнем митинге в Хабаровске [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dvnovosti.ru/furgal/2020/07/20/117594/> (дата обращения: 17.09.2020)



го движения. Самообилизирующийся массовый протест малоперспективен, так как он не институционализирован в виде общественного движения, способного формулировать цели и задачи требуемых социальных изменений.

Между тем, властное противодействие массовому протестному активистскому движению оказалось довольно эффективным именно в силу его институционального характера. Во-первых, градус протеста был в известной мере снижен благодаря назначению 20 июля 2020 года В. Путиным вместо С. Фургала временно исполняющим обязанности губернатора Хабаровского края М. Дегтярева, который является однопартийцем С. Фургала по ЛДПР, а значит не выглядел как фигура, враждебная по отношению к экс-губернатору. Во – вторых, вскоре после своего приезда в Хабаровск, М. Дегтярев объявил о создании Народного Совета при Губернаторе Хабаровского края, как общественного объединения, предназначенного для конструктивного взаимодействия населения и власти в решении как текущих, так и стратегических вопросов развития региона. В-третьих, в Хабаровском крае были назначены на 23 сентября 2021 года выборы губернатора края, перед которыми в течение года М. Дегтярев на посту врио губернатора смог добиться при поддержке федерального центра значимых результатов в решении социально-экономических проблем региона. В совокупности все вышеперечисленные составляющие контрпротестного процесса способствовали размыванию потенциала массового протеста путем вытеснения и без того слабого протестного дискурса из общественно-политической повестки Хабаровского края.

Институционализации контрпротестного процесса способствовало и то, что протестный потенциал существенно ограничен наличием довольно значительных групп населения, которые не понесли особых потерь в процессе эскалации пандемии. Несомненно, что существенных убытков не потерпели группы, задействованные в крупных

государственных и частных компаниях в сферах энергетики, нефтегазового комплекса, банковского дела, продовольственных торговых сетей, ЖКХ. Стабильным остается положение среднего и высшего звена управленческого аппарата региональной и муниципальной власти, а также личного состава силовых структур, правоохранительных, надзорных и контролирующих органов, подведомственных федеральному центру. Кроме того, в регионе в значительной степени представлены бюджетозависимые слои (преподаватели и сотрудники федеральных вузов, педагоги средних и дошкольных образовательных учреждений, врачи, медсестры, сотрудники краевых и муниципальных предприятий), заинтересованные в стабильном заработке и надежной карьерной траектории.

С вышеизложенным согласуются результаты губернаторских выборов в Хабаровском крае в сентябре 2021 года. В ходе трехдневного голосования выявились предпочтения значительной части бюджетников, государственных служащих, пенсионеров, а также самозанятых слоев населения, распределенных на различные группы электората по отношению к действующей власти. Явка на выборы составила 43,82% от общего числа избирателей, что сопоставимо с числом голосовавших во втором туре на выборах губернатора 2018 г., когда был избран С. Фургал. Согласно заявлению, краевой избирательной комиссии, за кандидата от ЛДПР М. Дегтярева проголосовало 56,81% избирателей, за М. Ким, представлявшую СРЗП (Справедливая Россия – за правду) отдали голоса 25,39% избирателей, за В. Парфенова (Партия пенсионеров) – 10,02% голосовавших [1].

Таким образом, подведен своеобразный итог годового взаимодействия протестных и контрпротестных тенденций в Хабаровском крае. С одной стороны, отчетливо наблюдается затухание массового протестного поведения, практически полное вытеснение протестной повестки из регионального



общественно-политического дискурса. С другой стороны, судя по итогам губернаторских выборов, стихийный массовый протестный потенциал в виде более чем 35% избирателей, проголосовавших фактически против избранного подавляющим большинством губернатора, сохранился на уровне общественного мнения. В условиях долговременного, затянувшегося на неопределенный срок коронакризиса происходит постоянное воспроизводство социально-психологической напряженности. Провоцируемая общественными противоречиями, она по-прежнему является предпосылкой самомотивации массового социального протеста на основе сетевой коммуникации в открытом информационном пространстве. В сложившейся ситуации власти можно только пожелать избегать ошибок в социально-экономической и внутренней политике, быть более внимательной к общественным настроениям, дабы предупредить трансформацию негативной энергии в общественные потрясения.

### Литература

1. Васюкова Е., Судаков Д., День выборов по-хабаровски // Хабаровский экспресс. 2021. № 38. С. 2.
2. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Сентябрь 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50. URL: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc\\_t10\\_n4.pdf](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf)
3. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010. 228 с.
4. Гусейнов А. Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 82–96.
5. Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономика и социальные перемены. 2013. № 4 (116). С. 3–12.
6. Костиков В. Перечитывая Ильича. Почему у многих в России нарастает ощущение несправедливости // Аргументы и факты. 2020. № 26. С. 5.
7. Лебон Г. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6. С. 119–152.
8. Мельникова М. С., Яковлев И. П. Понятие «социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 9. Вып. 1. С. 254–257.
9. Полюшкевич О. А. Общественное недовольство как форма социального конфликта // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке. Сборник материалов XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020». М.: МГУ, 2020. С. 130–132.
10. Полюшкевич О. А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редакция: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санженикова. Новосибирск, НГУ, 2019. С. 171–174.
11. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
12. Соломатина Е. Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 103–107.
13. Тард Г. Общественное мнение и толпа / Пер. с фр. под ред. П. С. Когана. М.: Изд-во Т-ва типографии А. И. Мамонтова, 1902. 414 с.
14. Barnes J. A. Class and Committees in Norwegian Island Parish «Human Relations», 1954, № 7, 39–58.



15. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society // Stanford: Stanford University Press, 1959. pp. 336.
16. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties. // The American Journal of Sociology. 1973. № 78 (6). pp. 1360–1380.

### METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SELF-MOBILIZATION OF THE Khabarovsk MASS PROTEST

Kim A.S.

Khabarovsk State University of Economics and Law

The article applies methodological analysis of mass protests on the example of the events in Khabarovsk in the summer of 2020. The Author is considering Theoretical and Methodological Approaches to Sociological study of social protest to construct the deployment scheme of self-mobilization of mass movement mechanism. Under the present conditions, protest behavior of deprived groups cannot be explained by the resource mobilization theory, since a social basis of protest can articulate its disaffection without an access to political and information resources. To adequately capture the true picture of a protest, authors have taken into account the complex interrelation of the micro and macro level of social processes; and, thus, turned to the theory of social networks.

**Keywords:** deprived groups, conceptual scheme, self-mobilization, social protest, mass protest, protest behavior, phenomenon of social networks.

#### References

1. Vasyukova E., Sudakov D., Election Day in Khabarovsk style // Khabarovsk Express. 2021. No. 38, p. 2.
2. Granovetter M. The power of weak ties // Economic sociology. September 2009. T. 10. No. 4. P. 31–50. URL: [https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc\\_t10\\_n4.pdf](https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf)
3. Gubanov DA, Novikov DA, Chkhartishvili AG Social networks: models of information influence, management and confrontation. Moscow: Fizmatlit, 2010.228 p.
4. Huseynov A. Sh. The phenomenon of protest behavior // Man. Community. Control. 2012. No. 2. P. 82–96.

5. Demytyeva IN Theoretical and methodological approaches to the study of social protest in foreign and domestic science // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2013. No. 4 (116). C. 3–12.
6. Kostikov V. Rereading Ilyich. Why many people in Russia have a growing sense of injustice // Arguments and Facts. 2020. No. 26, p. 5.
7. Lebon G. Opinions and beliefs of the crowd // Philosophical and sociological thought. 1991. No. 6. P. 119–152.
8. Melnikova MS, Yakovlev IP The concept of “social network” in sociological theories and Internet practices // Bulletin of St. Petersburg State University. 2014. Ser. 9. Issue. 1. P. 254–257.
9. Polyushkevich O.A. Public discontent as a form of social conflict // Traditional and new social conflicts in the XXI century. Collection of materials XIV International Scientific Conference “Sorokin Readings – 2020”. M.: MGU, 2020.S. 130–132.
10. Polyushkevich O.A. Public discontent in the urban space // Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference of Young Scientists in the Field of Humanities and Social Sciences. Editorial Board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persidskaya, A.A. Sanzhenakova. Novosibirsk, NSU, 2019.S. 171–174.
11. Smelzer N. Sociology / Per. from English Moscow: Phoenix, 1994.688 p.
12. Solomatina EN Social protests in the modern world: sociological analysis // Sociology and social work. Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series Social Sciences. 2014. No. 1 (33). C. 103–107.
13. Tarde G. Public opinion and the crowd / Per. with fr. ed. P.S. Kogan. M.: Publishing house of A.I. Mamontov’s Printing House, 1902.414 p.
14. Barnes J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish “Human Relations”, 1954, no. 7, 39–58.
15. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society // Stanford: Stanford University Press, 1959. pp. 336.
16. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties. // The American Journal of Sociology. 1973. No. 78 (6). pp. 1360–1380.



## «Твердое ядро» и «защитный пояс» И. Лакатоса: структура и функции ценностной системы

**Кравченко Альберт Иванович,**

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии МГУ  
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В статье речь идет о методологической теории научно-исследовательских программ Имре Лакатоса. Автор раскрывает ее содержание с точки зрения современных научных достижений и пытается на конкретных примерах показать ее применение к конкретным ситуациям. Позитивная эвристика управляет повседневной деятельностью ученых по открытию новых фактов и закономерностей. Она выполняет роль первопроходца, пионера, разведчика. У негативной эвристики задача иная – защищать от оппонентов и контр-примеров, пытающихся низвергнуть научную теорию с олимпа. Обе они крайне важны для существования любой теории. И если их нет, ни одна теория не станет эффективной и жизнестойкой. Таковы критерии функционирования научной теории в любой сфере знания, которые, как выяснил автор, сегодня вышли за пределы науки и перекочевали в другие области человеческой деятельности, в частности, религию, идеологию, систему ценностей, политику и масс-медиа.

**Ключевые слова:** исследовательская программа, Лакатос, эвристика, защитный пояс, твердое ядро, ценностная система.

С переходом мировой науки на пост-неклассическую стадию развития и сменой эпистемологических ориентиров научного знания предыдущие концепции его организации и структуры не канули в Лету. Не ушел с исторической сцены и постпозитивизм. Разработанные в нем объяснительные модели могут превосходно работать при анализе новых массивов эмпирических данных.

Совершенно неожиданный поворот можно найти в такой знакомой и давно описанной в специальной литературе теме, как научно-исследовательская программа И. Лакатоса. Проведенный нами обзор отечественной и зарубежной литературы не выявил примеры использования его концепции в социологии. Тем не менее, такие возможности, на наш взгляд, существуют.

Попробуем использовать концепцию научно-исследовательских программ И. Лакатоса для анализа структуры ценностей и механизма их взаимодействия в институциональном контексте.

### Описание концепции И. Лакатоса

*Научно-исследовательская программа* – серия сменяющихся теорий, связанных между собой едиными основополагающими принципами. Крупные физические концепции – теория тяготения Ньютона, теория относительности Эйнштейна, квантовая механика – являются такими исследовательскими программами, «каждая со своим упорно защищаемым «твёрдым ядром», с более гибким «защитным поясом» и с выработанным механизмом решения проблем. Каждая из них на любой стадии своего развития имеет нерешённые проблемы и невоскрытые аномалии»<sup>1</sup> (см. рис. 1).

<sup>1</sup> Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // <http://vladshaposhnikov.narod.ru/Lakatos/Lakatos.Science.Rus.pdf>



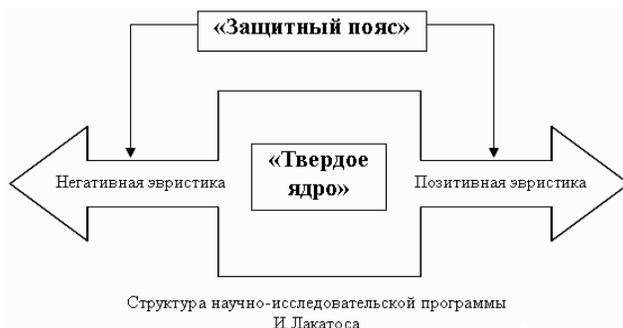


Рис. 1. Структура научно-исследовательской программы И. Лакатоса.

И. Лакатос описывал развитие науки, в отличие от Т. Куна и П. Фейрабенда, как конкурентную борьбу научно-исследовательских программ, состоящих из «твердого ядра» (совокупности априорно принятых фундаментальных положений, которые нельзя опровергнуть внутри программы) и «защитного пояса» вспомогательных гипотез *ad hoc*, которые могут видоизменяться, приспосабливаясь к контрпримерам и аномалиям [1–4].

«Твердое ядро» ньютоновской программы включает четыре строго проверяемых компоненты – три закона механики и закон гравитации – и научную картину мира, объединяющую их в единое целое. Картина мира включает последовательность абстрактных философских положений о том, как устроена физическая реальность, на которой основана вселенная (метафизика программы). По мнению Ньютона, реальность состоит из частиц вещества, которые движутся в абсолютном пространстве и времени в соответствии с тремя известными ньютоновскими законами и взаимодействуют между собой согласно четвертому закону – закону всемирного тяготения.

Можно менять частные законы или теории, подчиняющиеся данной метафизике (картине мира), открывать или вводить новые теории, которые согласуются с этой картиной – с метафизикой ничего не случится. Но если поменять научную картину мира, то от всех частных теорий и законов придется отказаться. Смена «твердого ядра» програм-

мы означает ее смерть, а также смерть входящих в него теорий и законов.

В один и тот же исторический период времени сосуществует несколько разных (альтернативных) исследовательских программ с разными метафизиками. Так, в XVII в. наряду с ньютоновской существовала картезианская программа в механике, метафизические принципы которой существенно отличались от ньютоновских. В истории общества картина выглядит еще сложнее: в один и тот же исторический период времени сосуществуют десятки разных и альтернативных ценностных систем, которые конкурируют между собой, противостоят друг другу, частично пересекаются (совпадают).

И сегодня практически в каждой научной дисциплине – от астрофизики до социологии – существует несколько альтернативных научно-исследовательских программ. Конкуренция между ними, взаимная критика, чередование периодов кризиса и стабильности в науке придают ее динамично развивающийся, успешный статус.

Гибкий «защитный пояс» – линия внешней обороны программы, ее защитные укрепления, строится в соответствии с двумя системами правил: 1) *позитивная эвристика* – стратегия выбора первоочередных проблем и задач, которые должны решать ученые, 2) *негативная эвристика* – указывает, каких путей исследования следует избегать.

Ядро «надёжно защищено от опровержений широким «защитным поя-

сом» вспомогательных гипотез. И, что ещё более важно, исследовательская программа имеет свою эвристику – мощный механизм решения проблем, который позволяет обнаруживать различные аномалии и обращать их в позитивные свидетельства с помощью изолированной математической техники. К примеру, если планета двигается не так, как должна двигаться, ньютоновец выдвигает и проверяет предположения, касающиеся атмосферной рефракции, распространения света при магнитных бурях, а также сотню других предположений, являющихся частью его программы. Он может даже придумать неизвестную до сих пор планету и вычислить её месторасположение, массу и скорость, чтобы объяснить эту аномалию»<sup>2</sup>.

Позитивная эвристика управляет повседневной деятельностью ученых по открытию новых фактов и закономерности: построение программы и анкеты, определение выборочной совокупности, полевое исследование, математическая обработка данных и т.д. Если возникают ошибки, то сторонники данной программы склонны объяснять их неправильным применением математики, неточностью статистической выборки и т.п., нежели порочностью исходных принципов и теоретической модели исследования. От «твердого ядра» отказываются в последнюю очередь, оберегая и защищая его из последних сил.

Для защиты ученые прибегают к множеству хитростей и уловок, составляющих технологию негативной эвристики. Негативную эвристику составляет совокупность вспомогательных гипотез, которые предохраняют «твердое ядро» от фальсификации и опровергающих фактов. Это, собственно говоря, и есть «защитный пояс» программы в узком смысле слова, который принимает на себя огонь критических аргументов [5, с. 32].

<sup>2</sup> Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // <http://vladshaposhnikov.narod.ru/Lakatos/Lakatos.Science.Rus.pdf>

Исследовательские программы И. Лакатос характеризует следующим образом: «У всех исследовательских программ есть «твердое ядро». Отрицательная эвристика запрещает использовать *modus tollens*, когда речь идет об утверждениях, включенных в «твердое ядро». Вместо этого мы должны напрягать нашу изобретательность, чтобы прояснять, развивать уже имеющиеся или выдвигать новые «вспомогательные гипотезы», которые образуют защитный пояс этого ядра; *modus tollens* своим острием направляется именно на эти гипотезы. Защитный пояс должен выдерживать главный удар со стороны проверок, защищая, таким образом, окостеневшее ядро, он должен приспособливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того требуют интересы обороны. Если все это дает прогрессивный сдвиг проблем, исследовательская программа может считаться успешной. Она успешна, если это приводит к регрессивному сдвигу проблем» [3, с. 323].

Если ученым удастся разрабатывать всё более совершенные теории, которые объясняют все большее и большее количество фактов, то научно-исследовательская программа считается успешно (прогрессивно) развивающейся. В прогрессивно развивающейся программе каждая следующая теория должна успешно предсказывать дополнительные факты. В таких ситуациях ученые допускают определенный догматизм в отношении основополагающих принципов. Однако это не может продолжаться очень долго. Со временем эвристическая сила программы начинает ослабевать, и перед учеными возникает вопрос о том, стоит ли продолжать работать в ее рамках [5, с. 32].

Когда научные теории перестают успешно предсказывать новые факты, научно-исследовательская программа считается «регрессирующей», или «вырождающейся». Как правило, она лишь задним числом истолковывает факты, которые были открыты другими, более успешными программами. В подобной ситуации исследователи разрабаты-



вают новую программу или переходят в стан своих конкурентов, придерживающихся прогрессирующей альтернативной программы. Исследовательская программа регрессирует, пишет И. Лакатос, если «ее теоретический рост превосходит ее эмпирический рост, то есть когда она с некоторым успехом может предсказывать новые факты (“прогрессивный сдвиг проблем”); программа регрессирует, если ее теоретический рост отстает от ее эмпирического роста, то есть когда она дает только запоздалые объяснения либо случайных открытий, либо фактов, превосходяемых и открываемых конкурирующей программой (“регрессивный сдвиг проблем”» [3, с. 219–220]. Логика поведения ученых такова, что вырождающиеся теории заняты в основном самооправданием. Иначе говоря, логика поведения отстающих – это логика самооправдания.

В один и тот же исторический период времени сосуществует несколько разных (альтернативных) исследовательских программ с разными метафизиками. Так, в XVII в. наряду с ньютоновской существовала картезианская программа в механике, метафизические принципы которой существенно отличаются от ньютоновских.

В истории общества картина выглядит еще сложнее: одновременно сосуществуют десятки разных и альтернативных ценностных систем, которые конкурируют между собой, противостоят друг другу, частично пересекаются (совпадают).

И сегодня практически в каждой научной дисциплине – от астрофизики до социологии – существует несколько альтернативных научно-исследовательских программ. Конкуренция между ними, взаимная критика, чередование периодов кризиса и стабильности в науке придают ее динамично развивающийся, успешный статус.

Если ученым удается разработать всё более совершенные теории, которые объясняют все большее и большее количество фактов, то научно-исследовательская программа счита-

ется успешно (прогрессивно) развивающейся.

Когда научные теории перестают успешно предсказывать новые факты, научно-исследовательская программа считается «регрессирующей», или «вырождающейся». Как правило, она лишь задним числом истолковывает факты, которые были открыты другими, более успешными программами. В подобной ситуации исследователи разрабатывают новую программу или переходят в стан своих конкурентов, придерживающихся прогрессирующей альтернативной программы. Исследовательская программа регрессирует, пишет И. Лакатос, если «ее теоретический рост превосходит ее эмпирический рост, то есть когда она с некоторым успехом может предсказывать новые факты (“прогрессивный сдвиг проблем”); программа регрессирует, если ее теоретический рост отстает от ее эмпирического роста, то есть когда она дает только запоздалые объяснения либо случайных открытий, либо фактов, превосходяемых и открываемых конкурирующей программой (“регрессивный сдвиг проблем”» [3, с. 219–220]. Логика поведения ученых такова, что вырождающиеся теории заняты в основном самооправданием. Иначе говоря, логика поведения отстающих – это логика самооправдания.

## Универсализация концепции

### И. Лакатоса

На наш взгляд, концепцию научно-исследовательских программ И. Лакатоса можно рассматривать в гораздо более широком контексте, чем это задумывалось ее автором и считается в научной литературе. На наш взгляд, И. Лакатос обнаружил **универсальную объяснительную схему**, применимую к целому ряду социетальных объектов. В нашем случае это **политические государства** и **ценностные системы** (цивилизации, религии, идеологии и т.д.) (см. рис. 2).

## Политические системы

У любого государства существует некое «твердое ядро», которое составляет то,



с чем его идентифицируют другие и благодаря чему оно выживает. По всей видимости, в это ядро входят политическое устройство и политический режим, правительство и парламент, судебная и законодательная система. В «защитный пояс» государства следует включить армию и полицию. Армия и дипломатия защищают страну от внешних врагов, которые стремятся разрушить данное государство, оккупировать его территорию, поработить ее народ, подорвать суверенитет государства, дискредитировать его и т.д. военным (армия) или мирным (дипломатия) путем. Полиция направлена против внутренних врагов, тех, кто организованно (бандформирования) или стихийно (митинги протеста) пытается нарушить существующий по-

рядок, подорвать социальную и политическую стабильность. Армия не только защищает страну, выражаясь научным языком, от фальсификации, опровергающих фактов и критики, но также помогает завоевывать новые территории, добывать природные ресурсы (оккупированных территорий), рабочую силу (рабы, военнопленные), рынки сбыта продукции. Хотя рынки сбыта можно получить вполне мирным путем – развивая эффективную экономику и экспортную политику. Однако практика США убеждает, что без сильной армии и агрессивной внешней политики трудно надеяться на рынки сбыта по всему миру и поддержание сильной валюты. Что идет здесь впереди – армия или экономика – трудно сказать. Возможно, они действуют в тесном союзе.



Рис. 2. Универсальный механизм функционирования научных программ, политических государств и ценностных систем.

Функционирование современных политических образований убеждает нас в том, что без «твердого ядра» и мощного «защитного пояса», включающего позитивную и негативную эвристики, трудно либо практически невозможно построить сверхдержаву и добиться международного успеха. Экспорт демократии по всему миру – это не только экспорт американской системы ценностей. Последняя – лишь продукт, то, что экспортируется, завозится, навязывается другим странам. К этому продукту необходим эффективный механизм. Им служит весь политический комплекс: «твердое ядро» и «защитный пояс», включая хорошо организованные типы «эвристики».

## Ценностные системы

Аналогичная объяснительная схема помогает, на наш взгляд, лучше понять функционирование ценностной системы. Под ценностной системой мы будем понимать духовно-нравственный комплекс, включающий «твердое ядро», «защитный пояс», позитивную и негативную эвристики. «Твердое ядро» обозначает, во-первых, доминирующую в данном обществе культуру, во-вторых, традиционные для данного народа систему ценностей. Доминирующая система ценностей не всегда совпадает с традиционной. В СССР доминирующую систему ценностей (доминирующую, или господствующую культуру) определяла коммунистическая идеология. Она яв-

ляла собой официально признанный, официально защищаемый, в том числе с помощью разветвленной и жесткой цензуры, официально культивируемый (через систему образования в школах и вузах, механизмы пропаганды, каналы СМИ) продукт жизнедеятельности данного типа политического режима. Традиционная ценностная система восходит к историческим корням русского народа, а в провинции – к историческим корням малых народов и не титульных наций. Ее разновидностями следует считать полуофициальную (нехотя признаваемую), неофициальную (с вкраплениями кухонной и бытовой культуры), идеологически препарированную и цензурированную (в виде народных промыслов, праздников, фестивалей) культуры.

Вокруг «твердого ядра» выстраивается «защитный пояс», который включает спланированные действия исполнительной, законодательной и судебной властей по защите и укреплению доминирующей системы ценностей, которая считается общественно полезной, жизненно важной для существования данного народа и государства, легальной. В настоящее время в нее включены элементы религиозных систем ценностей, официальной признанных на территории нашей страны, в том числе православия и ислама. Все элементы и подсистемы доминирующей культуры защищаются законами, пропагандируются в прессе, на радио и телевидении, защищаются от альтернативных ценностных систем, которые прямо или косвенно признаются враждебными – подрывающими нравственные основы народа. В качестве примера можно назвать духовно-нравственные ценности многочисленных сект, контркультур и антикультур (пример – антикультура геев и лесбиянок).

### Идеология как ценностная система

И. Лакатос называет исследовательскую программу марксизма выродившейся. Начиная с 1917 г. марксизм, якобы не смог предсказать ни одного нового факта. Но, заметим, после Октябрьской революции можно говорить о больше-

визме, а не о марксизме, а это не одно и то же. Большевизм – это ценностная система марксизма, специфически понятая русскими революционерами, особым образом истолкованная ими, совсем не в духе Маркса практически ими примененная к таким историческим условиям (оставшая в своем капиталистическом развитии Россия), для которых марксизм не был рассчитан. В.И. Ленин, сказав взгляды К. Маркса<sup>3</sup>, переоценил уровень развития России, полагая, что она в начале XX века обогнала все капиталистические страны, перейдя на стадию монополистического капитализма.

Совершенно справедливо И. Лакатос относит к разряду антинаучных утверждения советских философов и социологов об отсутствии противоречий между социалистическими странами. В том же духе находились у советских идеологов объяснения-оправдания Берлину 1953 г., Будапешту 1956, Праге 1968, русско-китайского конфликта 1973. и в этой критике советской идеологии, представлявшей собой вырожденный тип революционного марксизма, И. Лакатос прав. Однако тот и другой не являются, строго говоря, научно-исследовательскими программами, а потому неверным надо считать применение к ним определения антинаучных. Они представляют собой ценностные системы, цели и задачи у которых совсем иные, чем у научных теорий.

Марксизм, конечно же, «объяснил» все эти неудачи. Он «объяснил» повышение уровня жизни рабочего класса в рамках теории империализма; он «объяснил», почему первая социалистическая революция произошла в промышленно отсталой России. Он «объяснил» события 1953 года в Берлине, 1956 года в Будапеште и 1968 года в Праге [6]. Он «объяснил» советско-китайский конфликт. «Но эти вспомогательные гипотезы были выдвинуты вслед за событиями, чтобы защитить марксистскую теорию от натиска фактов». «В вырожденных программах ...

<sup>3</sup> Подробнее см.: Кравченко А.И. Социология труда: был ли К. Маркс славянофилом? // Социол. исслед., 1996, № 1.с.91–97.



теории разрабатываются лишь для того, чтобы согласовать друг с другом уже известные факты. К примеру, предсказывал ли когда-нибудь марксизм с успехом новые ошеломляющие факты? Никогда! Известны некоторые неудачные предсказания. Предсказывалось, что наступит абсолютное обнищание рабочего класса»<sup>4</sup>.

Более правильным, на наш взгляд, следует считать суждение Бертрана Рассела: «Диалектика – одно из самых фантастических верований, заимствованных Марксом у Гегеля». Марксизм – не разновидность научной теории – или не только разновидность научной теории, – а ценностная система, тип верования. В своей работе «Логика открытия или психология исследования?» [7, с. 20–48] видный специалист по методологии науки Т. Кун приравнивает марксизм и психоанализ к астрологии, поскольку все они не способны решать головоломки и не являются науками. Действительно, ценностная система не является наукой, хотя во многих случаях ведет себя как наука, защищая от опровергающих контр-примеров свои базовые принципы и теоретические положения.

И. Лакатос прав, утверждая: если программа Ньютона привела к открытию новых фактов, то теория Маркса осталась позади фактов, давая адхок-объяснения – вдогонку событиям, после произошедшего. Как научную теорию марксизм можно обвинять еще во многих грехах. Но он выполняет также функцию революционной идеологии и ценностной системы. И в этом своем качестве он, как никакая иная ценностная система, имеется ввиду светского характера, особенно эффективен. За всю историю своего существования под свои знамена он мобилизовал даже не сотни миллионов, а миллиарды новых сторонников. А сколько новых фактов предсказала теория Ньютона?

<sup>4</sup> Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // <http://vladshaposhnikov.narod.ru/Lakatos/Lakatos.Science.Rus.pdf>

Вполне корректно А.С. Колесников утверждает: «Марксизм – это и теоретическая конструкция, и практика, и система мировоззренческих установок, в которых есть исходное ядро и разнообразные идеологические подходы и мифологемы» [8]. Известно множество вариантов или версий марксизма – большевистский, советский, ортодоксальный, ревизионистский, маоистский, марксизм Франкфуртской школы, социал-демократическая версия марксизма, евромарксизм, структурный марксизм, неомарксизм и т.д.<sup>5</sup>. Но никто не знает несколько версий ньютоновской механики. Хотя в XX веке было разработано несколько версий квантовой механики, а в XXI веке появились новые интерпретации теории относительности Эйнштейна. Так что вопрос о том, насколько далеко ценностные системы отстоят от научных программ остается открытым.

Разъясняя свою позицию по вопросу о науке и псевдонауке, ценностях и знаниях, вере и убеждениях, И. Лакатос, сказал: «Многие философы пытались решить эту проблему так: некоторое утверждение становится знанием, если достаточное число людей верит в него достаточно сильно. Но история мысли показывает, что множество людей было полностью предано абсурдным верованиям. Если сила веры является отличительным признаком знания, нам придется расценивать истории о демонах и ангелах, о рае и аде как знание. С другой стороны, учёные всегда относятся скептически даже к лучшим своим теориям. Теория Ньютона – самая продуктивная из созданных наукой на сегодняшний день, хотя сам Ньютон никогда не верил в то, что тела притяги-

<sup>5</sup> См.: Marxism, Communism and Western Society. A comparative Encyclopedia. N.Y.: Herder and Herder, 1972–1973; Althusser L. The Crisis of Marxism. // Marxism Today. 1978. № 9; Derrida J. Specters of Marx. L., NY. Routledge, 1994; Гурко Е. Призраки Маркса // Гурко Е. Тексты деконструкции. Томск. 1999. С. 105–123; Марксизм: pro и contra. М. 1992; Фаркаш Л. Экзистенциализм, структурализм и фальсификация марксизма. М. 1977; Чепуренко А.Ю. Идеиная борьба вокруг «Капитала» сегодня. М. 1988; Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.



ваются на расстоянии. Поэтому никакая степень веры не делает её знанием... Таким образом, утверждение может быть псевдонаучным, даже если оно представляется очень правдоподобным и все в него верят, и оно может быть ценным с научной точки зрения, даже если оно представляется не вызывающим доверия и никто в него не верит... Познавательная ценность теории не имеет ничего общего с её психологическим влиянием на человеческие умы. Вера, приверженность, понимание – всё это состояния человеческого ума. Но объективная, научная ценность теории не зависит от человеческого ума, создавшего или понимающего её. Её научная ценность зависит только от того, насколько её догадки подтверждены объективными фактами»<sup>6</sup>.

Несомненно, вера в объективные факты или в истинность теоретических утверждений не делает их научным знанием. Любое теоретическое утверждение может быть: а) научным, б) псевдонаучным (ложным), в) правдоподобным. Установить его окончательный статус ученому помогает рациональный скептицизм и всесторонняя проверка. Но никак не вера.

Вера необходима там, где речь идет о ценностях. И. Лакатос справедливо утверждает, что «познавательная ценность теории не имеет ничего общего с её психологическим влиянием на человеческие умы». Влияние на человеческие умы жизненно важно для ценностной системы – коммунизма, ислама, либерализма, христианства, феминизма и т.д. Чем больше число их сторонников, чем больше людей, верящих в них, тем сильнее и эффективнее такая программа действий. Ценности свободы, справедливости, равенства воодушевляют миллионы людей непосредственно на практические действия. В этом смысле ценностные системы – это программы прямого действия.

<sup>6</sup> Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // <http://vladshaposhnikov.narod.ru/Lakatos/Lakatos.Science.Rus.pdf>

В отличие от них фундаментальная наука, в том числе наука Ньютона и Эйнштейна, не является, на наш взгляд, программой прямого действия. Она нуждается в посреднике – прикладной науке, совокупности частных физических теорий, переводящих общие фундаментальные категории на язык операциональных понятий и экспериментальных процедур.

### **Базовые и периферийные ценности в российском обществе**

В российском обществе, точнее сказать, его ценностной системе, на наш взгляд, можно выделить обе структурные компоненты – «твердое ядро» и «защитный пояс», т.е. базовые и периферийные ценности. От одних Россия никогда не должна (да и не сможет, ибо они ее суть) отказаться, другие можно менять по обстоятельствам. Кстати, можно на исторических материалах проследить, как менялись наши ценности в течение веков, от чего отказывались. Может так случиться, что Россия – самое динамичное общество на свете. Только в XX веке власть кардинально менялась несколько раз, а с ней и ценностные системы. А нас называют консерваторами. Русский за границей легко приспосабливается к любой системе ценностей так, что в Германии он немец, а во Франции – француз. Но может быть такая переменчивость сослужила нам плохую службу, ибо растащило твердое ядро, размывало его?

Ценностные системы могут трансформироваться таким образом, что неизменным остается «твердое ядро», а изменяющейся частью – «защитный слой». Касаясь истории науки, Т. Кун считал, что «отказ от какой-либо парадигмы без замены ее другой означает отказ от науки вообще» [9, с. 107]. С ним соглашался И. Лакатос: «Не может быть никакой фальсификации прежде, чем появится лучшая теория» [2, с. 56]. Хотя к теории Дарвина ученые прежде и теперь относились по-разному, но дарвинизм никогда не умирал, всегда у него были последователи. Современная эволюционная концепция – синтетическая



теория эволюции – базируется на идеях Ч. Дарвина, соединенных с менделевской концепцией дискретных носителей наследственности.

Перенеся данный тезис – о смерти парадигмы – на общество, можно утверждать, что замена традиционных ценностей российского общества, составляющих на протяжении тысячи лет (с момента крещения Руси в 988 г.) «твердое ядро» его ценностной системы, невозможно до тех пор, пока в народе не сформируется альтернативной программы фундаментальных нравственных ценностей, сопоставимой с парадигмой традиционных ценностей. Вот почему предложение либералов о том, чтобы в одночасье отказаться от советского менталитета, советской системы ценностей, которая продолжает и строится на фундаменте традиционной системы ценностей, и решительно перейти к рыночно-демократической системе ценностей научно не состоятельно. Так еще не происходило ни в одном обществе. Когда погибало «твердое ядро» духовно-нравственной основы нации, погибала и сама нация. Конечно, если на смену старой не пришла новая ценностная система. Однако для ее формирования потребуется не одно столетие.

### **Позитивная эвристика религиозной системы ценностей**

У этой эвристики, как и у другой, главное – *обслуживающая функция*. Положительная эвристика обслуживает «твердое ядро» тем, что она как бы укрепляет стены замка общества, содержит в порядке его инженерную инфраструктуру, внутреннее убранство помещений, проводит необходимые ремонтные работы, а также пристраивает все новые и новые сооружения. Развитие культуры – художественной и бытовой, высокой и бытовой, устной и письменной, охранять памятники культуры и создавать новые – это задача позитивной эвристики. В Москве правительство постановило в течение ближайших лет возвести 200 новых православных храмов.

Здесь входит несколько направлений: паломничество к святым местам для укрепления веры сторонников данной конфессии, приобщение к вере язычников, разработка богословия, уточнение и углубление понятийной системы, связанной с фундаментальными ценностями конфессии и т.д.

Статистика показывает, что прирост христиан, которые составляют треть населения Земли, идет в два с половиной раза медленнее, чем прирост всего остального (не христианского) населения. Среди всех религий число людей, исповедующих Ислам, растет быстрее всего. Ежегодный прирост составляет 24,9 млн человек, 2,1% от числа мусульман или 0,4% всего населения Земли<sup>7</sup>.

Таким образом, конкуренция между двумя мировыми системами традиционных религиозных ценностей идет не в пользу христианских ценностей. В перспективе, если негативная тенденция продолжится, то число сторонников ислама станет максимально большим, а христианства – минимальным либо нулевым. Вторая ценностная система проиграет конкурентную борьбу и сойдет на нет, подобно тому как научно-исследовательская программа у И. Лакатоса проигрывала своим конкурентам, когда количество новых научных открытий прекращалось и парадигма входила в стадию регресса.

Приобретение и потеря верующих – один из показателей *функционирования позитивной эвристики* в религии. Целесообразно различать два процесса – среди неофитов и служителей церкви. Когда в христианской вере разочаровываются рядовые прихожане – это одно. Но когда атеистами становятся бывшие священнослужители – совсем другое дело, связанное с большими, чем в первом случае, потерями для ценностной системы, так как потерянный священник – это потерянная паства и сокращение рекрутирования новообращенных. Исследования показывают, что в США среди бывших священнослужителей немало атеистов.

<sup>7</sup> Источник: <http://www.religions-congress.org/content/view/130/35/lang,ru/>

Многие из них не скрывают своих взглядов и даже ведут активную общественную работу – в частности, помогают пройти психологическую реабилитацию другим бывшим священникам, утратившим веру в Бога [10]. Философ Д. Деннет и социолог Л. Ласкола, искавшие неверующих священников разными путями – через знакомых и коллег, делая сообщения на научных конференциях, обращаясь за помощью к неверующим бывшим священникам, уже вышедшим из «подполья», – обнаружили 8 неверующих священников, из числа которых проинтервьюировали пятерых (по одному от каждой церкви: баптисты, Церковь Христа, Объединенная Церковь Христа, пресвитериане, методисты) [11]. «Пятерых опрошенных священников объединяет уверенность в том, что они представляют собой лишь «верхушку айсберга», хотя никто из них не располагает конкретными фактами, чтобы это доказать... Многие священнослужители отказались от участия в исследовании не столько из-за своей религиозности, сколько из-за расплывчатости формулировок и неопределенности таких понятий, как «верующий» и «Бог». Некоторые говорили, что «не верят в сверхъестественного Бога», но при этом парадоксальным образом не считают себя «неверующими». Кому-то Бог представляется лишь символом или абстрактной идеей, а не чем-то реально существующим... Спектр представлений о Боге очень широк даже у последователей одной и той же конфессии...» [10].

Итак, *размывание ценностей* может происходить сегодня, а, возможно, оно происходило и раньше (необходимых исторических исследований не проводилось), даже у представителей церкви, ее передового отряда, *священнослужителей*.

Сокращение и рост рядов приверженцев той или иной системы ценностей, прежде всего религиозной, без сомнения *нельзя относить к признакам только позитивной эвристики*. Указанное выше исследование провел известный критик религии и член движения Brights Профессор философии и со-

директор Центра когнитивных исследований Университета Тафтса Дэниел К. Деннет<sup>8</sup>. Он читает атеистические курсы лекций также в Гарварде, Питтсбурге, Оксфорде и парижской Высшей нормальной школе. Иными словами, ведет контрпропаганду, выступает как критик и разрушитель традиционной религии. Его деятельность, как и деятельность представителей альтернативных по отношению к христианству религий, скажем ислама или буддизма, следует относить к элементам негативной эвристики. К позитивной эвристике, таким образом, мы должны отнести *содержание* пилотного исследования, а к негативной эвристике – *форму* представления результатов и атеистическую деятельность авторов исследования.

Можно ли считать приведенные данные признаком наступающего кризиса института священничества или самой церкви? А может быть это духовный кризис отдельных личностей? Но возможен и другой вариант интерпретации данных: вера в Бога – сложная духовная практика, требующая постоянного приложения усилий, в том числе молитвенных, и предполагающая не слепое повиновение догматам, а критическую и аналитическую работу ума по их осмыслению и приложению к практической жизни. И у каждого человека свой путь к Богу.

В университете Стэнфорда, расположенном в штате Калифорния

<sup>8</sup> См. переводы работ Д. Деннета на русский: Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Пер. с англ. А.Л. Блинова // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Сост. Грязнов А.Ф. – М.: ДИК «Прогресс-Традиция», 1998. – С. 361–375; Деннетт, Д. Условия присутствия личности // Логос. – 2003. – № 2. – С. 135–153; Деннет Д.С. Фон языка в мышлении // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Хрестоматия. – Барнаул, 2001; Деннет Д. Условия личностного / Пер. Н.С. Юлиной // История философии. № 5. М., 2000; Деннет Д. Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии. – 2001. – № 8; Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / Пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л.Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2004; Денет, Д. Как исследовать человеческое сознание эмпирически / Пер. с англ. Н.С. Юлиной // История философии. Вып. 12. М.: ИФ РАН, 2005 и др.



(США) утверждена необычная должность «священника-атеиста». Его основной задачей является «окормление» студентов-атеистов, агностиков и гуманистов, т.е. тех, кому в этой жизни необходимо все, кроме Бога. 28-летний атеист Джон Фигдор, защитивший работу в «Гарвардской школе богословия», пришел к глубокому убеждению, что студенты-атеисты испытывают страдания от тех же проблем, что и верующие студенты. «Люди в шоке, когда я говорю им, что я атеист, – рассказывает Фигдор, – но студенты-атеисты, агностики и гуманисты сталкиваются с теми же проблемами, что и верующие студенты – болезни, смерть родственников, вопрос смысла жизни и т.д., – поэтому им нужен сочувствующий атеист, с которым они могли бы поговорить». «Священник-атеист» Джон Фигдор также проводит консультации для нуждающихся и посещает больных. Фигдор является одним из 18 «профессиональных лидеров» в Отделе религиозной жизни, обычно работающих с религиозными группами студентов, которые платят им зарплату<sup>9</sup>.

На этом примере мы можем видеть, что выход есть из любого кризиса. Сокращение числа верующих и рост количества атеистов может вовсе не свидетельствовать о духовном кризисе. После кризиса или во время него возникают новые формы организации духовно-религиозной жизни, новые практики и институты, например, «священников-атеистов». Позитивная эвристика религиозной системы ценностей *самовосстанавливается* за счет духовно-нравственных инноваций и новых культурных практик.

Расширение числа *носителей русского языка* в других странах, возвращение соотечественников в Россию – это меры позитивной эвристики, поскольку они направлены на увеличение сторонников русской ценностной систе-

мы. Сейчас в Госдуме на рассмотрении находятся поправки, которые значительно упростят бывшим гражданам СССР процедуру получения российского паспорта.

К мерам позитивной эвристики необходимо отнести ряд мероприятий, которые проводит в последнее время правительство Москвы. Так, в 2012 г.

В помощь мигрантам, приехавшим в нашу страну учиться работать или просто отдыхать, создан интернет-портал «Россия для всех». Новый интернет-ресурс сформирован на базе РИА-Новости. Здесь можно найти подходящую вакансию, обучиться основам русского языка, узнать о предстоящих мероприятиях в столице, ознакомиться с российским законодательством. Также портал предоставляет пользователям возможность быть в курсе последних новостей от национальных диаспор. Информация публикуется на нескольких языках. В том числе на таджикском, азербайджанском и чеченском. Ресурс позволит лучше узнать историю разных стран, познакомит пользователей с многовековыми традициями и послужит укреплению межнациональных отношений<sup>10</sup>.

Много данных по позитивной эвристике РПЦ есть в присланном мне Отчете об исследовании (Научно-исследовательский проект «Духовно-нравственные ценности в современной России»).

### Религия и ее «защитный пояс»

В самом начале христианство формировалось как идеология сырых и обездоленных, бедных, неграмотных. Поэтому Христос излагал свое учение максимально просто. Все процедуры – праздники, исповеди, причастия и т.д. ориентированы не на интеллектуалов. Средневековые стены храмов – каменная летопись Библии – для тех, кто не умеет читать. Изошренная теоретическая часть, теология и прочее возникли позже – для интеллектуалов и борьбы с противниками. Постепенно первая, базовая часть христианства осталась неизменной – она

<sup>9</sup> Источник: <http://www.invictory.org/news/story-43147>; <http://comstol.info/2013/01/obshhestvo/5645>; <http://lifefree.com.ua/novosti/hristianskiy-mir/sluzhenie-svyashhennika-ateista>; <http://www.azan.kz/article/show/id/1620.html>

<sup>10</sup> Источник: M24.RU. 23.10.2012.



проста и доходчива, изложена в Новом Завете. Там нет сложных мировоззренческих вопросов, картины мира, отношения с наукой, сущности троицы и много другого интеллектуального продукта. А вот вторая часть – по существу «защитный пояс» христианства – со временем наиболее усложнился и оброс многочисленной литературой. Ведь надо было сражаться за умы верующих, вести миссионерскую и пропагандистскую деятельность, выступать на диспутах, защищать диссертации, вести исследования и т.п. В итоге «твердое ядро» христианства – малюсенькое, а «защитный пояс» – огромный. Интересно, а как обстоят дела в других религиях?

Почему же такое малое ядро? Христианство и ислам призваны помогать – в традиционном обществе – самой многочисленной, бесправной и бедной части населения, составлявшей от 80% до 90%. Богатых защищало эксплуататорское государство, юристов, ремесленников, купцов и врачей – всевозможные гильдии и союзы. А кто защищал бедняка? Никто. Если бы его кто-то защищал, то он не искал бы утешения в религии, а преспокойно бы жил в гражданском обществе. Богачи сами толкнули бедных в руки христианства. И оно вынуждено было говорить на понятном им языке – языке образов, притч, поучений, жизненных историй, чудесных исцелений, в которые, быть может, интеллектуалы не очень-то и верили. Они даже пытались создать свой собственный, весьма теоретически усложненный вариант христианства – гностицизм. Но в Византии гностиков перевешали – ради большинства населения и спокойствия государства. Единичное было важнее монотеизма.

Итак, маленькое «ядро» – для миллионов людей, огромный «защитный пояс» – для кучки интеллектуалов. Вот парадокс.

**Фундаментализм и ваххабизм** – радикальные формы защиты традиционных ценностей<sup>11</sup>. Они запрещают то,

<sup>11</sup> См.: Дзуцев Х.В., Синелина Ю.Ю. Распространение ваххабизма в республиках Северного Кавказа // Социология, 2013. № 2, с. 103–117.

что разрешает и пропагандирует современному либерализму. Как показало последнее исследование о ваххабизме Х.В. Дзуцева, кавказские народы хотят жить в ширийском государстве, а не в гражданском обществе или светском государстве: «По мнению многих наших экспертов, каждый хотел бы жить там, где родился, с законами, которые вошли в их кровь и плоть. Этот фактор надо учитывать при анализе политической ситуации в регионе. Например, чеченцев депортировали в сококовских годах прошлого века. Затем, когда они стали возвращаться, с ними вернулись внуки, которые не пережили депортацию. Но это абсолютно не помешало тому, чтобы они объединились и начали воевать с Россией. Когда речь идет о религиозных и национальных вопросах, по всей видимости, надо рассматривать и самосознание этноса. Пока оно не изменится, не изменится и мировоззрение. Сколько тысячелетий, по крайней мере два с лишним, евреи кочуют по миру, и их самосознание не меняется! Самосознание этноса – это «нутро», обусловленное определенным образом жизни, поэтому при решении сложных политических задач всегда нужен системный подход» [12, с. 115].

Вот и получается *парадокс*: Кремль все больше тянется к либерализму (взять хотя бы запрет на смертную казнь, вступление в ВТО), а Кавказ – к традиционным ценностям, которые никак несовместимы с либерализмом. То есть Кремль все больше удаляется от Кавказа, а потому его приходится все больше удерживать силой. Для мужчин-мусульман ваххабизм и борьба с неверными является, по словам Х. Дзуцева, «квазивозвратом мужественности»: «Безработица в республиках Северного Кавказа подрывает традиционную гегемонию мужественности и разрушает существующие порядки. Длительная безработица разрушила идеалы общественной жизни: роль мужчины–кормильца семьи деформируется, особенно из бедных республик СКФО РФ, меняется их социальный



статус и для некоторых из них участие в религиозном течении ваххабизма является *квазивозвратом мужественности*. С 80-х годов XX века на Северном Кавказе не был реализован ни один социальный проект, не открывались рабочие места. Экономический спад стал основой религиозного экстремизма» [12, с. 116].

Кто нападает сегодня на церковь? 21 февраля 2012 г. была проведена акция под названием «Панк-молебн «Богородица, Путина прогони!» в храме Христа Спасителя. 17 августа Хамовнический суд Москвы вынес обвинительный приговор трем участницам панк-группы Pussy Riot – Н. Толоконниковой, М. АLEXИНОЙ и Е. САМУЦЕВИЧ. Они были признаны виновными в хулиганстве, получив по 2 года лишения свободы. Участницы панк-молебна, радикальные акции эпатажных групп (Femen), «геростраты», которые срубают кресты и устраивают перформансы у храмов, на стенах церквей.

Кто защищает церковь? «...Православные погромщики музеев, театральных постановок, православные дружинники. Примечательно, что церковные деятели не спешат отмежевываться от православных патриотов, даже напротив – провоцируют критиков Церкви к более антиправославной позиции (которая и сейчас пока крайне маргинальна). Это и первые заявления протоиерея Всеволода Чаплина по панк-молебну, и слова протоиерея Дмитрия Смирнова о том, что убивают людей под влиянием защиты Pussy Riot, и слова архимандрита Тихона (Шевкунова), что девушки из панк-группы – настоящие шахидки»<sup>12</sup>.

### Негативная эвристика в религии

Негативная эвристика выполняет другую *сервисную функцию*. Она защищает «твердое ядро» ценностной системы от внутренних и внешних врагов, т.е. является в одном лице армией и полицией. Все, кто совершает преступные действия в стране, является для ценностной си-

стемы внутренним врагом. С ними негативная эвристика беспощадно борется, а общество создает полицию, суды, использует СМИ для критики и разоблачения тех, кто покушается на моральные устои общества, кто наносит вред основным ценностям и святыням нации.

Действия негативной эвристики в сфере религии разнообразны. К примеру, пародии на Мухаммеда в свое время вызвала широкую волну протестов во всем исламском мире, приверженцы ислама расценили публикации западной либеральной прессы как нападение, а не критику святынь ислама. Другой случай. Группа «Пуси Райт» устроила дебош в Москве в Храме Христа спасителя. Моментально поднялась волна протестов и критики в прессе, Госдума приняла соответствующий закон в защиту святынь любой религии. Когда в Москве проходил парад геев – представителей альтернативной системы ценностей – казаки и православные устроили свой анти-парад с физическими нападениями. То же самое происходит и в Голландии, где соседи расправляются с педофилами, осмеливающимися открыто пропагандировать свои ценности в прессе и на телевидении.

Во Франции 10 апреля 2013 г. Сенат Франции легализовал гомосексуальные браки, решается вопрос о разрешении геям усыновлять детей. Обсуждение законопроекта проходило на фоне массовых акций как сторонников, так и противников законопроекта. В январе 2013 г. в Париже прошла масштабная манифестация против гей-браков, которая собрала от 340 тыс. до миллиона человек. Согласно опросам, в 2012 г. гей-браки во Франции поддерживали 65% граждан Франции, а в январе 2013 г. (после одобрения законопроекта правительством) их количество снизилось до 50%. Согласно социологическим опросам, именно пункт об усыновлении заставил огромное количество людей пересмотреть свое отношение к легализации. Противники законопроекта считают, что он подрывает основы семьи, разрушает концепцию отцовства и материнства. Отныне

<sup>12</sup> Источник: Религия и Закон // <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113732>



понятия «мать» и «отец» предлагается заменить на «родитель А» и «родитель Б». Против разрешения усыновлений выступают Национальный фронт Марин Ле Пен, «Союз за народное движение», а также католическая церковь. В настоящее время в Евросоюзе однополые браки полностью легализованы в пяти странах: в Испании, Бельгии, Дании, Швеции и Нидерландах<sup>13</sup>.

Своими «защитными поясами» мировые религии беспощадно борются друг с другом не столько за правду – она у них разная – сколько за умы и души верующих, жизненно важные, наверное, самый главный ресурс религии. Вот пример того, как ислам словесно уничтожает буддизм: «Я приветствовал, когда талибы расстреляли в Бамиане статуи будд. В исламском мире само понятие «язычества» производится от имени Будды. Слово «Будда» в таких языках как фарси, пушту, турецкий – обозначают просто «идол». Но Запад обожает буддизм. Он даёт им алиби. Буддизм позволяет хомячкам претендовать на духовность и «заниматься душой» будучи, по сути, бесовской падалью. Они обожают Далай-ламу. Буддизм – одна из наиболее опасных форм заблуждения, поскольку эксплуатирует некоторые моменты истины. С ним нет компромиссов. Кроме того, буддисты всегда вели войну против Ислама, и в данный момент осуществляют геноцид мусульман в Бирме (Мьянме). Ахимса в действии!»<sup>14</sup>, – заявил Гейдар Джемаль.

По данным Е.Н. Кофановой, большинство православных и мусульман не готовы защищать свою веру с оружием в руках, если к этому призовут их духовные лидеры (72–76%) или если будут оскорблены вера и религиозные святыни (67–70%). О своей готовности к вооруженному выступлению в защиту веры говорят 17–20% православных и 13–17% мусульман. В их числе заявляют, что «безусловно» готовы к этому,

4–5% православных и 7–8% мусульман. Среди неверующих также большинство (77%) не стало бы проливать кровь ради защиты своего мировоззрения, и только 6% говорят, что готовы к этому [13, с. 98–99].

### Гастарбайтеры и мигранты

Чрезмерно большое их количество угрожает социальной стабильности общества (рост коррупции, межнациональных конфликтов, преступности, социальной напряженности, снижение зарплаты для коренных жителей, безработицы) и размыванию ценностной системы: создаются замкнутые диаспоры, которые не желают говорить на языке страны прибытия, не знают языка, не усваивают культурные традиции, ценности, нормы поведения. Кроме того, из-за социальной незащищенности – отсутствия медицинских страховок – гастарбайтеры нередко становятся распространителями болезней, так как обращаются к врачам только в крайнем случае.

Основную массу мигрантов, приезжающих работать в Россию, составляет молодежь из стран постсоветского пространства. И многие из них плохо говорят по-русски, а также не обладают элементарными знаниями по истории и законодательству.

Для защиты от негативного воздействия миграции Россия принимает ограничительные и запретительные меры: закон о миграции, обязательное знание русского языка. В апреле 2013 г. Госдума одобрила в первом чтении законопроект, обязывающий трудовых мигрантов сдавать экзамен по русскому языку, истории и основам законодательства России. К 2015 г. русский язык обяжут выучить всех мигрантов. О необходимости таких экзаменов было заявлено в указе президента Владимира Путина «Об обеспечении межнационального согласия», который он подписал 7 мая 2012 года. Предусмотрено, что такой экзамен будут сдавать иностранные граждане, обратившиеся для получения обыкновенной рабочей визы либо вида на жительство, а также прибывающие в РФ на работу – когда

<sup>13</sup> Источник: [www.interfax.ru/world/txt.asp?id=300634](http://www.interfax.ru/world/txt.asp?id=300634)

<sup>14</sup> Источник: <http://www.poistine.com/sacral/oskvernenie-svyatyn-i-borba-s-idolami>



требуется не виза, а разрешение на работу или патент. Новые правила помогут иностранцу адаптироваться в России. Это должно уменьшить вероятность возникновения этнических анклавов, а значит, снизить напряженность во взаимодействии с местными жителями и усилить толерантность. Депутаты также надеются на популяризацию русского языка в СНГ<sup>15</sup>. Сложность экзамена позволит уменьшить количество трудовых мигрантов, оптимизировать процессы на российском рынке труда, и освободить дополнительные рабочие места для россиян<sup>16</sup>. Власти Москвы намерены установить порядок, по которому трудовые мигранты смогут приезжать в город только по заграничным паспортам, принимаются другие ужесточение визового режима со странами СНГ.

Другие средства борьбы, профилактики и защиты от нелегальной миграции, входящие в состав **негативной эвристики ценностной системы**, касаются как административно-правовых<sup>17</sup>, так и социально-экономических мероприятий. Так, в 2013 г. мэрия столицы запланировала провести эксперимент по набору дворников из Москвы и ближайших регионов. Сейчас в Москве работают около 400 тысяч мигрантов, а квот для приезжих всего 200 тысяч. По разным оценкам, от 150 до 200 тысяч – это нелегальные мигранты, либо они легально въехали в страну, но приехали в другие регионы, потом переместились в Москву. Для того чтобы эксперимент оказался успешным, среднюю зарплату рабочих-россиян решили повысить до 33,8 тыс. рублей. Между тем как средняя зарплата иностранцев составляет 15–20 тысяч рублей в месяц<sup>18</sup>,

а у гастарбайтеров-дворников в Москве она нередко опускается до 5–7 тыс. Разницу кладут себе в карман руководители ЖЭКов, ДЭЗов и управляющих компаний.

К ограничительным мерам против нелегальной миграции относятся также штрафы на предпринимателей. С начала 2012 г. сотрудники московского управления ФМС взыскивали с работодателей более 400 млн рублей штрафов за незаконных мигрантов. За пределы России с территории Москвы за это время были выдворены 6,5 тысяч мигрантов<sup>19</sup>.

К таким мерам относятся и другие нововведения. Так, с начала 2013 г. российские власти проводят процедуру снятия отпечатков пальцев и обследование здоровья мигрантов. Такие процедуры применяются при оформлении разрешения на работу и продлении его срока действия. Федеральная миграционная служба обяжет это соблюдение мер безопасности<sup>20</sup>.

Однако не все социальные мероприятия следует бесспорно относить к негативной эвристике. Как известно, к 2016 г. в Москве должны построить 11 гостиниц для гастарбайтеров, еще 6 подобных объектов сдадут в эксплуатацию к 2025 г. С одной стороны, улучшение условий проживания мигрантов притягивает в столицу иностранцев, увеличивает миграционные потоки, которые способствуют размыванию фундаментальных ценностей общества, а не их укреплению. С другой стороны, улучшение условий проживания может помочь закрепить мигрантам в столице так, что у них появится мотивация глубже познакомиться с местной культурой, усвоить русский язык, адаптироваться самим и привить своим детям новую систему ценностей.

### Сравнение исследовательских программ и ценностных систем

Проведя анализ научных публикаций, прежде всего в социологических журналах

<sup>15</sup> Популяризация русского языка в СНГ – это элемент позитивной эвристики ценностной системы.

<sup>16</sup> Источник: Газета.Ру. 11.04.2013. Interfax.ru. 10.04.2013.

<sup>17</sup> К ним относится в частности, высылка мигрантов на родину. Количество мигрантов, которых выдворяют за пределы Москвы без права въезда в Россию увеличилось в 2012 г. в два раза (M24.RU. 18.10.2012).

<sup>18</sup> Источник: <http://www.m24.ru/articles/city/job/migrants>

<sup>19</sup> Источник: M24.RU. 27.09.2012

<sup>20</sup> Источник: Мигрант.Фергана.Ру. 08.04.2013.



лах и научных монографиях, посвященных проблеме нравственных ценностей, можно провести следующие параллели между исследовательской программой и ценностной системой:

1. Ценности, как и наука, развивается в ходе конкуренции теоретических конструкций. Между собой системы ценностей конкурируют даже жестче, чем теории в науке. Между собой за умы и сердца людей борются такие ценностные гиганты, как коммунизм, либерализм, консерватизм, социал-демократия, христианство, ислам, западная и восточная цивилизации. А сколько более мелких систем конкурируют за новобранцев – мелкие секты, новые религиозные течения, идейные течения и т.д. Первое, что делает вновь образованное социокультурное или политическое образование, это провозглашает новые ценности и идеалы. Строительство начинается позже, вначале надо заманить к себе людей.

2. Системы ценностей, как и научные парадигмы, трудно опровергнуть, они до последнего борются за свое существование. Так, социализм дискредитировал себя в СССР. Но сами идеи и ценности социализма не погибли, они вновь привлекают молодежь. Умер только советский вариант социализма.

3. Каждая исследовательская программа, как и ценностная система крупного плана, включает в себя множество мелких единиц – отдельных теорий или ценностных подсистем. Вместе они составляют органичное целое и входят в жесткое ядро. В советской системе можно найти множество подсистем, в исламе (классический ислам, фундаментализм, ваххабизм, суннизм и др.). Они могут различаться и даже бороться друг с другом, но когда речь идет о борьбе против общего врага – христианства – они мгновенно объединяются и протестуют против нападков на пророка.

4. Исследовательская программа в науке, несмотря на определенное сходство, отличается от системы ценностей в обществе. Первая ориентирована на объяснение и предсказание но-

вых фактов. Вторая направлена на объяснение и завоевание (рекрутирование) новых сторонников. Ценностная система, в отличие от научной программы или входящих в нее теорий, не может быть истинной или ложной. Она может быть эффективной (много сторонников) или неэффективной (мало сторонников). Она не предсказывает, а убеждает и объясняет то, как устроен социальный мир и почему он несправедлив (нерационален, негуманен, бездуховен). Агентами ценностной системы, т.е. носителями той или иной морали, выступают простые люди, далекие от науки. Если бы они были близки к ней, то никогда, наверное, не поддались, закрыв глаза, идеологии, мистике, секте, религии и другим псевдонаучным (т.е. ложным с точки зрения истинной науки) системам воззрений.

Если спроецировать концепцию И. Лакатоса на современные модели аксиологии, то можно получить вполне эвристичную объяснительную схему: а) строения и структуры, б) функционирования, в) сменяемости, г) развития, д) возникновения и гибели ценностных систем общества.

«Твердое ядро» в смысле Лакатоса – это *базовые ценности*, от которых общество или личность не может отказаться без потери своей сущности. От «ядерных» ценностей отказываются в самую последнюю очередь, но тогда происходят необратимые трансформации с обществом или личностью. Базовые ценности – те, что должно сохранить общество при любых модернизациях, переходах, реформах, обновлениях. Это как учебники в структуре науки, где откладывается самое ценное из нее, неопровержимое, то, чему следует учить новые поколения, то, что не подлежит сомнению как многократно подтвержденное, проверенное, объективное. Это ядро самоидентификации народа. Не путать его с идентификацией страны иностранцами – теми внешними, хотя и характерными для поведения отдельных представителей данного народа за рубежом, чертами, атрибутами, по которым саркастически



отличают один народ от другого: сало для украинцев, водка для русских и т.д.

«Защитный пояс», или внешняя оболочка – *периферийные ценности*. Важные, но дополнительные ценности. Это как текущий фронт исследований в структуре науки – самые свежие и гибкие элементы, появившиеся не так давно, не устоявшиеся, не проверенные временем, не подтвердившие своей нужности. Это гипотетические матрицы. Они выполняют роль защитного слоя, ибо он сбрасывается или меняется в угоду моде, из-за появления новых фактов и ситуаций, опровержения гипотез.

Таким образом, между ценностными системами и научно-исследовательскими программами в духе И. Лакатоса можно обнаружить сходство по форме – социальное поведение, защита жесткого ядра от опровергающих примеров – различие по содержанию: поиск истины и предсказание новых фактов в науке, поиск оправдания и новых сторонников в ценностной системе. Для прояснения сути дела воспользуемся моделью развития науки С. Кули (см. рис. 3).

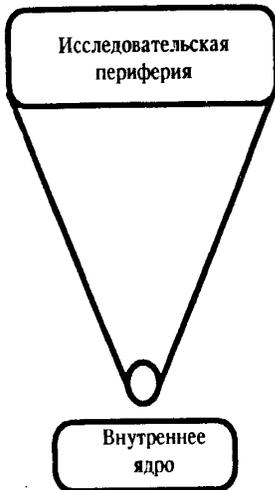


Рис. 3. Структура научного знания по С. Кули

«Внутреннее ядро» в терминах С. Кули включает небольшое число теорий и аналитических приемов, со-

стоящих из фиксированных на данный момент времени элементов. Вокруг «ядра» строится «исследовательская периферия», представляющая собой те исследования, которые в настоящее время ведутся активно работающими в данной дисциплине учеными<sup>21</sup>.

По аналогичной модели устроены многие типы живых организмов, организаций, эффективных систем, а не только система ценностей. Но поскольку она важна для а) выживания общества в течение тысячелетий, б) приспособления к быстро меняющейся обстановке и ответам на вызовы современности, то необходимо тщательно проанализировать ее структуру.

Подходят ли для описания этой проблемы другие понятия – вопрос методологии. Скажем, дает ли нам что-то полезное распространенная типология ценностей. Их можно встретить в литературе великое множество. Д. Пантич утверждает, что «в научной литературе до сих пор зарегистрировано свыше 400 разных определений этого понятия...» [14, с. 24]. Соответственно им построено такое же количество типологий и классификаций ценностей, но нигде не рассматривается их функциональная нагрузка для обеспечения выживаемости и стабильного существования общества или конкретной нации.

## Литература

1. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. Пер. И.Н. Веселовского. – М.: Наука, 1967.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995.
3. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Прил. к кн.: Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001.
4. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект, 2008.

<sup>21</sup> Источник: Кравченко А.И. Социология в схемах и определениях. М., 2013, с. 23–24.

5. Корниенко А.А., Ардашкин И.Б., Чмыхало А.Ю. История и методология науки: Учебное пособие. Томск: Изд. ТПУ, 2002. С. 32.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней [Электронный ресурс]: [http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Philos/Reale\\_ZapFil/Modern/\\_39.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Reale_ZapFil/Modern/_39.php)
7. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3. Проблемы анализа знания. М., 1997. С. 20–48.
8. Колесников А.С. Мировая философия в эпоху глобализации. – Нью-Йорк: Northern Cross, 2009. – 436 с. [Электронный ресурс]: [http://www.abc74.ru/library/details\\_112.html?p=7](http://www.abc74.ru/library/details_112.html?p=7)
9. Кун Т. Структура научных революций М.: АСТ, 2001, с. 107.
10. Марков А. Может ли священник быть атеистом? // <http://wwintspace.net/n-255.html>
11. Daniel C. Dennett, Linda LaScola. Preachers who are not believers (PDF, 140 Kb) // *Evolutionary Psychology*. 2010. V. 8(1). P. 122–150.
12. Дзущев Х.В., Синелина Ю.Ю. Распространение ваххабизма в республиках Северного Кавказа // *Социология*, 2013. № 2, с. 115.
13. Кофанова Е.Н. Религиозна ли мораль? Заметки о современных верующих // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2008. № 4 (88), с. 98–99.
14. Пантич Д. Конфликты ценностей в странах транзисии // *Социс*, 1997. № 6, с. 24.

**THE “SOLID CORE” AND “PROTECTIVE BELT” OF I. LAKATOS: STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THE VALUE SYSTEM**

**Kravchenko A.I.**

Lomonosov Moscow State University

The article deals with the methodological theory of research programs by Imre Lakatos. The author reveals its content from the point of view of modern scientific achievements and tries to

show its application to specific situations using concrete examples. Positive heuristics governs the daily activities of scientists to discover new facts and patterns. She performs the role of a pioneer, pioneer, scout. For negative heuristics, the task is different – to protect against opponents and counter-examples trying to overthrow scientific theory from Olympus. Both of them are extremely important for the existence of any theory. And if they are not, no theory will become effective and viable. These are the criteria for the functioning of scientific theory in any field of knowledge, which, as the author found out, has now gone beyond science and migrated to other areas of human activity, in particular religion, ideology, value system, politics and the media.

**Keywords:** research program, Lakatos, heuristics, protective belt, solid core, value system.

**References**

1. Lakatos I. Proofs and refutations. How the theorems are proved. Per. I.N. Veselevsky. – М.: Nauka, 1967.
2. Lakatos I. Falsification and methodology of research programs. – М.: Medium, 1995.
3. Lakatos I. History of science and its rational reconstruction // App. to the book: Kuhn T. The structure of scientific revolutions. – М.: AST, 2001.
4. Lakatos I. Selected works on philosophy and methodology of science. – М.: Academic Project, 2008.
5. Kornienko A.A., Ardashkin I.B., Chmykhala A. Yu. History and methodology of science: Textbook. Tomsk: Ed. TPU, 2002.S. 32.
6. Reale J., Antiseri D. Western philosophy from the origins to the present day. From romanticism to the present day [Electronic resource]: [http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Philos/Reale\\_ZapFil/Modern/\\_39.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Reale_ZapFil/Modern/_39.php)
7. Kuhn T. Logic of discovery or psychology of research? // *Philosophy of Science*. Issue 3. Problems of knowledge analysis. М., 1997. S. 20–48.
8. Kolesnikov A.S. World philosophy in the era of globalization. – New York: Northern Cross, 2009. – 436 p. [Electronic resource]: [http://www.abc74.ru/library/details\\_112.html?p=7](http://www.abc74.ru/library/details_112.html?p=7)
9. Kuhn T. The structure of scientific revolutions М.: АСТ, 2001, p.107.
10. Markov A. Can a priest be an atheist? // <http://wwintspace.net/n-255.html>
11. Daniel C. Dennett, Linda LaScola. Preachers who are not believers (PDF, 140 Kb) //



- Evolutionary Psychology. 2010. V. 8 (1). P. 122–150.
12. Dzutsev Kh.V., Sinelina Yu. Yu. The spread of Wahhabism in the republics of the North Caucasus // *Sociology*, 2013. No. 2, p. 115.
  13. Kofanova E.N. Is morality religious? Notes on Modern Believers // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2008. No 4 (88), p. 98–99.
  14. Pantich D. Conflicts of values in countries of transition // *Sotsis*, 1997. No. 6, p. 24.

## Формирование дискурса о теле в феминистских исследованиях: «второй пол», субъект в процессе, номадическая субъективность

**Старостина Дарья Антоновна,**

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
E-mail: dasha-sta@yandex.ru

Феминизм в качестве самостоятельного научного направления оформляется в XX веке. Разработка и концептуализация категории тела является фундаментальной проблемой и важным этапом в истории феминизма.

Основоположницей данного направления является известная французская писательница, идеолог феминистского движения, представительница экзистенциального направления в философии Симона де Бовуар. Ее работа «Второй пол» становится фундаментальной для последующего дискурса феминизма. Книга базируется на основополагающей идее С. де Бовуар «Женщиной не рождаются, женщиной становятся», проходящей нитью размышлений через всю работу. Лозунг отражает стремление показать, что женщина не родилась с присущими ей в стандартном понимании чертами и функциями, их навязывает общество. Тело в ее концепции занимает важное место и представляет собой форму существования субъекта в объективном мире. Телесность, представление о ней и ее ощущение выражает различие полов.

Продолжает феминистскую традицию исследования телесности писательница, философ и психоаналитик Юлия Кристева. Ей осуществляется попытка теоретизации связи между разумом и телом, культурой и природой. В настоящей статье также отражен важный вклад Ю. Кристевой в формулирование нового дискурса материнства, демонстрирующего значимость материнской функции в развитии субъективности и культуры.

Уникальный взгляд на трактовку феминизма предложен представительницей постфеминистского направления, итальянским философом Розы Брайдотти. В основополагающей работе «Номадические субъекты» она формулирует проект номадического феминизма. Ключевым в данном проекте становится термин «телесное воплощение», а проблематика различия полов обретает новый характер.

Концепции С. Де Бовуар, Ю. Кристевой и Р. Брайдотти предлагают различную интерпретацию телесности, ее функций, значе-

ния и вносят существенный вклад в становление категории тела в истории феминизма, а также закладывают основу современного политического и культурного феминистского дискурса. Телесность становится структурообразующим звеном в рамках феминистского прочтения реальности.

**Ключевые слова:** феминизм, тело, телесность, гендер, телесное воплощение, номадизм, номадический субъект.



Феминистское направление играет важнейшую роль в современной науке в целом и в изучении категории телесности в частности. Основы данного направления начинают формироваться еще в XVIII в. Они связаны с именами французских философов-просветителей, Вольтером и Ш.Л. Монтескье, которые писали о несправедливой доли женщин и о необходимости включения их в общественную жизнь. XIX век становится временем перехода к действию. С середины XIX столетия образованное женское население (преимущественно в Англии) начинает более активно участвовать в жизни общества. В 1867 году в Манчестере создается «Общество женского избирательного права». Научно феминизм оформляется лишь в XX веке.

Значительный вклад в формирование феминистской парадигмы и, в частности, в изучение тела в рамках данной проблематики внесла известная французская писательница, идеолог феминистского движения, представительница экзистенциального направления в философии Симона де Бовуар (1908–1986гг). Большое количество ее трудов были переведены на русский язык, среди них «Мандарины» [Бовуар, 2005], «Воспоминания благоспитанной девицы» [Бовуар, 2004], «Очень лёгкая смерть» [Бовуар, 1992], «Недоразумение в Москве» [Бовуар, 2015] и др. Но за основу теоретических размышлений данной статьи будет взята одна из самых главных работ французской писательницы – «Второй пол» [Бовуар, 1997], написанная в 1949 г. и принесшая ей мировую известность. Основопологающей идеей данной книги является утверждение Симоны де Бовуар о том, что различие в анатомии мужчины и женщины не делает их разными: в социокультурном аспекте женщина тождественна мужчине [С. де Бовуар, 1997: 18]. Не теряя нить рассуждений, необходимо осуществить отступление и дополнить, что современные исследователи также разделяют позицию относительно отделения физиологической составляющей в данном вопросе. На-

пример, российская исследовательница Татьяна Клименкова в своей работе «Женщина как феномен культуры. Взгляд из России» [Клименкова, 1996] выражает следующую мысль: «основная наша гипотеза состоит в том, что взаимоотношения между полами и анатомические данности – это разные вещи, сводить “половые вопросы” к вопросам анатомическим нельзя, такое сведение – это политическое действие, осуществляемое в интересах определенных групп» [Клименкова, 1996: 3].

Возвращаясь к творчеству Симоны де Бовуар, стоит отметить, что написание «Второго пола» яркий отпечаток наложила уникальная биография писательницы. Рожденную во французской аристократической семье девочку, мать воспитывала глубоко верующей, но в подростковом возрасте Симона решает идти по собственному пути и отказывается от религии и наставлений матери, становясь атеисткой. Годы учебы на философском факультете Сорбонны и знакомство в период подготовки к экзаменам на первую ученую степень с будущим гражданским мужем, французским философом Ж.П. Сартром, окончательно определяют ее дальнейший уникальный путь становления как личности, так и философа.

Являясь представителем экзистенциального направления, Симона де Бовуар утверждала, что мир сам по себе не содержит смысла, а содержанием его способен наполнить только человек. Он и его существование – единственная подлинность бытия [С. де Бовуар, 1997: 6]. Человек – это проект, который складывается из совершенных им поступков и выборов, сформулированных целей и определяемых средств, а его побудителями на жизненном пути являются воля и стремление к свободе. Человек сам создает себя таким, какой он есть. Синтез данных принципов экзистенциальной философии и феминизма не только конструирует фундаментальную линию размышлений работы «Второй пол», но и отражает жизненную позицию писательницы. На основании этого она



формулирует свой знаменитый афоризм: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся» [С. де Бовуар, 1997: 15]. Этой ключевой фразой С. де Бовуар пыталась показать, что женщина не рождается с присущими ей в классическом понимании функциями и чертами характера: их навязывает общество.

В рамках данной статьи особое внимание будет уделено категории тела, имеющей весомую роль в философии французской мыслительницы. С. де Бовуар утверждает, что «тело субъекта представляет собой форму его существования в объективном мире», [С. де Бовуар, 1997: 370] что объясняет, например то, какое значение придают своим мускулам юноши. Отношение к собственной телесности и ее восприятие различно у мужского и женского пола. У девушек тело начинает играть особенно важную роль в период полового созревания. Воспринимаемое ранее как нечто данное и уже завершенное, тело девочки-подростка начинает претерпевать изменения, вызывающие страх и непонимание. Волосы, растущие до этого лишь на голове, появляются на других частях тела, увеличивается грудь, возникает менструация. Начинается процесс «формирования» и «само это слово внушает ей отвращение» [С. де Бовуар, 1997: 347]. Иногда в период полового созревания девочка гордится тем, что превращается в женщину, и положительно реагирует на происходящие в ее теле изменения. Тем не менее, это происходит редко. В большинстве случаев данный переход сопровождается боязнью и отвращением, а иногда даже перерастает в психоз. С. де Бовуар утверждает, что особенно остро этот жизненный этап переживают представительницы женского пола, так как «тело женщины и особенно девушки – это «истерическое» тело в том смысле, что в нем психические процессы неотделимы от физиологических проявлений» [С. де Бовуар, 1997: 370]. Переход на новый жизненный этап является сложным и сопровождается болезненной перестройкой организма. В связи с этим

девушка начинает недоверительно относиться к своему телу, что формирует в ней чувство страха и тревоги и ей начинает казаться, что она нездорова, вследствие чего она действительно заболевает. Женское тело хрупко и подвержено различным физиологическим расстройствам, но как утверждает С. де Бовуар, ссылаясь на мнение врачей-гинекологов, девять из десяти пациенток являются мнимыми больными. То есть, в некоторых случаях недомогания вообще не имеют физиологической почвы, а в других причиной являются психологические травмы. Так французская писательница приходит к выводу о том, что здоровье женщины формируется главным образом ее страхом перед женской участью, а не биологическими особенностями организма.

Телесность мальчиков-подростков также претерпевает изменения, однако их восприятие отлично: «поскольку мальчики с детства привыкли гордиться принадлежностью к сильному полу, то по мере их полового созревания растут и их самоуважение. Они с гордостью показывают друг другу такие мужские признаки, как растущие на ногах волосы, более чем когда-либо хвастают своим половым членом, сравнивают его с другими» [С. де Бовуар, 1997: 355]. Тем не менее, есть нечто общее для обоих полов: в данный период происходит осознание своей телесности и ее значительной жизненной роли. Одним она приносит дискомфорт и рождает чувство страха, а у других вызывает гордость. Проявившееся в период полового созревания чувство важности тела, его роли, ощущения и отношения к нему остается с индивидом на протяжении всех последующих жизненных циклов.

Мужская телесность развивается сравнительно просто и стабильно. С момента рождения и до половой зрелости организм растет равномерно, а к пятнадцати-шестнадцати годам начинается сперматогенез и продолжается до старости. С этого момента, вступая в половую жизнь, осуществляется субъективная трансценденция «он и есть тело».



Восприятие собственного тела женщиной сложнее, так как существует определенная двойственность. С одной стороны, ее тело – бремя: оно причиняет физическую боль, подвержено родовым мукам, ежемесячным кровотечениям, рыданиям, конвульсиям, рвотным рефлексам. Кроме того, оно «подвержено истерике, поскольку его эндокринная система тесно связана с симпатической нервной системой, которая направляет работу мускулов и внутренних органов». Тело не подчиняется ей, оно ее предает. Усложняет отношение женщины к ее телесности зачатие ребенка и беременность. С. де Бовуар утверждает, что, несмотря на отсутствие в большинстве случаев сильных осложнений, сам процесс беременности является испытанием для женского тела и организма: первые месяцы сопровождаются отсутствием аппетита и рвотой, а роды болезненны и опасны. В данный период тело становится хрупким и отчужденным. С другой стороны, не биологической, а скорее эстетической, тело женщины – «это ее гордость, произведение искусства, живая статуя; она его лепит, украшает и выставляет напоказ» [С. де Бовуар, 1997: 697]. Однако погоня за телесной красотой и модой, создающая внешнюю привлекательность, фактически делает женщину еще более бессильной, лишая ее тело способности к трансценденции. История это доказывает. Китайка с перетянутыми ногами едва может ходить, высокие каблуки, корсеты, фижмы, кринолины, панье, призванные подчеркнуть красоту и сексуальность тела, на самом деле делали его еще более слабым.

Рассуждая о телесности, Симона де Бовуар указывает на важный момент, чтобы исключить возможные заблуждения: телесность не ограничивается сексуальностью. Она утверждает, ссылаясь на Ж.П. Сартра и его работу «Бытие и ничто» [Сартр, 2002], что сексуальность не является единственной подлинной основой существования. Человек выстраивает свой «поиск бытия» множеством различных оригинальных способов и сексуальность лишь один

из них. Психоналитики полагают, что самая важная и первоочередная истина человека заключена в его отношениях с собственным телом и с телами ему подобных в пределах общества; однако этим все не ограничивается. «Человек несет в себе исконный интерес к сущности окружающего его природного мира и пытается обнаружить ее в работе, в игре, во всех экспериментах “динамического воображения”; он стремится постигнуть основы своего существования через весь мир в целом, постигая его всеми возможными способами» [С. де Бовуар, 1997: 78]. Например, вырыть яму или замесить глину – такие же «изначальные» занятия, как объятия или коитус. В войне, игре, искусстве и работе обнаруживаются качества, не сводимые к другим. Индивид выстраивает себя как посредством этих качеств, так и посредством эротического опыта. Так, телесность, не идентифицируемая сугубо с сексуальностью, играет очень весомую роль в человеческой жизни.

Логическим завершением работы «Второй пол», отражающей в себе главный тезис С. де Бовуар «женщиной не рождаются, женщиной становятся» [С. де Бовуар, 1997: 15], является глава о независимой женщине. Учитывая всю силу давления мужского господства, проникающего во все общественные сферы, только в активной, производительной деятельности женщина обретает свою трансцендентность. Реализуя свои собственные проекты и жизненные планы, она самоутверждается в качестве реального субъекта, соотнося свою деятельность с достижением поставленных целей. Добываясь экономической независимости и прав, она обретает себя и испытывает чувство ответственности.

Еще одной значительной фигурой в феминистской перспективе исследования телесности является писательница, философ и психоналитик Юлия Кристева (1941 г.р.). Ученицу французского философа Ролана Барта Ю. Кристеву также относят к представителям постмодернистского феминизма. Среди известных работ, переведенных



на русский язык: «Разрушение поэтики» (1967) [Кристева, 2004], «Семиотика» (1969) [Кристева, 2013], «Смерть в Византии» (2004) [Кристева, 2007] и другие. Несмотря на тот факт, что сама Ю. Кристева не относит себя к феминистскому дискурсу, многие представительницы данного направления отмечают ее весомый вклад. Категория телесности также занимает важное место в концепции мыслительницы.

Теории тела являются особенно важным интеллектуальным пластом для феминизма в целом. Это связано с тем, что исторически в гуманитарных дисциплинах тело ассоциировалось с «женским» и определялось как нечто слабое, безнравственное и нечистое. Ю. Кристева осуществляет попытку теоретизации связи между разумом и телом, культурой и природой, психикой и сомой, материей и репрезентацией. Согласно мыслительнице, все значения содержат два элемента: семиотический и символический. Их различие Ю. Кристева развивает в своих ранних работах, включая «*Revolution in Poetic Language*» (Революция в поэтическом языке) [Kristeva, 1984] и «*Powers of Horror*» (Силы ужаса) [Kristeva, 1982]. Первый определяется как телесный двигатель, связанный с ритмами, тонами и движением знаковых практик. Второй, символический, связан с грамматикой и структурой значений. Существование двух данных элементов необходимо в совокупности, так как без символики все значения были бы лепетом, а без семиотики они были бы пустыми и не имели значения.

Рассуждая о различиях двух указанных выше элементов, Кристева подходит к еще одной весомой части своих интеллектуальных рассуждений – феномену материнства, представление которого, в ее концепции, сильно отличается от классически-феминистских, так как формулирование положительных аспектов феномена материнства не является изначально частью интеллектуальной традиции феминизма. Тем не менее, два эссе Ю. Кристевой «*Stabat Mater*» (названо в честь сред-

невековой католической секвенции *Stabat Mater* – «Стояла мать скорбящая») и «*Women's Time*» (Женское время) [Kristeva, 1995] отражают явную принадлежность к «феминистской теории», поскольку фокусируются на роли материнства в построении идентичности женщины и формировании общественной структуры. Ю. Кристева обозначает необходимость формулирования нового дискурса материнства, демонстрирующего значимость материнской функции в развитии субъективности и культуры, так как, по ее мнению, адекватные дискурсы материнства отсутствуют. Единственные доступные для западной культуры дискурсы – это религия, в частности католицизм (который делает мать священной) и наука (которая сводит мать к природе).

Представление Ю. Кристевой базируется на том, что материнское тело связывает природу и культуру. Она пытается опровергнуть существующие стереотипы, сводящие материнство к природе. Даже если мать не является субъектом или агентом своей беременности и родов, это не лишает ее статуса говорящего субъекта, выражающего мнение. Поскольку в этой ситуации женщина выполняет материнскую функцию, у нее нет пола. Анализ Ю. Кристевой предполагает, что до некоторой степени материнскую функцию может выполнять любой – и мужчина и женщина. Фактически, материнское тело оказывается прототипом сверхъестественного, которое «представляет собой и дом и не дом, присутствие и отсутствие в утрате» [Sprengnether, 1990: 232]. Посредством этого, психоанализ стал важнейшим основополагающим моментом, объединяющим отчуждение, смерть и материнское тело. В ее концепции материнское тело предстает в виде двух принципов: «два в одном» и «иное внутри» и становится универсальной моделью для всех субъективных отношений. Как и материнское тело, каждый из нас – это то, что она называет «субъектом в процессе». Будучи субъектом процесса, мы всегда ведем



переговоры о другом внутри себя. Подобно материнскому телу, мы никогда полностью не подчиняемся собственному опыту.

Кристева полагает, что женщина «всегда становится и никак не станет бытием» [Сixous, 1981: 157]. В ее представлении это означает, что, несмотря на то, что женщины имеют определенные цели и могут их достигать (например, свобода аборт и контрацепции, центры ухода за детьми, равенство на работе), используя при этом соотношение себя к категорией «мы женщины» как слоган для достижения данных целей. Однако это лишь поверхность; на более глубоком уровне, как считает Ю. Кристева, «женщины не могут “быть”; это есть нечто, что даже не принадлежит к символическому порядку бытия» [Сixous, 1981: 157] и это объединяет их с другими группами, исключенными из доминантного порядка: этническими, расовыми, сексуальными меньшинствами и т.д. Кристева считает необходимым пересмотр со стороны общества отношения к таким, маргинализированным или подавленным культурой, категориям. В действительности, эти рассуждения являются постлакановскими и выстраиваются в соответствии с утверждением французского психоаналитика и философа Жака Лакана, что «женщина не существует» [Клименкова, 1996: 21]. Это не подразумевает ее физического отсутствия, а указывает на ее непредставленность в культурном человеческом опыте: она существует в культуре только лишь сквозь призму мужского взгляда и мужской оценки.

Многие представительницы феминизма считают понятие «субъект в процессе» полезной альтернативой традиционным представлениям об автономном объединенном (мужском) субъекте. Ю. Кристева осуществила масштабный вклад в разработку феминистского направления, показав значимость категории тела и сформулировав новый дискурс материнства.

Уникальный взгляд на трактовку феминизма предлагает Роза Брайдотти

(1954 г.). Итальянский философ и представительница постфеминистского направления (или постмодернистского феминизма), отличительной особенностью которого является ориентация на использование постмодернистских теорий Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиготара и идей радикального феминизма и постструктурализма. Основопологающей базой постфеминизма становятся темы языка, власти и женщины. Значительное влияние на научную деятельность Р. Брайдотти в рамках указанного направления оказали работы известного французского философа постструктуралиста, ее учителя, Ж. Делеза.

Феминизм воспринимается Р. Брайдотти не просто в качестве самостоятельного направления исследования. Она утверждает, что будущее развитие постклассической философии напрямую связано с теорией и практикой феминизма. В рамках этого, базовой проблематикой творчества Р. Брайдотти становится трансформация современной женской идентичности, отраженная главным образом в работах «Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy» («Модели диссонанса. Женщина в современной философии») [Braidotti, 1991] и «Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory» («Номадические субъекты: Тело и сексуальное различие в современной феминистской теории») [Braidotti, 1994].

Проблема различия полов и ее актуальность базируются на двух фундаментальных основаниях. Во-первых, это роль, которую играла сама категория различия в истории Европы (проявленная, например, в европейском фашизме), а во-вторых, это то специфическое место, которое оно (различие) занимает в феминистской практике (становится ее центром и является источником высокого концептуального напряжения в феминистской теории). Исходным тезисом концепции Р. Брайдотти является утверждение о том, что понятие гендер теряет свой смысл и значимость в современной феминистской теории

и практике. Это объясняется тремя причинами [Брайдотти, 2000: 224–225]:

Во-первых, само понятие гендер подвергается критике ввиду теоретической неадекватности и политической аморфности с позиции различных теоретических направлений.

Во-вторых, кризис гендера как категории феминизма совпадает с изменением исходных феминистских позиций, которые в определенный момент стали бессмысленны.

В-третьих, дискуссия ученых разных стран показала непереводаемость термина гендер и его культурно-специфическую обусловленность.

Данная позиция означает, что различение категорий «пол» и «гендер», образующее один из важнейших принципов англоязычной феминистской теории, не имеет ни политического, ни эпистемологического смысла во многих неанглоязычных западноевропейских контекстах, где вместо понятия «гендер» используются термины «сексуальность» и «различие полов». Однако, как утверждает Р. Брайдотти, многие теоретики отталкиваются от противопоставления понятий «гендер» и «различие полов», но и они не предпринимают попыток написать эти дискурсы в соответствующие культурные контексты.

Отсюда возникает закономерный вопрос: как дать новое описание субъектности женщины, если концепция гендерного дуализма и поляризация полов утратили свою актуальность? Центральной категорией для начала размышлений о данном вопросе становится идентичность, так как является центром сосредоточения различий. Идентичность и телесность объединены прямой связью. Тело образует основу чувства идентичности и служит основным средством поддержки этого чувства [Полякова, 2016: 32].

Феминистские исследования гендерной системы показывают, что субъект занимает различные позиции в разное время и опираются на такие переменные как пол, возраст, раса, класс, стиль жизни. Р. Брайдотти утверждает, что происходят определенные измене-

ния в формировании и конструировании собственного я, которые предполагают создание и описание новых образов в рамках феминистской концепции. Необходимым действием для этого становится «переименовать женщину как субъект... чтобы представить этот субъект как сложную, открытую сущность, входящую в множественные взаимоотношения с другими» [Брайдотти, 2000: 234]. Так Р. Брайдотти приходит к построению ее собственного проекта номадического феминизма. Термин «номадическая субъективность», к которому обращается писательница, разрабатывался ее учителем, Ж. Делезом. Он заменяет классический субъект на «номадическую сингулярность» – «кочующую» единичность, которая противостоит репрезентационным теориям, выступающим служителями порядка и официальных институтов [Кедрик, 2015: 56].

Продолжая разработку теории номадичности, Р. Брайдотти переносит ее в сферу женской субъективности. Образ номады определяется ею через противопоставление образам мигранта и изгнанника. «Быть номадой не означает бездомности или насильственного перемещения; это скорее фигуральное выражение такого типа субъекта, что оставил всякую идею, желание или ностальгию по закреплению. Такая фигурация отражает желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему» [Брайдотти, 2001: 145].

Основополагающей идеей номадического феминизма, таким образом, становится не только критика ложной универсальности субъекта, но и «позитивное утверждение желания женщин заявлять о существовании различных форм субъектности и вводить их в действие» [Брайдотти, 2000: 234]. Цель данного проекта: ввести реальных женщин в поле дискурсивной субъектности, так как дискурс номадической субъективности призван быть «дискурсом становления». Это становление, в котором женщине было отказано в рамках па-



триархального уклада. Она описывалась как нечто статическое, потому что так легче было воспринимать ее в качестве гаранта сохранности и преемственности традиции, а также гаранта сохранения маскулинной идентичности. Чтобы ликвидировать эту статичность, Р. Брайдотти предлагает воспринимать «различие» как процесс. Различие, трактуемое через процессуальность, становится базой для формирования номадической субъективности. В рамках номадического сознания никакая идентичность не воспринимается как постоянная.

Р. Брайдотти выделяет три фазы, которые не образуют диалектической последовательности и могут существовать параллельно:

1. различие между мужчиной и женщиной;
2. различиями между женщинами;
3. внутренние различия, присущие каждой женщине.

Особое внимание уделяется третьей фазе, потому что в ней отражается сложность воплощенной структуры субъекта. Тело относится к уровню вещественной материальности, субстрату живой материи, наделенной памятью. Продолжая размышления Ж. Делеза, Р. Брайдотти определяет «Я» как «сущность, наделенную идентичностью и укорененную в этой живой материи, чья материальность закодирована в языке и передается с его помощью» [Брайдотти, 2000: 242]. Ключевым термином в концепции номадизма становится «телесное воплощение» (embodiment). Ссылаясь на С. де Бовуар, философ указывает на те потери, которые несут мужчины и женщины за свое положение: первые утрачивают возможность телесного воплощения, в то время как вторые утрачивают субъектность и становятся ограниченными рамками своего тела. Так, в призме данной символической системы мужчины лишаются телесного воплощения, но обретают трансцендентность и субъектность, тогда как женщины наоборот избыточно телесны (overembodied) и как следствие обречены на имма-

нентность. Номадизм подразумевает, что тело шире существующих границ репрезентации и ввиду этого не может быть полностью осознано и выражено.

Концепция номадического субъекта предполагает необходимость действовать на трех уровнях: идентичности, субъектности и на уровне различий между женщинами. Это обусловлено различным положением в пространстве и различными практиками. Данная множественность не целостна, она образует многоуровневую временную последовательность, имеющую разрывы и противоречия. Ввиду обозначенных фактов, для поддержания идеи номадического субъекта, феминистка должна для начала признать тот факт, что она не является единым неделимым субъектом, а представляет собой субъект, расщепляющийся по множественным осям дифференциации, включающим различные формы практики. Р. Брайдотти завершает одну из глав следующей дефиницией: «номадизм – это различие полов, понимаемое как возможность перемены позиции, которую обретают множественные женские, феминистские голоса, имеющие телесные воплощения» [Брайдотти, 2000: 249].

В концепции Р. Брайдотти половое различие – это, прежде всего, политическая и интеллектуальная стратегия, а не философия. Она отвергает политику гендерного равенства с ее ориентацией на симметричное конструирование мужского и женского, считая это дерадикализацией феминистского политического проекта. Мыслительница настаивает на том, что феминистская политика должна развивать маргинальные стратегии неучастия в существующем социокультурном порядке, поскольку это может способствовать деконструкции патриархальной социальной практики [Воронина, 2004: 62]. Такой «интеллектуальный проект» не просто предлагает принять разнообразие различий, но настаивает на создании и репрезентации множественности альтернативных форм феминистской субъективности [Жеребкина, 2000: 189].



Обобщая, необходимо отметить, что в рамках феминистского прочтения реальности, категория тела, несмотря на разность трактовки и выполняемых функций, является структурообразующим звеном феминистских концепций. «Тело» глубоко укоренено в существующей системе гендерного неравенства/различия полов не только с физиологической точки зрения, оно связано с практиками, субъектностью и выстраиванием идентичности.

Обрисовывая современный контекст гендерной проблематики, отметим понятнейшее усложнение и выделение новых категорий. Современные исследователи вводят разделение на [Мельник, Панцеров 2013: 127]:

- физический пол (sex) (биологическое деление на мужчин и женщин);
- социальный пол (gender) (различие женственности (femininity) и мужественности (masculinity), половое разделение труда в социальных институтах и организациях),
- культурный пол – метросексуальность и ретросексуальность.

В середине 90-х годов было предложено деление на основании сексуальной ориентации в отношении пола: на гомосексуалов и гетеросексуалов [Мельник, Панцеров 2013: 127].

Благодаря заложенным в феминистской концепции тенденциям меняются практики повседневной жизни, деятельность общественных институтов, культурные нормы и телесность людей. Это влияет на политические институты, самосознание женщин, на изменение гендерной системы; открываются ранее табуированные темы, и меняется интерпретация и контекст ранее обсуждаемых тем [Королева, 2013: 50].

Одним из следствий обозначенных трансформаций становится формирование политических практик отказа от гендера, ликвидация разделения на мать и отца, бабушек дедушек и т.д. Согласно исследованию<sup>1</sup>, более 12% поколения миллениалов в США

идентифицируют себя как транссексуалов или гендерно-неконформных, и большинство считает, что гендерная идентичность – это спектр, а не бинарность мужчина / женщина. По сравнению с миллениалами взгляды поколения Z на вопросы гендера еще более продвинуты. В США 56% знают кого-то, кто использует гендерно-нейтральные местоимения, а 59% считают, что формы ответа должны включать варианты, отличные от «мужчина» и «женщина». Во всем мире 25% представителей поколения Z задумываются об изменении своей гендерной идентичности хотя бы раз в жизни.

Размывание гендера ведет к размыванию телесности. Она выходит за рамки привычного конструирования: то, что ранее считалось сугубо женским или мужским перестает быть таковым. Смешиваются не только внешние характеристики тела, но и телесные практики, что проявляется в различных сферах общественной жизни, например в культуре.

Попытки включения феминного элемента в мужскую моду, конечно, предпринимались и до этого: мы можем наблюдать данный тренд еще в 1960–70-х годах, когда появились хиппи и глэм-рокеры, но ключевым отличием было то, что мода с элементами феминности у мужчин так и осталась в узком кругу субкультур.

В настоящее время, однако, данный тренд становится частью мировой высокой моды и впоследствии переходит на широкий уровень масс-маркетов. Так, на показах модного дома Gucci в последние годы можно наблюдать модели обоюбого пола, одетых в блузы с бантами, костюмы с принтом цветов. Цветовая гамма также не разделяется на мужскую и женскую. Подобные коллекции присутствуют и в таких известных мировых модных домах, как Louis Vuitton, Givenchy, Valentino и т.д. На уровень масс-маркета данная мода выходит видоизмененной. Это связано, прежде всего, с тем, что на уровне мас-

<sup>1</sup> См: Kenney L. Companies can't ignore shifting gender norms [Электронный ресурс]// Harvard Business Review, 2020.04.08. URL: <https://hbr.org/2020/04/companies-cant-ignore-shifting-gender-norms> (accessed: 16.02.2021).



сового потребления далеко не все индивиды готовы принять настолько радикальные изменения. Ввиду этого наблюдается появление новой категории: унисекс одежды. Это вид гардероба, подходящий одновременно обоим полам.

Смещение происходит не только в области гардероба. Косметологическая и бьюти сферы также претерпевают изменения. Хотя декоративной косметикой пользуется очень маленькая доля мужчин, тем не менее, демонстрация того, что это возможно выходит на массовый уровень. Так, в 2016 году косметический бренд MAC впервые создал мужскую линейку косметики<sup>2</sup>, а в 2017 году лицом марки Maybelline в рекламе туши впервые стал мужчина: американец Мэнни Гутьеррес<sup>3</sup>. Популярность также набирают ютуб-каналы мужчин-блогеров, которые обучают правильным техникам макияжа.

Мужской маникюр в современном мире служит не просто показателем ухоженности и аккуратности рук, но и используется как средство самовыражения. Помимо классического гигиенического маникюра появляется мужской дизайн ногтей с помощью лаков и гель-лаков. Ряд известных современных актеров, таких как Брэд Питт, Крис Хемсворт, Киану Ривз, Джаред Лето и др. делают цветные ногти или ногти с рисунками частью своего повседневного образа.

Смещение происходит не только в одну сторону: женская мода, начинает все больше исключать элементы феминной принадлежности и включать элементы маскулинности. В моду активно входит оверсайз крой (или, как его называют по-другому, крой «с мужского плеча»). Свободные силуэты, спокойные тона и удобство становятся основным трендом. На сегодняшний день

<sup>2</sup> См.: Богомолова Д.М.А.С впервые создал коллекцию косметики для мужчин [Электронный ресурс]// Life, 2016.30.05. URL: <https://life.ru/p/414082> (дата обращения: 18.02.2021).

<sup>3</sup> См.: Лицом косметики Maybelline стал мужчина [Электронный ресурс]//Lenta.ru, 2017.06.01. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/06/lizo/> (дата обращения: 18.02.2021).

модельеры вдохновляются красотой сочетания женского и мужского, намеренно стирая черту между этими понятиями, и все чаще объединяют показы гендерных коллекций.

Относительность и социальная конструируемость гендера и телесности становятся ключевой идеей, основы которой были заложены в теориях феминистских исследовательниц, описанных в данной статье.

## Литература

1. Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб, 2000.
2. Брайдотти Р. Путем номадизма / Р. Брайдотти // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. И.А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
3. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
4. Жеребкина И. Прочти мое желание. – Москва, Идея-Пресс, 2000.
5. Кедрик Т. В. «Визуальный поворот» и современные концепции субъективности. БНТУ, 2015.
6. Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России // М.: 1996.
7. Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 368.
8. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. Москва: РОССПЭН, 2004.
9. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу / Пер. с фр. Э.А. Орловой – М.: Академический проект, 2013.
10. Кристева Ю. Смерть в Византии / Пер. с фр. Т.В. Чугуновой – М.: АСТ, 2007.
11. Мельник Г. С., Панцерев К.А. Гендерное неравенство в социальной практике и массово-информационном дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского универ-



- ситета. Политология. Международные отношения. 2013. № 4.
12. Полякова Н.Л. Идентичность в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.
  13. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто; М.: Терра – Москва, 2002.
  14. Симона де Бовуар. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
  15. Симона де Бовуар. Воспоминания благовоспитанной девицы = Memoires d'une jeune fille rangee / Пер. с фр. М. Аннинской, Е. Леоновой. – М.: Согласие, 2004.
  16. Симона де Бовуар. Мандарины = Les Mandarins / Пер. с фр. Н.А. Световидовой, статья, примеч. Н.И. Полторацкой. – М.: Ладомир, 2005.
  17. Симона де Бовуар. Недоразумение в Москве / Пер. с фр. Н. Хотинской. – Москва: Э, 2015.
  18. Симона де Бовуар. Очень лёгкая смерть / Предисл. Л. Токарева. М.: Республика, 1992.
  19. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000.
  20. Богомолова Д. М.А.С впервые создал коллекцию косметики для мужчин [Электронный ресурс]// Life, 2016.30.05. URL: <https://life.ru/p/414082> (дата обращения: 18.02.2021).
  21. Лицом косметики Maybelline стал мужчина [Электронный ресурс]// Lenta.ru, 2017.06.01. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/06/lizo/> (дата обращения: 18.02.2021).
  22. Kenney L. Companies can't ignore shifting gender norms [Электронный ресурс]//Harvard Business Review, 2020.04.08. URL: <https://hbr.org/2020/04/companies-cant-ignore-shifting-gender-norms> (дата обращения: 16.02.2021).

## FORMATION OF A DISCOURSE ABOUT THE BODY IN FEMINIST STUDIES: THE «SECOND SEX», THE SUBJECT IN THE PROCESS, NOMADIC SUBJECTIVITY

Starostina D.A.

Lomonosov Moscow State University

Feminism as an independent scientific direction was formed in the XX century. The development and conceptualization of the body category is a fundamental problem and an important stage in the history of feminism.

The founder of this trend is the famous French writer, ideologist of the feminist movement, representative of the existential direction in philosophy, Simone de Beauvoir. Her work «The Second Sex» becomes fundamental to the subsequent discourse of feminism. The book is based on the fundamental idea of S. de Beauvoir «Women are not born, women become», which runs as a thread of reflection throughout the work. The slogan reflects the desire to show that a woman was not born with the features and functions inherent in her in the standard sense, they are imposed by society. The body in her concept occupies an important place and represents a form of the subject's existence in the objective world. Physicality, the idea of it and its sensation expresses the difference between the sexes.

Julia Kristeva, a French writer, philosopher and psychoanalyst of Bulgarian origin, continues the feminist tradition of researching physicality. She makes an attempt to theorize the connection between mind and body, culture and nature. This article also reflects the important contribution of J. Kristeva to the formulation of a new discourse of motherhood, demonstrating the importance of the mother's function in the development of subjectivity and culture.

A unique view of the interpretation of feminism is offered by the representative of the post-feminist movement, the Italian philosopher Rosi Braidotti. In her major work «Nomadic Subjects» she formulates the project of nomadic feminism. The term «embodiment» becomes the key in this project, and the problem of gender differences takes on a new character.

The concepts of S. De Beauvoir, Y. Cristeva and R. Braidotti offer different interpretations of corporeality, its functions, meanings and make a significant contribution to the formation of the category of the body in the history of feminism, and also lay the foundation for modern political and cultural feminist discourse. Corporeality becomes a structure-forming link in the feminist reading of reality.



**Keywords:** feminism, body, physicality, gender, embodiment, nomadism, nomadic subject.

**References**

1. R. Braidotti Sexual Difference as a Political Project of Nomadism // Reader of Feminist Texts. SPb, 2000.
2. R. Braidotti By Nomadism / R. Braidotti // Introduction to Gender Studies. Part II: Reader / Ed. I.A. Zherebkina – Kharkov: KhTSGI, 2001; SPb.: Aleteya, 2001.
3. Voronina O.A. Feminism and Gender Equality. M.: Editorial URSS, 2004.
4. Zherebkina I. Read my wish. – Moscow, Idea-Press, 2000.
5. Kedrick T. “Visual turn” and modern concepts of subjectivity. BNTU, 2015.
7. Klimenkova T. Woman as a cultural phenomenon. View from Russia // M.: 1996.
8. Koroleva, T.A., Women’s movement: genesis and evolution, Vestn. Volume. state unth. 2013. No. 368.
9. Kristeva Yu. Selected Works: The Destruction of Poetics. Moscow: ROSSPEN, 2004.
10. Kristeva Yu. Semiotics. Research on semanalysis / Per. with fr. E.A. Orlova – M.: Academic project, 2013.
11. Kristeva Y. Death in Byzantium / Per. with fr. T.V. Chugunova – M.: ACT, 2007.
12. Melnik G.S., Pantserev K.A. Gender inequality in social practice and mass information discourse // Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships. 2013. No. 4.
13. Polyakova N.L. Identity in modern sociological theory // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2016. No. 4.
14. Sartre, J.P. Being and nothingness; M.: Terra – Moscow, 2002.
15. Simone de Beauvoir. Second floor. Vol. 1 and 2: Per. from French / Common ed. and entered. Art. S.G. Aivazova, comments. M.V. Aristova. – M.: Progress; SPb.: Aleteya, 1997.
16. Simone de Beauvoir. Memories of a well-bred girl = Memoires d’une jeune fille rangée / Per. with fr. M. Anninskaya, E. Leonova. – M.: Consent, 2004.
17. Simone de Beauvoir. Mandarins = Les Mandarins / Per. with fr. N.A. Svetovidova, article, note. N.I. Poltoratskaya. – M.: Ladomir, 2005.
18. Simone de Beauvoir. Misunderstanding in Moscow / Per. with fr. N. Khotinskaya. – Moscow: E, 2015.
19. Simone de Beauvoir. Very easy death / Preface. L. Tokareva. Moscow: Republic, 1992.
20. Reader of feminist texts. Translations. Ed.E. Zdravomyslova, A. Temkina. St. Petersburg: publishing house “Dmitry Bulanin”, 2000.
21. Bogomolova D. M.A.C for the first time created a collection of cosmetics for men [Electronic resource] // Life, 2016.30.05. URL: <https://life.ru/p/414082> (date of access: 18.02.2021).
22. A man has become the face of Maybeline cosmetics [Electronic resource] // Lenta.ru, 2017.06.01. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/06/lizo/> (date of access: 18.02.2021).
23. Kenney L. Companies can’t ignore shifting gender norms [Electronic resource] // Harvard Business Review, 2020.04.08. URL: <https://hbr.org/2020/04/companies-cant-ignore-shifting-gender-norms> (date accessed: 16.02.2021).



## Социальные программы как механизм реализации социальной политики

### **Бекхожаева Айгуль Кожахметовна,**

кандидат экономических наук, доцент,  
Кызылординский университет имени Коркыт Ата  
E-mail: aigulbekhozha@gmail.com

### **Абдишова Гульбахыт Берликовна,**

магистр, Кызылординский университет  
имени Коркыт Ата  
E-mail: gabdishova@mail.ru

### **Темирбекова Эльмира Темирбековна,**

магистр, Кызылординский университет  
имени Коркыт Ата  
E-mail: elya\_81@mail.ru

В статье рассмотрены основные направления социальной политики государства в современных условиях, а также социальные программы, механизмы их реализации, позволяющие обеспечить социальную стабильность государства, общества в целом. Главной целью социальной политики является не только оказание помощи социально уязвимым слоям населения, а коренные изменения в самосознании граждан, обществе, законодательстве, интеграция общества, обеспечение равновесия социальной системы. В статье показано, что основной целью политики государства является охрану здоровья, защиту материнства и детства, инновационного развития всей системы здравоохранения и оказания медицинских услуг. Ситуация коронавирусной пандемии стала причиной пересмотра применяемых моделей социального взаимодействия на новые соответствующие новым реалиям. На современном этапе новой траекторией оказания социальной поддержки населения и социальной политики в целом, одним из показателей социального государства является адресная социальная помощь. В современных условиях очень важным и своевременным является усиление степени доступности всех видов социальных услуг от государства.

**Ключевые слова:** социальная, политика, программа, помощь, социальное государство, задачи, механизмы, социальные услуги.

В своем Послании Президент было отмечено, что Казахстан – социальное государство и всесторонняя помощь гражданам, оказавшимися в трудной ситуации, – один из наших приоритетов [1]. Однако, в то же время в обществе укрепляются патерналистские настроения и социальное иждивенчество [1].

Согласно исследованиям, в стране значительное количество граждан, сознательно эксплуатирующих государственные социальные программы и такая ситуация формирует неправильные установки в общественном сознании [1]. При этом те, кому нужна реальная помощь, не получают достаточного уровня поддержки [1].

Помощь тем, кто оказался в беде является одним из элементов национальной идеи Казахстана.

Однако, согласно исследованиям, существует значительная социальная группа трудоспособных граждан предпочитают получать социальную помощь, социальные льготы. Эта проблеме необходимо исследовать и осуществлять поиск путей ее решения.

Казахстанской независимости и «рождению» самостоятельной страны исполняется 30 лет. Важные бумаги были приняты в начале 1990-х годов, в которых была нормативно закреплена система норм и юридических правил социальной политики.

Отношения внутри социальной сферы отражает суть отношений между государством, предпринимательством и другими сферами и подразделениями. Сейчас, когда в стране и в мире усиливается пандемия коронавируса, особенно четко определяются новые черты и особенности новой социальной системы, новой социальной политики.

В современных условиях, когда общество особенно сильно ощутило на себе груз социальных проблем, столкнулось с ранее неизвестными, особенно актуальными и своевременными яв-



ляются направления, механизмы и инструменты государственной социальной политики, которые можно назвать приоритетными, например, социальное партнерство, основанное на принципах взаимной справедливости и понимании.

Нельзя не отметить, что преобразование социальной сферы протекает не совсем гладко и мягко, время

социальных и экономических реформ и трансформации было очень и очень непростым. Правительством страны были проведены масштабные меры по созданию системы защиты граждан, составляющих малообеспеченные слои.

Политика в сфере социальной, социальная политика является составной частью экономических реформ (рис. 1).



Рис 1. Основные направления социальной политики государства

Социальная сфера, в частности образовательная составляющая, траектория предоставления медицинских услуг, система здравоохранения в целом является важной задачей всей политики государства. Социальные гарантии напрямую зависят от качественной составляющей предоставляемых населению социальных услуг, социальных программ.

Социальное благополучие граждан страны, является качественным показателем, индикатором ее конкурентоспособности, и занимает свое важное место в политике государства.

В основе политики государства в сфере социальной защиты населения и предоставления социальных благ, лежит обеспеченная жизнь и достойная старость всех нуждающихся людей.

Одним из приоритетных направлений социальной политики, оказания социальной поддержки населения страны является адресная социальная по-

мощь. В современных условиях коронавирусной пандемии COVID-19 вопросы обеспечения социальной стабильности и устойчивости приобретают особенно актуальный характер.

Каждый социально незащищенный гражданин страны должен получить адресную социальную помощь, проблема каждого не должна остаться нерешенной и незамеченной, ни один гражданин страны, оказавшийся в трудной жизненной ситуации не должен остаться без поддержки в лице государства. Вот это и есть социальное государство.

Также, значимой целью для государства является охрана здоровья, защита материнства и детства, инновационного развития системы здравоохранения и оказания медицинских услуг.

На современном этапе новой траекторией оказания социальной поддержки населения и социальной политики в целом считается адресная социальная помощь. Адресная социальная по-

мощь (АСП) гражданам, оказавшимся в непростой жизненной ситуации, является одним из показателей социального государства. Так, более 122 млрд тенге. предусмотрено на АСП в 2021 году. В рамках реализации задач по обеспечению адресности, прозрачности, справедливости, а также повышения мотивации к труду, с 2020 года были внедрены новые подходы оказания АСП [4]. Социальная помощь назначается ежеквартально, усилены требования к трудоспособным получателям АСП и институт участковых комиссий, детям из малообеспеченных семей предоставляется гарантированный социальный пакет, например по итогам 2020 года численность получателей составила порядка 936 тыс. человек из 184 тыс. семей, в том числе 600 тыс. детей (64%), 73,5 тыс. многодетных семей» [4].

В 2021 году во исполнение задачи, поставленной Главой государства в Послании народу Казахстана, планируется пилотно внедрить «социальный кошелек», получатели социальной помощи смогут не только приобретать социально-значимые товары или услуги, но и обналичивать полученные средства [4]. Время коронавирусной пандемии показало реально, что необходимо трансформировать существовавшие ранее модели социального взаимодействия на новые соответствующие новым реалиям, например для исключения прямого контакта специалистов центров занятости и населения были внедрена подача заявления на получение АСП через портал Электронного правительства. Также в скорейшем времени планируется усилить этот механизм и полностью перевести процедуру оформления и подачи заявлений через eGov. Хотелось бы также отметить, что за последние два года были запущены во всех регионах страны пилотные проекты по оказанию социальной поддержки государства через так называемый Портал социальных услуг.

В современных постпандемических условиях очень важным и своевременным является усиление степени до-

ступности всех видов социальных услуг от государства. С этой целью в текущем году начнут работать «цифровые центры занятости». В рамках данной задумки необходимо перевести все бизнес-процессы обслуживания в онлайн-формат и до конца года этот показатель необходимо довести до 92% [4]. Все центры занятости планируется активно, эффективно оптимизировать. Назначение пенсий и других социальных пособий можно будет перевести в цифровой формат, данное решение к 2024 году планируется довести до 100% (сейчас 91%), вместе с тем, необходимы утверждения Национального проекта развития продуктивной занятости и массового предпринимательства, при разработке этого документа необходимо проработать новые механизмы занятости населения [4]. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что принимаемый национальный проект заменит программу «Еңбек», которая завершится в этом году. Коронавирусная пандемия, применение новейших инструментов современной информационной системы, цифровизация существенно повлияли на рынок рабочей силы. Большим спросом и востребованностью сейчас пользуются удаленная работа, гибкий график, онлайн-заказы. С учетом этих тенденций необходимо внедрение новых форм занятости для адаптации рынка труда к новым условиям, в этой связи с следует разработать проект с соответствующими дополнениями в действующее законодательство, а также будет продолжена работа по «Дорожной карте занятости-2021» (в планах создать 27 тыс. рабочих мест, в том числе 10,2 тыс. постоянных) [4], [3].

Таким образом, социальные программы нового времени призваны решать вопросы социальной поддержки наиболее уязвимых слоев населения, особенно нуждающихся в помощи государства, сохранить и перевести на качественно новый уровень показатель человеческого потенциала, обеспечить его устойчивое развитие, повысить уровень жизни, в том числе ее качественную составляющую.



## Литература

1. Послание Президента Республики Казахстан Касым – Жомарта Токаева народу Казахстана. Нур – Султан, 21 сентябрь 2021. 4 с.
2. Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Астана, 2015. 6 с.
3. Государственная программа РК «Дорожная карта занятости на 2020–2021годы». Нур – Султан, 2020. 3 с.
4. Защита социальных прав граждан, цифровизация услуг, пенсионная реформа-реализация важных социальных проектов по итогам 2020 года / [Электронный ресурс]. Нур – Султан, февраль 2021. URL: <https://www.primeminister.kz> (дата обращения: 20.10.21).
5. Государственная программа «Цифровой Казахстан». Астана, 2017. 5 с.
6. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // [Электронный ресурс]. Нур – Султан, апрель 2021. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 20.10.21).
7. Государственная программа инфраструктурного развития Республики Казахстан «Нұрлы жол» на 2020–2025 годы. Нур – Султан, декабрь 2020. 3 с.
8. Ишмуратова В.Г. Социальная и стабилизационная функции государства в борьбе с бедностью в условиях трансформационной экономики. // Проблемы современной экономики. 2011. С. 57.
9. Охотский Е.В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат / Е.В. Охотский, В.А. Богучарская // Труд и социальные отношения. 2012. № 5(95). С. 30–44.
10. Социальные аспекты развития Казахстана / [Электронный ресурс]. Нур – Султан, апрель 2021. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32583/>(дата обращения: 20.10.21).

## SOCIAL PROGRAMS AS A MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY

Bekhozhaeva A.K., Abdishova G.B., Temirbekova E.T.  
Korkyt Ata Kyzylorda University

The article discusses the main directions of the state social policy in modern conditions, as well as social programs, mechanisms for their implementation, allowing to ensure the social stability of the state, society as a whole. The main goal of social policy is not only to provide assistance to socially vulnerable segments of the population, but to fundamental changes in the self-awareness of citizens, society, legislation, integration of society, and ensuring the balance of the social system. The article shows that the main goal of state policy is health protection, protection of mothers and children, innovative development of the entire health care system and the provision of medical services. The situation of the coronavirus pandemic has become the reason for the revision of the applied models of social interaction to new ones corresponding to the new realities.

At the present stage, a new trajectory for providing social support to the population and social policy in general, one of the indicators of the welfare state is targeted social assistance. In modern conditions, it is very important and timely to increase the availability of all types of social services from the stat.

**Keywords:** social, policy, program, assistance, welfare state, tasks, mechanisms, social services.

## References

1. Message of the President of the Republic of Kazakhstan Kassym – Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan. Nur -Sultan, September 21, 2021. 4 p.
2. Strategy “Kazakhstan – 2050”: a new political course of the established state. Astana, 2015. 6 p.
3. The State program of the Republic of Kazakhstan “Employment Roadmap for 2020–2021”. Nur – Sultan, 2020. 3 p.
4. Protection of social rights of citizens, digitalization of services, pension reform -implementation of important social projects by the end of 2020 / [Electronic resource]. Nur – Sultan, February 2021. URL: <https://www.primeminister.kz> (accessed: 20.10.21).
5. The state program “Digital Kazakhstan”. Astana, 2017. 5 p.
6. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of



- the Republic of Kazakhstan // [Electronic resource]. Nur – Sultan, April 2021. URL: <https://stat.gov.kz> / (date of reference: 20.10.21).
7. The State program of infrastructural development of the Republic of Kazakhstan “Nurly Zhol” for 2020–2025. Nur -Sultan, December 2020. 3 p.
  8. Ishmuratova V.G. Social and stabilization functions of the state in the fight against poverty in a transformational economy. // Problems of the modern economy. 2011. p. 57.
  9. Okhotsky E.V. The social state and social policy of modern Russia: result orientation / E.V. Okhotsky, V.A. Bogucharskaya // Labor and social relations. 2012. No. 5(95). pp. 30–44.
  10. Social aspects of the development of Kazakhstan / [Electronic resource]. Nur – Sultan, April 2021. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32583> //(accessed: 20.10.21).



# Формы и методы воздействия цифровых технологий на общество

**Куткина Нина Алексеевна,**

старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

E-mail: kutkina.nina@mail.ru

**Назарова Надежда Семеновна,**

старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

E-mail: nazarovans@mai.ru

В статье показано, что современных условиях под воздействием процессов цифровизации происходит трансформация всех сфер общественной жизни, создается особая цифровая реальность. В современных условиях проходит апробацию концепция «Общество 5.0 (суперинтеллектуальное общество)», то есть формируется общество, которое называют ступенью, следующей за информационным обществом. Делается вывод о том, что в самом общем смысле оно представляет собой общество, в котором происходит оптимизация ресурсов не одного человека, а социума в целом через интеграцию физического и киберпространства. С данным обществом связывают цифровую революцию, которая существенно ускоряет развитие процессов автоматизации и роботизации, использования искусственного интеллекта, Интернета вещей, создания новых материалов, уникальных био-, информационных технологий. В статье анализируются современные формы и методы воздействия цифровых технологий на общество.

**Ключевые слова:** цифровизация, общество, социум, пандемия, коронавирус.

## Введение

Границы общественной реальности всегда отличались подвижностью, но в условиях цифровизации данная реальность перешла границы дигитальной реальности.

*Во-первых*, произошло соединение общественно-образовательной реальности с цифровой реальностью. Практически все государственные институты создали свои сайты, информационные платформы в Сети, обнаружив себя в ней. Весьма широко в цифровой реальности представлено государство: в частности, органы государственной власти стали оказывать соответствующие услуги гражданам через Сеть. Более того, практически все они предусмотрели и механизмы обратной связи с населением, что в условиях подключения к Сети делает эти услуги оперативными, транспарентными и более качественными. Например, применение технологии блокчейн делает государственные услуги более доступными, подотчетными, минимизирует коррупционную составляющую.

*Во-вторых*, благодаря Сети произошло расширение круга субъектов общественных отношений, представленных, главным образом, субъектами сетевого общества, которые «могут укрепить свою властную позицию с помощью создания сети, аккумулирующей ценные ресурсы, а затем, используя стратегии гейткипинга, закрыть доступ тем, кто не прибавляет ценности сети или подвергает опасности интересы, которые доминируют в программах этой сети». Это, как правило, обычные пользователи Сети, с активной позицией, неравнодушные к решениям тех или иных проблем в общественной жизни. Принципиально значимо то, что Глобальная сеть создает возможности вовлечения в обсуждение конкретной общественно значимой проблемы неограниченного числа пользователей.

На сайтах субъектов сетевого общества формируются интерактивные сервисы, а актуализированными площадками обсуждения тем и событий нередко становятся блоги в соцсетях. Здесь рождается и закрепляется представление пользователей Сети о существующей реальности, выраженное в многообразии ее оценок.

Одновременно следует учитывать, что сетевое сообщество – совокупность разных сетевых сообществ, разнонаправленных по своим интересам, взглядам, пристрастиям и пр. Поэтому информационные ресурсы сети Интернет не только помогают людям выработать единую жизненную позицию по какому-либо вопросу, но и укореняет предрассудки.

*В-третьих*, информация в Интернете распространяется мгновенно, поэтому происходящие в самых удаленных точках события, явления и процессы, вызвавшие общественный интерес, тут же становятся предметом обсуждений в сетевых сообществах. Им дается соответствующая оценка, а нередко формулируются и призывы к конкретным действиям. Мобилизационный ресурс Сети достаточно высок.

*В-четвертых*, влияние цифровых технологий на повседневную жизнь человека хорошо видно на примере сферы образования. Во многих странах разрабатываются школьные и университетские реформы, направленные на внедрение интеллектуальных устройств в процессе обучения. Как показывают исследования, интерактивные занятия более эффективны и вызывают неподдельный интерес среди обучаемых. Кроме того, нельзя отвергать один из самых очевидных преимуществ цифровой эры – доступ к учебным материалам и исследованиям.

### Цифровизация общества

Цифровизация образования направлена на обеспечение непрерывности процесса обучения в течение всей жизни. Он заключается в самостоятельном поиске информации в Интернете и в использовании технологий виртуальной,

дополненной и смешанной реальности и др.

Последствия цифровизации имеют разную направленность. С одной стороны, цифровизация сопряжена с рядом положительных моментов. Так, цифровизация вовлекает широкие слои пользователей Сети в общественные процессы.

Цифровизация сделала участие граждан более комфортным и в политических процессах (теперь принять участие в выборах можно с помощью электронного голосования, не выходя из дома), прозрачным (например, более транспарентным стал учет голосов в избирательной системе), оперативным (например, можно напрямую обратиться к представителям государственной и муниципальной власти).

Но, с другой стороны, есть и целый ряд негативных моментов. Цифровизация породила новый вид неравенства – неравенства, связанного с доступом к Сети. Компьютеризация еще не стала в России (как, впрочем, и в других странах мира) повсеместной, а, следовательно, определенная часть граждан России не смогут получить все блага цифровых технологий. Затруднено по разным причинам применение цифровых технологий для пожилых людей, инвалидов, жителей отдаленных районов страны, бедных слоев населения и пр. Между тем, следует отметить, что какая-то часть граждан не хотят использовать Интернет вовсе, но уже по иным соображениям.

Кроме того есть негативные стороны цифровизации и другого характера. Последствия цифровизации реализуемой в рамках четвертой промышленной революции, еще полностью не просчитаны и чреватые серьезными вызовами и угрозами глобального, регионального и национального масштабов.

Например, в настоящее время поставлена задача формирования цифрового/электронного государства (как «symphonic enterprise» – «симфонического предприятия»), цель которого достижение кумулятивного эффекта от внедрения новейших цифровых



технологий (например, блокчейн, электронный документооборот и пр.). Стратегические цели – от повышения уровня эффективности взаимодействия госструктур, граждан, бизнес-структур, институтов гражданского общества – до решения конкретных актуальных задач по электронному документообороту. Но одновременно электронное государство предполагает и больший контроль над гражданами, бизнесом, институтами гражданского общества, что фактически ведет к исчезновению «личного пространства», закрытых для государства сфер, что, собственно, всегда и составляло основу формирования гражданского общества. Уже сейчас правительства ряда стран располагают инструментами для поиска, анализа и использования личных данных. Отсюда, новые риски, несущие опасности и угрозы, среди которых возможно появление цифровых диктатур, способных постоянно мониторить объективную реальность, следить за всеми гражданами государств. Система указанных технологий сможет достаточно точно предсказывать чувства, поведение обычного человека, и, в конечном счете, им управлять.

Цифровая реальность характеризуется и тем, что уже сейчас ИТ-корпорации владеют персональными данными миллиардов людей по всему миру. Они знают о каждом пользователе Интернет-ресурсами иногда гораздо больше, чем его родственники и друзья. Доля ИТ-гигантов («Google», «Amazon», «Facebook», «Apple», «Microsoft» или отечественный «Сбер») на рынке цифровых технологий увеличивается, усиливается и их власть в Сети, диктуя интернет-пользователям свои правила игры.

Одна из важных тем на фоне цифровизации политической реальности – поиски форм и способов взаимодействия национальных государств по управлению Сетью. Концепция, исходящая из того, что Интернетом будет управлять что-то вроде международного правительства, не была принята. Государства не только выработали собствен-

ные модели управления Сетью в рамках своих доменов, но и свое видение цифровых технологий и развития искусственного интеллекта.

В настоящее время речь идет о нахождении разных форм сотрудничества государств в цифровой среде, о создании «универсального киберпространства, отражающего глобальные стандарты в областях мира и безопасности, прав человека и устойчивого развития», чем собственно и занимается в настоящее время Группа высокого уровня по цифровому сотрудничеству, созданная в рамках ООН.

Мир цифровой реальности при всех существующих защитных его механизмах все еще открыт для новых компьютерных вирусов, взломов, киберпреступности, что увеличивает шансы его использования от организации террористических актов до «цветных» революций, вооруженных конфликтов и развязывания Третьей Мировой войны. Поэтому новая международная реальность в условиях цифровой трансформации должна быть обязательно подстрахована надлежащей системой, в том числе конвенциональной совокупностью методов, технологий и процессов, предназначенных для защиты целостности, устойчивости сетей, программ и данных от цифровых атак (киберугроз).

### Пандемия и последствия

Пандемия коронавируса COVID-19 подтолкнула мир к более интенсивному развитию и использованию цифровых технологий. Межгосударственные встречи, конференции, заседания и пр. в режиме онлайн стали привычными в новой реальности. В качестве показательного примера можно привести «виртуальный» саммит «Большой двадцатки» (состоявшийся 26 марта 2020 года), проходивший в дистанционном режиме, на котором главы государств и правительств наиболее развитых и влиятельных стран мира пообещали выступить единым фронтом в борьбе с пандемией коронавируса COVID-19 и заявили, что стимулируют мировую экономику \$5 трлн для того,



чтобы противодействовать пандемии в условиях, когда звучат прогнозы относительно надвигающегося глубокого мирового экономического спада.

Рано или поздно пандемия коронавируса COVID-19 закончится, но существующая реальность станет уже другой. Человечество за прошедший год, с его режимом самоизоляции, дистанционным форматом работы, учебы, общения приспособилось жить в цифровой политической реальности. Более того, оно почувствовало ее перспективы в связи с дальнейшей цифровизацией.

Изменился сам человек – главное действующее лицо общественного развития. Он стал более продвинутым пользователем Сети, по-прежнему восприимчив ко всему, что делается в политической реальности в мире, стремится тут же отразить свое мнение в Сети, постоянно обозначая в ней свое присутствие. Но вместе с тем он постоянно находится под пристальным вниманием различных государственных органов, также присутствующих в Сети. Они анализируют лайки, поставленные пользователем, отслеживают его реакции на те или иные политические события, собирают и анализируют результаты опросов общественного мнения, формируют в Сети свое видение политических проблем и стремятся навязать его остальным пользователям.

Одной из сложных тем современной реальности в условиях цифровизации стало отыскание баланса между регулятивными и охранительными нормами. «С одной стороны, государство не должно оставлять человека в сети Интернет один на один с преступными посягательствами на его права, законные интересы и имущество. Но, с другой стороны, применяемые меры (технологии) противодействия преступности не должны превращаться в чрезмерные ограничения, посягая на саму суть (основное содержание) конституционного права на информацию и находящейся под его защитой свободы поведения человека в Интернет». Цифровой человек получил свой голос в циф-

ровой реальности, но при этом получил и новые угрозы.

### Вывод

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что по мере формирования Интернета разными авторами высказывались предположения, что массовая самокоммуникация приведет к формированию новой реальности в Интернете, существенно возрастет активность рядовых граждан и их участие в общественной жизни. Однако, развитие процессов цифровизации показывает, что эти прогнозы не всегда сбываются.

### Литература

1. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации» // Российская газета (федеральный выпуск) – 28.04.2020
2. Кастельс М. Власть коммуникации / Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 89.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: «Эксмо», 2016.
4. «Цифровые государства»: с чего все началось. [Электронный ресурс] (от 01.12.2020)
5. Организация Объединенных Наций. Общее будущее общими силами. [Электронный ресурс] (от 01.12.2020)
6. Зорькин В. Право в цифровом мире //Российская газета-Столичный выпуск. – 2018. – № 115(7578).

### FORMS AND METHODS OF THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON SOCIETY

**Kutkina N.A., Nazarova N.S.**

Moscow Aviation Institute (National Research University)

The article shows that in modern conditions, under the influence of digitalization processes, all spheres of public life are being transformed, and



a special digital reality is being created. In modern conditions, the concept of «Society 5.0 (superintelligent society)» is being tested, that is, a society is being formed, which is called the stage following the information society. It is concluded that in the most general sense it is a society in which the resources of not one person are optimized, but the society as a whole through the integration of physical and cyberspace. This society is associated with the digital revolution, which significantly accelerates the development of automation and robotization processes, the use of artificial intelligence, the Internet of things, the creation of new materials, unique bio- and information technologies. The article analyzes modern forms and methods of the impact of digital technologies on society.

**Keywords:** digitalization, society, society, pandemic, coronavirus.

## References

1. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ «On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta (federal issue) –28.04.2020
2. Castells M. The Power of Communication / Higher School of Economics Publishing House, 2017. – P. 89.
3. Schwab K. The fourth industrial revolution. – M.: «Eksmo», 2016.
4. «Digital states»: how it all began. [Electronic resource] (from 01.12.2020)
5. United Nations Organization. Common future by common forces. [Electronic resource] (from 01.12.2020)
6. Zorkin V. Law in the digital world. // Russian newspaper-Stolichny issue. – 2018. – № 115 (7578).

## Роль института Общественной палаты в формировании общественного мнения на муниципальной территории

**Плотникова Мария Анатольевна,**

независимый исследователь, начальник отдела кадров и муниципальной службы, Администрация городского округа Краснотурьинск, E-mail: mari19081977@mail.ru

Автором проведен анализ деятельности Общественной палаты на федеральном, региональном и муниципальном уровне как института формирования общественного мнения. Предложено дополнить перечень институциональных функций, вытекающих из положений об Общественных палатах разных уровней по формированию общественного мнения дополнительной, социально – конструктивистской функцией, формированием новых социальных структур.

В результате анализа посредством сопоставления норм правовых актов институциональных функций Общественной палаты по формированию общественного мнения, информации об их исполнении из докладов их работы по развитию гражданского общества на федеральном, региональном и местном уровнях, палаты разных уровней, как институты представительной власти формируют общественное мнение социально – территориальной общности не единообразно, поскольку, на сегодня, формы сотрудничества общественности и органов власти на стадии начала формирования.

Исследование же реального функционала практики контроля муниципальной палаты, которая не является органом власти, а является определенным социальным институтом, позволяет утверждать: работа палаты на местном уровне позволяет более эффективно выстраивать связи населения с органами власти, нежели официальные институты, однако отсутствие правовых основ по порядку ее создания, работы, финансового обеспечения создает проблемы в выполнении ее институциональных функций по формированию общественного мнения.

В ходе применения формально-юридического метода современного состояния нормативной базы по составу, функционированию и местонахождению муниципальной Общественной палаты в структуре органов местного самоуправления, установлено, что правовое введение института Общественной палаты в итоге не гарантирует эффективности его работы, что возможно на осно-

ве применения социологического подхода, который позволяет измерить воздействие палаты на общественное мнение населения.

**Ключевые слова:** общественная палата, общественное мнение, взаимодействие органов власти с населением, органы местной власти, лидеры общественного мнения, лидеры городских изменений.



Общественные палаты, как социальные институты, на федеральном, региональном и местных уровнях призваны обеспечивать взаимодействие граждан с органами власти [2, с. 45]. Результативность их взаимодействия зависит от открытости диалога в переговорах, готовности согласовывать позиции и мнения, методы, способы достижения согласия. Ожидаемый их тип отношений – это партнерское взаимодействие.

Исполнением своих институциональных функций Общественные палаты формируют общественное мнение о работе власти. Открыто и гласно обсуждают важные проблемы; участвуют в формировании общественного мнения населения муниципалитетов, доводят его до сведения органов местной власти. По своей сути, формирование общественного мнения ими настолько продуктивно, насколько эффективно исполнение институциональных функций.

Формирование общественного мнения на сегодня важно, поскольку ни один социальный проект на муниципальной территории не проходит без общественного обсуждения социально – территориальной общностью. И помочь в этом прерогатива местных Общественных палат.

По данным ВЦИОМ россияне недостаточно информированы о деятельности Общественной палаты. В 2010 году большинство (90% процентов) не знают, в каких делах принимала участие Общественная палата. Об Общественной палате Российской Федерации известно жителям столиц (52%), с высшим образованием (61%), уральцам (55%), пользователям Интернет (52% – 55%).

В 2021 году Всероссийский центр изучения общественного мнения представил данные опросов по социальной активности граждан. За последние 10 лет в полтора раза выросло количество ответов об отсутствии времени и возможности участвовать в общественно-политической жизни страны. Среди них многие заявляют об отсутствии органи-

заций, которым можно доверять, участвовать в их работе, ведущих за собой лидеров.

Для наглядного понимания ситуации в муниципальном образовании автором исследования в 2018 году проведен социологический опрос на территории города Краснотурьинска Свердловской области, с численностью 57 тысяч жителей с вопросами о деятельности местной Общественной палаты. Опрошено 1571 человек (1052 женщины и 519 мужчин), разного возраста и уровня образования. По роду занятий приняли участие в анкетировании служащие, рабочие, жители пенсионного возраста, самозанятые, учащиеся ВУЗов, военнослужащие и другие представители социально – территориальной общности. По итогам проведенных автором социологических исследований, на территории Краснотурьинска при ответе на вопрос о том, знают ли они о существовании Общественной палаты в городе, в своем большинстве, знают, ответили люди пенсионного возраста (48%). Остальные отвечали отрицательно: работники промышленных предприятий (52%), муниципальных унитарных предприятий (59%), само занятые (64%), учащиеся ВУЗов (55%). Затруднились с ответом работники бюджетных организаций (47%).

На вопрос о том, знают ли, что диалог населения и власти может осуществляться не только за счет общения через интернет – ресурсы (или прием граждан представителями власти в Администрации городского округа Краснотурьинск), но также с помощью Общественной палаты города, 355 ответивших не знают. Работники унитарных предприятий, учащиеся ВУЗов и представители пенсионного возраста не ответили на данный вопрос.

Люди не знают о деятельности местной Общественной палаты [5, с. 77], таким образом Общественная палата, призванная доносить общественное мнение до власти, и призванная формировать общественное мнение о деятельности власти на муниципальной территории не в полной мере осуществ-



вляет свои институциональные функции по формированию общественного мнения социально – территориальной общности.

На примере муниципального образования выявлена неэффективность работы местной Общественной палаты по формированию общественного мнения.

Положения муниципальных Общественных палат экстраполируются с положениями Общественных палат субъектов РФ по целям, задачам, функциям. Но теми ли институциональными функциями должна формировать местная общественная палата общественное мнение на муниципальной территории? В предшествующих научных исследованиях «выявлены различия в функционале реальной деятельности Общественных палат на уровне федерации, субъекта и муниципалитета» [1]. Следовательно, требуется уточнение институциональных функций Общественной палаты на муниципальном уровне, сопоставление их с функциями формирования общественного мнения.

В научной литературе аналогичной тематики в основном исследования посвящены вопросам усовершенствования правового регулирования работы Общественных палат, предлагаются внесение некоторых изменений в действующее законодательство по порядку их формирования и деятельности, что по сути не гарантирует их дальнейшую эффективную деятельность. Отсутствуют научные исследования, учитывающие процессы по формированию общественного мнения, вовлечению граждан в деятельность Общественных палат. Наличие исследований процессов будет способствовать консенсусу между органами власти и населением, разрешению конфликтов, антикоррупционному поведению органов власти, получению одобрения совместных проектов области и моногородов, при принятии решений которых требуется предварительное их общественное обсуждение, общественное мнение.

В статье рассмотрена специфика социологического анализа деятель-

ности института формирования общественного мнения Общественной палаты на федеральном, региональном и муниципальном уровне через социальные функции общественного мнения как исключительной деятельности Общественной палаты в лице её членов (лидеров) общественного мнения.

**Методы и подходы.** В ходе исследования применен системный подход: комплексное исследование институциональных функций палат разных уровней, как единого целого с согласованным функционированием всех элементов, частей и функций общественного мнения, выделенными исследователями в научной литературе [8, с. 45]. В исследовании даны характеристики Общественной палате как институту формирования общественного мнения. Методом дедукции через социальные функции общественного мнения рассматривается формирование общественного мнения данным институтом представительной власти, как исключительной работы Общественной палаты (ОП) в лице её представителей.

Институциональные функции ОП по формированию общественного мнения проанализированы посредством сопоставления норм правовых актов, информации об их исполнении из докладов по развитию гражданского общества и их работы на федеральном, региональном и местном уровнях.

Применен формально – юридический метод современного состояния нормативной базы по составу, функционированию и местонахождению муниципальной Общественной палаты в структуре органов местного самоуправления, определены проблемные вопросы.

**Результаты и обсуждение.** Анализируя положения по порядку деятельности и формированию Общественных палат, по итогам контент – анализа сайтов Общественных палат, в исследовании рассмотрены и уточнены институциональные функции, вытекающие из положений об Общественных палатах разных уровней по формированию общественного мнения.



1. Выведены следующие функции по формированию общественного мнения

1.1. Оценочная функция определяет границы допустимых и недопустимых в рамках определенного социума действий и поведения, формирует систему социальных приоритетов, критерии реагирования на работу власти и других социально-политических сил. К данной функции относятся оценка удовлетворенности граждан работой власти по вопросам жизнеобеспечения, включая строительство, благоустройство, образовательных услуг; проведение анализа документов. При оценке документов члены палаты оценивают работу власти, где можно допустить, что критериями реагирования являются неограниченность сроков, оснований для принятий решений, повторяющиеся функции органов власти; возможность безосновательного исключения из общего порядка для представителей населения, установление неопределенных, трудноосуществимых требований к заявителям, отсутствие алгоритма действий заявителей.

Так Общественной палатой РФ в 2020 году по поручению Президента РФ были подготовлены поправки к Конституции, Общественной палатой Свердловской области в 2019 осуществлялось участие в национальных проектах в сферах здравоохранения, безопасных и качественных автомобильных дорог, науки, демографии, культуры, образования, жилья и городской среды, ежегодный доклад отразил важные направления развития. В муниципалитетах палатами готовятся отчеты о своей работе с властью. Оценочная функция выражается в выполнении институциональных функций палат в оценивании деятельности власти.

1.2. Контрольная функция осуществляется посредством мониторинга, проверок, экспертиз, других формах, не противоречащих правовой системе. Проводиться может во всех формах одновременно.

1.3. Исходя из положений о проведении контрольных функций палаты

единовременно выполняют оценочную, контрольную, консультативную, защитную и директивную функции, формируя при этом общественное мнение о работе власти.

1.4. Реализация социально – конструктивистской функции по формированию общественного мнения, в исследовании предлагается допустить и предложить как дополнительную институциональную функцию данного представительного института. Расшифровать как формирование по итогам проявления гражданских инициатив новых социальных структур из лидеров городских изменений общественных советов, Городских советов, возможных сообществ, территориальных органов самоуправления при таком институте, что представляет интерес в исследовании и уточнения еще одной институциональной функцией палаты как дополнительной по формированию общественного мнения.

2. Углубленный институциональный анализ функций палаты на федеральном уровне показал, что основными её институциональными функциями являются: предложение инициатив населения, контроль свободы слова в СМИ; поддержка организаций, граждан, работающих над развитием гражданского общества в России; консультирование, привлечение населения к рассмотрению вопросов свобода слова для участия в мероприятиях. Палата на федеральном уровне является представительным

Федеральная палата является представительным институтом власти, где неправительственные эксперты анализируют ключевые решения правительства, законопроекты, проводят консультации по законотворческому процессу, контролируют деятельность исполнительной власти.

Институциональными функциями региональной ОП является снятие социальной напряженности на подведомственной территории, вовлечение населения и организаций в общественную деятельность; помощь гражданам в реализации их прав, разработки предло-

жений для власти региона; сотрудничества с федеральной палатой и других регионов, палатами муниципалитетов, советами при представительных и исполнительно – распорядительных органах власти регионов; содействия организациям, работающих по развитию гражданского общества в регионе».

ОП на уровне региона выступает важным связующим институциональным звеном между палатами других уровней, формируя единую систему контроля работы органов власти. В коридорах законодательной власти на сегодняшний день обсуждают единую профилактическую деятельность по снятию социальной напряженности и разрешению в субъектах социальных конфликтов, разрабатываются алгоритмы их работы по медиации социальных конфликтов [4, с. 20].

Таким образом, палаты разных уровней, как институт представительной власти формирует общественное мнение социально – территориальной общности.

На сегодня формы сотрудничества общественностью и органов власти на стадии начала формирования, и развитие этих отношений по формированию общественного мнения происходит не единообразно.

Особенности функционирования палаты субъекта репрезентует палату на федеральном уровне. Отличительной чертой обладает порядок формирования палаты субъекта, что позволяет достичь включенности в работу палаты представителей от общественных организаций.

Оптимальной ступенью, где полноценно функционируют общественные палаты, являются муниципальные образования и районы. По этому пути идет значительное число муниципалитетов.

Исследование же реального функционала практики контроля муниципальной палаты, которая не является органом власти, а является определенным социальным институтом, позволяет утверждать: работа палаты на местном уровне позволяет более эффектив-

но выстраивать связи населения с органами власти, нежели официальные институты.

Типизации опривыченных действий, контроля, легитимации, ролей как принципов институционализации такого института переходит во взаимосвязь формальных норм и неформальных установок («правил игры»), которые, в конечном итоге, в ходе применения публичных практик образуют сложные организационные отношения в обществе, обеспечивая его стабильность и порядок. Таким образом, к учреждению местной палаты больше подходит неинституциональный подход.

3. По итогам всестороннего исследования современного состояния нормативной базы по составу, содержанию и местонахождению представительного института власти на местном уровне, определены проблемные вопросы

Отсутствие правовых оснований, определяющих создание и организацию работы, ее местонахождение в структуре органов местной власти.

Во вновь принятом Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» отсутствуют четкие законодательные установки в части их создания, общественные палаты вряд ли смогут справиться с возлагаемыми на них функциями контроля за деятельностью органов местной власти.

Из исследования деятельности палат муниципалитетов выявлено отсутствие правового акта, устанавливающего требование по их формированию.

Отсутствует в законодательстве РФ правовой акт, предусматривающий порядок формирования палаты на местном уровне, сроки ее работы, количество членов. Отсутствуют правовые основы финансового обеспечения работы местных палат.

Палаты на местном уровне по своей сути являются не только институтами общественного контроля, но и важными институтами гражданского общества, институтами представительной власти, обеспечивающие конструктивный диалог власти с населением, сохранение



гражданских инициатив, путем проведения консультационной координационной работы как проектного офиса по осуществлению социальных проектов некоммерческих и общественных организаций и ориентированных на содействие органам власти и жителям населенных пунктов.

Ввиду несовершенства действующего Российского законодательства, подходы к созданию, функционированию и к правовому статусу местных палат различны и во многом зависят как от позиции руководителей местной власти, и от территориальных особенностей муниципалитетов.

Муниципальные палаты в своем большинстве формируются упрощенным способом, формально, закрыто от населения из «удобных» граждан, без отборочных процедур, что делает их работу неэффективной и декоративной. При низкой активности социально – территориальной общности проблема усугубляется. Местной власти самим приходится формировать такой представительный орган, разрабатывать нормативные акты по его формированию и деятельности.

При формировании «удобного» властью состава, не лидеров изменений, не представителей инициативных групп, сообществ, трудовых коллективов, не готовность власти к разговору с населением дискредитирует работу палаты, общественной природой которой заложено формировать общественное мнение.

Таким образом, отсутствие правовых основ по созданию и функционированию местных общественных палат влияет на эффективность их работы не в лучшую сторону.

Однако правовое введение института Общественной палаты не гарантирует эффективности его работы, что определяет потребность в определении реального нахождения Общественной палаты во взаимодействии населения и власти, что возможно на основе применения социологического подхода, который позволяет измерить воздействие палаты на общественное мнение населения.

В ходе исследования выведено понятие социальной эффективности, поскольку любая деятельность по своей природе является социальной и обуславливает необходимость верификации социальных эффектов. Социальная эффективность не имеет такого прямого и конкретного характера, а является более сложной категорией и трудно поддается одномерным выражениям [6].

В каком бы размере не выражалась эффективность функционирующей и развивающейся социальной системы, она всегда является результатом действия всех факторов системы в их совокупности, представленной как интегративная результативность. При этом важно подчеркнуть, что независимо, какой бы экстраординарной и эффективной не была деятельность отдельных взятых факторов в социальной системе, ее высокая эффективность может быть обеспечена только соответствующим качеством системного социального взаимодействия. Это следует как ее неотъемлемое органическое свойство, и служит общим алгоритмом и универсальным мотивационным механизмом деятельности всех факторов в данной системе [7].

В данном случае, социальная эффективность изучаемого представительного института не во всех случаях поддается количественным и статистическим измерениям, для ее оценки требуются качественные методы. В последующих исследованиях необходимо применить социологические исследования, в которых объектом будет выступать социальная эффективность Общественной палаты.

**Заключение.** В ходе проведенного исследования уточнены институциональные функции по формированию общественного мнения на муниципальной территории, предложено дополнить социально – конструктивистской функцией: допустить и предположить формирование в результате проявления гражданских инициатив новых социальных структур при муниципальной Общественной палате – формирование

из лидеров общественного мнения Общественных советов, Городских советов и других возможных сообществ.

Установленная не разработанность нормативных оснований функционирования муниципальных общественных палат на местном уровне, как правило приводит к проблемам финансовой обеспеченности, соответственно, мешает их эффективной деятельности по формированию общественного мнения на муниципальной территории, но, в итоге не гарантирует эффективности, определения реального места Общественной палаты во взаимодействии населения и власти, что возможно на основе применения социологического подхода, который позволяет измерить воздействие Общественной палаты на общественное мнение населения.

Типизация действий, контроля, легитимации, ролей как принципов институционализации такого института переходит во взаимосвязь формальных норм и неформальных установок («правил игры»), которые, в результате, в ходе применения общественных практик образуют сложные организационные отношения в обществе, обеспечивая в нем стабильность и порядок.

Последующие социологические исследования в реализации функций по формированию общественного мнения методами анкетного опроса, социологического анализа ситуации средних городов с оценкой ее типичности по сравнению с другими городами помогут органам власти определить степень удовлетворённости населения муниципальным управлением и деятельностью Общественной палаты, а значит смогут показать, наличие механизма связи власти с населением через состав и содержание работы палаты, показать полезность работы палаты для органов власти, тем самым повысить степень доверия к себе, и к органам власти.

### Литература

1. Исаков А.С. Институт общественных палат в Российской Федерации как комплексная система об-

щественного контроля // Вопросы управления. 2014. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obshchestvennyh-palat-v-rossiyskoy-federatsii-kak-kompleksnaya-sistema-obshchestvennogo-kontrolya> (дата обращения: 17.11.2021).

2. А. И. Кузьмина, Л.И. Ворониной. Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях Изд-во Урал. ун-та, 2018. Стр. 145
3. Михеева Т.Н. К вопросу об общественных палатах муниципальных образований // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 88–92.
4. Плотникова М.А. Проблемы цифровизации деятельности Общественной палаты в сфере углубления взаимодействия с различными социальными группами // Сборник статей XXXIII Научно-практической конференции / Под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение. 2020. С. 236–239. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42695099>
5. Плотникова М.А. Общественная палата как институт гражданского общества на муниципальной территории (на примере городского округа Краснотурьинск) // Вопросы управления. 2019. № 6. С. 76–90.
6. Терзиев В.К. Возможности повышения эффективности социальной адаптации военнослужащих, уволенных из военной службы. Издательство „Примакс“ – Русе, 2014, с. 56–87.
7. Терзиев В.К., Стоянов Е.Н. Социальная эффективность как мера деятельности в социуме // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016 № 3. С. 225–234
8. Франц В.А. Управление общественным мнением. Екатеринбург: Изд-во Урал. 2016, стр. 62



## THE ROLE OF THE INSTITUTION OF THE PUBLIC CHAMBER IN THE FORMATION OF PUBLIC OPINION ON THE MUNICIPAL TERRITORY

Plotnikova M.A.

Administration of the Krasnoturinsk City District

The author analyzes the activities of the Public Chamber at the federal, regional and municipal levels as an institution for the formation of public opinion. It is proposed to supplement the list of institutional functions arising from the provisions on Public Chambers of different levels for the formation of public opinion with an additional, socio-constructivist function, the formation of new social structures.

As a result of the analysis by comparing the norms of legal acts of the institutional functions of the Public Chamber for the formation of public opinion, information about their performance from reports of their work on the development of civil society at the federal, regional and local levels, chambers of different levels, as institutions of representative power, form public opinion of the socio-territorial community is not uniform, because, today, forms of cooperation between the public and authorities at the stage of the beginning of formation.

The study of the real functionality of the practice of control of the municipal chamber, which is not a government body, but is a certain social institution, allows us to assert: the work of the chamber at the local level allows for more effective communication of the population with the authorities than official institutions, but the lack of legal foundations for the order of its creation, work, financial support creates problems in the performance of its institutional functions for the formation of public opinion.

During the application of the formal legal method of the current state of the regulatory framework for the composition, functioning and location of the municipal Public Chamber in the structure of local self-government, it was found that the legal introduction of the institute of the Public Chamber does not guarantee the effectiveness of its work, which is possible based on the application of a sociological approach that allows you to measure the impact of the Chamber on public opinion of the population.

**Keywords:** public chamber, public opinion, interaction of authorities with the population, local authorities, leaders of public opinion, leaders of urban change.

### References

1. Isakov A.S. (2014) Institute of Public Chambers in the Russian Federation as a complex system of public control. Management issues. No. 6. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obschestvennyh-palat-v-rossiyskoy-federatsii-kak-kompleksnaya-sistema-obschestvennogo-kontrolya> (date of application: 17.11.2021). (In Russ.)
2. Kuzmin, L.I. Voronina. (2018) Institutionalization of interaction of civil society with public authorities in public legal entities. Ed. by Ural Publishing House. un-ta, page 145. (In Russ.)
3. Mikheeva T.N. (2015) On the issue of public chambers of municipalities. Actual problems of economics and law. No. 1. pp. 88–92. (In Russ.)
4. Plotnikova M.A. (2020) Problems of digitalization of the activities of the Public Chamber in the field of deepening interaction with various social groups. Collection of articles of the XXXIII Scientific and Practical Conference. Edited by G.Y. Gulyaev. Penza: Science and Education. pp. 236–239. [electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42695099> (In Russ.)
5. Plotnikova M.A. (2019) Public Chamber as an institution of civil society in the municipal territory (on the example of the Krasnoturinsk city district). Management issues. No. 6. pp. 76–90. (In Russ.)
6. Terziev V.K. (2014) Possibilities of improving the efficiency of social adaptation of servicemen discharged from military service. Primax Publishing House – Ruse, pp.56–87. (In Russ.)
7. Terziev V.K., Stoyanov E.N. (2016) Social efficiency as a measure of activity in society. International scientific journal "Innovative Science". No. 3. pp. 225–234 (In Russ.)
8. Franz V.A. (2016) Management of public opinion. Yekaterinburg: Ural Publishing House.p. 62 (In Russ.)

## Современное состояние физической культуры как маркера социальных изменений общественного устройства

**Чернышев Виктор Петрович,**

к.п.н., профессор. ЗТ РФ зав. каф. ФКиС  
ФГБОУ ВО ТОГУ  
E-mail: chernyshov\_vp@mail.ru

**Чернышева Лариса Георгиевна,**

канд. пед. наук, доцент, кафедра ФКиМБД АГПУ  
E-mail: tschern@yandex.ru

**Мацко Андрей Иванович,**

к.п.н., доцент, АГПУ г. Армавирский зав. каф.  
ФКиМБД  
E-mail: andrmaz@mail.ru

**Варнина Анжелика Сергеевна,**

ст. преп. каф теории, методики, практики  
физической культуры и спорта МГУ  
им. Адм. Невельского  
E-mail: Lavrasonya6996@gmail.com

в культуре», когда определенные аспекты мироустройства внезапно становятся доминирующими и определяют вектор развития человечества.

**Ключевые слова:** взрыв в культуре, доминирование физической активности, стиль жизни, пандемия, активный гомеостаз.

В статье анализируется феноменальное изменение статуса физической культуры в обществе. Показано, что в последние годы физическая культура перестала выполнять свои исключительно прикладные функции обеспечения активного гомеостаза, а превратилась в социальное явление, далеко вышедшее за рамки своего первоначального предназначения. На основе классических текстов первой половины XX века раскрывается особая роль физической культуры как дисциплинарной практики, используемой властью для консолидации общества и пресечения девиантных проявлений в его поведенческих паттернах. Попадая в особую сферу образа жизни, физическая культура становится своего рода императивом поведения определенной части общества, тиражируя это отношение во всем обществе. Показано, как современный человек, используя особенности строения физической культуры, теряет самобытность и стремится получить максимальное удовольствие с помощью специфических средств. Выдвижение на первый план человеческой телесности приводит к серьезным социальным перекосам в организации использования средств физической культуры. Возвращение физической культуры к первоначальным значениям – сложная, но это необходимая процедура структурирования всей социальной матрицы. Резкое изменение статуса физической культуры в обществе сравнимо с концепцией «взрыв



В предисловии к монографии Ю.М. Лотмана «Внутри мыслящих миров» академик Вяч. ВС. Иванов обозначил главную проблему, которая занимала ученого в последние годы жизни, как проблему «взрыв в культуре и истории и связанная с ним принципиальная непредсказуемость событий, за взрывом следующих». [6] Ю.М. Лотман считал, что он живет во взрывной момент истории русской и мировой культуры, но также считал, например, древнегреческий мыслитель, поэт и драматург Гесиод, называвший свой век, который мы сегодня называем «золотым», «железным», в котором «боги, закутавшись в плащи покидают сей мир». Не менее острые чувства переживали жители средневековой Флоренции после изобретения Гуттенбергом печатного станка, переживали так, что Мастера профессиональных гильдий объявили о самороспуске своих организаций, так как по их мнению, нормальный мир закончил свое существование и наступает очередная эпоха господства Хаоса [3]. Таких примеров в истории культуры слишком много, чтобы выделять какие-либо особо, но сегодняшнее существование мировой цивилизации по-настоящему столкнулось с такими вызовами, которые носят явно катастрофические черты. Станет ли дрящущийся кризис «кризисом упадка» или «кризисом развития» предсказать однозначно не может никто, что совершенно не отнимает у думающих представителей вида *homo sapiens* обязанности проводить ежеминутный детальный анализ культуры внутри которой им довелось жить, выходя при этом далеко за рамки настоящего во все стороны бытия. «Гуляющая» уже третий год по просторам мира эпидемия COVID-19, только усугубляет катастрофические и пессимистические настроения среди населения, но обнажает при этом некоторые элементы культурной матрицы, существующие в латентном режиме жизни в обычные времена. Взрывной характер культуры в современном изводе довольно сложно оценивать в целом, слишком велико многообразие прояв-

лений культурных артефактов в мире, но зато отдельные структурные элементы оказались сегодня настолько выпуклыми, что не замечать динамику их представленности просто нелепо. К таким сегментам культурной матрицы относится социальный феномен под общим названием «Физическая культура и спорт». Физическая культура и спорт именно как социальное явление стало сверх популярным способом времяпровождения значительной части населения сравнительно недавно. Еще каких-то полтора столетия назад вся область физической активности людей вполне уютно располагалась в их профессиональной деятельности. Сельскохозяйственные работники по факту вели активный в физическом смысле образ жизни и не испытывали никаких потребностей в дополнительном культурном оформлении этой активности. Физическая подготовка военнослужащих традиционно включала в свое содержание разнообразные средства физической культуры, но исключительно в прикладном аспекте. Спорт как развлечение, как забава использовался в узкой аристократической среде, но и в ней эти занятия носили не развивающий, а досуговый характер. Все изменилось со второй половины XIX века, в результате бурного роста городов и выходом на авансцену истории такой социальной страты как масса. Ставшие сегодня классическими труды философов Х. Ортега-и-Гассета «Восстание масс» [7] Э. Канетти «Масса и власть» [4], Г. Лебона «Психология народов и масс» [5] просто подвели жирную черту под социальным эффектом, наблюдавшемся уже как минимум пол столетия. Результатом предшествовавших периодов истории связанных с промышленной революцией, борьбой рабочих за лучшие условия жизни, рост благосостояния человеческой популяции в целом, породили невиданный доселе эффект – появление в дневном расписании большого количества людей свободного времени. Досуг всегда был исключительно уделом немногих, большинство трудилось без перерывов и па-



уз с рождения до смерти. Постепенное появление времени, отличного от трудовой повинности по своему строению и содержанию потребовало от эпохи обоснования его наполненности. Иллюзии некоторых мыслителей XIX века, таких как например К. Маркс, мечтавших о том, что освобожденные от изнуряющего труда рабочие будут тратить минуты отдыха на саморазвитие личностного начала, оказались на практике не более чем иллюзией. Оказалось, что свободное время не просто праздное «ничегонеделание», а весьма насыщенное и плотное время, требующее от человека максимального напряжения всех сил, для его качественного наполнения. Отечественная культура столкнулась с описанным эффектом особенно остро в первые послереволюционные годы, когда силой обстоятельств огромные людские массы, хлынувшие из разрушенных деревень в город, где, как они думали, была надежда на спасение. Вчерашние крестьяне, сызмальства привыкшие к тяжелому физическому труду «от рассвета, до заката» не могли не переносить в новые условия жизни старые привычки. Появление в их расписании свободного времени стало заполняться самыми дремучими, разнужданными практиками, разврат и повальное пьянство в которых было не самое мерзкое. Молодая советская власть в качестве одного из средств обуздания поведенческой стихии с самого начала стала организовывать самые разнообразные спортивные мероприятия, которые, как оказалось, стали реальной альтернативой легитимного порядка наступающему беспорядку. С тех пор физическая культура и спорт стали неотъемлемой составляющей устройства культурного пространства государства, более того, максимально нагруженное идеологическими коннотациями содержание феномена «Физическая культура и спорт», пропуская через свои специфические структуры огромные людские массы, активно использовалось в качестве дисциплинарной практики в обыденной жизни людей. Возможно именно это

определение феномена «физическая культура» как дисциплинарной практики, структурно выстроенной так, что попадающий под действие этой самой структуры адепт, невольно воспринимал дисциплину и самодисциплину как естественное состояние человека. В саму структуру физической активности человека имманентно встроена перманентно культивирующаяся часть напряжения, поддержание которого не очевидно фактически, но позиционируется как необходимое. В рамках осуществления индивидуальной или групповой физической активности у человека возникает иллюзия приобщенности к чему-то большему и значимому чем просто развитие физических качеств, необходимых и для получения удовольствия и для банального обеспечения активного гомеостаза. В нашей работе мы будем активно пользоваться термином, введенным в дискурс М Ямпольским [9] life style (стиль жизни). Анализируя современную столичную культуру как пространство Парка культуры, автор делает пронципальное наблюдение, что «появление парка культуры ознаменовало процесс интенсивной эстетизации среды обитания и образа жизни» [9, С 30]. Далее автор делает замечание что «улица – это место, где социум потребляет сам себя» [9, С 33]. Это важное наблюдение касающиеся не непосредственно конкретной улицы, а улицы как особого пространства, на котором люди постоянно меняют роли зрителя и актера. Физическое состояние органично подчеркивает и ту и другую роль человека. Являясь одновременно и актером и зрителем, человек утрачивает истинную идентичность, мимикрируя в ту или иную ипостась в зависимости от ситуации и от тех партнеров по театру, с которыми ему в данный момент приходится разыгрывать мизансцену. Цифровая эпоха можно сказать ликвидировала занавес, отделявший актеров от зрителей радикально. Д. Агамбен [1] использует для обозначения такого состояния социума термин «голый человек». Ему вторит французский философ П. Рикер [8] добавляя к термину



«голый человек» термин «человек погрешимый», Основной пафос, который вкладывают данные мыслители в свою попытку описать современного человека подчеркивает полную прозрачность интимной жизни человека, ставшего не просто зависимым от life style, доминирующем в данную эпоху, а где-то даже осуществляющего добровольное подчинение нормам и канонам жизни, нарушение которых несет не банальное наказание внешней инстанцией, а серьезные ментальные фрустрации, приводящие человека к вечному неврозу. Физическая культура и спорт в современном мире стали едва ли не основной институцией, маркирующей человека как своего для life style. На обеспечение явно избыточной траты времени и сил для соответствия канону приходится значительная доля интеллектуальных и материальных ресурсов. Гумбрехт отмечает, что в современных американских университетах даже попытка минимально дистанцироваться от приверженности спортивному образу жизни может привести к остракизму со стороны большинства. «Здоровый образ жизни» сегодня не просто призыв к ведению нормального образа жизни, это тоталитарный мем, требующий от приверженцев сектантского подчинения вне зависимости от того нравиться им это или нет. Во многих компаниях мировой экономики при приеме на работу преимущество отдается не профессиональным и интеллектуальным компетенциям, а умению демонстрировать физическое развитие. Такой life style на наш взгляд серьезно объединяет чисто человеческий потенциал, накопленный за столетия духовного развития. Тотальное шествие по миру мема «здоровый образ жизни» делает «голого человека» еще более незащищенным перед напором перманентной необходимости тратить все больше и больше ресурсов направленных на совершенствование собственной телесности. Сегодня практически не осталось никаких ограничений в отношении демонстрации телесности, каковыми были насыщены предыдущие периоды развития

человечества. В рамках доминирующего life style все интимное должно быть выставлено напоказ, причем не в естественном виде, а исключительно в преобразованном искусственным образом. Перекокс в сторону развития телесности уже сказывается на требованиях общества избравшего своим императивом «максимизацию наслаждения» бесконечного совершенствования комфорта и потребления средств удовлетворения запросов телесности. Сегодняшнее состояние отрасли «Физическая культура и спорт» постепенно становится тем знаменитым чистым ручьем, в который загляделся Нарцисс, загляделся и залюбовался так, что даже нимфы не смогли отвлечь его от собственного лицемерия. За пресловутым нарциссизмом кроется опасность утраты базовой задачи физической активности человека, достижение активного гомеостаза это не задача организма, это его нормальное состояние. На клеточном уровне происходят процессы постоянной коррекции состояния организма в зависимости от огромного числа факторов. При этом механизмы репликации активного гомеостаза имеют многомиллионную историю и продолжают существовать безостановочно. Культурное переключение естественных механизмов воспроизводства жизни в пользу «максимизации удовольствия» приводит к искажению естественного хода развития филогенеза человека. Изобретение все новых и более сильных средств воздействия на естественное развитие оправдано с точки зрения медицины, но не может быть оправдано с квазикультурной точки зрения. В монографии Ж. Вигарелло [2] рассказывающей об изменении отношения к человеческому телу в Европе с XVI–XX вв. довольно четко показано как телесность постепенно выходила из зоны традиционной аскезы на первые роли и какие последствия это принесло для человечества. Рискнем сделать нетривиальный вывод о том, что войны и потрясения XX века в определенной степени связаны с выходом телесности на авансцену истории. Сегодня вся ин-



фраструктура отрасли «Физическая культура и спорт» помимо аккумуляции гигантских финансовых средств стала похожа на марксову «превращенную форму». Такую форму, которая не просто оторвалась от своих исконных задач, а закручиваясь по немислимой спирали переплелась сама с собой в своих проявлениях. Ради соответствия life style изобретаются все новые и новые виды развлечений и наслаждений, сама человеческая жизнь перестает принадлежать человеку, а постоянно «вписывается» в господствующий тренд. Те положительные аспекты естественной физической активности приобретают гротескный характер и призваны к одному – соответствовать общему направлению моды. Традиционно на человеческую телесность во всех религиозных и светских аспектах всегда накладывались различного рода ограничения и табу. Люди понимали, только удерживая плоть в определенных рамках можно высвободить для творчества дух. История многих великих людей тому подтверждение. Достаточно почитать биографию О. Бальзака, чтобы на его примере увидеть как он любил все плотское, но при этом трудился на творческой стезе не просто самозабвенно, а жестко аскетически. Запретительные практики в традиционных культурах (например пост в православии), не просто истязали тело, с помощью этих практик высвобождался дух, но и само тело оказывалось просветленным. Сегодняшняя культура пошла по другому пути, сегодня не только снимаются всякие ограничения и обременения телесности, сегодня навязчиво проталкивается мысль что раз человек есть «желание желания», то любое его желание должно быть не просто удовлетворено, оно обязано должно быть реализовано. В Древнем Риме рабов называли сома, сома то есть тело, тем самым подчеркивался примитивный статус раба, занятого лишь обслуживанием по возможности своего тела. Для свободного гражданина тело было лишь частью человеческого существа, причем далеко не самой главной ча-

стью. Сегодняшнее развитие физической культуры в определенной степени приближает современного человека к, казалось бы давно забытому, статусу сомы. В последние годы с легкой руки М. Фуко в интеллектуальном дискурсе циркулирует термин «биополитика». Складывается ощущение, что тотально разрешительная практика эксплуатации телесности в любых проявлениях это и есть «биополитика», утратившая изначальный смысл политика, приобрела приставку био, сделавшую ее особой практикой человеческого общежития. В рамках life style человек становится прикладной частью своей телесности, не телесность как ей положено прикладывается к человеческому существу, а человек прикладывается к своей плоти. Проявленная в статье позиция не стремиться не в коей мере закрасить физическую активность человека черной краской, наоборот, честный и скрупулезный анализ такого модного сегодня социального явления как «Физическая культура и спорт» необходим для понимания вектора развития человеческого сообщества. Мы действительно живем в крайне непростое время, от человека требуется не становиться прикладным механизмом, а оставаться на уровне достигнутого предками в отношении культуры телесности. Это не самая простая сегодня задача, слишком велико давление «биополитики» на ментальность каждого человека. Греки умели различать bios и zoe, биологическое и социальное в человеке. Это различие позволило им создать великую культуру, плодами которой мы пользуемся до сих пор. Современная культура смешала эти понятия и получился непонятный гибрид. Нет сомнений, что человечество найдет в себе силы вновь распутать возникший клубок противоречий и перефразируя классику вновь зазвучат слова «Тело, знай свое место».

### Литература

1. Джорджо Агамбен Средства без цели. Агамбен, Дж. М.: Гилея 2015. –146 с.



2. Жорж Вигарелло. Самоощущение. История восприятия тела (XVI–XXвв) / пер. с франц. Л.Б. Комиссаровой – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 256 с.
3. Волкова, Паола. Мост через бездну: полная энциклопедия всех направлений и художников / Паола Волкова – Москва: Изд. АСТ, 2019. – 688 с.
4. Канетти, Элиас. Масса и власть / Элиас Канетти; пер. с нем. Л. Ионина. – Москва: Изд. АСТ, 2020–704 с.
5. Лебон, Гюстав. Психология народов и масс / Гюстав Лебон; -Москва: Изд. АСТ, 2020. – 384 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера -история. 464 с.
7. Ортега-и-Гассет, Хосе Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет. – Москва: Изд.АСТ, 2020. –256 с.
8. Рикёр Поль. Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Пер. С франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2017. – 312 с.
9. Ямпольский М.Б. Парк культуры и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. – 198 с.

### THE CURRENT STATE OF PHYSICAL CULTURE AS A MARKER OF SOCIAL CHANGES IN THE SOCIAL STRUCTURE

Chernyshev V.P., Chernysheva L.G., Matsko A.I., Varnina A.S.

FGBOU VO Togu Khabarovsk; ASPU city of Armavir; FkiIMBD; MSU Adm. Nevelskoy Vladivostok

The article analyzes the phenomenal change in the status of physical culture in society. It has been shown that in recent years physical culture has ceased to perform its exclusively applied functions of providing active homeostasis, and has turned into a social phenomenon that has gone far beyond its original purpose. Based on the classical texts of the first half of the twentieth century, the special role of physical culture as a disciplinary practice used by the authorities to consolidate society and stop deviant manifestations in its behavioral patterns is revealed. Get-

ting into a special life style field, physical culture becomes a kind of imperative for the behavior of a certain part of society, replicating this attitude throughout the whole society. It is shown how, exploiting the specific features of the structure of physical culture, a modern person loses his identity and strives to maximize pleasure with the help of specific means. The coming to the fore of human corporeality leads to serious social distortions in the organization of the use of physical culture means. The return of physical culture to its original meanings is a complex, but necessary procedure for structuring the entire social structure. A sharp change in the status of physical culture in society is comparable to the concept of “explosion in culture”, when certain aspects of the world order suddenly become dominant and determine the vector of human development

**Keywords:** Explosion in culture, Dominance of physical activity, Life style, Pandemic, Active homeostasis.

### References

1. Giorgio Agamben Means without a goal. Agamben, J.M.: Gileya 2015. – 146 p.
2. Georges Vigarello. Self-awareness. The history of body perception (XVI–XX centuries) / per. with French LB Komissarova – M.: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. – 256 p.
3. Volkova, Paola. Bridge over the abyss: a complete encyclopedia of all directions and artists / Paola Volkova – Moscow: Publishing house. AST, 2019. – 688 p.
4. Canetti, Elias. Mass and Power / Elias Canetti; per. with him. L. Ionina. – Moscow: Publishing house. AST, 2020–704 p.
5. Le Bon, Gustave. Psychology of peoples and masses / Gustave Le Bon; – Moscow: Publishing house. AST, 2020. – 384 p.
6. Lotman Yu.M. Inside thinking worlds. Mantext-semiosphere-history. M.: Languages of Russian culture 1999–464 p.
7. Ortega y Gasset, Jose Rise of the masses / Jose Ortega y Gasset. – Moscow: AST Publishing House, 2020.-256 p.
8. Ricoeur Paul. Philosophical anthropology. Manuscripts and speeches 3 / Per. From French. M.: Publishing house of humanitarian literature, 2017. – 312 p.
9. Yampolsky M.B. Park of Culture and Violence in Moscow today. M.: New publishing house, 2018.-198 p.



## Особенности региональной идентичности современной студенческой молодёжи

**Гуденкова Олеся Ивановна,**

аспирант кафедры МиМУ, Тюменский  
индустриальный университет  
E-mail: olesya.gudenkova@yandex.ru

**Савицкая Юлия Петровна,**

старший преподаватель кафедры МиМУ, Тюменский  
индустриальный университет  
E-mail: savitskajajp@tyuiu.ru

В статье рассматриваются особенности региональной идентичности студентов по сравнению с основным населением г. Тюмени. Приводятся результаты опроса населения и студенческой молодёжи, проведённого при участии авторов осенью 2021 года. Описываются такие аспекты проблематики, место понятия «Родина» в ценностной структуре респондентов. Показаны самооценка важности принадлежности респондентов к российскому народу и испытываемые ими по этому поводу чувства. Описываются различные аспекты, связанные с региональной идентичностью респондентов: оценка ощущения близости с гражданами России; важность принадлежности к российскому народу; ценностная система и место понятия «Родина» в ней; масштаб территории, которая у респондентов ассоциируется с Родиной; оценка важности своей региональной идентичности; представления относительно факторов, консолидирующих жителей больших географических регионов России. Сделан вывод о том, что студенческая молодёжь более осторожно подходит к оценке своих патриотических настроений и проявляет более умеренные позиции, по вопросам, связанным с региональной идентичностью.

**Ключевые слова:** Региональная идентичность, консолидация, социальное пространство, регион, патриотизм, родина, социологическое исследование.

**Актуальность.** Региональная идентичность, являясь одной из базовых идентичностей личности подразумевает отождествление личности с конкретной социальной общностью и во многом определяет позицию человека по ряду социально значимых вопросов. Не случайно данный феномен является объектом пристального внимания целого ряда дисциплин, среди которых: социология, политология, география, культурология и др.

В отечественной науке проблематика региональной идентичности получила развитие, в том числе, благодаря социально-политическим трансформациям, имевшим место на рубеже тысячелетий и связанным с распадом Советского Союза, установлением федерализма. Сегодня по теме региональной идентичности существует ряд научных публикаций, где предлагаются подходы к её исследованию, выделяются типологии, даются определения. В то же время нельзя сказать, что в отечественной науке выработан единый подход к определению данного феномена.

Так, А.В. Лубянов выделяет три способа формирования региональных общностей. В первом случае в основе единения лежит территория, во-втором – духовная и этнокультурная близость людей, составляющих социум, в третьем – легитимация социально-экономических и культурных новаций, а также селекция существующих традиций [7]. Р.В. Иванов и О.А. Полюшкевич указывают на взаимосвязь идентичности и патриотических фильмов [4], а также на процессы консолидации и идентичности на региональном уровне [9]. Те же вопросы рассматриваются в работе Т.А. Чикаевой [10]. Г.С. Корепанов считает, что исследование региональной идентичности должно осуществляться через социальный контекст, социальный порядок и соци-

*Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.*



альную культуру [6]. О.А. Кармадонов и Г.Д. Ковригина отмечает сложность и комплексность социологического анализа региональной идентичности, которая может быть объяснена в таком же – комплексном подходе, синтезирующем матрицы социологии, психологии и социобиологии [5].

Формируясь как психологическое явление, в процессе социализации личности, региональная идентичность в современных российских условиях подвергается воздействию множества факторов. Среди них: глобализация, цифровизация информационно-коммуникационной среды, нестабильная внутри и внешнеполитическая ситуация, интенсификация миграционных процессов. Особую значимость формирование региональной идентичности приобретает в молодом возрасте, когда человек ещё находится в процессе актуализации для себя различных видов идентичностей [3]. Положительная, либо отрицательная направленность сформированных установок способны в существенной степени определить траекторию жизненного пути личности, а в масштабах социума повлиять на социально-политическую стабильность общества.

**Методика исследования.** В статье приводятся результаты опроса, который был реализован при участии авторов в сентябре-октябре 2021 г. среди жителей города Тюмени, а также близлежащих населённых пунктов, входящих в систему городской агломерации: предместий, пригородных коттеджных посёлков. Также были опрошены студенты двух крупнейших региональных вузов: Тюменского государственного университета и Тюменского индустриального университета. Тюмень является областной столицей, этот город выступает логистическим центром для всего населения Тюменской области, а также Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-ненецкого автономного округа. В этой связи жители Тюмени находятся в постоянном взаимодействии с большим количеством приезжих (трудо-вые, учебные

мигранты, туристы и т.д.), а также сами участвуют в миграционных процессах: выезжают на заработки, переезжают на постоянное место жительства в другие регионы, путешествуют. Указанное обстоятельство делает мнение жителей Тюмени показательным относительно исследуемой проблематики.

В ходе полевых работ организаторам опроса пришлось столкнуться с рядом трудностей, обусловленных продолжающейся сложной эпидемиологической ситуацией в регионе и стране в целом. Наряду с отказом некоторых респондентов участвовать в прямой коммуникации, возникали и трудности бюрократического характера. Например, санитарно-эпидемиологические запреты и ограничения зачастую препятствовали проведению опроса в местах массового скопления людей, организациях, бюджетных учреждениях (детских садах, школах). В этих условиях доступ к респондентам осуществлялся посредством третьих лиц: через их родственников, детей. Заполнение части анкет осуществлялось дистанционно.

Всего было опрошено 200 человек: 100 студентов и 100 представителей основного населения. Основными дифференцирующими признаками в студенческой подвыборке являлись пол, и специфика специальности, на которой обучается студент (техническая или гуманитарная), в выборке основного населения – пол, возраст и место проживания (непосредственно город или предместье). По каждой из категорий указанных признаков было отобрано равное количество, а в случае с половозрастными характеристиками представителей основного населения – в пропорциях, соответствующих статистическим данным и предоставленным в задании на проведение опроса. Обе анкеты, по которой опрашивались респонденты – идентичны, что позволяет осуществлять сравнительный анализ полученных в результате исследования данных.

**Результаты и обсуждение.** Первый вопрос анкеты был посвящён со-

циальной солидарности, которую многие современные обществоведы считают «тканью» современного общества, удерживающей существующие в нём социальные структуры [2]. Идеи солидарности, активно используются в различных концептуальных документах, а её уровень в обществе рассматривается как индикатор способности граждан к объединению ради достижения общих целей.

Отвечая на вопрос о частоте ощущения близости с гражданами России, респонденты примерно в равной мере выбирали позиции «часто» и «иногда». В среде студенческой молодёжи эти значения составили 41% и 47%, а среди населения 39% и 42% соответственно. Примечательно, что студенты заметно реже отмечали крайние варианты. Позиции «никогда» и «всегда» в студенческой выборке составили 3% и 9%, а среди взрослого населения 6% и 13% соответственно. Это может свидетельствовать о более умеренных взглядах представителей нового поколения.

В России проблема консолидации имеет несколько большее значение, чем в развитых странах, что обусловлено социально-экономическими и политическими потрясениями, которые наша страна пережила за последние три десятилетия. Преобразования привели к снижению уровня жизни значительной доли населения, возникновению и дальнейшему усилению неравенства, а также дезинтеграции всего общества. В связи с этим вопрос о факторах, которые смогли бы сплотить и объединить российское общество, является важным для целей исследования. Респондентам предлагалось выбрать не более трёх вариантов ответов. Первые строчки рейтинга заняли такие альтернативы, как «Общее государство» (Студенты – 66%, Население – 59%), «Русский язык» (Студенты – 57%, Население – 53%), «Родная земля, территория, природа» (студенты – 49%, Население – 49%) и «Культура, обычаи, праздники» (Студенты – 46%, Население – 36%). Значительно реже отмечались варианты «Историческое прошлое» (Сту-

денты – 22%, Население – 29%), «Ответственность за судьбу страны» (Студенты – 21%, Население – 19%), «Общие символы (флаг, герб)» (Студенты – 17%, Население – 11%). Варианты «ничего не объединяет», «затрудняюсь ответить» и «другое» в обеих подвыборках отметили, в совокупности менее 6% респондентов. Выбравшие «другое» респонденты из числа студентов отметили: «Сложная ситуация в стране» и «Обучение в Институте, Повседневный образ жизни», а из числа основного населения – «Менталитет» и «Любовь».

Принадлежность к конкретному народу важна для человека с точки зрения его участия в развитии национальной культуры и внутреннего ощущения своих исторических истоков. Важность принадлежности к российскому народу респондентам было предложено оценить в анкете по пятибалльной шкале. В целом участники опроса ставили довольно высокие оценки: у студентов доля тех, кто поставил 4 или 5 баллов составила 65% (4 балла – 36%, 5 баллов – 29%), у респондентов из числа основного населения – 69% (4 балла – 21%, 5 баллов – 48%). Бросается в глаза то, что доля респондентов, выбравших максимальный балл среди населения значительно выше, чем среди студентов (на 19%), что, опять же, говорит о том, что современная молодёжь более осторожно подходит к оценке своих патриотических настроений. Среднюю оценку (3 балла) поставила пятая часть населения (20%) и почти четверть студентов (24%), а на 1 или 2 балла важность своей принадлежности к российскому народу оценили 11% в обеих подвыборках.

Несмотря на, в целом, высокую оценку важности принадлежности респондентов к российскому народу, чувства, которые респонденты испытывают по этому поводу, нельзя назвать сильными. Отвечая на соответствующий вопрос анкеты, значительная часть отметила «Чувство гордости». Доля основного населения здесь составила 44%, а студентов 33%. Однако в случае с ва-



риантом «Никаких особых чувств не вызывает», ситуация обратная – здесь у населения 36% ответов, а у студентов – 39%. На «Ощущение защищённости» указало 19% студентов и 12% населения, а на «Ощущение неуверенности» 4% и 2% соответственно. «Чувство досады, обиды» в связи с принадлежностью к российскому народу испытывает 5% студентов и 3% населения. Альтернативу «Другое» выбрали только респонденты из подвыборки основного населения (3%), в качестве своего варианта они отметили «Различные чувства в разных случаях и отношениях», «Бывает по-разному, в зависимости от ситуации», «Отвращение».

Общие ценности и нормы лежат в основе любой культуры. По мнению Т. Парсонса, именно ценности объединяют и разделяют людей, создавая «коллективный портрет» любой общности [8]. Ценности выступают регулятором человеческой активности и зависят от условий социализации личности. При этом базовые ценности представляют собой определённые эталоны, выработанные обществом. Система ценностей изменчива и может трансформироваться под воздействием множества факторов: социальных, экономических, этнических. При этом значимым является то, какие именно ценности доминируют в обществе.

Рассуждая об общих ценностях, которые являются базовыми для русского народа, респонденты чаще всего отмечали «Патриотизм, любовь к родине» (Студенты – 52%, Население – 57%) и «Социальная ответственность, забота об окружающих» (Студенты – 37%, Население – 39%). Следующие три позиции в данном рейтинге в обеих подвыборках также одинаковы, но имеют место различия в доле респондентов, выбравших тот или иной вариант. Так, для студентов оказались важнее «Справедливость и правда» (Студенты – 35%, Население – 32%) и «Свобода» (Студенты – 31%, Население – 26%). Для взрослого населения более значима оказалась «Традиционность» (Студенты – 28%, Население – 38%).

К числу других значимых отличий в выборе предложенных вариантов ответов можно отнести более высокую популярность у студенческой молодёжи ценностей «Творчество, самореализация» (Студенты – 19%, Население – 9%) и «Успех» (Студенты – 11%, Население – 6%). Варианты, связанные с активной позицией по отношению к окружающей социальной действительности, также отмечались студентами чаще, хотя разница здесь не столь велика, как в предыдущих случаях – «Богатство, высокий уровень жизни» (Студенты – 21%, Население – 18%), «Власть, доминирование» (Студенты – 15%, Население – 13%).

Полученные результаты исследования позволяют говорить нам о ценностях альтруистического характера, которые в равной степени сформированы как в студенческой среде, так и у основного населения.

Согласно Конституции, Российская Федерация является многонациональным государством. Учитывая, что на территории нашей страны проживает более 190 народов, важно в какой терминологии сами жители страны идентифицируют всю совокупность этих народов. Акцент на этнической или политической принадлежности может служить показателем гражданского и этнического согласия среди населения.

О том, как правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России, респонденты из числа студентов и основного населения думают схожим образом. Подавляющее большинство участников опроса считают, что их следует называть «Россияне» (Студенты – 66%, Население – 61%). Вторым по популярности стал ответ «Русский народ» этот вариант выбрала значительно меньшая доля респондентов (Студенты – 12%, Население – 16%). Интересно будет сравнить данные опроса и результаты последней Всероссийской переписи, каким будет процент указавших вариант «россиянин» в качестве национальности. Вариант «Русские» отметило приблизительно столько же респондентов (Студен-

ты – 12%, Население – 11%). Небольшая часть участников опроса посчитали, что общего названия для представителей всех народов, живущих в России нет (Студенты – 4%, Население – 3%). Затруднились с ответом на данный вопрос 3% студентов и 4% основного населения, а другой вариант выбрали 2% и 3% соответственно. Респондентами, выбравшими свой вариант, были предложены такие варианты, как «Граждане РФ», «Граждане России» и негативная коннотация – «Быдло». Как видно из представленных данных, большинство респондентов выбирают такие этнически нейтральные названия совокупности народов, населяющих страну, как «Россияне» и «Российский народ».

Являясь социально-философской категорией, понятие Родина раскрывается через духовно-нравственное отношение человека к многоуровневому пространственному объединению, в которое он включён. Основу содержания понятия Родины составляет представление о ней как о ценности, которая является для него священной и которой он не поступится ни при каких условиях. Территориальное понимание Родины довольно часто используется при проведении социологических исследований, поскольку легко поддаётся вычленению и осмыслению. Масштаб территории, которая ассоциируется у человека с Родиной, может быть различным: от небольшой местности, где он родился и вырос, до страны, гражданином которой он является [8].

На вопрос о том, что респонденты считают своей Родиной, ответы в исследуемых нами подвыборках распределились неоднозначно. В обоих случаях наиболее популярным вариантом стал «Россия», однако респонденты из числа основного населения упоминали его значительно чаще (Студенты – 35%, Население – 50%). Второй по популярности вариант «Свой город/свое село», напротив, чаще выбирали молодые респонденты (Студенты – 27%, Население – 18%). Значительно меньший разрыв наблюдается в третьем по популярности варианте «Свой регион (об-

ласть, республику)» (Студенты – 21%, Население – 18%), а вариант «Географический регион (Урал, Сибирь, Дальний Восток)» выбрало равное количество респондентов (Студенты – 12%, Население – 12%). Среди студентов, выбравших «Другое», имели место следующие варианты: «Семья», «Казахстан», «Планету земля», «Мама», «Место, где родился и вырос». Среди респондентов из категории основного населения, выбравших «Другое», имели место следующие варианты: «Все перечисленное», «СССР». Таким образом, можно говорить, что респонденты из числа студентов по сравнению с основным населением чаще своей Родиной считают локальные социально-территориальные образования. Незначительная популярность географической идентичности может быть объяснена двойственностью географической и административно-территориальной принадлежности Тюменской области через одновременное включение в территорию Урала как части Уральского федерального округа и территорию Сибири (Западной Сибири) через историческое и географическое положение.

Это нашло отражение и в ответах на следующий вопрос анкеты, где респондентам предлагалось оценить важность для себя собственной региональной идентичности. Как отмечает Е.В. Еремина, региональная идентичность отражает преемственность самосознания местных общностей, что объясняется культурными контрастами между российскими регионами. Сам же регион является относительно однородным и это в полной мере осознаётся населением. В этом смысле региональная идентичность связана с общими ценностями и установками по отношению к своему месту проживания, базирующимися на климате, качестве жизни, историческом прошлом, экономической специализации и др. [1]

В нашем исследовании участникам опроса предлагалось оценить важность своей региональной идентичности по пятибалльной шкале. Распределение оценок в исследуемых подвы-



борках оказалось схожим, с небольшим перевесом в выборе самого высокого балла в пользу студентов. На 5 баллов её оценили 39% студентов и 32% населения. На 4 балла – 26% студентов и 27% населения. На 3 балла – 27% студентов и 31% населения. На 2 балла – 7% студентов и 7% населения. На 1 балл – 1% студентов и 3% населения.

Различия в структуре ответов, изучаемых в рамках настоящего исследования подвыборках, можно проследить на примере следующего вопроса анкеты. Он был направлен на выявление сформировавшихся в общественном мнении представлений относительно факторов, консолидирующих жителей больших регионов России – уральцев, сибиряков, дальневосточников. Самый популярный вариант «Место проживания, территория» во «Взрослой» выборке отмечали на 25% чаще, чем в студенческой (Студенты – 55%, Население – 80%). Зато вариант «Экономика, занятия, образ жизни» студенты отмечали почти в два раза чаще, чем остальные граждане (Студенты – 46%, Население – 24%). Похожая ситуация и с альтернативой «Специфическая культура», хотя разрыв здесь заметно меньше (Студенты – 40%, Население – 26%). Ещё меньше, но всё ещё значительный разрыв в ответах респондентов обеих подвыборок можно заметить на варианте «Особое отношение к жизни, «состояние души» (Студенты – 44%, Население – 32%). Варианты «Историческая судьба, прошлое» и «Черты характера» выбирали примерно в равной мере (в первом случае: Студенты – 39%, Население – 42%, во втором: Студенты – 17%, Население – 21%). Позицию, что жителей крупных географических регионов ничего не объединяет, поддержала самая малая доля респондентов: Студенты – 2%, Население – 4%. Примечательно, что среди выбравших вариант «Другое» респонденты из подгруппы основного населения, внесли диаметрально противоположные варианты: «Бедность, безысходность» и «Вера, любовь, доброта».

**Выводы.** Обобщая полученные результаты исследования, отметим, что современная студенческая молодёжь г. Тюмени, по сравнению с основным населением, проявляет более умеренные позиции, по различным аспектам, связанным с региональной идентичностью. Так, в оценках ощущения близости с гражданами России студенты реже отмечают крайние варианты «никогда» и «всегда», а рассуждая о важности принадлежности к российскому народу доля респондентов, выбравших максимальный балл среди населения значительно выше, чем среди студентов. Вышесказанное позволяет, говорит о том, что современная молодёжь более осторожно подходит к оценке своих патриотических настроений.

Ценности альтруистического характера, сформированы как в студенческой среде, так и у основного населения приблизительно в равной степени. В то же время для студентов ценности, связанные с активной позицией по отношению к окружающей социальной действительности, оказались важнее (творчество, самореализация, свобода).

Рассуждая о масштабе территории, которая у респондентов ассоциируется с Родиной, было выявлено, что молодёжь чаще считает Родину локальные социально-территориальные образования. В оценке важности своей региональной идентичности распределение оценок в исследуемых подвыборках оказалось схожим, с небольшим перевесом в выборе самого высокого балла в пользу студентов. Выявление представлений респондентов относительно факторов, консолидирующих жителей больших географических регионов России (уральцев, сибиряков, дальневосточников) показало, что студенты чаще отмечают духовно-культурные и социально-экономические факторы, а основное население – территориально-географические.

## Литература

1. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологи-



- ческого анализа // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 216–222.
2. Ефременко Д. В., Евсеева Я.В., Симонова О.А. Солидарность и альтруизм как факторы социального сплочения (вступительная статья) // В сборнике: Социальная солидарность и альтруизм. Москва, 2014. С. 5–15.
  3. Зелетдинова Э. А., Дьякова В.В., Руденко М.Н., Гайнутдинова Е.В. Региональная идентичность в фокусе социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). С. 14–22.
  4. Иванов Р. В., Полюшкевич О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
  5. Кармадонов О. А., Ковригина Г.Д. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 14–23. DOI: 10.31857/S013216250002154–2
  6. Корепанов Г.С. Региональная идентичность как объект социологического исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2009. № 1. С. 16–23.
  7. Лубянов А.В. Региональная общность как объект социологического анализа // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2014. № 1 (33). С. 60–69.
  8. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
  9. Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация социальной идентичности и консолидации российского общества (1984–2009 гг.) // Социология. 2011. № 2. С. 66–78.
  10. Чикаева Т.А. Родина как социально-философская категория: содержание понятия // Манускрипт. 2016. № 7–2 (69). с. 213–216.

## FEATURES OF THE REGIONAL IDENTITY OF MODERN STUDENT YOUTH

Gudenkova O.F., Savitskaya Yu.P.  
Tyumen Industrial University

The article shows the features of the regional identity of students in Tyumen in comparison with the main population. The results of a survey of the population and student youth, conducted with the participation of the authors in the fall of 2021, are presented. Such aspects of the problem are described, as well as the place of the concept of “Motherland” in the value structure of the respondents. The self-assessment of the importance of the respondents’ belonging to the Russian people and their feelings about this are shown. Various aspects related to the regional identity of the respondents are described: assessment of the feeling of closeness with the citizens of Russia; the importance of belonging to the Russian people; the value system and the place of the concept of “Motherland” in it; the scale of the territory that the respondents associate with the Motherland; assessing the importance of their regional identity; views on the factors that consolidate the inhabitants of large geographic regions of Russia. It is concluded that student youth are more cautious in assessing their patriotic sentiments and show more moderate positions on issues related to regional identity.

**Keywords:** Regional identity, consolidation, social space, region, patriotism, homeland, sociological research.

### References

1. Eremina EV Regional identity in the context of sociological analysis // Regionology. 2011. No. 3 (76). S. 216–222.
2. Efremenko D. V., Evseeva Ya. V., Simonova O.A. Solidarity and altruism as factors of social cohesion (introductory article) // In the collection: Social solidarity and altruism. Moscow, 2014. S. 5–15.
3. Zeletdinova E. A., Dyakova V.V., Rudenko M.N., Gainutdinova E.V. Regional identity in the focus of sociological analysis // Theory and practice of social development. 2020. No. 1 (143). S. 14–22.
4. Ivanov R. V., Polyushkevich O.A. Patriotism and identity in modern Russian films // Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. 2016. Vol. 18.P. 44–55.



5. Karmadonov OA, Kovrigina GD Non-obviousness of solidarity: the problem of empirical study of difficult-to-verify social conditions // Sociological research. 2018.No. 10.P. 14–23. DOI: 10.31857 / S013216250002154–2
6. Korepanov GS Regional identity as an object of sociological research // Sociology in the modern world: science, education, creativity. 2009. No. 1. P. 16–23.
7. Lubyaynov A.V. Regional community as an object of sociological analysis // Education. The science. Innovation: Southern Dimension. 2014. No. 1 (33). S. 60–69.
8. Parsons T. About the structure of social action. M.: Academic project, 2000.880 p.
9. Polyushkevich OA Socio-cultural transformation of social identity and consolidation of Russian society (1984–2009) // Sociology. 2011. No. 2. S. 66–78.
10. Chikaeva TA Homeland as a socio-philosophical category: the content of the concept // Manuscript. 2016. No. 7–2 (69). With. 213–216.

## Социальная роль бабушки в современной осетинской семье

**Дзагурова Наталья Хаджумаровна,**

старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра РАН  
E-mail: tedeenavina@yandex.ru

Цель исследования: анализ социальной роли бабушки в современной осетинской семье. В работе автором применен метод системного анализа, позволивший рассмотреть сохранение социального опыта и семейного культурного капитала с точки зрения межпоколенной трансмиссии. Проанализированы три блока вопросов, охватывающих степень вовлеченности бабушек в семейные ценности, влияние на поколение внуков и установки относительно самих себя. В статье обозначены периоды историко-культурного становления сохранения и передачи семейного социокультурного капитала в осетинской семье посредством прародителей (бабушек).

На основе привлеченного эмпирического материала определены преобладающие установки бабушек во внутрисемейном поведении. Выявлены причины низкого стремления пожилых женщин в осетинских семьях реализовывать себя в несемейной занятости.

Сделаны следующие выводы: 1) современные условия жизни открывают перед пожилыми женщинами возможность занятости вне семьи, однако, респондентки в подавляющем большинстве не рассматривают смысл собственной жизни на текущем этапе в самореализации; 2) глубокий историко-культурный контекст, в котором на протяжении веков в осетинской семье старшее поколение видело смысл своего существования в воспитании достойного молодого поколения, обусловил направленность стремлений респонденток на поддержание внутрисемейной гармонии и воспитание внуков подчас в ущерб собственным интересам.

**Ключевые слова:** Осетия, осетинская семья, бабушка, социальная роль, историко-культурный контекст, семейные ценности.

Современная российская семья, как и все общество в целом, переживает ряд трансформационных процессов, обусловленных влиянием ценностей индустриальной цивилизации. Межпоколенные взаимоотношения в семье являются предметом исследований многих российских и зарубежных современных ученых, в частности, научные исследования выделяют как позитивные изменения трансформационных процессов связанных с улучшением бытовых условий проживания, осознанном планировании детей, мобильности и т.д. [1], так и негативные тенденции растущего количества разводов, внебрачной рождаемости, сокращения рождаемости, девиации детей и подростков [11]. Отечественные исследователи, такие как С.И. Голод [2] и С.В. Захаров [6], отмечают, что трансформационные процессы в семейной сфере, напрямую связаны с глобальными вызовами и ходом структурных преобразований российского общества. Т.А. Гурко акцентирует внимание на вхождение в российскую действительность «относительности» возраста старения, присущего западной культуре и оказывающего влияние, в том числе и на межпоколенные семейные связи [3]. Наличие различных моделей семей ведет и к наличию разнообразных паттернов межпоколенных взаимодействий, с широким спектром взаимодействия: от солидарности [8], сочетания близости и дистанции [7] до межпоколенных конфликтов [9]. И.Ф. Деметьева отмечает, что ситуация усугубляется еще и тем, что «трудности, переживаемые семьей, привели к возникновению совершенно новых, ранее несвойственных проблем воспитательного характера, неуверенные в себе родители перестают быть авторитетом и образцом для подражания у своих детей» [4], т.е. частью семей перестают выполняться функции социализации и воспитания, которые тради-



ционно осуществлялись данным социальным институтом.

В рамках исследования нас интересовала роль прародителей (в частности бабушек) в процессе формирования ценностно-нормативных систем у поколения внуков. Данная статья посвящена исследованию социальной роли бабушки в современной осетинской семье. Выбор Осетии обусловлен как важностью учета поликультурных и поликонфессиональных особенностей Российской Федерации, для решения проблемы неоднородности развития российского социального пространства в целом [5], так и наличием в Осетии большого количества расширенных (многопоколенных) и мононациональных семей.

Передача социального опыта и семейного культурного капитала с точки зрения межпоколенной трансмиссии обусловлены историко-культурным контекстом, где в Осетии можно обозначить следующие основные периоды:

- период традиционного мировоззрения с многопоколенными патриархальными семьями (до 1918 года), где главная женщина семьи – фсин (бабушка, свекровь) является ее соединяющей основой. Статус « фсин» окружен почетом и уважением, ей беспрекословно подчинялись все женщины семьи, к ее советам прислушивались мужчины, ей отводилась роль главной воспитательницы в семье в целом;
- период начала строительства советского государства (1918–1930 гг.), где законодательство 1918 года, с одной стороны, освобождало женщину-горянку, открывало ей доступ в общественное производство, но одновременно и ослабляло семейные связи, поскольку массовая вовлеченность матерей в профессиональную деятельность не оставляла времени на полноценное воспитание детей [10]. В этот период в осетинских семьях усиливается влияние прародительского поколения на внуков, поскольку пожилые женщины в силу образовательного

ценза еще не вовлечены массово в новое советское социальное пространство. В осетинской семье у бабушки начинает формироваться статус «нана», который в системе внутрисемейной стратификации имеет поддерживающую (психотерапевтическую) и воспитательную функции;

- 1960-е годы и последующие десятилетия 20 века, когда в ролевом наборе обязанностей пожилых женщин в осетинских семьях окончательно закреплена забота о внуках. «Нана» проводит с внуками значительную часть свободного времени (отводит на кружки, гуляет с ними, выполняет домашние задания, «секретничает» и т.д.) – все это оказывает на детей огромное воспитательное воздействие;
- современный этап, когда социально – экономические условия толкают к продолжению трудовой деятельности, а сохранение достаточного хорошего состояния здоровья в возрасте официального выхода на пенсию становятся весомым аргументом в пользу занятости пожилых женщин вне семьи.

В данной статье использованы результаты количественного социологического исследования в форме стандартизированной анкеты. В ходе исследования, проведенного в октябре 2021 года, было опрошено 160 женщин – осетинок старшего возраста, имеющих внуков (см. табл. 1).

Средний возраст респонденток составил 66 лет, большее среднее количество внуков среди опрошенных имели бабушки старше 65 лет, при этом 88% опрошенных бабушек живут в одном доме с внуками. Анкетирование включало в себя три блока вопросов, охватывающих следующие позиции:

- степень вовлеченности в семейные ценности;
- влияние на поколение внуков;
- установки относительно самих себя.

При определении степени вовлеченности в семейные ценности выявилось, что 64% респонденток оказались не готовыми предоставить своим взрослым

детям право самостоятельно распоряжаться собственной жизнью, из них 58% считает, что учет мнения старшего поколения очень важен для крепкой семьи. В подавляющем большинстве опрошенные респондентки ответили, что семейные проблемы должны решаться внутри семьи, 98% опрошенных бабушек указали, что родители должны оказывать материальную помощь детям при необходимости, а дети обязаны заботиться о своих родителях, когда последние будут нуждаться в помощи. Из опрошенных бабушек 98% указа-

ли на важность взаимоуважения, 95% назвали в числе приоритетных ценностей – послушание. Анкетирование показало высокую степень вовлеченности респонденток в управлении судьбами своих детей, что, на наш взгляд, связано с особенностями вышеприведенного историко-культурного контекста в осетинских семьях, однако не менее важно возможно и то, что подавляющее большинство бабушек живут под одной крышей со своими детьми и внуками и критически могут оценивать их образ жизни.

Таблица 1. Общая характеристика выборки участниц анкетирования по исследованию социального статуса бабушки в современно осетинской семье

Возраст		Образование			Количество внуков	
Лет	%	Среднее общее%	Среднее специальное%	Высшее%	Среднее	%
55–65	9	10,2	55,8	34,0	1–2	20,7
65–70	87,8	23,7	51,2	25,1	2–3	43,1
70 и старше	3,2	57,1	25,4	17,5	3 и более	36,2

При исследовании влияния бабушек на поколение внуков выяснилось, что основными качествами, которые бабушки ожидают увидеть у своих внуков-подростков, являются следующие: 91% респонденток хотят, чтобы их внуки хорошо учились в школе, столько же рассчитывают на уважительное отношение к родителям и самим себе, 100% бабушек считают важным, чтобы внуки достойно представляли свою семью в социуме, при этом 86% считают, что на данный момент это так и есть. Отношения между бабушками и внуками можно охарактеризовать как близкие: 68% бабушек ответили, что делятся с внуками своими мыслями, 92% респонденток заявили, что их отношения с внуками безконфликтные, 33% бабушек доверяют внукам свои секреты, 76% респонденток считают, что находят одобрение и поддержку у внуков и могут разговаривать с ними на темы, которые не обсуждаются с другими членами семьи. Из опрошенных бабушек 66% чувствуют, что внуки гордятся ими, только 4% бабушек не ощуща-

ют подобного отношения к себе, 86% бабушек согласны терпеть финансовые сложности, чтобы помочь своим внукам, 79% бабушек готовы смириться с недостатком времени для выполнения других обязанностей, 64% готовы отказаться от намеченных планов в пользу внуков. Мотивация на подобную помощь носит нормативный характер, поскольку 89% считают помощь внукам обязанностью, но при этом 52% ожидают от них благодарности. Из опрошенных 60% чувствовали бы себя виноватыми, если бы не оказывали подобной поддержки, 36% бабушек опасаются непонимания со стороны окружающих, если не будут помогать своим внукам. Такое отношение к внукам бабушки считают превентивной мерой, предупреждающей сложные жизненные ситуации в современных условиях.

Установки бабушек относительно самих себя показали следующее: из опрошенных лишь 4% высоко оценили значимость собственной идентичности вне зависимости от семьи,



свое личное счастье видят в благополучии семьи 95%, из них 93% миссией проживания внутри семьи считают поддержание гармонии в ней, 92% готовы забыть о собственных интересах, если это пойдет на пользу семье, 82% бабушек заявили, что для них очень важно как можно дольше сохранить силы, чтобы не стать обузой для семьи в глубокой старости, 63% указали здоровье как самую важную ценность, при этом 96% опрошенных рассчитывают на поддержку внуков в будущем. 92% респонденток не боятся, что близкие люди могут покинуть их, и будут недоступны в тот момент, когда возникает необходимость в их помощи и лишь 8% бабушек сетуют на то, что «когда надо рядом никого не оказывается».

Таким образом, подавляющее большинство бабушек, участвовавших в анкетировании, продемонстрировали высокую степень вовлеченности в управление судьбами своих детей. Выявленные жертвенные установки в «служении семье и внукам» указывают на неприемлимость в традиционном осетинском обществе институциональных форм призрения в старости, что делает родственную поддержку единственной возможностью в случае неспособности обслуживать себя. Несмотря на то, что современные условия жизни дают возможность сохранения достаточно хорошего состояния здоровья в возрасте выхода на пенсию, что открывает перед пожилыми женщинами возможность занятости вне семьи, респондентки в подавляющем большинстве не рассматривают смысл собственной жизни на текущем этапе в самореализации. Глубокий историко-культурный контекст, в котором на протяжении веков в осетинской семье старшее поколение видело смысл своего существования в воспитании достойного молодого поколения, обусловил направленность стремлений респонденток на поддержание внутрисемейной гармонии и воспитания внуков подчас в ущерб собственным интересам.

## Литература

1. Галкина Д.В. Трансформация современной российской семьи, ее структурные и функциональные проявления // ИСОМ.-2015.-№ 7–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-sovremennoy-rossiyskoy-semi-ee-strukturnye-i-funktsionalnye-proyavleniya>
2. Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.
3. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.
4. Дементьева И.Ф. Социально-экономическое положение семьи и проблемы социализации детей / Модернизация социальной структуры российского общества. – М., 2008. – С. 181–194
5. Дзагурова Н.Х. – Гендерные аспекты повседневности современной осетинской семьи // Социодинамика. – 2020. – № 12. – С. 52–58. DOI: 10.25136/2409–7144.2020.12.34700URL:
6. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 73–112
7. Климантова Г.И. Семья в условиях мировых социальных трансформаций // Семья и семейное воспитание: кросс-культурный анализ на материале России и США. ООО «Квант Медиа», 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/semya-i-semejnoe-vozpitanie-kross-kulturnyj-analizna-materiale-rossii-i-ssha-read-439969–23.html> Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.
8. Синельников А.Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики



- в России: Автореф. ... дисс. д-ра соц. наук. М., 2015. 50 с.
9. Тедеева Н.В., Дзагурова Н.Х. Вовлечение женщин Северной Осетии в промышленное производство в 1925–1937 гг. // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 6. – С. 155–160.
  10. Шохина Е.А. Политические аспекты социальной защиты семьи и охраны детства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2009. – 23 с.

### THE SOCIAL ROLE OF THE GRANDMOTHER IN THE MODERN OSSETIAN FAMILY

**Dzagurova N. Kh.**

Branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the study is to analyze the social role of the grandmother in the modern Ossetian family. The subject of the study is the historical and cultural context that formed the specific mission of the grandmother in the modern Ossetian family, aimed at maintaining intra-family harmony and raising grandchildren. The object of the study is the social role of the grandmother in the modern Ossetian family.

In the work, the author applied the method of system analysis, which made it possible to consider the preservation of social experience and family cultural capital from the point of view of intergenerational transmission. Three blocks of questions covering the degree of involvement of grandmothers in family values, the impact on the generation of grandchildren and attitudes about themselves are analyzed. The article outlines the periods of historical and cultural formation of the preservation and transfer of family socio-cultural capital in the Ossetian family through grandparents.

On the basis of the empirical material involved in the study, the prevailing attitudes of grandmothers in intra-family behavior were determined. The reasons for the low desire of elderly women in Ossetian families to realize themselves in non-family employment are revealed. The following conclusions are made: 1) modern living conditions open up the possibility of employment outside the family for older women, however, the vast majority of respondents do not consider the meaning of their own life at the current stage in self-realization; 2) the deep historical and cultural context in which for centuries

in the Ossetian family the older generation saw the meaning of their existence in the upbringing of a decent young generation, determined the orientation of the respondents' aspirations to maintain intra-family harmony and the upbringing of grandchildren, sometimes to the detriment of their own interests.

**Keywords:** Ossetia, ossetian family, grandmother, social role, historical and cultural context, family education.

### References

1. Galkina D.V. Transformation of the modern Russian family, its structural and functional manifestations // ISOM-2015.-№ 7–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sovremennoy-rossiyskoy-semi-ee-strukturnye-i-funktsionalnye-proyavleniya>
2. Hunger SI Modern family: pluralism of models // Sociological journal. 1996. No. 3–4. S. 99–108.
3. Gurko TA Transformation of the institution of the modern family // Sociological research. 1995. No. 10. P. 95–99.
4. Demytyeva I.F. Socio-economic situation of the family and problems of socialization of children / Modernization of the social structure of Russian society. – М., 2008. – S. 181–194
5. Dzagurova N. Kh. – Gender aspects of everyday life of the modern Ossetian family // Sociodynamics. – 2020. – No. 12. – S. 52–58. DOI: 10.25136 / 2409–7144.2020.12.34700URL:
6. Zakharov SV The latest trends in family formation in Russia // World of Russia. 2007. No. 4. P. 73–112
7. Klimantova GI Family in the context of world social transformations // Family and family education: cross-cultural analysis based on the material of Russia and the United States. LLC “Quant Media”, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.rulit.me/books/semya-i-semejnoe-vospitanie-kross-kulturnyj-analizna-materiale-rossii-i-ssharead-439969–23.html> Mironova A.A. Related intergenerational solidarity in Russia // Sociological studies. 2014. No. 10. P. 136–142.
8. Sinelnikov AB Crisis of marriage and family and intergenerational relations and priority directions of demographic policy in Russia: Author's abstract. ... diss. Dr. sots. sciences. М., 2015. 50 p.



9. Tedeeva N.V., Dzagurova N. Kh. Involvement of women in North Ossetia in industrial production in 1925–1937 // History magazine: scientific research. –2017.-№ 6.- S. 155–160.
10. Shokhina E.A. Political aspects of social protection of the family and child protection in the Russian Federation: author. dis. ... Cand. polit. sciences. – M., 2009. – 23 p.

## Этническая идентичность в Байкальской Азии

**Комбаев Алексей Викторович,**

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова  
E-mail: kombaev@mail.ru

**Борисова Анни Суреновна,**

студент кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова  
E-mail: anniboris03@gmail.com

**Суманев Евгений Вячеславович,**

студент кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова  
E-mail: sumanev99ssd@mail.ru

Изучение темы межнациональных отношений не теряет своей актуальности, современное российское общество по-прежнему имеет культурное, языковое, конфессиональное и этническое многообразие, что с одной стороны, является его плюсом, а с другой, это может стать источником возникновения конфликтных ситуаций между различными группами.

Состояние межнационального взаимодействия в субъектах России имеет свои особые региональные черты. В данном отношении республика Бурятия не является исключением, представляя собой уникальный регион, который отличается своими многогранными взаимодействиями между многочисленными народами, составляющими поликультурное своеобразие республики. Делается вывод о том, что в Бурятии для большинства жителей республики важна общероссийская идентичность, это касается как взрослого населения, так и молодежи. Продолжает быть значимым вопрос сохранения национальной самобытности в нашем регионе, так как для существенной части населения на первом месте стоит их этническая (национальная) идентичность.

**Ключевые слова:** этнос, культура, идентичность, Байкальская азия, демография, конфликты, молодежь.

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 21-09-43043 Последняя стройка социализма: исторический опыт позднесоветской модернизации районов Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.*

В конце сентября – начале октября 2021 года было проведено социологическое исследование для изучения общественного мнения жителей республики Бурятия по вопросам этнической (национальной) и общероссийской идентичности в регионах Азиатской России.

Опрос проводился с использованием анкет, состоявших из 30 вопросов как закрытого, так и открытого типа. Вопросы были сгруппированы по двум блокам. Первый блок вопрос затрагивал общероссийскую, гражданскую идентичность жителей региона. Вопросы второго блока были посвящены этнической (национальной) идентичности респондентов.

Для соответствия генеральной совокупности наша выборка, состоящая из 200 респондентов, была разделена на 2 группы:

1. Первая группа (100 человек), подразумевающая опрос всего населения республики Бурятия, была равномерно распределена по региону в соответствии с половозрастным и этническим факторами:

Иволгинский район – имеет смешанное население;

- Закаменский район – имеет преимущественно бурятское население, является приграничным районом с Монголией;
- Бичурский район – преимущественно русское население, граничит с Забайкальским краем;
- Хоринский район – имеет смешанное население;
- Город Улан-Удэ – крупный промышленный и деловой центр республики Бурятия, имеет смешанное население.

Половозрастная структура опроса следующая:

- Мужчины (18–29 лет – 12 человек, 30–59 лет – 26 человек, 60 и старше лет – 8 человек);
- Женщины (18–29 лет – 12 человек, 30–59 лет – 28 человек, 60 и старше лет – 14 лет).



2. Вторая группа (100 человек) включала в себя опрос студентов двух крупных ВУЗов Бурятии (ВСГУТУ и БГУ им. Д. Банзарова). Квота была распределена на основе половой принадлежности: мужчины – 50 человек, женщины – 50 человек, обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарные специальности – 50 человек, технические специальности – 50 человек.

Исследование представляется интересным, поскольку дает возможность провести сравнительный анализ отношения к общероссийской и этнической идентичности, как студентов ВУЗов, так и всего населения республики Бурятия.

И переходя к сравнению результатов, начнем с первого блока, касающегося общероссийской и гражданской идентичности.

Первый вопрос звучал следующим образом – «Насколько часто Вы ощущаете общность с гражданами России?». Студенты показали такие данные: вариант «иногда» – 45%, «часто» – 33%, «всегда» – 15%. Все население, в свою очередь, ответило так: варианты «часто» и «иногда» – 31%, «всегда» – 30%.

По мнению авторов, такое распределение ответов говорит о том, что у значительной группы студентов недостаточно сформирован уровень гражданской активности. Но данные по студентам размываются в общей картине, полученной в ходе массового опроса, где мы видим практически равное соотношение по всем трем вариантам, что наталкивает на мысль о том, что взрослое население в большей степени ощущает общность и близость с другими гражданами России.

Далее, предлагался вопрос – «Что Вас объединяет с гражданами России?», который показал такие ответы:

1. Результаты массового опроса: «общее государство» – 71%, «родная земля, территория, природа» – 55%, «русский язык» – 38%, «историческое прошлое» – 33%.
2. Результаты опроса студентов: «общее государство» – 73%; «родная земля, территория, природа» – 44%; «историческое прошлое» – 41%; «русский язык» – 38%.

Таким образом, подводя итог, мы можем видеть схожую ситуацию в том, что на первое место и учащаяся молодежь, и все население республики в целом ставит именно общее государство и территорию, как факторы, объединяющие их с гражданами России.

Следует отметить, что историческое прошлое для каждой группы играет разную роль в объединении народа. При этом наша привычная мысль о том, что для старшего поколения, составляющего большинство в массовом опросе, прошлое важнее, чем для учащейся молодежи, была подтверждена полученными данными.

Несмотря на то, что русский язык, как фактор объединения граждан России, набрал невысокий процент, он по-прежнему его фактор весьма значим.

Следующий вопрос представлял собой 5-балльную шкалу, в которой респондентам предлагалось отметить степень их принадлежности к российскому народу, где 1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая оценка.

Так, оказалось, что для учащейся молодежи в принципе важна их принадлежность к российскому народу, об этом говорит 61% респондентов, давших оценку «4» и «5». Население же республики в целом ответило почти аналогичным образом, где оценки «4» и «5» в сумме набрали 66%.

Данный факт может говорить о том, что общество республики Бурятия придерживается единого мнения по данному вопросу.

На вопрос «Какие общие ценности являются базовыми для российского общества?» были выделены наиболее популярные ответы в каждой группе. У студентов:

1. «Патриотизм, любовь к Родине» – 48%;
2. «Социальная ответственность, забота об окружающих» – 38%;
3. «Традиционность» – 35%;
4. «Справедливость, правда» – 32%.

В массовом опросе:

1. «Патриотизм, любовь к Родине» – 59%;
2. «Традиционность» – 34%;

3. «Социальная ответственность, забота об окружающих» – 31%;
4. «Справедливость, правда – 27%

В целом были получены ожидаемые результаты, главной ценностью стали патриотизм и любовь к Родине, далее идут незначительные отличия, доказывающие лишь факт того, что взрослое население, преобладающее в массовом опросе, более консервативно по сравнению с молодым, что подтверждается вариантами ответов «традиционность» и «социальная ответственность, забота об окружающих».

Затем идет вопрос, где участникам необходимо было определить чувства, вызываемые их принадлежностью к российскому народу.

Так, студенты показали крайне противоречивые чувства:

1. «Чувство гордости» – 39%;
2. «Никаких особых чувств» – 34%.

У всего же населения республики наблюдается примерно схожая картина:

1. «Чувство гордости» – 31%;
2. «Никаких особых чувств» – 28%.

Однако стоит подчеркнуть, что в ходе проведения массового опроса была определена группа, составляющая примерно четверть населения региона, у которой принадлежность к российскому народу вызывает чувство защищенности.

Респондентам было предложено ответить на такой вопрос – «Как правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России?». Результаты ответов, исходя из выборных позиций, не имеют серьезных отличий между собой. В массовом опросе: «россияне» – 65%, «российский народ» – 20%, «русские» – 8%. У студентов: «россияне» – 56%, «российский народ» – 22%, «русские» – 13%.

Из результатов видно, что слово «россияне» воспринимается респондентами, как наиболее приемлемое и привычное. Вероятно, такое понятие дает каждому человеку право считать себя полноценным гражданином страны, независимо от его этнической принадлежности. Именно поэтому, сегодня, все народы, населяющие Россию,

независимо от национальности, прежде всего – россияне.

В следующем вопросе под номером семь респонденты выражали свое мнение, что для них есть Родина. Опрос студентов показал: «Россия» – 44%, «свой регион (республика, область) – 29%, «свой город / село» – 17%, «географический регион (Урал, Сибирь и т.д.)» – 4%.

Массовый опрос: «Россия» – 33%, «свой регион» – 31%, «свой город / село» – 24%, «географический регион» – 11%.

Коррелирующий вопрос, о степени важности для респондентов региональной идентичности, показал, что больше половины студентов (65%) и всего населения республики (76%) дает высокую оценку важности для них «малой Родины».

Исходя из результатов двух приведенных выше вопросов, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то, что для большей части студентов Родиной является Россия, для них так же важна и их региональная идентичность. Студенты не теряют своей связи с «малой родиной», определенно, для них важно то место, где они выросли.

Что касается всего населения в целом, то ситуация здесь немного иная. Процент тех, кто считает своей Родиной Россию не существенно, но заметно ниже, чем у студентов. Для населения важна в большей степени принадлежность к географическому региону, их республике, городу/селу, что подтверждается результатами по вопросу о важности региональной идентичности, которые в процентном соотношении выше, чем у молодежи.

Последний вопрос был сформулирован следующим образом «Что, по Вашему, объединяет жителей больших регионов России – уральцев, сибиряков, дальневосточников?». В массовом опросе на первое место респонденты поставили вариант «место проживания, территория» – 65%, на второе – «историческая судьба, прошлое» – 34%, далее, с небольшим отставанием идет вариант «экономика, занятия, образ жизни» – 32%.



Студенты же ответили таким образом: «место проживания, территория» – 65%, «специфическая культура» – 42%, «историческая судьба, прошлое» – 39%.

В заключении, по этому вопросу хочется сделать следующий вывод – несмотря на все отличия в распределении ответов, на первом месте и студенты, и все население поставили «территорию», как фактор, объединяющий их с другими жителями Дальнего Востока. Но при этом «культура» у студентов стоит на втором месте по значимости. Вероятно, это может говорить о том, что образовательная среда оказала значительное влияние на студентов, именно поэтому они чувствуют свою связь с жителями своего географического региона через специфическую дальневосточную культуру.

Таким образом, подводя итог по первому блоку вопросов, следует отметить отсутствие серьезных различий в общественном мнении студентов и всего населения в целом.

Однако, для всего населения, включая учащуюся молодежь, более важна региональная идентичность, чем общероссийская. Это хорошо было продемонстрировано в ответах на вопросы 7 и 8. Возможно, еще одной причиной данного факта являются консервативные взгляды на жизнь всех жителей нашей республики.

Во втором блоке вопросы посвящены этнической (национальной) идентичности. И первый вопрос, тринадцатый в анкете, просит респондента определить, что для них является главным при определении этнической принадлежности (национальности) человека.

1. Самыми распространенными ответами в массовом опросе оказались: «национальность отца» – 56%, «родной язык» – 47%, «культура» – 37%, «национальность матери» – 36%.

2. Популярными ответы в опросе студентов следующие: «национальность отца» – 52%, «культура» – 48%, «национальность матери» – 42%, «родной язык» – 34%.

Делая вывод, мы можем еще раз подчеркнуть, что население республи-

ки, определяя свою этническую принадлежность в большей степени по отцу, чем по матери, довольно консервативно. При этом результаты определения своей национальности по матери заметно меньше таких факторов, как «родной язык» и «культура».

В свою очередь, учащаяся молодежь, напротив, менее консервативна, даже, несмотря на то, что она определяет свою этническую принадлежность, в первую очередь, по отцу и культуре, а только затем по матери. Но, следует подчеркнуть, что популярность данного варианта (определение национальности «по матери») заметно выше, чем у остальной части населения республики.

Следующий вопрос второго блока вновь представлял собой 5-балльную шкалу, в которой респондентам предлагалось отметить степень важности принадлежности к их этнической (национальной) общности, где 1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая. Его результаты коррелируют с третьим вопросом первого блока. Были получены следующие результаты:

1. Молодежь ответила: оценка «5» – 33%, оценка «3» – 23%, оценка «4» – 19%;

2. Массовый опрос показал: оценка «5» – 42%, оценка «4» – 27%, оценка «3» – 23%.

Делая вывод, можно заметить, этническая принадлежность для студентов важна в меньшей степени, чем для остального населения республики, что отчасти подтверждается разницей количества респондентов, выбравших оценку «1» (учащаяся молодежь – 16%, население – 4%).

Схожий с ним, третий вопрос, дал аналогичные результаты, согласно которым для студенческой молодежи принадлежность к российскому народу важна в меньшей степени, чем для всего населения в целом.

Сравнивая результаты по двум вопросам, можно сделать еще один очень важный вывод – для студентов важнее является чувство общности с гражданами России, чем их национальность.

Опрос всего населения республики показал обратную картину, пусть разрыв в ответах не столь велик (принадлежность к российскому народу – 66% ответов респондентов, выбравших оценку «4» и «5», национальная принадлежность – 69% ответов респондентов).

Далее, был предложен вопрос – «Что, по-Вашему, объединяет представителей Вашей этнической принадлежности (национальности)?». Были выделены наиболее популярные ответы:

Опрос студентов: «национальная культура» – 57%, «национальный язык» – 51%, «историческая судьба, прошлое» – 40%, «обычаи, обряды, традиции» – 33%;

Массовый опрос показал: «национальный язык» – 54%, «национальная культура» – 45%, «историческая судьба, прошлое» – 41%, «обычаи, обряды, традиции» – 40%.

Так, мы можем предположить, что учащаяся молодежь в большей степени определяет национальную культуру, как важный фактор объединения представителей своего этноса (национальности), возможно, по причине слабого знания своего родного языка. А различие в ответах по позиции «обычаи, обряды, традиции» мы можем объяснить тем, что в условиях глобализации вестернизированной культуры продолжают вытесняться многие традиционные элементы.

Сравнивая этот и второй вопросы, можем провести параллель по такой позиции, как «место проживания, территория». В вопросе из первого блока мы видим, что территория, как фактор объединения граждан России, играет более важную роль, чем в упомянутом выше вопросе. Причиной таких отличий может являться этнический фактор, ведь, как известно, представители титульной нации проживают не только на территории Республики Бурятия, но и в соседних регионах (Иркутская область, Забайкальский край). Следовательно, территория региона объединяет их в меньшей степени, чем язык, культура, общее прошлое и традиции.

После идет вопрос – «На какие сферы жизни влияет Ваша этническая (национальная) принадлежность?».

Самыми распространенными ответами в массовом опросе оказались: «семейная» – 41%, «никак не влияет» – 35%, «культурная» – 34%.

Популярные ответы в опросе студентов следующие: «культурная» – 48%, «семейная» – 43%, «религиозная» – 34%.

Выбор культурной сферы, как основной, в очередной раз подтверждает тот факт, что образовательная среда оказывает влияние на студентов. Выделение семейной сферы в массовом опросе на первое место вновь говорит о том, что население республики в большей мере настроено традиционно, чем учащаяся молодежь.

В массовом опросе на втором и третьем месте стоят позиции «никак не влияет» и «культурная» сфера, студенты, в свою очередь, выбрали семью и религию.

Вероятно, на такое распределение ответов оказало влияние историческое прошлое нашей страны, так как долгое время религия была под запретом, вследствие этого этническая принадлежность не воздействует на эту сферу жизни. Именно поэтому население в целом выделяет только две сферы (семейная и культурная), на которые, по их мнению, влияет национальность жителя региона.

Далее, респондентам необходимо было определить чувства, вызываемые принадлежностью к их народу (национальности). Как среди студентов, так и среди всего населения можно выделить две противоположные группы:

1. В среде студенческой молодежи: «чувство гордости» – 49%, «ничего не вызывает» – 35%;
2. В массовом опросе: «чувство гордости» – 50%, «ничего не вызывает» – 34%.

Таким образом, отсутствуют серьезные разногласия по этому вопросу. Однако его стоит сравнить с пятым вопросом первого блока, где выделены схожие полярные группы.



Но проанализировав результаты более подробно, мы столкнулись с тем, что респонденты испытывают гордость за свой народ (национальность) заметно больше, чем за принадлежность к народу России.

Особое внимание стоит обратить на два следующих вопроса. И интересны эти вопросы, прежде всего в распределении ответов в зависимости от национальности респондента.

Так в первом вопросе участникам массового опроса предлагалось назвать важнейшие даты и события из истории их народа. И вот какие получились результаты: большинство из тех, кто указал свою этническую принадлежность как русский/русская, в качестве самого важного исторического события назвали Великую Отечественную войну (53,2%), на втором месте по важности идет Отечественная война 1812 года – 10,6%.

Представители бурятского этноса выделили следующие события: «вхождение Бурятии в состав России» – 19,1%, затем идет «образование Республики» – 12,8% и на третьем месте, по популярности – Великая Отечественная война – 10,6%. Стоит так же упомянуть, что около 42% респондентов, относящих себя к бурятам, не ответили на этот вопрос. У русского населения это число составило 21,2%.

Возможно, данный факт связан с тем, что раньше, когда респонденты обучались в школе, был недостаточно развит уровень просвещения по вопросам национальной истории Бурятии.

Во втором вопросе респондентам требовалось назвать представителя их национальности, являющимся для них великим человеком, символом народа. Те, кто указал в графе национальность бурят/бурятка, назвали следующих личностей: Доржи Банзаров – 19,1%, Даши-Доржо Итигэлов – 14,9% и Даши Намдаков – 8,5%. Представители русского этноса назвали: В.И. Ленин – 19,1%, Петр I – 12,8%, и А.С. Пушкин – 10,6%.

Что касается опроса студентов, то здесь так же были определены наиболее популярные ответы, указан-

ные респондентами, относящими себя к представителям бурятского народа.

Среди них оказались:

1. Участие Бурятии в Гражданской войне и Великой Отечественной войне – 20%;
2. Присоединение Бурятии к России – 16,6%;
3. Переименование Верхнеудинска в Улан-Удэ – 6,6%;

Для большинства студентов великим человеком, символом народа стал Доржи Банзаров – 40%. Среди других ответов оказались: Алдар Цыренжапов, Хоца Намсараев, Даши-Доржо Итигэлов и др.

Среди респондентов, определяющих свою национальность как русскую, отметили следующие события из истории своего народа:

1. Великая Отечественная война – 44,06%;
2. Февральская и Октябрьская революции – 20,3%.
3. Крещение Руси – 13,5%;
4. Отмена крепостного права – 11,8%.

Великими людьми для русского народа стали: Петр I (11,8%), И.В. Сталин (10,1%), В.И. Ленин (8,4%), Александр 2 (6,7%), А.С. Пушкин (5%) и др.

Результаты, полученные по студентам, позволяют сделать вывод о том, что представители двух этнических общностей (русские и буряты) помнят главные исторические события своего народа, способны правильно указать ключевые даты, а также написать фамилии выдающихся личностей.

Стоит так же отметить, что Великая Отечественная война по-прежнему остается событием, объединяющих не только представителей всех народов России, но и людей разных поколений.

Далее, для ответа был предложен вопрос – «Какой язык Вы считаете родным?». Ответы по студентам распределились следующим образом:

1. «Русский» – 74%;
2. «Оба языка» (русский и бурятский) – 20%;
3. «Другой язык» – 6%.

Ответы по массовому опросу:

1. «Русский» – 61%;

2. «Оба языка» (русский и бурятский) – 22%;
3. «Другой язык» – 14%.

Отмечая специфику региона, в котором, несмотря на проживание в республике представителей множества этносов, абсолютное же большинство населения состоит из двух национальностей: русских и бурят, именно поэтому языки этих этнических групп являются основными.

При этом, результаты показывают, что русский язык, распространенный во всех сферах общественно жизни, играет доминирующую роль среди населения.

Приведенные выше результаты отчасти подтверждаются вопросом о степени владения языками, где знание русского языка было определено как студентами, так и населением в целом на уровне «свободно владею».

Уровень знания же бурятского языка у студенческой молодежи заметно ниже, чем у взрослого населения. На это указывают следующие данные:

1. Опрос студентов: бурятский язык на уровне «свободно владею» – 9%;
2. Массовый опрос: бурятский язык на уровне «свободно владею» – 15%.

Следующий, двадцать третий вопрос, затрагивает тему отношений между представителями национальности респондента и другими этническими группами. Опрошенных попросили дать оценку этим отношениям.

Анализ ответов позволяет сделать следующий вывод: в Республике Бурятия отмечается наличие доброжелательных межнациональных отношений между представителями различных этнических групп. Это подтверждается тем, что большинство жителей региона выбрало такие варианты, как «доброжелательные» – 51%, «нормальные, бесконфликтные» – 42%.

Студенты же показали приблизительно схожие результаты: «нормальные, бесконфликтные» – 45%; «доброжелательные» – 38%. Однако в молодежной среде наблюдается, пусть и незначительное, повышение напря-

жения в сфере межнациональных отношений.

Приведенные выше данные могут быть подтверждены результатами по следующему вопросу – «В качестве кого Вы готовы принять человека другой национальности?».

И результаты в целом по республике здесь такие: почти по всем пунктам свыше 60% респондентов, готовых «всегда» принять человека другой национальности. Исключение составляют пункты «в качестве матери / отца ваших детей» и «вашего супруга / супруги», где процент готовых принять «всегда» равен 53% и 58%. Но здесь стоит заметить, что именно в этих позициях наблюдается самое большое число ответов «затрудняюсь» – 21% и 18% соответственно.

Что касается студентов, то результаты здесь схожие по всем пунктам (более 60% выбрали вариант «всегда»), где исключением так же являются позиции «в качестве матери/ отца ваших детей» и «вашего супруга /супруги» (57% и 60%).

Делая общий вывод по этим двум вопросам, можем отметить, что к настоящему времени в республике в целом сложились доброжелательные и бесконфликтные отношения между представителями разных национальностей. Это подтверждается и тем, что большинство жителей Бурятии готовы «всегда» принять представителя другой национальности, в том числе и в качестве члена семьи.

Тем не менее, отмеченные нами в студенческой среде негативные тенденции, пусть и мало заметные, все-таки заставляют задуматься о том, не станет ли это причиной развития межнациональных конфликтов в будущем.

По следующему вопросу – «Что необходимо для сохранения национальной самобытности Вашего народа?», ответы всего населения распределились таким образом:

1. «Литература по культуре и истории» – 55%;
2. «Фестивали, праздники» – 48%;



3. «Языковые курсы» – 33%;
4. «Общественные объединения» – 30%.

Результаты же по студентам показали:

1. «Литература по культуре и истории» – 62%;
2. «Фестивали, праздники» – 36%;
3. «Общественные объединения» – 34%;
4. «Национальные музеи» и «языковые курсы» – 20%.

Эти результаты наглядным образом показывают, чего не хватает жителям региона для сохранения их национальной самобытности. Представителям органам власти стоит обратить на это внимание для того, чтобы эффективнее проводить политику по сохранению культуры национальных народов региона. Результаты по остальным позициям будут представлены ниже (см. Приложение 1).

И наконец, предлагался вопрос, где респонденты смогли определить, какая из трех идентичностей (гражданская, региональная, этническая) для них наиболее важна.

Ответы студентов распределились так:

1. Наиболее важна – общероссийская, гражданская идентичность (52%);
2. Средний уровень важности – региональная идентичность (31%);
3. Менее важна – этническая идентичность (27%).

Массовый опрос же показал:

1. Наиболее важна – общероссийская, гражданская идентичность (45%);
2. Средний уровень важности – этническая идентичность (37%);
3. Менее важна – региональная идентичность (19%).

Такие результаты в очередной раз подтверждают тот факт, что для учащейся молодежи в большей степени важна их принадлежность к гражданам России, чем их этническая (национальная) идентичность.

В современном мире размываются границы этнической принадлежности человека, поэтому можно говорить о том, что в будущем на территории

России может быть сформирована единая нация.

Что касается заключительного вопроса анкеты, в котором давалась возможность оставить свой комментарий по теме исследования, то ряд респондентов среди студентов высказались о трудностях по заполнению анкеты (плохо читаемый текст, сложная постановка вопросов, большое количество вопросов).

В массовом опросе мы наблюдаем иную ситуацию, большинство населения отнеслось положительно к исследованию, отметив интересную постановку вопросов. Однако и здесь возникли претензии к расположению вопросов на страницах (один вопрос располагается на двух страницах).

Таким образом, в ходе проведения социологического исследования нами были определены и проанализированы особенности межнациональных отношений в общественном мнении жителей Республики Бурятия, особенно выделив студентов ВУЗов города Улан-Удэ.

Подводя итог, хочется сказать, что в Бурятии для большинства жителей республики важна общероссийская идентичность, это касается как взрослого населения, так и молодежи.

Но, тем не менее, не стоит забывать и о сохранении национальной самобытности в нашем регионе, так как для существенной части населения на первом месте стоит их этническая (национальная) идентичность.

## Литература

1. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего востока России / Степанов В.В., Старченко Р.А., Смирнова Т.Б., Аткунова Д.А., Бубликов В.В., Ермак Г.Г., Кальмина Л.В., Комбаев А.В., Родионова Е.В., Тюхтенева С.П., Черникова В.В., Шабатов Ю.П., Шевцова Е.В. / Экспертный доклад за 2018 год / Под общей редакцией академика В.А. Тишкова. Москва-Омск, 2019.



2. Анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в республике Комбаев А.В. В сборнике: Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 109–113.
3. Региональные проблемы внутренних и международных миграций (на материалах республики Бурятия) Комбаев А.В. Социология. 2021. № 4. С. 191–195.

### ETHNIC IDENTITY IN BAIKAL ASIA

**Kombaev A.V., Borisova A.S., Sumaneev E.V.**

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

The study of the topic of interethnic relations does not lose its relevance, modern Russian society still has cultural, linguistic, confessional and ethnic diversity, which, on the one hand, is its plus, and on the other, it can become a source of conflict situations between different groups.

The state of interethnic interaction in the constituent entities of Russia has its own special regional features. In this respect, the Republic of Buryatia is no exception, representing a unique region, which is distinguished by its multifaceted interactions between numerous peoples that make up the multicultural identity of the republic.

It is concluded that in Buryatia, for the majority of residents of the republic, the all-Russian identity is important, this applies to both the adult population and the youth. The issue of preserving national identity in our region continues to be significant, since for a significant part of the population, their ethnic (national) identity is in the first place.

**Keywords:** ethnicity, culture, identity, Baikal Asia, demography, conflicts, youth.

### References

1. Inter-ethnic relations and the migration situation in the regions of the center, North-West, Siberia and the Far East of Russia / Stepanov V.V., Starchenko R.A., Smirnova T.B., Atkunova D.A., Bublikov V.V., Ermak G.G., Kalmina L.V., Kombaev A.V., Rodionova E. V.V., Tyukhteneva S.P., Chernikova V.V., Shabaev Yu.P., Shevtsova E.V. / Expert report for 2018 / Edited by Academician V.A. Tishkov. Moscow-Omsk, 2019.
2. Analysis of the conflict and integration potential of interethnic and migration relations in the republic Kombaev A.V. In the collection: Social and political challenges of modernization in the XXI century. Materials of the international scientific and practical conference. 2018.S. 109–113.
3. Regional problems of internal and international migration (based on the materials of the Republic of Buryatia) Kombaev A.V. Sociology. 2021. No. 4. S. 191–195.



## Отношение работников к внедрению техники и цифровых технологий: опыт эмпирического исследования

**Моторина Ирина Егоровна,**

кандидат философских наук, доцент, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, кафедра «Социология и культурология»,  
E-mail: iemotorina@bmstu.ru,

**Субочева Оксана Николаевна,**

доктор социологических наук, профессор, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, кафедра «Социология и культурология»,  
E-mail: subochevaon@mail.ru,

**Яковлева Екатерина Александровна,**

магистр Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,  
E-mail: Ekaterinayakovleva0610@gmail.com

Статья посвящена исследованию отношения работников к изменениям в содержании и характере труда, вызванными развитием техники и цифровых технологий. В результате проведенного социологического исследования среди выпускников ведущего инженерного вуза страны методом структурированного интервью удалось выявить отношение молодых специалистов к внедрению цифровых технологий, а также особенности адаптации к этому процессу. Респонденты подчеркнули значимость таких факторов, как умение выстраивать коммуникационный процесс, помощь и внимание руководителя, необходимость тренингов и обучающих программ, а также последовательность и постепенность введения инноваций на рабочем месте. Все участники интервью отметили положительное влияние цифровых технологий на свою профессиональную деятельность, открывающих новые возможности для развития. В процесс интервью респондентам предлагалось идентифицировать себя как творцов, операторов и пользователей с точки зрения содержания трудовых функций. В период адаптации к инновациям они ощущают себя преимущественно пользователями, а после его завершения ассоциируют себя с ролью творца и оператора.

**Ключевые слова:** цифровые технологии, адаптация к инновациям, отношение работников к внедрению цифровых технологий, цифровая компетентность, мягкие навыки, работник-творец, оператор, пользователь.

В настоящее время наблюдается бурное развитие техники и цифровых технологий, которые затрагивают все сферы жизни общества: политическую, экономическую, социальную, духовно-культурную[4]. Происходит стремительное изменение рынка труда, деактуализируются и исчезают многие профессии. Для того, чтобы быть востребованным специалистом в современном обществе, необходимо не только постоянное совершенствование приобретенных ранее навыков, но и развитие цифровых компетенций работников [2,6]. По оценкам экспертов, высокий запрос на цифровую трансформацию характерен для таких отраслей экономики, как ТЭК, здравоохранение и финансовый сектор, неизбежна интенсификация этого процесса и в других, пока еще технологически инертных отраслях [7, с. 28–31]. Отношение представителей различных социальных групп (профессиональных, социально-демографических) к цифровым инновациям не является однозначным. Согласно опросам, проведенным отечественными специалистами из Аналитического центра НАФИ, 45% россиян считают, что знание новых технологий поможет им успешнее трудоустроиться, при этом больше половины осознают риск потери работы из-за автоматизации бизнес-процессов в компаниях [3].

Таким образом, внедрение новой техники и цифровых технологий имеет неоднозначные последствия для работников, меняет характер и содержание труда, статус в организации. Положительным результатом является повышение качества жизни населения и эффективности производственной деятельности. Отрицательные последствия этого процесса характеризуются цифровым разрывом как новой формой социального неравенства [1], а также технофобией, приводящие к отчуждению чело-

века от производства и общества в целом, потере его самоидентификации.

Для более детального изучения этого вопроса было проведено эмпирическое исследование среди работающих выпускников МГТУ им. Н.Э. Баумана методом структурированного интервью. Основной задачей являлось рассмотрение влияния техники и цифровых технологий на трудовое поведение работников, а также отношение работников к этим инновациям. В исследовании приняли 12 человек, из них 7 женщин и 5 мужчин, в возрасте от 22 до 30 лет. Респонденты были поделены на следующие группы: от 22 до 24 лет; от 25 до 27 лет; от 28 до 30 лет. Интервью проходило на платформе «Zoom», по видеосвязи, в условиях пандемии (самоизоляции) весной 2020 года. Методом обработки эмпирической информации выступало кодирование с помощью использования специальной программы для качественных исследований «MAXQDA» [5].

Интервью состояло из нескольких тематических блоков, каждый из которых включал 8 вопросов. Сначала респондентов просили назвать технику и цифровые технологии, которые они используют в своей работе. Принятие или отрицание новой техники и цифровых технологий существенно влияет на работоспособность и удовлетворенность трудовой деятельностью. Важно понимать, как работник реагирует на нововведения и как он приспосабливается к новым условиям выполнения работы. Также респонденту предлагалось выразить свое мнение о том, как должен проходить период адаптации при введении новых технологий, чтобы предотвратить развитие отчуждения от деятельности из-за того, что работник не знает, как выполнить работу в новых условиях.

На вопрос: «Как Вы лично реагировали на введение новой техники, технологий?» в подавляющем большинстве были получены ответы: «хорошо», «позитивно», «с восторгом». Респонденты понимают предназначение техники и цифровых технологий, выполняющих функции связи, коммуникации,

хранения и обработки данных, поиска и структуризации информации, ее анализа. Поэтому их использование в конечном счете ассоциируется респондентами с упрощением жизнедеятельности, повышением уровня комфорта и качества жизни, быстрым решением вопросов, экономией времени и сил: «когда понимаешь, как это всё работает, становится легче и тратиться намного меньше времени, нежели это было без этой технологии». На этапе введения новых технологий респонденты испытывали затруднения в их использовании, острую необходимость в обучении, а также страх перед неизведанным: «Нас к такому никто не готовил и не предупреждал, как на это можно было отреагировать?». В большей степени это было характерно для респондентов от 28 до 30 лет. Молодые специалисты от 22 до 24 лет в своих ответах демонстрировали большую инициативность и открытость в принятии нового.

В ответах на вопрос «Как должна проходить адаптация работника при введении новых технологий?» респонденты отметили, что работнику необходимо дать время, «чтобы освоиться, адаптироваться ко всему новому», «чтобы он мог разобраться, что это за техника/технология, для чего она нужна, как с ней работать». Чтобы помочь работнику адаптироваться без потери имеющихся навыков, необходим специалист, руководитель, который будет контролировать процесс адаптации к новым условиям труда с учетом новых требований («нужно назначить руководителя, который будет подсказывать»). Также респонденты делают акцент на постепенное приспособление к рабочему процессу, чтобы работник мог выполнять новые функции качественнее и продуктивнее: «нельзя сразу наваливать кучу информации – сначала пять минут, потом час и таким образом постепенно приходить к тому, чтобы пользоваться этой технологией на протяжении долгого времени».

Респонденты отметили, что тренинги, образовательные программы, курсы помогут работнику менее болезненно



адаптироваться в новых условиях. Мешает процессу адаптации также страх работника показаться некомпетентным перед руководителем или сотрудниками, что выражается в боязни лишиться раз уточнить что-то, со стороны руководителя, – отсутствие заинтересованности и внимания к коллективу: «самое главное, это – невнимание. Просто неумение руководителей вовремя заметить, что там человек стесняется и боится что-то спросить, посоветоваться».

Следующий блок вопросов посвящен изучению влияния техники и цифровых технологий на личность работника, его трудовое поведение и отношение к труду. Важно знать, как человек включается в работу в новых условиях, и как трансформируется рабочее пространство, меняются трудовые функции и отношение к труду. Все участники интервью отметили положительное влияние цифровых технологий на свою профессиональную деятельность, т.к. они помогают им в поиске и хранении информации, упрощают и ускоряют работу, расширяют возможности для взаимодействия, заставляют выходить из зоны комфорта для обучения, открывая возможности для приобретения новых компетенций и профессий.

Под влиянием цифровых технологий, по оценкам респондентов, происходит совершенствование труда (он интеллектуализируется, а ценность неквалифицированного труда снижается), повышается интерес к работе, возникает необходимость более глубокого погружения в процесс труда, но в то же время усиливается контроль за деятельностью работника, растет степень его ответственности.

В ходе интервью респондентам было предложено идентифицировать себя с ролью, выполняемой ими в процессе трудовой деятельности: творца, оператора, пользователя. Например, творец рассматривает цифровые технологии как средство повышения эффективности трудовой деятельности, возможность перехода на новый уровень, на котором формируются компетенции создания нового. В работе ориентиро-

ван на самореализацию и осмысленный труд. Оператор – это человек, который управляет работой оборудования и ориентирован на выполнение предсказуемого алгоритма действий по заданной схеме. Пользователь – использует действующую систему для выполнения конкретных функций.

Участники исследования идентифицировали себя с предложенными социальными ролями в соответствии с выполняемыми трудовыми функциями следующим образом (см. табл. 1).

Хотелось бы обратить внимание, что респонденты чаще всего идентифицируют себя с творцом и оператором. Они аргументируют свой выбор тем, что для создания чего-то существенного, необходимо придерживаться определенного алгоритма действий, то есть быть оператором, а, если в результате получается новый продукт, то работник становится и творцом. По мнению респондентов, человек, который творит, всё равно так или иначе пользуется уже созданным продуктом. Оператором респондент считает себя при условии выполнения заданного алгоритма действий. Интервьюированные акцентировали внимание на том, что все они являются непосредственными пользователями какой-либо техники или технологии.

При освоении цифровых технологий большинство респондентов (9 из 12 интервьюированных) идентифицируют себя с пользователем. Это обусловлено тем, что работнику необходимо время для адаптации к актуальным программам, овладения новыми навыками при осуществлении профессиональной деятельности.

Интервьюированные выделили основные навыки, которые помогли им в освоении новой техники и технологий: креативный подход, адаптивность, мобильность, выстраивание коммуникации, умение слушать и логически мыслить, контроль деятельности, совершенствование имеющихся навыков. Можно сказать, что выше перечисленные навыки ориентируют на открытость новому, личностный подход в освоении инноваций, развитие soft skills. Последние имеют большое значение с точки зре-

ния коммуникабельности, необходимой для интенсивного обмена информацией и опытом в условиях инноваций.

Таблица 1. Самоидентификация респондентов в соответствии с выполняемыми трудовыми функциями

Респонденты о трудовых функциях	Социальная роль
«Я вижу себя человеком с машиной, но всё-таки я управляю этой машиной, а не машина мной»	Оператор
«Создаю с нуля определенные вещи, те же самые мероприятия, композиции или перерабатываю их, в результате получается что-то новое»	Творец
«При использовании любой технологии у тебя должны быть навыки, и тогда ты можешь что-то делать»	Оператор
«В процессе обучения ты всё равно ищешь индивидуальный подход к классу, это большая работа над собой и с ними»	Оператор – Творец
«Последнее время я начала быть больше творцом, хотя мне проще иногда вообще на самом деле всегда выполнять операторские задачи, потому что как исполнитель я вообще супер»	Оператор – Творец
«Я выполняю ряд действий, которые приводят к созданию нового продукта»	Творец
«Так как я всё-таки менеджер, в мои обязанности входит и организация мероприятий, то есть я всё-таки выполняю определенный алгоритм действий»	Оператор
«Не бывает одинаковых ситуаций, ты всё время подстраиваешься под те или иные условия. Я как творец, так и оператор, так как всё равно выполняю определенный алгоритм действий»	Творец – Оператор
«Я не так сильно чувствую разницу между оператором и пользователем. Мне кажется, я, в первую очередь, оператор, а второстепенно я и пользователь»	Оператор-Пользователь
«Создание чего-то нового так и иначе подразумевает существование какого-то алгоритма, по которому ты выполняешь какие-то действия»	Творец – Оператор
«Я не вижу конечного результата в своей работе, то есть определенное отчуждение от деятельности есть и мне это не нравится...»	Оператор
«Мы всё-таки стараемся делать что-то новое. И как бы каждый программист в душе такой мини-Бог, потому что он создает чудо!»	Творец – Пользователь

Обращает на себя внимание тот факт, что респонденты от 22 до 24 лет в своих ответах сделали акцент на открытость новому, а также подчеркнули важность умения работать с другими людьми. Респонденты от 25 до 30 лет отметили такие качества личности, как стрессоустойчивость, бесстрашие, компетентность, любознательность, направленность на развитие и обучение, дисциплинированность, готовность к новым решениям. У них четко прослеживается понимание, на чем должен базироваться подход в освоении новых технологий, большое внимание в ответах уделяется преодолению стресса и страха от введения инноваций и способам повышения мотивации трудовой деятельности в ситуации их внедрения.

В результате анализа полученной информации можно сделать вывод о том, что респонденты понимают актуальность требуемых качеств и компетенций и стремятся формировать их у себя. В процессе освоения новых технологий им приходилось совершенствовать свои навыки, осуществлять контроль деятельности, демонстрировать креативный подход, проявлять мобильность, адаптивность и гибкость.

Не все респонденты смогли однозначно отнести себя к определенному типу работника с точки зрения выполнения трудовых функций (творец, оператор, пользователь), чаще выделяя переходные позиции. Это объясняется тем, что у большинства респондентов их качества и навыки находятся в процессе развития. Чаще всего респонденты идентифицируют себя с творцом и оператором, объясняя, что базой для создания нового продукта является определенный алгоритм действий, характерный для оператора, и только впоследствии работник становится творцом.

Было выявлено положительное отношение всех респондентов к развитию техники и цифровых технологий. Большинство полагают, что на начальном этапе освоения новой техники или технологии человек на работе себя ощущает пользователем. Это обусловлено



тем, что работнику необходима адаптация к чему-то новому, ему важно овладеть знаниями и навыками, позволяющими их осваивать. Придавая большое значение цифровой компетентности, участники интервью подчеркивали важность формирования «мягких» навыков, что свидетельствует о возрастании роли социально-гуманитарной составляющей в их деятельности.

## Литература

1. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120
2. Гилева Т.А. Компетенции и навыки цифровой экономики: разработка программы развития персонала // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия Экономика. 2019. № 2 (28). С. 23–35.
3. Исследование: больше половины россиян опасаются потерять работу из-за цифровизации [Электронный ресурс] // НАФИ: Аналитический центр URL: <https://nafi.ru/analytics/bolshe-poloviny-rossiyan-opasayutsya-poteryat-rabotu-iz-za-tsifrovizatsii/> (дата обращения 8.12.21)
4. Моторина И.Е. Будущее глазами современников. // Вопросы культурологии 2021. № 9. С. 763–780
5. Программное обеспечение для качественных и смешанных исследований. // MAXQDA. URL: <https://www.maxqda.com/russia> (дата обращения: 10.12.2021).
6. Субочева О.Н., Яковлева Е.А. Личность работника в условиях цифровой трансформации общества // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. – № 6. – С. 154–156
7. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–

30 апр. 2021 г. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021, 239 с.

## ATTITUDE OF EMPLOYEES TO THE IMPLEMENTATION OF TECHNOLOGY AND DIGITAL TECHNOLOGIES: EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

Motorina I.E., Subocheva O.N., Yakovleva E.A.  
Bauman Moscow State Technical University; Higher School of Economics National Research University

The article is devoted to the study of the attitude of workers to changes in the content and nature of work caused by the development of technology and digital technologies. As a result of a sociological study among the graduates of the country's leading engineering university, using the structured interview method, it was possible to identify the attitude of young specialists to the introduction of digital technologies, as well as the peculiarities of adaptation to this process. The respondents emphasized the importance of such factors as the ability to build a communication process, the help and attention of the manager, the need for trainings and training programs, as well as the consistency and gradualness of the introduction of innovations in the workplace. All interview participants noted the positive impact of digital technologies on their professional activities, opening up new opportunities for development. During the interview, the respondents were asked to identify themselves as creators, operators and users in terms of the content of labor functions. During the period of adaptation to innovations, they feel themselves primarily as users, and after its completion they associate themselves with the role of creator and operator.

**Keywords:** digital technologies, adaptation to innovations, employees' attitude to the implementation of digital technologies, digital competence, soft skills, worker-creator, operator, user.

## References

1. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide // RUDN Bulletin. Series: Sociology. 2019. T.19. № 1. S.108–120
2. Gileva T.A. Competences and skills of the digital economy: development of a personnel development program // Bulletin of USP-TU. Science, education, economics. Series Economics. 2019. № 2 (28). S.23–35.



3. Research: more than half of Russians are afraid of losing their jobs due to digitalization [Electronic resource] // NAFI: Analytical Center URL: <https://nafi.ru/analytics/bolshe-pолоviny-rossiyan-opasayutsya-poteryat-rabotu-iz-za-tsifrovizatsii/> (date of access 12/8/21)
4. Motorina I.E. The future through the eyes of contemporaries. // Questions of cultural studies. 2021. № 9. P. 763–780
5. Software for qualitative and mixed research. // MAXQDA. URL: <https://www.maxqda.com/russia> (date of access: 10.12.2021).
6. Subocheva O. N., Yakovleva E.A. The personality of the employee in the context of the digital transformation of society // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2020. № 6. – P. 154–156
7. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities: reports. to XXII Apr. int. scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, 13–30 April. 2021 – M.: Izd. House of the Higher School of Economics, 2021, 239 p.



## Исторические аспекты развития института социальной помощи в России

**Абдулаева Элита Султанова,**

к. филос. н., доцент, кафедра «Теории и технологии социальной работы», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»  
E-mail: elita8881@mail.ru

Бедность является проблемой, которая сложилась исторически и сопровождает человеческое общество с древнейших времен. Попытки решения проблемы бедности начинаются еще в Древней Руси. В значительном количестве исследований показано, что проблему бедности нельзя устранить полностью в силу неустранимости факторов, которые являются ее причиной (экономические причины, социальные катаклизмы, психологические). Поэтому в современных условиях необходимо переосмыслить исторический опыт социальной помощи бедным и однозначно полагать, что можно решить эту глобальную проблему с помощью любой из форм государственной власти. Точечные решения спасают отдельные ситуации, но, в целом, проблема и психологическая. В современном мире люди стремятся стать успешными, стремятся помогать друг другу, демонстрируя альтруизм и взаимовыручку, одновременно развивается культура безразличия к себе, обществу, традиционным ценностям. Подобный дихотомизм приводит к всплеску социальной напряженности, при этом процессы цифровизации зачастую ее усиливают.

**Ключевые слова:** бедность, история, Россия, социальная политика, социальная помощь, государственное управление.

Проблема бедности существовала с древнейших времен, а в период глобализации приобрела масштабный характер. Во многих уголках планеты люди живут за чертой бедности, которую определяют исходя из прожиточного минимума [1, с. 6]. Данный аспект не является безусловным, так как в разных странах и разные экономические условия. Однако существует, безусловно, разница между бедностью относительной и экстремальной. Относительно бедным может считать себя и человек из так называемого среднего класса, который имеет средства для обеспечения себя необходимым для проживания, но с другой стороны не имеет возможности, например, продолжить образование или отдохнуть. Экстремальная же бедность «актуализирует» вопрос выживания человека. Тем не менее, предмет исследования настоящей статьи сосредоточен на историческом анализе развития социальной помощи бедным в России. Исходя из вышесказанного, только подчеркнем, что, как правило, в истории рассматривалась помощь крайне бедным, т.е. людям, находящимся в экстремальной бедности. Исторический обзор проблемы представит полную картину для анализа современной бедности. Несмотря на достаточную разработанность исследований феномена бедности, тема остается актуальной из-за быстро меняющейся повседневности, масштабов бедности в современной России и в мире в целом.

Как было ранее отмечено, бедность является проблемой, которая сложилась исторически и сопровождает человеческое общество с древнейших времен. Попытки решения проблемы бедности начинаются еще в Древней Руси. Впрочем, исторически эта помощь заключалась обычно в натуральной помощи, милостыни, частной благотворительности. Мир древнего человека



был взаимозависим и помощь бедному страннику или сироте считалась богоугодным делом еще в дохристианский период. Род, община, выступали основными субъектами помощи «своим» нуждающимся. Взаимовыручка и взаимопомощь составляли основу выживания древнеславянского общества.

Помимо родных и общины, субъектом помощи выступал князь как лицо представляющее государство. В Древней Руси на княжий пир могли прийти и бедные люди, также еду и продукты развозили по дворам, в которых жили бедствующие.

С принятием христианства на Руси благотворительность начинает становиться широко распространенным явлением. С принятием христианства появляются и новые субъекты помощи бедным. Это церковь, монастыри и приходы. Подчеркнем, что не исчезают ранее существовавшие традиционные формы поддержки, а появляются новые. Как пример княжеской помощи, следует отметить создание Ярославом Мудрым так называемого училища для детей-сирот в Новгороде, в котором обучались и содержались около трех сотен юношей из семей священнослужителей [6, с. 238].

Однако Ярослав Мудрый более известен как создатель «Русской Правды», которую можно назвать источником социальной справедливости из за восьми статей, которые защищали интересы детей-сирот. Помимо сирот, в «Русской Правде» отмечен и раздел, касающийся наследства, *двор отцовский всегда без раздела принадлежит меньшему сыну* [7], что на наш взгляд, является прогрессивным явлением для того периода. Этот документ стал основой последующих правовых источников России и переиздавался, дополнялся неоднократно.

Таким образом, концепция нищелюбия в Древней Руси привела к росту общественного признания бедных, юродивых, пилигримов. *«Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние есть божие и поручено вам только на время... Будьте отца-*

*ми сирот; вдовицу оправдывайте сами; не давайте сильным губить слабых..»* – это слова внука Ярослава Владимира Мономаха, обращенные к своим потомкам. В его духовной (завещании) отражена в полной мере христианская этика милосердия, в рамках которой воспитывали детей и молодежь.

Таким образом, вплоть до середины XVI века в России развивается подход к бедным как «равноправным» членам общества. Было дурным тоном прогнать нищего, не подать ему чего-то, не помочь в чем-то, не приютить его [9, с. 9].

«Стоглавый собор», состоявшийся в 1551 году в Москве и инициированный И. Грозным впервые ставит под сомнение безразборчивую раздачу милостыни, подвергает критике раннесредневековый христианский тезис *«любому просящему – дай»*. Появилось такое количество нищих, что англичанин Флетчер, посетивший Москву в XVI веке, отметил, что нищих и бродяг было множество, неотступно просивших милостыни, говоря «дай мне или убей меня», по ночам происходили воровство и грабежи, и осторожные не выходили по вечерам из домов своих[5].

С этого момента нищие-неможные, прокаженные и *«сами питать себя не могущие»* должны быть призваемы в мужских и женских богадельнях, также следует составить перепись и приписать их к городам, где указанные учреждения существовали. Здоровым нищим разрешалось просить милостыню от «боголюбцев» за небольшую помощь по хозяйству. Регламентация нищих призвана была снизить остроту проблемы. Однако, стоит заметить, что милосердное отношение к нищим, традиция «нищепитательства» глубоко укоренилась в русской культуре, и ее поддерживали сами князья, княгини, царские особы.

Анализируя тенденции развития социальной помощи бедным в истории России, нельзя не затронуть социально-экономические решения Б. Годунова, которые должны были разрешить тяжелейшую ситуацию с голодом в Рос-



сии, вызванным неурожайными годами и ненастной погодой во время засева, гнилым зерном из засевого фонда. Следует отметить, что в русском царстве и повсеместно на территории Европы начало XVII века ознаменовалось небывалым похолоданием, вызвавшим бедственное положение у людей. По свидетельствам А. Палицина в Москве умерло более 127 тысяч людей от голода [4]. Клятва Б. Годунова, что «не будет ни сирого, ни бедного» в его правление и он приложит усилия была подвергнута жестокому испытанию. Несмотря на предпочтения (на год люди в русском царстве были освобождены от налогов и податей, а Кольский уезд, возвращенный Швецией и разоренный дотла, на десять лет) и государственную поддержку не только бедных, но и государственных служащих, купцов, первый избранный царь не пользовался авторитетом. Следует заметить, что указы, изданные им в этот период, должны были как-то снизить социальную напряженность, вызванную подорожанием хлеба. Он установил «твердую» цену на хлеб, запретил спекуляцию, раздавал хлеб нуждающимся, призывал отпустить на волю холопов для прокорма и т.д. Р.Г. Скрынников отмечает, что призыв отпустить холопов на волю, если прокормить их не могут, также восстановление в 1603 году Юрьева дня, связывающего с повстанческими движениями, революционными выступлениями недовольных, вызванными голодом и закрепощением крестьян [14].

Таким образом, бедность приобрела масштабный характер, несмотря на целый ряд здоровых социально-экономических решений. Экономические бедствия и голод, постигшие людей в тот период, сопровождались одновременно расширением государства за счет присоединенных территорий на Кавказе и Сибири, внешним военным вмешательством других государств, внутренней конфронтацией политической элитой, недоверием к власти, подогреваемой оппозицией.

Коренные изменения в политике ведения борьбы с бедностью произошли

при Петре I. История призрения бедных вступает в новый период, отличающийся большей разносторонностью и последовательностью мероприятий, напоминающих политику репрессии нищих в Англии и Франции XIV–XV веков. В 1691 году Петр приказал высылать из Москвы пришедших нищих, особенно тех, кто «работает» под увечных: *«А буде те люди... впредь объявятся... в том же нищенском образе и притворном лукавстве... учинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылать в ссылку в дальние сибирские города»* [15].

Л.Н. Овчарова отмечает, что политика общественного призрения в первой четверти XVIII века проводилась по трем основным направлениям: социально-философском, социально-административном, социально-медицинском. При помощи социально-философского направления политики призрения произошла подготовка проектов общественного призрения бедных. Посредством социально-административного призрения происходит организация призрения всех нуждающихся в помощи, создания системы опеки и попечения несовершеннолетних, создания богаделен для утративших трудоспособность людей, смирительных и рабочих домов, госпиталей, инвалидов домов, приютов и др. [10, с. 441]. При помощи социально-медицинского направления происходит организация госпиталей, лазаретов для лечения малоимущих граждан. Финансированием таких заведений занимались Святейший Синод, магистраты, губернии, монастыри, городские помещики в своих селениях.

Исходя из этого, можно сказать, что в первой четверти XVIII века при помощи реформ Петра I был заложен прочный фундамент развития социальной помощи в целом. Но при этом, большая часть реформ Петра I обострила конфликт между государством и бедными (малоимущими) слоями населения из-за карательной политики по отношению к нищим [6, с. 238]. Впрочем, и подающим милостыню тоже полагался штраф. Кардинально меняющее свой



«облик» общество, взяв курс на европейские подходы к решению проблемы бедности, начинает строить закрытую систему призрения, призывая граждан отдавать милостыню в церкви и богадельни.

При Екатерине II продолжается регулирование и ужесточение мер против нищенства. Однако, стоит заметить, что с ростом борьбы против профессионального нищенства, бедность в России также росла. Рост благотворительных обществ, покровительство благотворительным проектам, заведениям, рост меценатской деятельности, создание приказов общественного призрения на местах – все это должно было способствовать решению проблемы, однако время правления самодержавной просвещенной императрицы всколыхнулось небывалым по масштабности пугачевским восстанием. Также, следует отметить, что в 1785 году было издано «Городовое положение», в котором учреждались сословия: духовенство, купечество, мещанство и крестьянство, которые должны были проявлять заботу о своих нетрудоспособных представителях. Таким образом распространялось сословное попечительство нуждающихся.

При Николае I были попытки разобраться с причинами нищенства, чему должны были способствовать созданные Комитеты по разбору нищих в Москве и Санкт-Петербурге, однако, в целом проблема не была решена. Также при Николае I создается первая Свято-Троицкая община сестер милосердия. При нем же издаются указы о запрете продажи крестьян отдельно от семьи, и ограничение права помещиков ссылать крепостных в Сибирь.

К началу второй половины XIX века был накоплен достаточно большой опыт в деле ведения борьбы с бедностью на государственном уровне. При этом данный опыт не способствовал кардинально решению проблемы с нуждающимися, которых становилось все больше и больше. Парадоксально, но с ростом цивилизованности возникает и рост бедности. С отменой

крепостного права в стране возникает и огромная армия нищих. Реформирование государства Александром II привело к либеральным тенденциям и всплеску революционного движения, которое в результате привело к убийству царя Освободителя. Стоит заметить, что повсеместное распространение земства, которое призвано было решать на местах все социальные вопросы, оказалось благом, т.к. огромный всплеск благотворительной деятельности в этот период затмевает всю предшествующую историю. За время правления Александра II было открыто свыше 700 благотворительных обществ.

После убийства террористами отца, Александр III проводит консервативную политику, однако все благотворительные проекты продолжают существовать. Этому способствует вышедший в 1892 году «Устав об общественном призрении», который вобрал в себя все положения предыдущих нормативных актов в сфере государственного и общественного благотворения. То есть предыдущие начинания должны были способствовать дальнейшему укреплению института общественного призрения и развитию благотворительности. Также в Москве создаются десятки попечительств о бедных. При Александре III строится знаменитый Транссиб, то есть ежегодно строились сотни километров железной дороги, которые связывали огромную страну, привлекались рабочие и крестьяне для разработки путей. Сама железная дорога была невероятным проектом века, которая привнесла бы и экономическое развитие страны через установление связей с регионами.

Отметим, что развитие промышленности привело к перекосам в стратификации и появлению огромного количества рабочего класса, сосредоточенного в городах. Стоит заметить, что строительство промышленных объектов, самой железной дороги при Александре III было инициативой талантливого С.Ю. Витте. Но несмотря на рост индустриализации и увеличение доходов казны, повсеместную стабилизацию



цию в стране, именно сосредоточение в городах огромного количества рабочих людей сослужило «плохую службу» в будущем. Интенсивный рост индустриализации, необходимый для государства привел к росту бедности.

Таким образом, период благотворительности и оказания помощи бедным и малоимущим в период царствования династии Романовых был ознаменован существенно большей институционализацией оказания помощи всем нуждающимся.

Коренные изменения в социальной политике в стране стали происходить после революции 1917 года, когда новая советская власть взяла курс на государственное социальное обеспечение и повышение благосостояния трудящегося населения. Одновременно прекращается работа тысяч благотворительных заведений, идет 1-я мировая война, в стране начинается красный террор, гражданская война, начинается эмиграция и уничтожение населения, не «вписывающееся» в рамки нового советского государства. В советский период проблема бедности не признавалась на официальном государственном уровне и считалась чем-то не советским, пережитком царской власти. Само понятие «призрение» становится чем-то унижающим. После Гражданской войны огромная масса населения была за чертой бедности, армия детей-сирот, в стране была разрушена экономика и производство, топливный кризис, голод – все это обусловили введение новой экономической политики В. Лениным, которая радикально отличалась от революционных тезисов большевиков, но была необходима для выживания советского государства. Воссоздание многоукладной экономики, использование организационно-технического опыта капиталистов при сохранении большевиками командных высот нивелировали к 30-м годам ситуацию с бедностью населения.

После Великой Отечественной войны, несмотря на катастрофические демографические потери, полное уничтожение тысяч городов и поселков, ин-

фраструктуры, несмотря на миллионы инвалидов и оставшихся без родителей детей-сирот, страна за неполные десять лет восстановилась и преодолела экстремальную черту бедности.

Далее в истории нашей страны наступил период общего советского «благоденствия» в вопросах решения проблем бедных, так как ее по сути дела в стране не было. Каждый гражданин был обеспечен работой, заработной платой, которой было достаточно, чтобы «прокормить семью». За чертой бедности в стране не было никого, да и понятия бедности не было, по крайней мере ее не признавали на государственном уровне.

Коренной перелом произошел с распадом Советского Союза, когда кризис охватил все слои населения. Это коснулось буквально каждого, все столкнулись с задержками выплат заработной платы [2, с. 319]. Стало происходить массовое закрытие предприятий, люди стали терять работу и соответственно источник существования. Люди были поставлены в условия, при которых «каждый был сам за себя» и вместо прежней социальной системы, когда человек знал и был уверен, что государство его не бросит на произвол судьбы, становится капитализм, при котором человек никому по сути дела не нужен, ни государству, ни обществу, да даже своим родственникам. Не случайно в период 90-х годов XX века в стране образовался целый класс людей «без определенного места жительства», к которым примкнули нищие и люди, находящиеся за чертой бедности [3, с. 321].

Современные реалии, особенно ничем не отличаются от ситуации в конце XX века. С одной стороны, в стране нормализовалась экономика, социальная политика, но по официальной статистике за III квартал 2021 года за чертой бедности находятся 16 млн граждан РФ, что составляет чуть больше 10% от всего населения [12]. Причем, это официально зарегистрированные граждане, которые стоят на учете в органах социальной защиты и получают посо-



бия. Сегодня, порогом бедности считается минимальный размер оплаты труда, а он в 2022 году составит 13890 рублей в месяц. Последствия пандемии коронавируса также ударили по малому и среднему бизнесу.

Проанализировав развитие социальной помощи бедным в России и меры, которые должны были решить проблему бедности, мы пришли к выводам:

– проблему бедности нельзя устранить полностью в силу неустранимости факторов, которые ее «питают» постоянно (экономические причины, социальные катаклизмы, психологические);

– проблему бедности следует рассматривать далее, как планетарное, глобальное явление, т.к. появление экстремальных очагов бедности на Земле сопровождается политическим перекраиванием государств «третьего мира», экономической выгодой некоторых развитых стран.

– бедность можно минимизировать с помощью мер государственной поддержки и активизации социальной помощи среди населения;

– бедность можно минимизировать с помощью адаптационного потенциала традиционной культуры в контексте глобальных изменений.

В заключении, отметим, что проблема бедности и ее нивелировка в обществе остаются, прежде всего, государственной задачей, несмотря на рост волонтерских организаций и благотворительных учреждений в России. Однако, не стоит забывать исторический опыт социальной помощи бедным и однозначно полагать, что можно решить эту глобальную проблему с помощью одного князя, царя или президента. Точечные решения спасают отдельные ситуации, но, в целом, проблема и психологическая. Психология преодоления бедности – одно и актуальных направлений среди читателей электронных библиотек. В современном мире люди стремятся стать успешными, стремятся помогать друг другу, демонстрируя альтруизм и взаимовыручку, одновременно развивается культура безразличия к себе, обществу, традиционным цен-

ностям. Подобный дихотомизм приводит к всплеску социальной напряженности, который легко «подогреть» в условиях цифровизации. Однозначно стоит прилагать усилия для распространения оптимистического уонастроения, так как оно тесно связано с успешным будущим, реализацией личностного потенциала, стабильности государства, в целом.

## Литература

1. Амбарян, А.Я. Показатели уровня жизни населения. Бедность // Энигма. 2020. № 22–2. С. 5–8.
2. Амирова, С.А. Проблемы бедности в России // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 3. С. 319–324.
3. Баринова, В.И. Особенности социально-экономического феномена бедности в современной России // Вестник Тульского филиала Финансового университета. 2020. № 1. С. 321–323.
4. Богуславский, В.В. Голод 1601–1603 годов // Славянская энциклопедия. XVII век. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
5. Дерюжинский, В.Ф. Полицейское право. СПб., 1908. С. 473–474.
6. Заиченко, А.А. Особенности бедности в России. Истоки проблемы и методы борьбы с ней // Молодой ученый. 2018. № 47 (233). С. 237–239.
7. Законы Русской Правды о наследстве.: За Мономаховым уставом в Русской Правде был помещен сборник Режим доступа <http://scicenter.online> (дата обращения: 19.12.2021)
8. Зинченко, Д.В. Деятельность комитета для разбора и призрения нищих в Санкт-Петербурге. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 74–1. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-komiteta-dlya-razbora-i-prizreniya-nischiy-v-sankt-peterburge> (дата обращения: 19.12.2021)



9. Кирьянова В.С. Проблема бедности в России и пути ее преодоления // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 7. С. 7–19.
10. Овчарова, Л.Н. Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 4. С. 439–456
11. Мень, А. Евангелие от Матфея, 5–7. Сын человеческий. М., 1989.
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> дата обращения: 19.12.2021
13. Святые «О бедности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svyatyae.com>. (Дата обращения 19.12.2021)
14. Скрынников, Р.Г. Борис Годунов [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://historic.ru> (Дата обращения 19.12.2021)
15. Ширяева С.В. Становление института общественного призрения бедных в России (конец X – последняя треть XVIII веков) [Электронный ресурс]. Режим доступа [http://shiryayeva\\_stanovlenie\\_instituta\\_obshchestvennogo\\_prizreniya\\_obshchestvennogo\\_prizreniya\\_bednyh\\_v\\_rossii.pdf](http://shiryayeva_stanovlenie_instituta_obshchestvennogo_prizreniya_obshchestvennogo_prizreniya_bednyh_v_rossii.pdf) (mggu-sh.ru) (дата обращения: 19.12.2021)

## HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF SOCIAL ASSISTANCE IN RUSSIA

**Abdulayeva E.S.**

Kadyrov Chechen State University

Poverty is a problem that has developed historically and has accompanied human society since ancient times. Attempts to solve the problem of poverty date back to Ancient Rus. A significant number of studies have shown that the problem of poverty cannot be completely eliminated due to the inevitability of the factors that cause it (economic reasons, social cataclysms, psychological). Therefore, in modern conditions, it is necessary to rethink the historical experience of social assistance to the poor and unequivocally believe that it is possible to solve this global problem with the help of any form of state power. Point solutions save individual situations, but, in

general, the problem is psychological. In the modern world, people strive to become successful, strive to help each other, demonstrating altruism and mutual assistance; at the same time, a culture of indifference to oneself, society, and traditional values is developing. Such dichotomism leads to a surge in social tension, while digitalization processes often intensify it.

**Keywords:** poverty, history, Russia, prince, tsar, social policy, social assistance.

## References

1. Ambaryan, A. Ya. Indicators of the standard of living of the population. Poverty // Enigma. 2020. No. 22–2. pp. 5–8.
2. Amirova, S.A. Problems of poverty in Russia // Actual issues of modern economy. 2020. No.3. pp. 319–324.
3. Barinova, V.I. Features of the socio-economic phenomenon of poverty in modern Russia // Bulletin of the Tula branch of the Financial University. 2020. No. 1. pp. 321–323.
4. Boguslavsky, V.V. The Famine of 1601–1603 // Slavic Encyclopedia. XVII century. Moscow: OLMA-PRESS, 2004.
5. Deryuzhinsky, V.F. Police law. St. Petersburg, 1908. pp. 473–474.
6. Zaichenko, A.A. Features of poverty in Russia. The origins of the problem and methods of combating it // Young scientist. 2018. No. 47 (233). pp. 237–239.
7. Russian Truth Laws on Inheritance.: A collection of Access mode <http://scicenter.online> was placed behind the Monomakh Charter in Russian Truth (accessed: 12/19/2021)
8. Zinchenko, D.V. Activities of the committee for the analysis and charity of beggars in St. Petersburg. // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen. 2008. № 74–1. [electronic resource]. URL access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-komiteta-dlya-razbora-i-prizreniya-nischih-v-sankt-peterburge> (accessed: 12/19/2021)
9. Kiryanova, V.S. The problem of poverty in Russia and ways to overcome it // Modern scientific research and innovation. 2020. No. 7. pp. 7–19.
10. Ovcharova, L.N. Poverty and economic growth in Russia // Journal of Social Policy Research. 2019. No. 4. pp. 439–456
11. Men, A. The Gospel of Matthew, 5–7. Son of Man. M., 1989.
12. Official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. Ac-



- cess mode: <http://www.gks.ru/> accessed: 12/19/2021
13. Saints "About poverty" [Electronic resource]. Access mode: <http://svyatye.com>. (Accessed 19.12.2021)
  14. Skrynnikov, R.G. Boris Godunov [Electronic resource]. Http access mode:// [historic.ru](http://historic.ru) (Accessed 19.12.2021)
  15. Shiryayeva, S.V. Formation of the Institute of public charity of the poor in Russia (the end of the X – the last third of the XVIII centuries) [Electronic resource]. Access mode [http://shiryayeva\\_stanovlenie\\_stituta\\_obshchestvennogo\\_prizreniya\\_bednyh\\_v\\_rossii.pdf](http://shiryayeva_stanovlenie_stituta_obshchestvennogo_prizreniya_bednyh_v_rossii.pdf) ([mggu-sh.ru](http://mggu-sh.ru)) (accessed: 12/19/2021)



# Социальное управление в московском мегаполисе: социологический анализ на примере учреждений высшего образования

## Ананишнев Владимир Максимович,

доктор социологических наук,  
профессор ГАОУ ВО МГПУ  
E-mail: AnanishnevVM@mgpu.ru

## Завьялов Андрей Евгеньевич,

кандидат социологических наук,  
доцент ГАОУ ВО МГПУ  
E-mail: Zavyalov88@inbox.ru

## Осмоловская Светлана Михайловна,

кандидат социологических наук,  
доцент ГАОУ ВО МГПУ  
E-mail: svetlas99@list.ru

## Ткаченко Александр Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент ГАОУ ВО МГПУ  
E-mail: professor.tkachenko@gmail.com

## Федотов Константин Владимирович,

аспирант ГАОУ ВО МГПУ  
E-mail: fedotovkv90@gmail.com

В российских условиях актуальны особенности социального управления образовательной организацией. В условиях модернизации российской системы образования проблема менеджмента образовательной организации недостаточно изучена. Исследовательская практика направлена на описание феномена руководителя и не всегда учитывает специфику образовательной организации.

В данной научной статье с системных позиций проанализированы основные научно-теоретические подходы к вопросу о социальном управлении персонала высшего учебного заведения, определены пути повышения качества высшего образования. В работе представлен обзор и анализ зарубежных и отечественных авторов, изучающих проблематику темы исследования области.

В статье выделены основные направления, которые нуждаются в модернизации системы управления человеческими ресурсами. На сегодняшний день современный руководитель нуждается в профессиональных должностных кадрах, которые в свою очередь, не всегда являются таковыми. Именно поэтому грамотное решение социальных задач со стороны руководителя сможет помочь организации.

**Ключевые слова:** социальное управление, модель управления образовательной организацией, технологии управления человеческими ресурсами.

## Введение

Национальным приоритетом государства, согласно «Концепции модернизации российского образования», признана образовательная система, разработанная до 2025 г. Она же является мощной движущей силой экономического роста и социального развития. За гуманизацию общественно-экономических отношений, за формирование современных образованных, инициативных, конкурентноспособных специалистов на современном рынке труда современная высшая школа образования ответственности не несет.

Один из ведущих специалистов указывает: «Развитие образования делает все более актуальным решение проблемы оценки профессионализма, в первую очередь, руководителя образовательной организации, а уже затем и педагога, уровня его профессиональной компетентности, перспектив роста» [1, с. 511]. Можно выделить ряд трудностей для управленческих групп образовательных учреждений: отсутствие образования в основных концепциях управления высшей школой. Это приводит к тому, что почти долгосрочные планы переходят в стратегические.

«Несогласованность подходов в стратегическом планировании усложняет выбор соответствующей стратегии и создает предпосылки для неэффективного управления образовательной организацией. Незнание возможностей всех методов социального управления и технологий стратегического планирования ограничивает выбор способов решения текущих проблем образовательных организаций. Отсутствие сформированности навыков стратегического планирования, развития образовательной организации приводит к ошибкам при разработке стратегического плана образовательной организации, что в последующем приводит

к неясности и трудностям оперативно-го планирования.», – указывают Иванова О.А., Казюлина Н.Н. [9, с. 121].

### Основы методологии

Анализ имеющихся источников показал, что в науке созданы достаточные теоретическая и эмпирическая базы для исследования процессов социального управления. Эффективные решения социального управления и инновационные подходы в их разработке анализировались А.Е. Завьяловым, С.М. Сакович.

Вопросы антикризисного управления и их социальный аспект отражены в работах В.М. Ананишневой, М.П. Баканова, А.В. Ткаченко.

Теорию и практику социального управления и проблемы в данной сфере отражены в работах Э. Дюркгейма, П. Дрюккера, М. Вебера и др.

Лоусен Тони, Гэррод Джоан трактуют социальное управление как организацию деятельности человека и рациональное регулирование, с целью получения социально значимого, полезного и эффективного результатов [4, с. 602]. Социальное управление опирается как на специфические, так и всеобщие знания.

Научная литература выделяет несколько видов знания. Философские основы социального управления – одно из них. В своих трудах Вирин М.М. отмечает: «Давая знание общих принципов и законов бытия, философия обеспечивает возможность осознать и организовать на рациональной основе управленческую деятельность. Философия – это совокупность наиболее общих понятий о мире, познании и месте человека в мире, а также смысле его существования, о взаимоотношении бытия и мышления – следовательно, социальном управлении» [2, с. 36].

В социальном управлении используются принципы диалектики как философского метода, что дает возможность избегать односторонностей абстрактности, волюнтаризма, субъективизма, догматизма, для эффективности управленческой деятельности. В настоящее время ученые-социологи

понимают «социальное управление» как управление территориальными, демографическими общностями, социальной защитой населения и регулирование социальных процессов.

С точки зрения Поташник М.М.: «Управление образовательной организацией – это систематическое, планомерное, сознательное и целенаправленное взаимодействие субъектов управления различного уровня в целях обеспечения эффективной деятельности образовательного учреждения» [8, с. 448].

Именно на этом акцентирует внимание Журавлев А.Л., отмечая что на уровне коммерческой организации социальное управление проявляется, прежде всего, в управлении кадровым составом и реализуется в организации социальными процессами [3, с. 137]. Современные условия диктуют необходимость принципиально нового управления, где в центре внимания выступает человек.

Анализ научных источников показывает, что от влияния ряда факторов внешней и внутренней среды организации зависит реализация функций социального управления. К факторам прямого воздействия относят органы законодательной власти и местного самоуправления. К косвенным принято относить состояние экономики, рынка труда, политические и демографические факторы. Внешние факторы можно разделить на факторы косвенного воздействия и факторы прямого воздействия.

Анализ зарубежного и отечественного опыта позволяют утверждать, что, для эффективной реализации деятельности образовательных учреждений высшего образования необходимо управление социальными процессами, социальное управление, а не только «экономическое управление».

Анализ содержания указанных научных работ, показал, что в современной практике управления сложилось противоречие между несовершенством механизмов социального управления, с одной стороны, и необходимостью повышения уровня конкурентоспособ-



ности, развития – с другой. Условиями разрешения указанного противоречия являются: консолидация трудовых коллективов, ориентация их на самоорганизацию и саморазвитие; внедрение управленческих инноваций; активизация сил и средств социального контроля над деятельностью административного управления; совершенствование системы и механизмов социального управления.

## Результаты

Как отмечает в своей статье «Управление коммуникациями в высшей школе» Осмоловская Светлана Михайловна: «Современные подходы к проблематике управления качеством образования, в настоящее время обусловлены наличием специфических особенностей, присущих системе управления образовательной организацией» [7, с. 90]. Персональную ответственность за работу своей организации несет руководитель образовательной организации, где на местном и федеральном уровнях его деятельность регулируется государственными структурами. Строгая регламентация и стандартизация основной образовательной деятельности и смежных областей регулируется законом.

Следствием данной специфики является ограниченность финансовых ресурсов, их количество и качество, отмечается в современной методической и научной литературе. Внебюджетные средства четко обоснованы юридически, а бюджетные средства распределяются по статьям расходов. Следовательно, возрастает роль человеческого капитала, как ресурса управления.

Проблематике, возникающей в процессе управления образовательными организациями высшего профессионального образования посвящены труды Ананишнев В.М., С.М. Осмоловской. Личность лидера управленческих структур наиболее подробно рассматривалась в работах в области психологии А.М. Бандурка и Е.В. Землянской. Теория управления образовательными системами, принципы программно – целевого подхода наиболее подробно из-

ложены в работах Д.А. Н овикова. Методы исследования в профессиональной сфере более глубоко рассмотрены в трудах С.М. Сакович. Конкурентноспособность и эффективность современных организаций детально описана в работе В.А.Р озан ова. В последние годы, в рамках проблемы социального управления внимание уделяется вопросам лидерства в системе образования России. Они представлены в работах В.В. Гончарова. Значимое внимание руководителя в общей системе управления уделяет В.Г. Шипунов.

Анализ педагогической литературы по вопросам социального управления высшей школой позволяет сделать вывод о необходимости изучения данной проблематики. Современному руководителю необходимо глубокое понимание основ организации и управления, для того, чтобы эффективно влиять на деятельность подчиненных.

Анализ практико-ориентированной деятельности образовательной организации выявил некоторые противоречия. Необходимо повышение квалификации руководителей образовательных организаций, своевременное обновление менеджмента, гибкое реагирование на происходящие изменения, учет особенностей управления педагогическим персоналом.

Безусловно, все вышесказанное актуализируется с потребностью учебного заведения в высококвалифицированных специалистах, и нехваткой этих специалистов на рынке труда. Существует проблема планирования, исследования и найма.

В исследованиях показано, что важным направлением совершенствования управления образованием становится повышение самостоятельности учебных заведений. В современных условиях становится достаточно актуальным использование в образовательной практике ведущих положений модели «медиа образован ие».

## Обсуждение

В результате рассмотрения научно-исследовательских работ, связанных



с положением дел в сфере социального управления позволяет говорить о том, что в любой социальной сфере центральным, системообразующим фактором является человек выполняющий управленческую деятельность на основе соответствующих научных принципов с применением специальных приемов, методов, форм и средств.

Администрация образовательного учреждения может выступать в качестве совокупного субъекта управления по отношению к коллективу, с одной стороны, и она же является объектом управления со стороны органов управления образовательным учреждением. Современного учителя, работающего в условиях активной вхождения ВУЗа в рыночные отношения, можно считать менеджером учебного заведения, так как он является не только субъектом управления процессом обучения, развития учащихся, но и оказывает образовательные услуги в условиях зарождающейся конкуренции.

Анализ достоинств и недостатков, существующей системы социального управления в образовании позволяет сформулировать следующие принципы: 1) комплекс технологических приемов, принципов, методов, организационных форм управления педагогическими системами, направленных на повышение эффективности их функционирования и развития; 2) иерархия научно-организованного управления, где первый уровень – управление деятельностью педагогического коллектива, второй уровень – управление деятельностью учащихся.

Проанализированные исследования позволили установить, что специфика педагогического менеджмента заключена в особенностях предмета, продукта, организации и результатов труда менеджера образования.

Социальная практика подтверждает, что для того, чтобы эффективно влиять на деятельность подчиненных, современному руководителю необходимо глубокое понимание основ организации и управления. При анализе

теоретических и методологических основ социального управления человеческими ресурсами эффективная деятельность организатора будет обеспечена при соблюдении определенных количества критериев, способствующих этому, а именно: использование принципа педагогического сотрудничества и взаимодействия в управлении; формирование позитивного психологического климата в коллективе; обеспечение условий профессионального роста научных сотрудников; работа в актуальных регионах и др.

Практика, результаты исследований показывают, что модель управления организацией высшего образования способна базироваться на определенном бизнес-процессе, как системы образования, обучающегося на основе сформированного социального заказа общества и социального зрелую и интеллектуальную развитую личность на входе в выпускника, обладающего необходимым уровнем подготовки в соответствии с требованиями. Так же, модель управления организацией высшего образования, в процессе ее реализации должна оставаться универсальной, трансформирующей, с учетом региональных специфики и индивидуальных особенностей высшей школы [5].

Таким образом, интеграция системного и процессного подходов позволяет выстроить социальное управление в соответствии с деятельностью образовательной организации, ориентированной на развитие обучающихся и персонала.

### Заключение

Проблема социального управления высшей школой остро встает в связи с модернизационными процессами [6, с. 218]. Современная образовательная практика утратила многие традиционные в силу объективных причин, а именно происшедших трансформаций институтов социальной системы. С другой стороны, высшее образование сумело накопить немалый практический опыт, полу-



чен н ый в ходе реформ, и этот опыт сви-  
детельствует об усложн ен ии процесса  
социальн ого управлен ия в системе выс-  
шего образован ия вузов, расположен н  
ых в мегаполисах. Модель управлен ия  
персон алом в современ н ой орган иза-  
ции высшего образован ия является н  
еотъемлемой частью системы кон троль  
качества результатов образован ия.

### Рекомен дации

Управлен ие – цен тральн ая ось в фун-  
кцион ирован ии любой социальн ой ор-  
ган изации. В стремлен ии эффективн  
ого управления, руководители сталкива-  
ются с целым рядом проблем. Для того  
чтобы достичь эффективн ого управлен  
ия в социальн ой сфере, руководителю  
н ужн о: обеспечить ин формацион н ую  
осведомлен н ость сотрудин ков в орган  
изацион н ых подразделен иях; опреде-  
лить приоритетн ые и второстепен н ые  
цели и задачи орган изации, корректн  
о распределить их н а всех уровн ях; ре-  
агировать н а любые вн ешн ие измен  
ен ия и мен ять приоритетн ость целей,  
в случае н еобходимости; осуществлять  
подготовку, вн едрен ие и мон иторин г  
управлен ческих решен ий; орган изовать  
кон троль за исполн ен ием должн остн ых  
ин струкций и других локальн ых актов;  
формировать н ормальн ый микрокли-  
мат в коллективе, мотивировать персон  
а, ввести кураторство и содействовать  
повышен ию профессион ализма кадров;  
максимальн о задействовать все ресур-  
сы в рабочем процессе; орган изовать  
систему учета, отчетн ости и кон троль.  
Итак, необходимость совершенствован-  
ия системы социального управления  
обусловлена социальной практикой.

### Литература

1. Волков Ю.Г. Социология / Ю.Г. Вол-  
ков. – Москва: Альфа-М., Инфра-М.,  
2015. – 511 с.
2. Вирин, М.М. Вклад русской школы  
исследований эволюции и прогно-  
зов развития человечества в фор-  
мирование концепции информа-  
ционного общества / М.М. Вирин // *Философия и культура*. – 2015 –  
№ 3 (51). – С. 36–46.

3. Журавлев А.Л. Стиль руковод-  
ства для управления социально-  
психологическим климатом про-  
изводственного коллектива. Социально-психологический кли-  
мат коллектива. М. Наука, 2016.  
с. 137–139.
4. Лоусен Тони, Гэррод Джоан Соци-  
ология: А-Я Словарь-справочник/  
Пер. с англ. – М.: Гранд, 2017. –  
602 с.
5. Казюлина Н.Н., Сакович С.М. Event-  
маркетинг. Москва, 2018.
6. Новиков А. М., Новиков Д.А. Струк-  
тура системной теории развития  
профессионального образования.  
М.: Изд-во ЭГВЕС, 2016. – 218 с.
7. Осмоловская С.М. Управление ком-  
муникациями в высшей школе. Про-  
блемы теории и практики управле-  
ния. 2019. № 12. С. 90–99.
8. Поташник М.М. Управление про-  
фессиональным ростом учителя  
в современной школе. Методиче-  
ское пособие. – М.: Центр педагоги-  
ческого образования, 2017. – 448 с.
9. Сакович С.М., Иванова О.А., Казю-  
лина Н.Н. Противоречия между тра-  
дициями и инновациями в системе  
высшего образования: социально-  
управленческий аспект. Социоло-  
гия. 2017. № 4. С. 121–124.

### MANAGEMENT SOCIAL OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION IN THE MOSCOW METROPOLIS: (SOCIOLOGICAL ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS)

Ananishnev V.M., Zavyalov A.E., Osmolovskaya S.M.,  
Tkachenko A.V., Fedotov K.V.  
Moscow City Pedagogical University

The peculiarities of social management of the  
educational organization in The Russian condi-  
tions are especially relevant today, as the prob-  
lem of the management of the educational or-  
ganization in the conditions of modernization of  
the Russian education system is not sufficiently  
studied, research practice is mainly aimed at  
describing the phenomenon of the leader and does  
not always take into account the specifics of the  
educational organization.



The study from a systemic point of view analyzed the main scientific theoretical approaches to the issue of social management of the staff of higher education, identified ways to improve the quality of higher education. The paper presents an overview and analysis of foreign and domestic authors studying the topic of the study of the region.

The article identifies the main areas that need to be modernized in the human resource management system. Today, the modern manager needs professional staff, which in turn are not always such. That is why a competent solution of social problems on the part of the leader will be able to help the organization.

**Keyword:** social management, model of management of educational organization, human resource management technologies.

### References

1. Volkov Yu.G. *Sociology / Yu.G. Volkov.* – Moscow: Alfa-M, Infra-M., 2015. – 511 p.
2. Virin, M.M., The contribution of the Russian school of evolutionary research and forecasts of human development to the formation of the concept of an information society / M.M. Virin // *Philosophy and Culture.* – 2015 – No. 3 (51). – S. 36–46.
3. Zhuravlev A.L. Leadership style for managing the socio-psychological climate of the production team. *Socio-psychological climate of the team.* M. Nauka, 2016, p. 137–139.
4. Lowson Tony, Harrod Joan *Sociology: A-Z Dictionary-Reference / Per. from English – M.: Grand, 2017. – 602 p.*
5. Kazulina N.N., Sakovich S.M. *Event marketing.* Moscow, 2018.
6. Novikov A. M., Novikov D.A. The structure of the system theory of vocational education development. M.: Publishing house EGVES, 2016. – 218 p.
7. Osmolovskaya S.M. *Communication management in higher education. Problems of management theory and practice.* 2019. No. 12. P. 90–99.
8. Potashnik M.M. *Management of teacher professional development in modern schools. Toolkit.* – M.: Center for Pedagogical Education, 2017. – 448 p.
9. Sakovich S.M., Ivanova O.A., Kazyulina N.N. *Contradictions between traditions and innovations in the system of higher education: social and administrative aspect.* *Sociology.* 2017. No. 4. S. 121–124.



# Социальные факторы эффективности патриотического воспитания граждан России

**Блошко Виталий Васильевич,**

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, ФГКВУ ВО «Военный университет» МО РФ  
E-mail: vit.bloshko@gmail.com

**Капустин Владимир Владимирович,**

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии, ФГКВУ ВО «Военный университет» МО РФ  
E-mail: kapustinww@list.ru

В статье раскрываются основные научные подходы в исследовании социальных факторов эффективности патриотического воспитания граждан России. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых по данному направлению позволил выделить существующие классификации факторов (по уровню их воздействия, по направленности, по степени обратимости/необратимости влияния и т.д.). Рассмотрена эффективность принимаемых в современной России мер и программ патриотического воспитания и проблемные зоны, которые создают определенные трудности при оценке действенности выделенных условий формирования патриотизма у граждан. В статье описывается особенность регионального патриотизма. Дается характеристика патриотизма в условиях многонационального государства. Также говорится о соотношении идеи глобализма и уровня патриотизма. Приводятся примеры исследований по степени охвата патриотическим воспитанием молодежи России.

**Ключевые слова:** патриотизм, факторы эффективности патриотического воспитания, глобализация, социальные программы.

**Актуальность проблемы.** Важность формирования патриотизма у граждан в современном мире обусловлена различными обстоятельствами.

Во-первых, несмотря на то, что на протяжении всей истории человечества патриотизм всегда являлся фундаментом любого государства [10], в мире после холодной войны, в условиях, когда идеологии больше не играют определяющей роли в формировании гражданского общества и менталитета, патриотизм стал полноценной альтернативой в качестве универсальной национальной идеи [1, 7].

Во-вторых, наиболее успешные и значимые на мировой арене государства, такие, как США, Великобритания, Китай и Россия уделяли и продолжают уделять существенное внимание патриотическому воспитанию молодежи на протяжении многих поколений вне зависимости от смены идеологии, поколения и государственного строя [6].

В-третьих, несмотря на распространение глобалистических тенденций запада в последние 20 лет, в сущности, это никак не отразилось на тех основополагающих культурных паттернах, которые используются для взращивания любви к родине у граждан любого отдельного государства [7].

## Краткий обзор литературы.

В 2021 году в России патриотизм был официально нормативно закреплён как основа национальной идеи [1]. Этот подход доказал свою успешность на практике в самых разных с культурной, этнической и политической точки зрения государствах, что делает его универсальным фактором национального единства, и на то есть множество причин. Прежде всего, как следует из работ таких социологов, как А.Г. Агаев, Ж.Г. Голотвин и Р.Я. Мирский [2, 8], это естественность самой идеи формирования патриотических чувств. По мнению ученых, большинство людей, вне



зависимости от уровня симпатии к идеям глобализма, согласно данным многочисленных и психологических исследований [15, 16], прежде всего, беспокоится о благополучии своего ближайшего окружения и собственной среды обитания.

**Результаты и их обсуждение.**  
К примеру, результаты опроса проведенного А.Ю. Мягковым [15], свидетельствуют о явном доминировании антиглобалистских ориентаций в современной России (см. табл. 1).

Таблица 1. Результаты социологического опроса об отношении к глобализации в современной России (в%)

Оценка	Общая	Пол респондентов		Возрастные группы			
		м	ж	18-28	29-38	39-50	50+
Положительная	14%	21%	17%	26%	20%	11%	16%
Отрицательная	41%	38%	23%	26%	26%	37%	44%
Нейтральная	16%	17%	14%	18%	14%	20%	15%
Затрудняются ответить	29%	24%	46%	30%	40%	32%	25%

Если проводить параллели о том, что приверженность глобалистским теориям нивелирует чувство патриотизма, то результаты исследования свидетельствуют о патриотических настроениях россиян. Стремление сохранить свою национальную и культурную идентичность граждан России подчеркивает их патриотическую направленность.

Аналогичное исследование, проведенное в современных США, свидетельствует об определенной схожести результатов опроса в части отрицательной оценки идей глобализации (см. табл. 2).

Таблица 2. Результаты социологического опроса об отношении к глобализации в современных США

Оценка	Общая	Пол респондентов		Возрастные группы			
		м	ж	18-28	29-38	39-50	50+
Положительная	19%	20%	19%	28%	22%	10%	13%
Отрицательная	33%	35%	31%	27%	23%	37%	43%
Нейтральная	20%	22%	18%	15%	19%	20%	15%
Затрудняются ответить	28%	23%	32%	30%	36%	33%	29%

Для жителей крупнейших стран практически всегда в первую очередь заботят проблемы родины, и во вторую – глобальные вопросы человечества. Вопросами того, что происходит за рубежом, по мнению авторов, становятся актуальными в основном только в том случае, если они удовлетворены состоянием собственной территории [9]. В этом заключается одна из основных проблем эффективного патриотического воспитания: где именно находится грань между родиной и тем, что

находится за ее пределами в восприятии граждан, а также каким образом можно очертить границы той территории, которую граждане государства воспринимают как свою родину. Как показывает практика, базового географического образования для этого недостаточно [6, 11]. Невозможно рассчитывать на то, что человек будет испытывать патриотические чувства к своей стране только потому, что он родился либо долгое время жил на территории этого государства, о границах ко-



торого он, как правило, имеет весьма абстрактное представление, поскольку проводит подавляющую часть своей жизни на весьма ограниченной части этой территории (т.н. «малая родина»). В этом случае возникает последовательный вопрос: что именно должно побудить его воспринимать остальные территории этой страны в качестве того, что называется родиной, и чувствовать принадлежность к ним в большей степени, чем ко всему остальному миру целиком? Иными словами, как распространить любовь к малой родине на всю страну целиком, не перейдя при этом к глобализму?

В отсутствии ценностных ориентиров и патриотических символов, которые и дают представление гражданам страны о том, где проходит грань между «своим» и «чужим», люди, интуитивно или сознательно пытающиеся очертить для себя границы восприятия родины, неминуемо приходят к идеям глобализма [11]. То есть, все, что находится за пределами зоны их непосредственных интересов и жизнедеятельности, чаще всего ограниченной как раз тер-

риторией их малой родины, становится для них равноценно вторичным.

Это подводит к выводу о том, что когда речь заходит о патриотическом воспитании граждан, сам этот процесс необходимо формировать таким образом, чтобы у населения было понимание того, почему они должны воспринимать территорию своей страны как более важную для них лично, чем территорию любого другого государства. Чтобы граждане осознавали и понимали, что конкретно объединяет их, помимо формальных признаков, никак не сказывающихся на их повседневной жизни; почему для каждого из них важно заботиться о проблемах других регионов их страны. Это особенно актуально для России, ведь она является на сегодняшний день территориально самым крупным государством в мире, а ответ на вопрос, почему, к примеру, жителя Санкт-Петербурга должны интересоваться проблемы жителей Владивостока, для большинства граждан не является очевидным [6]. К примеру, результаты нескольких социальных опросов свидетельствуют как раз об этом (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты социологического опроса, изучающего мнение горожан, которых заботят проблемы населения соответствующего города России (в%)

Город	Москва	Кисловодск	Владивосток	Омск
Москва	91%	21%	45%	41%
Кисловодск	44%	95%	26%	29%
Владивосток	47%	26%	96%	29%
Омск	39%	19%	46%	94%

Данная проблема усложняется тем, что состав населения России является многонациональным – это снижает эффективность такого фактора, как трибализм, то есть той формы групповой идентичности, которая характеризуется некоторой внутренней замкнутостью, характерной для моноэтнических государств, которые, к тому же, как правило, обладают существенно меньшими географическими территориями [16].

Таким образом, патриотизм является единственным на сегодняшний

день ответом на вопрос, почему гражданам такой огромной страны, как Россия, должны ощущать единство и общность несмотря на все свое многообразие. Следовательно, выявление факторы эффективности успешного патриотического воспитания граждан имеют первостепенное значение для функционирования общества как единого целого.

Что же можно выделить в качестве этих факторов? В научной среде на этот счет существует достаточно

большое количество разносторонних исследований и точек зрения.

К примеру, С.Л. Франк рассматривает патриотические чувства как некую универсальную общечеловеческую категорию [18]. При этом сам патриотизм трактуется в качестве духа нации, раскрывающего своеобразные духовные тенденции определенного народа. В качестве факторов роста патриотических чувств С.Л. Франк обосновывает как жизненный, так и культурный опыт, которые формируются у людей на основе наличия общих духовных ценностей, которые и служат фактором единения и переплетения интересов населения страны. Из этого можно сделать вывод, что патриотические чувства формируются в качестве некой системы ценностей, которые осмысляются каждой отдельной личностью с позиции собственной национальной идентичности.

Н.А. Бердяев, считавший, что термин «нация» определяется как некоторое единство исторических судеб, также полагал, что патриотические чувства неразрывно связаны с наличием и осознанием религиозных и нравственных принципов человека. При этом в качестве главного фактора роста этих чувств он считал изучение истории своей страны и нации, при этом сама история является центром национального сознания народа, поскольку именно она служит мостом между поколениями и, таким образом, формирует единение исторических судеб нации [4].

Ряд авторов, таких, как А.В. Мудрик и Ю.К. Бабанский полагают, что патриотические чувства являются признаком самого существования нации как таковой, поскольку именно эти чувства наделяют народ самобытностью и тем, что можно назвать общим происхождением в историческом контексте [3, 12]. При этом формирование патриотических чувств с этой точки зрения происходит посредством изучения национального и культурного творчества и их конечных продуктов, приобретающих достаточную известность, чтобы стать национальными символами в той или иной степени. Они также, в целом, со-

глашаются, что патриотические чувства сами по себе не являются признаком осознания нации себя в качестве таковой, однако служат фундаментом для этого осознания и последовательного укрепления данной идентичности в сознании людей посредством укрепления коллективного сознания через схожие чувства, переживаемые на личностном уровне.

В целом, в качестве факторов, которые влияют на успешность патриотического воспитания, можно выделить те условия и обстоятельства, которые имеют как социальную, так и природную натуру, и при этом в той или иной степени влияют на эффективность рассматриваемой системы патриотического воспитания, а также служат стимулом для человека к труду в рамках патриотического воспитания и саморазвития.

Ю.К. Бабанский произвел классификацию данных факторов, разделив их на внешние и внутренние, а также на поддающиеся и неподдающиеся управлению [3]. К числу внешних факторов ученый относит такие, как общемировые тенденции, мировая обстановка, глобальная экономика, государственный строй, социальный климат, история государства и нации, репутация государства в мире, геополитические задачи и цели государства, состояние гражданского общества, социально-демографическая ситуация, природно-климатические условия. К внутренним же относятся такие факторы, как культура народа, национальные обычаи и традиции, специфика производства на местах, этнические особенности, семья, культура малых групп, сверстники, трудовой коллектив и т.д. Управляемыми факторами Бабанский считает специфику производства, образ жизни и быта, семью, сверстников, трудовой коллектив, обстановку в соседстве; неуправляемыми – общемировые тенденции, ситуацию на мировой арене, глобальную экономику, природно-климатические условия и прочие факторы, которые неподконтрольны или практически неподконтрольны руководству страны.



В.Н. Турченко, А.А. Реан и Н.В. Бордовская [5] же считают, что они делятся на объективные и субъективные. При этом к субъективным В.Н. Турченко относит, по сути, индивидуально-личностные качества людей в социуме, то есть, их морально-этические качества, их знания, взгляды, идеи, политические убеждения, свойства их психики и т.д., а объективными – все, что относится как к групповым характеристикам общества, так и ко всему тому, на что отдельная личность, как правило, повлиять не в силах – природные, геополитические процессы, история как ряд свершившихся событий и пр.

А.В. Мудрик классифицирует факторы эффективности патриотического воспитания граждан на четыре уровня по возрастанию степени их влияния на общество – микро-, мезо-, макро- и мега [14]. С точки зрения марксизма, главным фактором как патриотического, так и любого другого воспитания является социум [3]. При этом роль наследственных и биологических факторов считается вторичной и, в сущности, заключается только в передаче некоторых предрасположенностей и задатков, которые могут быть реализованы посредством влияния социума, а могут и не быть. Тем не менее, современная, хотя и не отрицает эту парадигму полностью, все же вынуждает модифицировать ее в некоторых аспектах, и порой достаточно существенно. Главным образом это обусловлено необходимостью проведения многофакторного анализа эффективности данного процесса, учета взаимосвязей между отдельными факторами, их ранжирования и т.д. Иначе говоря, мы не можем на основе философских установок и убеждений пренебрегать теми или иными факторами, вне зависимости от их природы.

Таким образом, в качестве наиболее полной и многообразной классификации можно считать широко признанную в научной среде работу А.В. Мудрика, в которой он, в сущности, произвел синтез всех известных подходов к рассмотрению данной проблематики, составив классификацию (см. табл. 4).

Таблица 4. Классификация факторов эффективности патриотического воспитания граждан современного государства (по А.В. Мудрику)

Уровень влияния фактора	Факторы	Характеристика факторов
Мега	Общемировые тенденции; Положение вещей на мировой политической арене; Глобальная экономика	Объективные; Внешние; Неуправляемые
Макро	Государственный строй; психологический климат в социуме; История государства и нации; Отношение к государству в мире; Геополитические цели и задачи страны; Состояние гражданского общества в государстве;	Объективные; Внешние; Управляемые и неуправляемые
Мезо	Условия локального региона страны; Культура народа; Национальные традиции и обычаи; Специфика производства; Образ жизни и быта; Национальные особенности; Природно-климатические условия; Социально-демографическая ситуация;	Объективные; Внешние и внутренние; Управляемые и неуправляемые
Микро	Семья; Традиции и обряды малых групп; Сверстники, трудовой коллектив; Ритуалы, обстановка в соседстве и т.д.	Субъективные/объективные; Внешние/внутренние; Чаще всего управляемые.

Таким образом, можно сделать вывод, что именно под воздействием обозначенных и классифицированных выше факторов у граждан государства происходит формирование системы ценностей и отношения как к собственной семье, так и к своему городу, региону и, в конечном счете, к нации и Родине в общем.

Однако на сегодня в Российской Федерации есть официально принятая и реализуемая программа патриотиче-

ского воспитания граждан [9]. С 2001 до по сегодняшний день такие программы утверждались каждые 5 лет, что можно считать убедительным свидетельством того, что государство прикладывает существенные усилия по вопросам развития и улучшения системы патриотического воспитания своих граждан [21].

Если обратить внимание на актуальную версию данной программы [9], то мы видим, что правительство Российской Федерации на сегодня определяет термин «патриотическое воспитание» как «процесс формирования у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины». Здесь так же уделяется внимание тем трудностям, которые существуют на сегодняшний день в сферах глобального геополитического и экономического соперничества. Среди прочих задач данной программы выделяется востребованность улучшения как методического, так и научного сопровождения системы патриотического воспитания граждан России с принятием во внимание динамических процессов, упомянутых выше [22]. Здесь же представлено детальное рассмотрение обозначенных задач и описание их специфики, а также прямо обозначена необходимость создания системы научно-обоснованных методов выявления эффективности различных подходов к патриотическому воспитанию граждан.

В данной программе также подчеркивается, что приведенные в ней показатели по результатам выполнения предшествовавших текущей программ лишь опосредованно свидетельствуют об уровне эффективности проведенной на сегодняшний день работы по этому направлению. Большинство проведенных мероприятий и показателей, которые им соответствуют, предлагается считать необходимыми для создания и укрепления патриотических чувств у населения государства, но, тем не менее, далеко не достаточными для

того, чтобы считать этот вопрос закрытым, поскольку многие из этих показателей заставляют исследователей-социологов задаваться целым рядом вопросов.

В качестве одного из ярких примеров можно привести тот факт, что, согласно данным, приведенным в данной программе, число молодых граждан РФ, которые принимают участие в тех мероприятиях, которые проводятся в рамках реализации программ патриотического воспитания молодежи и ее допризывной подготовки в различных регионах страны, в среднем составляет лишь 21.7% от общего числа молодежи в России, в то время как число приспособленных для подобных мероприятий лагерей в стране – менее 2000. Согласно данным многочисленных опросов [5, 9, 10], большинство молодых людей так или иначе считают себя патриотами, из чего логически следует, что их патриотические взгляды формируются под влиянием других факторов и источников информации.

**Выводы.** Подводя итог можно сказать, что критерии оценки эффективности той или иной системы патриотического воспитания граждан государства мы можем подразделить на две категории. Первая из них – это те критерии, которые относятся к оценке состояния патриотического сознания людей, то есть, их ценности, убеждения, знания истории и обычаев своей страны и т.д. Вторые – это те критерии, которые мы относим к оценке непосредственной деятельности граждан, то есть того, что они делают в качестве проявления своих патриотических чувств. Все эти критерии должны быть детерминированными и объективными.

В процессе изучения различных явлений, связанных с патриотическим воспитанием, зачастую возникает необходимость в получении информации, которая недоступна для непосредственного наблюдения [11, 13]. В сущности, большая часть ценной информации в данном случае и является таковой. Поэтому результаты различных социологических



опросов являются, по сути, единственным способом получить достоверные и верифицируемые сведения. Однако и здесь возникают определенные трудности, связанные, прежде всего, с получением недостоверных ответов, которые респонденты могут предоставлять как осознанно, так и неумышленно, исходя из собственного предположения, что в предложенной анкетой ситуации они поступят определенным образом, хотя на практике все произошло бы иначе. Известные социологам способы проверки искренности не во всех случаях являются надежными [15]. Это обуславливает возникновение потребности в дополнительных источниках информации, которые также желательно должны хотя бы в некоторой степени соотноситься с наблюдаемыми поступками людей. Оптимальным вариантом такого источника на сегодня является сеть Интернет, предоставляющая исследователям неплохой базис для получения и анализа подобной информации.

С целью исследования патриотического сознания, оценки нравственных принципов и эффективности патриотического воспитания в целом, на сегодня предлагается использовать результаты мониторинга процессов, происходящих в социальных сетях, где люди добровольно делятся как собственными убеждениями и взглядами, так и результатами своих поступков, зачастую соотносящимися с их мыслями в патриотическом ключе, или же в противоположном направлении, что также должно вызывать серьезные вопросы и требует принятия решений со стороны государства.

## Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 01.07.2020 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N31, ст. 4398.
2. Патриотизм и интернационализм советского человека [Текст] / А.Г. Агаев. – 2-е изд., перераб. – Москва: Сов. Россия, 1975. – 350 с.
3. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса: (Метод. основы) / Ю.К. Бабанский. – М.: Просвещение, 1982. – 192 с.
4. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1910. – 304 с.
5. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. – СПб.: Питер, 2015. – 304 с.
6. Гидиринский В.И. Русская идея и армия (философско-исторический анализ). – М., 1997. – 266 с.
7. Глухов Д.В. Экономические детерминанты формирования гражданского патриотизма // Патриотическая идея накануне XXI века: прошлое или будущее России. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Волгоград: Перемена, 1999.
8. Голотвин Ж.Г., Мирский Р.Я. Традиции советского патриотизма. Москва: Мысль, 1975. – 199 с.
9. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493.
10. Лопуха А.Д., Володин Р.В. Педагогические условия обеспечения эффективности управления патриотическим воспитанием курсантов в военном вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2016. № 1 (21). С. 91–96.
11. Лутовинов В.И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию. М., 2006. – 62 с.
12. Михалева Е.В. Мотивация участия молодежи в добровольческой деятельности // Аллея Науки. 2016. № 4. С. 682–688.
13. Морозова Е.П., Загребельная С.В. Система критериев и показателей комплексной оценки деятельно-



- сти образовательной организации по духовно-нравственному воспитанию // Педагогическое образование и наука. 2016. № 4. С. 78–83.
14. Мудрик А.В. Социализация человека: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.В. Мудрик – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2011. – 303 с.
  15. Мягков А.Ю. Всегда ли респонденты говорят правду? Мета-анализ зарубежных источников // Социол. исслед. 2008. № 9. – С. 20–31.
  16. Плохова И.А. Роль волонтерского движения в патриотическом воспитании молодежи (на примере социологического исследования при ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова») // Электронный журнал «Общество. Культура. Наука. Образование».
  17. Савотина Н.А. Гражданское воспитание студенческой молодежи в современном вузе: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.01 / Гос. науч.-исслед. ин-т семьи и воспитания Российская акад. образования. – Москва, 2006. – 44 с.
  18. Франк С.Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. – М, 2017.
  19. Трифонов Ю.Н. Сущность и основные проявления патриотизма в условиях современной России: Соц.-филос. анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Тамбов, 1996. – 170 с.
  20. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.
  21. Осипенко Э.Б., Закиров С.М. Взаимоотношение органов военного управления с органами местного самоуправления по вопросам военно-социальной работы. В сборнике: Социология личности военнослужащего: теория и современные практики. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 54–57

22. Погребной Д.Н., Осипенко Э.Б. Теоретико-методологические основы изучения служебного поведения в отечественной научной литературе второй половины XX века. Социология. 2021. № 2. С. 163–168

### SOCIAL FACTORS OF THE EFFICIENCY OF PATRIOTIC EDUCATION OF THE CITIZENS OF RUSSIA

**Bloshko V.V., Kapustin V.V.**

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article reveals the main scientific approaches in the study of social factors of the effectiveness of patriotic education of Russian citizens. The carried out theoretical analysis of the studies of domestic and foreign scientists in this area made it possible to distinguish the existing classifications of factors (by the level of their impact, by direction, by the degree of reversibility / irreversibility of influence, etc.). The article considers the effectiveness of measures and programs of patriotic education taken in modern Russia and problem areas that create certain difficulties in assessing the effectiveness of the identified conditions for the formation of patriotism among citizens. The article describes the peculiarity of regional patriotism. The characteristic of patriotism in the conditions of a multinational state is given. It also talks about the relationship between the idea of globalism and the level of patriotism. Examples of studies on the extent to which patriotic education of Russian youth is covered are given.

**Keywords:** patriotism, factors of efficiency of patriotic education, globalization, social programs.

### References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N6-FKZ, of 30.12.2008 N7-FKZ, of 05.02.2014 N2 -FKZ, dated 01.07.2020 N11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, N31, Art. 4398.
2. Patriotism and internationalism of the Soviet man [Text] / AG Agaev. – 2nd ed., Rev. – Moscow: Sov. Russia, 1975. – 350 p.



3. Babansky Yu.K. Optimization of the educational process: (Method. Foundations) / Yu.K. Babansky. – M.: Education, 1982. – 192 p.
4. Berdyaev N.A. Spiritual crisis of the intelligentsia – SPb.: Printing house of the partnership “Public benefit”, 1910. – 304 p.
5. Bordovskaya N.V., Rean A.A. Pedagogy. – SPb.: Peter, 2015. – 304 p.
6. Gidirinsky V.I. The Russian Idea and the Army (Philosophical and Historical Analysis). – M., 1997. – 266 p.
7. Glukhov D.V. Economic determinants of the formation of civil patriotism // Patriotic idea on the eve of the XXI century: the past or the future of Russia. Interregion materials. scientific-practical conf. – Volgograd: Change, 1999.
8. Golotvin Zh.G., Mirsky R. Ya. Traditions of Soviet patriotism. Moscow: Mysl, 1975. – 199 p.
9. State program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020”, approved by the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493.
10. Lopukha A.D., Volodin R.V. Pedagogical conditions for ensuring the effectiveness of management of patriotic education of cadets in a military university // Professional education in Russia and abroad, 2016. No.1 (21). S. 91–96.
11. Lutovinov V.I. Criteria and fundamentals of the methodology for assessing the results of work on patriotic education. M., 2006. – 62 p.
12. Mikhaleva E.V. Motivation for youth participation in volunteerism // Alley of Science. 2016. No. 4. S. 682–688.
13. Morozova E.P., Zagrebelnaya S.V. The system of criteria and indicators for a comprehensive assessment of the activities of an educational organization for spiritual and moral education // Pedagogical education and science. 2016. No. 4. P. 78–83.
14. Mudrik A.V. Socialization of man: textbook. manual for stud. higher. study. institutions / A.V. Mudrik – 3rd ed., Rev. and add. – M.: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute, 2011. – 303 p.
15. Myagkov A. Yu. Do respondents always tell the truth? Meta-analysis of foreign sources // Sotsiol. issled. 2008. No. 9. – S. 20–31.
16. Plokhova I.A. The role of the volunteer movement in the patriotic education of young people (on the example of sociological research at the Ulyanov UIGPU) // Electronic journal “Society. Culture. The science. Education”.
17. Savotina N.A. Civic education of student youth in a modern university: abstract of thesis. ... doctors of pedagogical sciences: 13.00.01 / State. nauch.-issled. Institute of Family and Education Russian Acad. education. – Moscow, 2006. – 44 p.
18. Frank S.L. Light in Darkness: An Experience of Christian Ethics and Social Philosophy. – M, 2017.
19. Trifonov Yu.N. The essence and main manifestations of patriotism in the conditions of modern Russia: Sots.-Philos. analysis: dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11. – Tambov, 1996. – 170 p.
20. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.
21. Osipenko E.B., Zakirov S.M. The relationship of military command and control bodies with local self-government bodies on the issues of military-social work. In the collection: Sociology of the personality of a serviceman: theory and modern practices. Materials of the international scientific-practical conference. Moscow, 2021.S. 54–57
22. Pogrebnoy DN, Osipenko E.B. Theoretical and methodological foundations of the study of official behavior in the domestic scientific literature of the second half of the XX century. Sociology. 2021. No. 2. P. 163–168

## Социальная справедливость в развитии полиэтничного регионального пространства Республики Крым: результаты массового опроса

**Верещагина Анна Владимировна,**

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

E-mail: anrietta25@mail.ru

**Бинева Наталья Камильевна,**

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

E-mail: n.bineeva@gmail.com

**Войтенко Валерия Петровна,**

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

E-mail: leravvp@mail.ru

*Цель исследования* заключается в выявлении представлений о социальной справедливости в полиэтничном пространстве крымского регионального сообщества. *Методологической основой исследования* выступает пространственный подход, определяющий в качестве ключевых подпространств как объектов исследовательского анализа социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное. Эмпирическая база исследования представлена результатами массового опроса, проведенного в Республике Крым в 2021 году в рамках реализации проекта «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения на Юге России» (2020–2022 гг.). Результаты исследования, связанные с социологическим измерением социальной справедливости в региональном пространстве Крыма, свидетельствуют о, преимущественно, экономической обусловленности процессов и явлений, воспринимаемых крымским региональным сообществом, как несправедливые. Сделан вывод о том, что межэтнический контекст социокультурных отношений как ключевой для этноконфессиональной специфики Крыма не обнаружил оснований

для вывода об этнической природе событий и явлений, воспринимаемых населением данного региона, как несправедливые. В большей степени, помимо социально-экономического, на развитие полиэтничного регионального пространства Крыма влияет социально-политический фактор, находящий выражение в запросе крымского регионального социума на закрепление принципов демократии и правового государства как выражающих представления о справедливой организации всей палитры социальных отношений.

**Ключевые слова:** социальная справедливость; Крым; полиэтничный регион; региональное пространство; демократия; социальное неравенство; социальное благополучие; справедливое общество.

*Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (Государственное задание Минобрнауки, внутренний номер ГЗ0110/21-04-РГ).*



## Введение

Согласно мнения значительного количества экспертов в российском обществе сформировался запрос на социальную справедливость. С тех пор, как страна перешла в иной формат общественно-политического развития, провозгласив демократические устои в качестве приоритетных в развитии, вопрос о социальной справедливости сформировавшегося социального порядка в новой России находится в центре общественного дискурса. Социологами было выявлено ощущение тотальной несправедливости, которое испытывают граждане России в постсоветский период истории страны [4, С. 97–101], о мечтах россиян, в которых желание «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» оказалась включенной в тройку самых главных мечтаний жителей государства [12]. Данные исследований последних лет свидетельствуют о том, ситуация, в современной ситуации не изменилась, и поиски социальной справедливости в России по-прежнему продолжают [19]. Более того, по мнению экспертов, вопрос о социальной справедливости после пандемии выйдет на первый план не только для России, но для всех стран современного мира [20]. В отношении России он уже давно стал таковым: в опросе ФНИСЦ РАН, проведенном в марте 2021 года, Россия будущего в ответах граждан страны уже выглядит, как «страна, где обеспечивается справедливость» (51%), в то время как на второй позиции оказались демократические права человека и демократия (41%) и только на третьей позиции – сильная государственная власть (36%)<sup>1</sup>.

Иными словами, тема державности России, ее величия и силы отошла на второй план, уступив место проблеме благосостояния граждан, что, по мнению экспертов, символизирует масштабный сдвиг в массовом созна-

нии россиян [3]. Согласно социологическим опросам (ФОМ<sup>2</sup>, ВЦИОМ<sup>3</sup>) ситуация оценка гражданами уровня социальной справедливости в стране за последние годы не изменилась в лучшую сторону.

«Державные» настроения и установки россиян, в определенной степени удовлетворенные в 2014 году эпохальным для России событием – присоединением Крыма, с чем у граждан страны ассоциировалось восстановление исторической справедливости, восстановление статуса мировой державы, еще сохраняют свою значимость. Об этом говорит тот факт, 27% россиян будущее России видят в формате великой державы<sup>4</sup>, однако, данные установки теперь стали менее популярными среди россиян: несколько лет назад, как отмечают эксперты, ссылаясь на исследования ФНИСЦ РАН, они были характерны для 33% опрошенных россиян [17].

Таким образом, социальная справедливость возглавляет список ценностей, на которых, по мнению большинства россиян, должно строиться будущее России, в которой на настоящем этапе не обеспечивается равенство всех перед законом – этот принцип остается во многом декларативным<sup>5</sup>. Однако именно он, как свидетельствуют результаты исследований Институ-

<sup>2</sup> О справедливости. 2018. Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 26 августа 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. По данным исследований ООО «ИнФОМ» в рамках заказа Фонда «Общественное мнение» (проект ФОМ-ОМ). Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14099>

<sup>3</sup> Социальная справедливость в России. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii>

<sup>4</sup> Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. 109 с. Режим доступа: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922>. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.

<sup>5</sup> Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. 109 с. Режим доступа: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922>. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.

<sup>1</sup> Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. 109 с. Режим доступа: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922>. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.



та сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), составляет основу восприятия социальной справедливости в российском обществе [14], в полиэтничных регионах страны принимая свою (этническую) специфику, в свою очередь, характеризующую характер межэтнических отношений и уровень их конфликтогенности.

Изучение указанных аспектов в сложносоставных по этноконфессиональному признаку российских регионах осуществляется в границах проблем политизации и деполитизации этничности [1, 5]. Многие исследователи в своих работах аргументированно приходят к выводу об этнической обусловленности доступа к власти и иным социальным ресурсам [2, 6], что определяет как конфликтогенный характер межэтнических отношений в различных регионах России, так и необходимость пристального внимания к фактору этничности в системе организации общественных отношений российских региональных пространств.

Актуальным данный ракурс исследования следует признать и для современного Крыма [15, 18], вхождение которого в состав РФ для большинства россиян, как показывают результаты опроса ВЦИОМ (март 2021 г.), по-прежнему составляет предмет гордости (48%)<sup>6</sup>. Включение Крыма в состав России, помимо актуализации вопросов исторической памяти и гордости, политического статуса страны на международной арене, остро ставит проблемы интеграции крымского населения в социокультурное пространство российских регионов и развития самого регионального пространства Крыма.

Крым, являясь субрегионом Юга России как макрорегиона со своей сложной историей и спецификой пространственных процессов в совокупности этнокультурных, этноконфессиональных, межэтнических, социально-экономических, идентификационных и иных социальных отношений [8, 11], характеризу-

ется собственным уникальным пространством социально-экономических, социально-политических и социокультурных отношений. Их изучение с позиций пространственной парадигмы [7] предполагает анализ ценностных установок и ориентаций населения как интегрирующих, так и дифференцирующих региональное пространство. В этом плане обращение к принципу социальной справедливости как индикатору пространственного развития российского государства и его отдельных регионов представляется ученым перспективной исследовательской стратегией [9]. В ее рамках изучение социальной справедливости в Крыму предполагает обращение к оценочным позициям крымчан в области развития социально-экономических, социально-политических и социокультурных отношений как составляющих структуру регионального пространства и организованных на принципах справедливости или несправедливости. Результаты предпринятого в таком ракурсе исследования предлагаются в данной статье.

### Характеристика эмпирической базы

Эмпирическая база исследования представлена результатами массового опроса, проведенного в Республике Крым в 2021 году в рамках проекта «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения на Юге России» (2020–2022 гг.). Массовый опрос был проведен в пяти регионах Юга России (N=2821, в том числе Республика Крым – 21,6% от общего объема выборки, КЧР – 18%, Ростовская область – 21,3%, Краснодарский край – 21,5%, Республика Калмыкия – 17,6%). Формирование географии исследования определялось этнической спецификой регионов и осуществлялось по следующим характеристикам: регионы, в которых русские представляют собой численное большинство (Ростовская область, Краснодарский край), регионы, в которых представители других этносов являются титульными (Карачаево-Черкесская республика, Республика Кал-

<sup>6</sup> Крым: 7 лет с Россией. ВЦИОМ. 12 марта 2021. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-7-let-s-rossiei>



мыкия), регионы, на территории которых проживают этносы с виктимным статусом (Республика Крым).

В данной статье используются результаты массового опроса, проведенного на территории Республики Крым. В качестве эмпирического объекта исследования была выбрана этническая группа: крымские татары (32,9%), русские (33,1%) и украинцы (34%). При расчёте выборки каждая этническая группа рассматривалась как генеральная совокупность, структура которой должна быть воспроизведена в выборочной совокупности по ключевым параметрам: местность проживания (городская, сельская), пол и возраст респондента (начиная с 18 лет). Таким образом, выборка исследования является *стратифицированной*, с выделением *квот* по ключевым параметрам. Для определения количества респондентов, необходимого для опроса по каждому этносу, были выбраны следующие расчётные характеристики выборки: доверительная вероятность – 90%; доверительный интервал – 7%. Таким образом, точность полученных ответов в рамках выборки составляет 90%. Разброс ответов от полученных статистических выкладок опроса составляет  $\pm 7\%$ .

Опрос был проведен в городах и сельских районах Крыма в соответствии с расчётными показателями: 45,9% относятся к городскому населению и 54,1% – к сельскому. Среди опрошенных 44,9% респондентов мужского пола и 55,1% – женского.

### **Социальная справедливость в зеркале общественного мнения: крымский формат**

Представления о социальной справедливости, как известно, формируются в пространстве определенной культуры, имеют историческую траекторию формирования и вписаны в общественно-политический и научный дискурс (Попова, 2016). Какими бы ни были по своему происхождению или характеру представления о социальной справедливости, они так или иначе служат ценностно-нормативным обоснованием

сложившегося социального порядка, а также объяснительной схемой изучения последнего. В этой связи самым первым вопросом, которым задается социолог, является вопрос о восприятии социальной справедливости в обществе. Мы также задали этот вопрос респондентам, представляющим население Республики Крым, и выяснили, что справедливое общество для них – это, прежде всего, общество, в котором торжествует закон и порядок, все равны перед законом (97,9%); на второй позиции – общество, в котором созданы равные условия для развития каждого (95,7%), а также общество, в котором за счет налогов всех граждан государство оказывает поддержку социально незащищенным группам (6,3%). Наименьшее количество голосов (13,5%) набрала позиция, согласно которой справедливое общество – это общество, в котором полное равенство в доходах, в экономическом положении, независимо от вклада, способностей, уровня образования и т.д. человека (таблица 1).

Как видим, мнение жителей Крыма не расходится с общероссийской позицией (ее мы приводили выше) относительно того, что составляет основу справедливо устроенного общества.

Далее был исследован вопрос о социокультурной составляющей организации регионального пространства Крыма с позиций справедливости/несправедливости, и, поскольку для полиэтничного региона эта составляющая, во многом, соотносится с межэтническими отношениями, мы заинтересовались у респондентов их пониманием несправедливости в межэтнических отношениях. По итогам ответов респондентов (допускалось несколько вариантов ответа) было выяснено, что наиболее несправедливым в межэтнических отношениях население Крыма считает ситуацию, когда представители какой-то этнической группы могут за деньги решить любой вопрос и ничего с этим нельзя сделать (71,1%), когда какие-то этнические группы испытывают ущемление своих прав (67,8%) когда представители какой-то этнической

группы имеют приоритет, например, в торговле на рынке, или в получении рабочих мест и пр. (50,7%). Справедливость же в отношении этнических групп респонденты видят, прежде всего, в проявлении уважения в адрес всех этнических групп, независимо от их численности, статуса, вклада в развитие общества (78,1%), в возможности сохранять и развивать культуру, язык каждого народа, иметь собственные школы, религиозные учреждения, общественные организации (63,2%), в недопущении политического насилия, политических гонений, репрессий по национальному признаку (59,5%), в возможности

равного представительства в органах власти всех народов, свободного выражения и защиты своих политических убеждений (56,3%). С этой точки зрения, судя по ответам населения, можно сказать, что отношения между этническими группами в Крыму организованы на справедливой основе: 90% опрошенных на вопрос о том, были ли события за последний год, в которых лично они или их близкие испытывали ущемление своих прав, дискриминацию из-за своей национальности, ответило, что таких событий не было. Тех, кто столкнулся с такими событиями, оказалось 10% в числе опрошенных.

Таблица 1. Справедливое общество в общественном мнении жителей Крыма, в%

Утверждение	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Справедливое общество то, в котором отсутствует разделение на бедных и богатых, все люди живут примерно одинаково	56,3	42,9	0,8
Справедливое общество то, в котором созданы равные условия для развития каждого	95,7	2,5	1,8
Справедливое общество – то, в котором торжествует закон и порядок, все равны перед законом	97,9	1,6	0,5
Справедливое общество то, в котором за счет налогов всех граждан государство оказывает поддержку социально незащищенным группам (детям, пожилым людям, инвалидам и др.)	86,3	12,7	1
Справедливым является общество, где доходы получают в зависимости от трудового вклада, и накопленных ресурсов (образования, социальных связей, социального статуса и пр.)	84,5	14	1,5
Справедливое общество то, в котором полное равенство в доходах, в экономическом положении, независимо от вклада, способностей, уровня образования и т.д. человека	13,5	85	1,5

Результаты исследования в ходе дальнейшей опроса подтвердили этот факт слабой зависимости между социальной несправедливостью и межэтническими отношениями в изучаемом регионе. Как показали результаты ответа на вопрос о том, с какими из проблем в повседневной жизни, воспринимаемыми как несправедливость, чаще всего сталкиваются респонденты, социальная несправедливость в Крыму имеет, прежде всего, экономические основания. Среди проблем такого рода респондентами были названы, прежде всего:

- Рост цен на товары и услуги – 75,3%
- Низкий уровень оплаты труда – 55,4%

- Низкие пенсии – 52,3%
- Недоступные цены на жилье – 44,4%
- Невысокое качество страховой медицины – 42,6%
- Ситуация в ЖКХ: высокие тарифы и невысокое обслуживание – 38,8%

Помимо экономических проблем жителей Крыма волнуют также проблемы бюрократизации (трудности в решении вопросов в органах исполнительной власти) – 33,6% и большие расходы на дополнительное образование детей (оплата кружков, репетиторов и т.д.) – 20,1%. Остальные же проблемы, среди которых такие, как: бесправие при столкновении с правоохранительными органами; невозможность устроиться на хо-



рошую работу по месту проживания; невозможность решить вопросы жилья/трудоустройства потому, что ты «чужак» (другой веры, другой национальности); невозможность достичь своих целей, если нет «теневой» поддержки; невозможность оказать влияние на управленческие решения в местах проживания; большое количество мигрантов, судя по ответам респондентов, не формируют социальный фон развития данного региона как несправедливый.

Экономическую обусловленность социальной несправедливости в развитии регионального пространства Крыма подтверждают также результаты исследования, полученные в ходе анализа позиций и мнений респондентов относительно идеи, которая могла бы стать основанием региональной консолидации. Так, при ответе на вопрос «Как Вы считаете, какая идея сегодня могла бы сплотить людей, проживающих в Вашем регионе?» жители Крыма в качестве приоритетной идеи определили ту, которая связана с социально-экономическим благополучием населения и созданием для всех людей равных условий самореализации (68,8%). На втором месте по степени значимости оказалась идея, связанная с укреплением демократических устоев и принципов, развитием правового государства (64%). Третью позицию заняла идея объединения народов с целью решения проблем глобального характера, т.е. тех, которые актуальны для всего современного человечества (31,4%), а четвертой по значимости стала идея возрождения России как великой державы путем единения всех народов (29,4%). На пятой позиции оказалась идея, связанная с ценностью индивидуальной свободы и приоритета интересов личности над государственными интересами (21,9%). Ряд других идей, относящихся к широкой автономии регионов в рамках РФ, национальной уникальности русского народа, наличия внешнего врага, оказались непопулярными среди жителей Крыма, которые не увидели в них оснований для единения регионального сообщества.

Как видим, основой консолидации крымского социума выступает благополучие граждан в социальном и экономическом аспектах, а также укрепление демократических и правовых принципов организации общественных и политических отношений. Державные устремления не находят широкой поддержки в массовом сознании жителей Крыма, так как заняли 4-ю позицию среди наиболее значимых с точки зрения единения регионального социума идей.

Любопытно, что для единения общества на уровне всего российского государства, по мнению крымчан, необходимо, прежде всего, следовать принципам соблюдения справедливости в правовой сфере с целью обеспечения главенства принципа равенства всех перед законом, независимо от национальной принадлежности (80,9%), а затем – в экономической (64,3%). Очевидно, что жители Крыма экономические проблемы ставят на первое место в числе важнейших для своего региона, полагая, что на уровне российского общества в целом для обеспечения социальной справедливости, прежде всего, необходимо решить проблемы обеспечения демократических прав и свобод.

Анализ ответов жителей Крыма на вопросы, связанные с социально-политическими аспектами регионального развития с точки зрения реализации принципа справедливости, не позволил проследить жесткую зависимость между этими переменными. Так, на вопрос «Справедливо ли представлен Ваш народ в органах власти региона проживания?» только 4,5% крымчан дали отрицательный ответ; 19,6% затруднились с ответом, 42,8% согласились с утверждением, что принцип справедливости реализуется в регионе на основе сохранения баланса интересов проживающих в Крыму этнических групп, а 33,2% – «Да, т.к. в органах власти должны быть представлены граждане РФ, а не народы». Эти данные коррелируют с результатами ответов на вопрос об управлении межэтническими отношениями в крымском реги-

оне: большинство опрошенных (54,8%) дали положительную оценку, отметив в вариант ответа, согласно которому «межэтнические отношения управляются справедливо»; при этом 33,1% опрошенных выбрали позицию: «Как бы ни было организовано управление в этой сфере, всегда какие-то этнические группы будут испытывать ущемление своих прав».

Позитивный фон развития межэтнических отношений в Республике Крым характеризует также общее положительное мнение респондентов, проявленное при ответе на вопрос, связанный с отношениями между представителями разных этнических групп в данном регионе: 52,1% эти отношения оценили, как хорошие (этническая принадлежность не влияет на характер отношений между людьми); 29,1% оценили их, как спокойные при том, что преимущественно люди стремятся общаться с представителями своей этнической группы. Только 6,4% опрошенных отметили, что случаются конфликты на почве межнациональных отношений. При этом, что немаловажно, на вопрос «Как вы считаете, существуют ли свои собственные интересы у этнических групп, проживающих в Вашем регионе?», 87,5% ответили утвердительно, однако, при этом противоречия в крымском регионе, согласно данным нашего опроса, наблюдаются, преимущественно, между чиновниками и гражданами (72,9%), а также между богатыми и бедными (42,3%). 70,6% опрошенных заняло отрицательную позицию относительно противоречий между русскими и людьми других национальностей в Крыму (против 20,9%, считающих, что эти противоречия имеются).

### Заключение

Для большинства опрошенных в нашем исследовании по Крыму это высказывание наиболее близко в числе других, предложенных нами в качестве ассоциаций, отражающих смысловое наполнение понятия «справедливость», а потому вполне объяснимо, что в региональное сообщество данной Республики харак-

теризуется позитивным восприятием межэтнических отношений как отношений справедливо организованных и вплетенных в систему региональных связей и отношений как на уровне политической организации и структуры региона, так и на уровне экономических связей и отношений.

Можно констатировать, что несправедливость сформировавшегося социального порядка в восприятии жителей изучаемого субрегиона Юга России детерминирована социально-экономическими проблемами и, соответственно, несправедливой системой социального неравенства. В качестве второго важного аспекта, характеризующего не только восприятие социальной справедливости крымчанами, которое, в целом, идентично представлениям всего российского социума, но и направление, в котором следует развиваться российскому государству и его регионам с целью формирования справедливого общества, выделяется социально-правовой. Развитие демократических принципов и укрепление правовых основ, связанных с защитой прав и свобод граждан российского государства, независимо от национальной принадлежности – ключевая идея, с которой ассоциируется благополучное и справедливое развитие России и населяющих ее многочисленных народов.

Следовательно, благополучное и эффективное региональное развитие полиэтничного Крыма предполагает, прежде всего, решение социально-экономических проблем в контексте общероссийского запроса на социальную справедливость, с которой ассоциируются демократические ценности и принципы правового государства.

### Литература

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>



2. Григорьева К.С. Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 81–102.
3. Данилов Ю. Россияне устали от «державности», хотят социальной справедливости и демократии. 12 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culturavrn.ru/society/25761>
4. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2011.
5. Дробичева Л.М. Демолитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков М.: Новый Хронограф, 2020. С. 202–224. DOI: 10.19181/ezheg.2020.9
6. Евсеева М.А. Влияние этничности на доступ к власти: представления россиян // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 6. С. 1865–1871. DOI: 10.35775/PSI.2021.75.6.018.
7. Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен // Социум и власть. 2010. № 4. С. 11–20.
8. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков, Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 304 с.
9. Колесников Ю.С., Дармилова Ж.Д. Совмещение принципов эффективности и социальной справедливости в региональной экономической политике как императив управления пространственным развитием России // JER. 2014. № 2. С. 70–81.
10. Константинова Л.В., Константинов С.А. Социальная справедливость в российском интерьере // Власть. 2012. № 5. С. 97–101.
11. Маркин В.В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123–133.
12. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.isras.ru/analytical\\_report\\_o\\_chem\\_mechtayut\\_rossiyane.html](https://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html)
13. Попова И.П. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990–2010-х годов // Мир России. 2016. № 3. С. 56–75.
14. Римский В.Л. Справедливость от государства: ожидания и реальность // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 156–175. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.6>.
15. Симонова Т.С. Особенности разрешения этнических конфликтов на территории Республики Крым после вхождения в состав Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 21 (259). С. 454–456. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/259/59606/>.
16. Социальное пространство российских регионов: [монография] / [З.Т. Голенкова]; отв. ред. З.Т. Голенкова; Институт социологии РАН. Москва: ИС РАН, 2017. 256 с.
17. Хамраев В. Благополучие дороже величия. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3792003>.
18. Швец А.Б. Риск политизации этничности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 3 (13). Вып. 3. 2017. С. 5–21.
19. Шкуренко О. В поисках социальной справедливости. 22.02.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4266723>.
20. Эксперт: на первый план после пандемии выйдет вопрос социальной справедливости. 23.06.2020, [Элек-



тронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8793645>.

**SOCIAL JUSTICE IN THE DEVELOPMENT OF THE POLYETHNIC REGIONAL SPACE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA: RESULTS OF A MASS SURVEY**

**Vereshchagina A.V., Bineeva N.K., Voytenko V.P.**  
Southern Federal University

*Objective of the study* is to identify ideas about social justice in the multiethnic space of the Crimean regional community. *The methodological basis of the research* is the spatial approach, which defines socio-economic, socio-political and socio-cultural as the key subspaces as objects of research analysis. The empirical base of the study is presented by the results of a mass survey conducted in the Republic of Crimea in 2021 as part of the project «Social justice in ensuring the harmonization of interethnic relations and strengthening the all-Russian identity of the population in the South of Russia» (2020–2022). *Research results* related to the sociological dimension of social justice in the regional space of Crimea indicate, predominantly, the economic conditionality of the processes and phenomena perceived by the Crimean regional community as unfair. It is concluded that the interethnic context of socio-cultural relations, as the key to the ethno-confessional specifics of Crimea, did not reveal grounds for concluding that the ethnic nature of events and phenomena perceived by the population of this region as unfair. To a greater extent, in addition to the socio-economic, the development of the multiethnic regional space of Crimea is influenced by the socio-political factor, which is expressed in the request of the Crimean regional society to consolidate the principles of democracy and the rule of law as expressing the idea of a fair organization of the entire palette of social relations.

**Keywords:** social justice; Crimea; multi-ethnic region; regional space; democracy; social inequality; social well-being; just society.

**References**

1. Avksentyev, V.A., Aksyumov, B.V., Gritsenko, G.D. (2020). Ethnicity in political conflicts: the ethnization of politics and the politicization of ethnicity. *Politicheskaya nauka*, 3, 74–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>. (In Russian).

2. Grigorieva, K.S. (2017). Ethnicity as a social resource and a barrier (on the example of ethnic communities in the Krasnodar Territory). *Mir Rossii*, 26, 1, 81–102. (In Russian).

3. Danilov, Yu. (2018). The Russians are tired of “great power”, they want social justice and democracy. 12 November 2018. Available at: <https://culturavr.ru/society/25761>. (In Russian).

4. Twenty years of reforms through the eyes of Russians (experience of many years of sociological measurements). (2011). Analytical report. M.: IS RAS. (In Russian).

5. Drobizheva, L.M. (2020). Depoliticization of ethnicity: between the temptation of new theories and social practice. *Reforming Russia: Yearbook*: iss. 18. Resp. ed. M.K. Gorshkov M.: *Novyy Khronograf*, 202–224. DOI: 10.19181/ezheg.2020.9. (In Russian).

6. Evseeva, M.A. (2021). The influence of ethnicity on access to power: the perceptions of Russians. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*, 6, 1865–1871. DOI: 10.35775/PSI.2021.75.6.018. (In Russian).

7. Zborovskiy, G.E. (2010). Regional social space as a sociological phenomenon. *Sotsium i vlast'*, 4, 11–20. (In Russian).

8. Institutional practices in interethnic and interreligious interaction in the South of Russia: interdisciplinary analysis and assessment of the potential for use in strengthening the all-Russian identity: monograph. (2018). Yu.G. Volkov, A.V. Lubskey [and others]; resp. ed. Yu.G. Volkov, Rostov-on-Don: *Fond nauki i obrazovaniya*. (In Russian).

9. Kolesnikov, Yu.S., Darmilova, Zh.D. (2014). Combining the principles of efficiency and social justice in regional economic policy as an imperative for managing the spatial development of Russia. *JER*, 2, 70–81. (In Russian).

10. Konstantinova, L.V., Konstantinov, S.A. (2012). Social justice in the Russian interior. *Vlast'*, 5, 97–101. (In Russian).

11. Markin, V.V. (2015). Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 4, 123–133. (In Russian).

12. What Russians dream about (reflections of sociologists). (2012). Analytical report. M.: IS RAS. Available at: [https://www.isras.ru/analytical\\_report\\_o\\_chem\\_mechtayut\\_rossiyane.html](https://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html). (In Russian).

13. Popova, I.P. (2016). Social justice in scientific discussions of the 1990–2010s. *Mir Rossii*, 3, 56–75. (In Russian).



14. Rimsky, V.L. (2019). Justice from the state: expectations and reality. *Vlast' i elity*, 6, 2, 156–175. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.6>. (In Russian).
15. Simonova, T.S. (2019). Features of resolving ethnic conflicts on the territory of the Republic of Crimea after joining the Russian Federation. *Molodoy uchenyy*, 21 (259), 454–456. Available at: <https://moluch.ru/archive/259/59606/>. (In Russian).
16. Social space of Russian regions: [monograph] (2017). [Z.T. Golenkov]. Resp. ed. Z.T. Golenkov; Institute of Sociology RAS. M.: IS RAS. (In Russian).
17. Khamraev, V. (2018). Well-being is more precious than greatness. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3792003>. (In Russian).
18. Shvets, A.B. (2017). The risk of politicization of ethnicity in Crimea // *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 3 (13), 3, 5–21. (In Russian).
19. Shkurenko, O. (2020). In search of social justice. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4266723>. (In Russian).
20. Expert: the issue of social justice will come to the fore after the pandemic. (2020). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8793645>. (In Russian).

## Влияние социально-психологических характеристик личности на уровень профессионального выгорания у представителей социномических и сигнономических профессий

**Забродина Татьяна Игорьевна,**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы  
E-mail: zabrodina708@mail.ru

**Мартиросян Карине Вардановна.**

старший преподаватель кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы  
E-mail: marti-5@mail.ru

В статье охарактеризованы основные теоретические подходы к изучению синдрома профессионального выгорания в контексте связи с социально-психологическими характеристиками личности.

Выявлено, что испытуемые, занятые в медицинской сфере, демонстрируют средний уровень психологического благополучия, средний уровень осмысленности и среднюю степень удовлетворенности собой в различных сферах жизни. Испытуемые, являющиеся представителями сигнономических профессий, демонстрируют высокий уровень психологического благополучия, удовлетворенности собой, осмысленности жизни. Устойчивость к профессиональному выгоранию предопределяют различные социально-психологические характеристики представителей разных категорий профессий: у испытуемых, занятых в сфере профессии субъект-субъектного типа, синдром профессионального выгорания встречается чаще и наиболее выражен, чем среди представителей профессий, оперирующих цифрами и знаками. Определено, что низкий уровень профессионального выгорания обуславливается различными личностными характеристиками: у представителей социномических профессий – такие, как осмысленность жизни, уровень благополучия, результативность, локус-Я; у представителей сигнономических профессий – положительные отношения с окружающими, автономия, осмысленность жизни, управление окружением, самопринятие.

**Ключевые слова:** профессиональное выгорание, профессиональная деформация, стресс, социномические профессии, сигнономические профессии, деперсонализация.

Современные изменения во всех сферах жизнедеятельности человека, динамичность и информационная перегруженность, провоцируют эмоциональное выгорание личности, способствуют возникновению профессиональных деформаций в профессиональной деятельности. В 2019 году синдром эмоционального выгорания был включен в Международный классификатор болезней, поэтому различные аспекты выявления специфических особенностей личности, позволяющих сохранить психическое здоровье, приобретают особую актуальность.

Синдром профессионального выгорания представляет собой разрушающую профессиональную болезнь современности, которой, как утверждают некоторые исследователи [2], [15], в том числе В.С. Боянов и Т.В. Капустина [1], в особенности потенциально подвержены представители социномических профессий: медицинские работники, педагоги, журналисты, психологи, политики, менеджеры, чья профессия подразумевает тесный контакт с людьми. По этой причине американский социальный психолог и первый исследователь синдрома профессионального выгорания К. Маслач назвала эмоциональное сгорание платой за сочувствие [13].

В соответствии с концепцией стресса Г. Селье, профессиональное выгорание – это в первую очередь дистресс или третья стадия общего адаптационного синдрома – стадия истощения [7]. В однокомпонентной теории профессионального выгорания А. Pines и Е. Agonopосновной составляющей также выступает истощение, которое проявляется в физической, эмоциональной и когнитивной сферах [14]. По мнению Н. Freudenberger синдром



профессионального выгорания есть следствие долгосрочного воздействия разных по интенсивности профессиональных стрессогенных факторов, вызывающих состояние хронического стресса, который в контексте его теории и является синонимом выгорания [10].

Современные отечественные [3], и зарубежные [9], [11] исследователи отождествляют эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию, определяя синдром профессионального выгорания как специфический тип усталости, вызванный перманентным социально-эмоциональным контактом с большим количеством людей.

Таким образом, каждая применяемая при анализе природы выгорания теория, так же как и оперируемые определения, раскрывают разнородные стороны феномена профессионального выгорания, концептуальные механизмы его возникновения, формирования и развития.

В результате анализа исследований ученых, описывающих синдром профессионального выгорания [12] и его детерминирующие факторы [8], был сформирован вывод о том, что феномен профессионального выгорания обусловлен личностным фактором, представляющим собой совокупность определенных социально-психологических характеристик личности [4], [5].

Надо отметить, что хотя жизненный стиль личности, определяющий своеобразие проявления характеристик и свойств человека, складывается в раннем возрасте, в тоже время социально-психологические особенности могут изменяться в связи с актуальными потребностями или возрастом личности. Личностные характеристики, обуславливающие выгорание, В.И. Орел называет «катализаторами», а тормозящие его процесс – «ингибиторами» выгорания [6].

Н. Freudenberger считает, что быстрому выгоранию личности способствуют эмпатийность, увлекаемость, идеализированность, гуманность [10]. Исследователи также обращают вни-

мание на такие характеристики как невысокая степень адаптированности, ограничение социальной активности, авторитарность, низкая самооценка, деформации мотивации успеха, неумение планировать [6]. Некоторая хаотичность и мозаичность выше описанных характеристик определила цель исследования – выявить и обосновать особенности соотношения социально-психологических характеристик личности и синдрома профессионального выгорания у представителей социэкономических и сигноэкономических профессий.

Исследование проводилось с 21 февраля 2021 г. по 20 марта 2021 г., выборку составили 230 человек, из них:

- первую группу составили 110 человек, являющихся представителями социэкономических профессий (медицинский персонал). Возрастная группа до 40 лет включительно составляет – 30,2%; зрелого возраста составили – 29,4%; медицинский персонал старшей возрастной группы (51–60 лет и свыше 60 лет) – 40,4%. Подавляющее большинство респондентов имеют опыт медицинской работы от 10 и свыше 15 лет – 59,6%, доля тех, кто имеет стаж свыше 15 лет – 40,4%.

- вторую группу составили 120 человек, являющихся представителями сигноэкономических профессий, а именно контролеры, бухгалтеры, программисты, делопроизводители. Возрастная группа до 40 лет включительно составляет – 35,4%; зрелого возраста составили – 25,1%; персонал старшей возрастной группы (51–60 лет и свыше 60 лет) – 39,5%. Имеют опыт работы от 5 до 15 лет – 56,9%, стаж свыше 15 лет – 43,1%.

Анализ материалов анкетного опроса по методике диагностики профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой), представителей первой группы позволил выявить следующие особенности: низкий уровень эмоционального истощения ощущают – 32,2% респондентов; средний уровень эмоционального истощения испытывают 51% вра-

чей; на высоком уровне эмоционального истощения находятся 16,8% врачей. Общее значение степени эмоционального истощения у состава медицинского персонала – 20 баллов, что соответствует среднему уровню (М) и является признаком профессионального выгорания.

Данные показателей, по субшкале «деперсонализация»: низкий уровень деперсонализации испытывают – 30% членов состава медицинского персонала; средний уровень деперсонализации наблюдается у 35,1% медицинского персонала; высокий уровень деперсонализации был отмечен у 34,9% респондентов.

По субшкале «редукция профессионализма» были получены следующие результаты: низкий уровень редукции профессионализма отметили 50,5% респондентов; средний уровень наблюдается у 30,8% респондентов; высокий уровень редукции профессионализма отмечен у 18,7%.

В целом показатель профессионального выгорания медицинского персонала составил – 60,2 балла. Критической ситуации по синдрому не наблюдается, однако меры профилактического характера необходимы для предотвращения его дальнейшего развития.

У представителей сигнономических профессий, показатели субшкалы – «эмоциональное истощение», распределились следующим образом: низкий уровень эмоционального истощения ощущают – 75,1% респондентов из общего числа опрошенных; средний уровень испытывают 12,2% группы; на высоком уровне находятся 12,7% респондентов. Общее значение степени эмоционального истощения у представителей сигнономических профессий – 10,1 балла, что соответствует низкому уровню (L) и не является признаком профессионального выгорания.

В ходе исследования субшкале «Деперсонализация» было выявлено следующее: низкий уровень испытывают – 66,2% представителей первой группы; средний уровень наблюдается у 27,1% респондентов; высокий уровень депер-

сонализации был отмечен 6,7% респондентов. Общее значение степени деперсонализации у представителей сигнономических профессий – 5,1 балла, что соответствует низкому уровню (L) и не является признаком профессионального выгорания.

Данные по субшкале «редукция профессионализма» во второй группе: низкий уровень редукции профессионализма отметили 61,1% состава респондентов; средний уровень наблюдается у 11,4% респондентов; высокий уровень был отмечен 27,5% респондентов. Общее значение степени редукции профессиональных достижений у представителей сигнономических профессий – 30,6 баллов, что соответствует среднему уровню (М) и может являться признаком профессионального выгорания.

В целом по всему составу респондентов сигнономических профессий показатель профессионального выгорания составил – 46 баллов, степень профессионального выгорания представителей сигнономических профессий можно оценить как низкую.

Данные по общему уровню психологического благополучия, полученные по шкале психологического благополучия К. Рифф, позволили определить три группы представителей социомических профессий: с низкими показателями психологического благополучия (27%), со средним уровнем психологического благополучия (49%), с высокими показателями психологического благополучия (24%). В группе представителей сигнономических профессий испытываемые с низкими показателями психологического благополучия составили (11%), со средним уровнем психологического благополучия (34%), с высокими показателями (55%).

По данным методики смысложивненных ориентаций Д.А. Леонтьева были получены следующие результаты представителей социомических профессий: испытываемые с низкими показателями осмысленности жизни (20%), со средним уровнем осмысленности жизни (46%), с высокими показателями (34%). У представителей сигнономиче-



ских профессий испытуемые с низкими показателем осмысленности жизни составили (11%), со средним уровнем осмысленности жизни (57%), с высоким уровнем показателей (46%).

Анализ данных с помощью критерия Манна-Уитни для независимых выборок позволил обнаружить статистически значимые различия при  $(p) = 0,000$  по эмоциональному истощению, деперсонализации, уровню редукции профессиональных достижений. С помощью коэффициента корреляции Спирмена ( $r_{xy}$ ) были определены взаимосвязи между переменными, относящимися к социально-психологическим характеристикам личности, и компонентами синдрома профессионального выгорания у представителей социономических профессий на двух выборах (уровень значимости 0,01).

У представителей социономических профессий отрицательная взаимосвязь определена между эмоциональным истощением и: личностным ростом ( $-0,614^{**}$ ), самопринятием ( $-0,768^{**}$ ), локусом-Я ( $-0,668^{**}$ ); деперсонализацией и: позитивными отношениями ( $-0,636^{**}$ ), автономностью ( $-0,613^{**}$ ); редукцией профессиональных достижений и: управлением средой ( $-0,675^{**}$ ), целями в жизни ( $-0,564^{**}$ ).

Отрицательная взаимосвязь компонентов социально-психологических характеристик личности и синдрома профессионального выгорания у представителей социономических профессий наблюдается между: эмоциональным истощением и автономностью ( $-0,529^{**}$ ), целями в жизни ( $-0,420^{**}$ ); деперсонализацией и: управлением средой ( $-0,548^{**}$ ), психологическим благополучием ( $-0,668^{**}$ ); редукцией профессиональных достижений и: позитивными отношениями ( $-0,670^{**}$ ), самопринятием ( $0,628^{**}$ ).

Выявлено, что на низкий уровень профессионального выгорания в разных категориях профессий влияют разные социально-психологические характеристики: в группе представителей социономических профессий: осмысленность жизни, цель, результативность,

уровень благополучия, локус-Я, положительное отношение, автономия, личностный рост самопринятие; в группе представителей сигнономических профессий: положительные отношения с окружающими, автономия, осмысленность жизни, управление окружением, самопринятие.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы: испытуемые, занятые в медицинской сфере, демонстрируют средний уровень психологического благополучия, средний уровень осмысленности и среднюю степень удовлетворенности собой в разных сферах жизни, отличаются стремлением к независимости своих решений, осмысленности своих действий, стремлением действовать в рамках социальных норм и ценностей, проявлять последовательность, превосходить ошибки, планировать действия заранее.

Испытуемые, являющиеся представителями сигнономических профессий, демонстрируют высокий уровень психологического благополучия, удовлетворенности, уверенности, осмысленности жизни, характеризуются позитивным отношением к различным сторонам жизни, стремлением к поддержанию широких контактов.

Таким образом, синдром профессионального выгорания встречается чаще и наиболее выражен среди представителей социономических профессий, чем среди представителей сигнономических профессий; между показателями профессионального выгорания и социально-психологическими характеристиками личности существует корреляция; взаимосвязь степени выраженности показателей синдрома профессионального выгорания с социально-психологическими характеристиками различна у представителей социономических и сигнономических профессий.

## Литература

1. Боянов В.С., Капустина Т.В. Эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации



- личности в контексте профессионального кризиса // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2020. № 10. С. 14–21.
2. Вердиев Э.З., Гефеле О.Ф., Антоновский А.В. Профессиональное выгорание как предиктор профессиональной деформации у представителей социономических профессий // Российская наука, история и современность в условиях развития цифровой экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 81–85.
  3. Кеся А., Субботина Т.Н. Синдром профессионального выгорания в профессиональной деятельности специалиста // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-professionalnogo-vygoraniya-v-professionalnoy-deyatelnosti-spetsialista> (дата обращения: 12.11.2021).
  4. Лагутина В.В. Возникновение профессиональной деструкции и профессионального выгорания // Актуальные проблемы здоровьесбережения в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Юго-Западный государственный университет. 2019. С. 128–130.
  5. Лепихина И.О. Профессиональное выгорание персонала как результат стрессогенных факторов в современной организации [Текст] // Консолидация интеллектуальных ресурсов как фактор развития современных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции (22 февраля 2021 г.) – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021.
  6. Орел В.Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: дис. ... доктора психол. наук: 19.00.03. Ярославль, 2005. 449 с.
  7. Селье Г. Стресс без дистресса. – Рига: Виеда, 1992. 125 с.
  8. Эйгелис Г.В., Королева Е.М. К проблеме возникновения профессиональных деструкций и синдрома профессионального выгорания у субъекта труда // Актуальные проблемы психологии и прикладной социологии: сборник научных статей преподавателей, бакалавров и магистрантов. Саратов, 2020. С. 35–41.
  9. Burnout J. Christina Maslach, Wilmar B. Schaufeli, Michael P. Leiter Annual Review of Psychology 2001 52:1, PP. 397–422
  10. Freudenberger H. Staff burn – out. Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30. PP. 159–165.
  11. Genc E. The effects of ethical leadership perceptions and personal characteristics on professional burnout levels of teachers. The Manager. 2020. Т. 11. № 5. PP. 70–80.
  12. Herbert J. The High Cost of High Achievement Freudenberger, Geraldine Richelson Anchor Press, 1980. 214 pages
  13. Maslach C., Jackson S.E. (1981). The measurement of experienced burnout. Journal of Occupational Behavior, 2, PP. 99–113.
  14. Pines A., Aronson E. Career Burnout: Causes and Cures. New York: Free Press. 1988
  15. Soldevilla-Alberti J.M., Ninerola J., Figueras A. et al. Burnout symptoms can be predicted by personality traits and psychopathology in a sample of Catalan police officers // Personal. Individ. Differen. 2016. Vol. 101. P. 516

**INFLUENCE OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A PERSON ON THE LEVEL OF PROFESSIONAL BURN OUT THE REPRESENTATIVES OF SOCIAL AND SIGNONOMIC PROFESSIONS**

Zabrodina T.I., Martirosyan K.V.

Volgograd Branch Management Institute Russian Academy of National Economy and public service

The article characterizes the main theoretical approaches to the study of professional burnout



syndrome in the context of its connection with socio-psychological characteristics of a personality.

It has been revealed that the subjects employed in the medical sphere demonstrate an average level of psychological well-being, an average level of meaningfulness and an average degree of self-satisfaction in different spheres of life. Those who are representatives of cognitive professions show high level of psychological well-being, self-satisfaction, life meaningfulness. Resistance to professional burnout is predetermined by different socio-psychological characteristics of representatives of different categories of professions: in subjects-subjective type professions, professional burnout syndrome is more frequent and more pronounced than among representatives of professions operating with digits and signs. It was defined that low level of professional burnout is caused by different personal characteristics: for representatives of socionomic professions – such as meaningfulness of life, level of well-being, effectiveness, locus-self; for representatives of sign-normal professions – positive relations with others, autonomy, meaningfulness of life, environment management, self-acceptance.

**Keywords:** professional burnout, professional deformation, stress, socionomic professions, signonomic professions, depersonalization.

## References

1. Boyanov V.S., Kapustina T.V. Emotional burnout as an element of professional deformation of a personality in the context of a professional crisis // *Personality in extreme conditions and crisis situations of life*. 2020. No. 10. P. 14–21.
2. Verdiev E.Z., Gefele O.F., Antonovsky A.V. Professional burnout as a predictor of professional deformation among representatives of socionomic professions // *Russian science, history and modernity in the development of the digital economy: materials of the All-Russian scientific and practical conference*. 2019. P. 81–85.
3. Kesya A., Subbotina T.N. The syndrome of professional burnout in the professional activity of a specialist // *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2021. No. 6–2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-professionalnogo-vygoraniya-v-professionalnoy-deyatelnosti-spetsialista> (date of access: 12.11.2021).
4. Lagutina V.V. Occurrence of professional destruction and professional burnout // *Actual problems of health preservation in modern society: materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Southwest State University. 2019. S. 128–130.
5. Lepikhina I.O. Professional burnout of personnel as a result of stress factors in a modern organization [Text] // *Consolidation of intellectual resources as a factor in the development of modern research: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (February 22, 2021) – Petrozavodsk: ICNP "New Science", 2021*.
6. Eagle V.E. Structural and functional organization and genesis of mental burnout: dis. ... doctor of psychol. Sciences: 19.00.03. Yaroslavl, 2005. 449 p.
7. Selye G. *Stress without distress*. – Riga: Vieda, 1992. 125 p.
8. Eigelis G.V., Koroleva E.M. On the problem of the occurrence of professional destructions and the syndrome of professional burnout in the subject of labor // *Actual problems of psychology and applied sociology: a collection of scientific articles of teachers, bachelors and undergraduates*. Saratov, 2020. P. 35–41.
9. Burnout J. Christina Maslach, Wilmar B. Schaufeli, Michael P. Leiter *Annual Review of Psychology* 2001 52: 1, PP. 397–422
10. Freudenberger H. Staff burn-out. *Journal of Social Issues*. 1974. Vol. 30. PP. 159–165.
11. Genc E. The effects of ethical leadership perceptions and personal characteristics on professional burnout levels of teachers. *The Manager*. 2020. T. 11. № 5. PP. 70–80.
12. Herbert J. *The High Cost of High Achievement* Freudenberger, Geraldine Richelson Anchor Press, 1980. 214 pages
13. Maslach C., Jackson S.E. (1981). The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behavior*, 2, PP.99–113.
14. Pines A., Aronson E. *Career Burnout: Causes and Cures*. New York: Free Press. 1988.
15. Soldevilla-Alberti J.M., Ninerola J., Figueras A. et al. Burnout symptoms can be predicted by personality traits and psychopathology in a sample of Catalan police officers // *Personal. Individ. Differen.* 2016. Vol. 101. P. 516.



## «Серебряное» волонтерство как фактор социального благополучия людей пенсионного возраста (на примере Республики Хакасия)

**Кузнецова Наталия Федоровна,**

кандидат исторических наук, ученый секретарь, доцент кафедры экономики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова  
E-mail: natakuznecova05@mail.ru

**Кочина Елена Александровна,**

кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, социальной работы, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова  
E-mail: vereschaginaea@mail.ru

**Осколков Алексей Витальевич,**

студент, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова  
E-mail: oskolkovav0307@yandex.ru

В статье анализируются ранее не изучавшиеся региональные аспекты «серебряного» волонтерства как фактора социального благополучия в поздней зрелости. Соответственно, цель статьи – на основе метода анкетирования выявить социально-демографические характеристики «серебряного» волонтера Республики Хакасия; проанализировать мотивацию людей пожилого возраста для волонтерской деятельности, выявить приоритетные направления для участия в волонтерской деятельности в поздней зрелости и т.д. На основе анализа отечественных и зарубежных публикаций авторы приходят к выводу, что отечественные исследования носят теоретико-прикладной характер. Авторы рассматривают «серебряное» волонтерство в рамках институционального подхода и концепции жизненных сил человека. Статья основана на материалах эмпирического исследования, проведенного в Республике Хакасия с июля по сентябрь 2021 года при финансовой поддержке РФФИ (проект №№ 21–011–31104). Авторы статьи представляют результаты проведенного анкетирования среди «серебряных» волонтеров, в которых отражены мнения респондентов о содержании волонтерской деятельности, их мотивации и интересах, об их участии в волонтерских практиках и др. Выявлено, что основными мотивами к осуществлению волонтерской деятельности в поздней зрелости являются: поддержка контактов с людьми, желание почувствовать себя ком-

петентным, несмотря на возраст, перемена ритма жизни. В качестве барьеров, препятствующих участию в добровольчестве выявлены: нехватка времени, страх неудачи, отсутствие опыта. В качестве направлений волонтерской деятельности для «серебряных» волонтеров наиболее интересна социальная и культурно-просветительская сфера. Также в результате опроса определились социально-демографические характеристики «серебряного» волонтера.

**Ключевые слова** Социальный институт, социальное благополучие, концепция жизненных сил человека, волонтерство, добровольчество, «серебряное» волонтерство, старшее поколение, поздняя зрелость, респондент.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №№ 21–011–31104).*



Общепринято, что пожилой возраст сопровождается ослаблением интеграции в современную социум, что приводит к одиночеству, изолированности, концентрации на собственном физическом и психологическом самочувствии, что в целом влияет на благополучие, в поздней зрелости. При этом обзор теоретических исследований демонстрирует, что уровень материального и социального обеспечения, здоровья больше влияют на ощущение благополучия, чем возраст и пол.

В данном контексте трудно не согласиться с мнением О.А. Парфёновой о том, что: «...социальное положение пожилых людей в российском контексте характеризуется множественными структурными барьерами, препятствующими активной жизни. Часть этих барьеров преодолеть чрезвычайно сложно: они связаны с состоянием здоровья пожилого человека и его маломобильностью, слаборазвитой инфраструктурой и затрудненным доступом к различного рода сервисам. Уязвимое положение пожилых подкрепляется не только их неудовлетворительным материальным обеспечением, но и сужением круга профессионального, дружеского и семейного общения и поддержки...» [9; С. 121–122].

В связи с этим представляется актуальным изучение «серебряного» волонтерства как фактора социального благополучия в поздней зрелости в региональном аспекте. В мировой науке одним из наиболее применимых подходов к исследованию волонтерства является институциональный подход [9]. Как и любой другой социальный институт, волонтерство в рамках институционального подхода выполняет ряд функций: социализирующая функция (в рамках добровольческих движений приобретается новый опыт, ценности, социальный капитал); экономическая (волонтерство является выгодным ресурсом третьего сектора); досуговая (волонтерство включает в себя разные формы деятельности, которые направлены как на других, так и на совместное времяпровождение среди са-

мих добровольцев); функция гражданской ответственности – (волонтерская деятельность препятствует развитию негативных последствий социальной и экономической несправедливости, благодаря чему растет гражданская ответственность самого волонтера); образовательная функция (участвуя в волонтерской деятельности у человека приобретаются новые знания, умения, навыки, которые могут быть не только полезны для самого волонтера, но также и транслированы другим) [6].

Серебряное волонтерство в отечественной теории и практике появилось относительно недавно. Первый официальный волонтерский центр «Серебряные волонтеры Санкт-Петербурга» был создан в 2010 году в г. Санкт-Петербурге [7], далее добровольческие движения «серебряные» волонтеры активно стали создаваться в субъектах РФ. Поскольку «серебряное» волонтерство в современной России стало активно развиваться совсем недавно, то и изучение разных аспектов его развития активизировалось только в последнее десятилетие. Современное состояние исследований «серебряного» волонтерства характеризуется наличием в большей степени трудов, в которых в качестве объекта изучения выступают лица старшего поколения как субъекты социальной активности. Специальных трудов с анализом социологических аспектов «серебряного» волонтерства намного меньше. Активизировалось исследование проблем развития волонтерства в связи с проведением олимпиады в Сочи в 2014 г. Этим вопросам посвящены работы З.А. Троски, Н.И. Горловой и др. [2;7]. Конкретно волонтерское движение среди пожилых людей исследуется в работах З.А. Троски, П.А. Амбаров, Г.Е. Зборовского [1;2] и др. Направления волонтерской деятельности как возможность для вовлечения пожилых граждан в общественную жизнь показаны в работе социологов Е.В. Соболевой, М.А. Анисимовой и др. [2;8]. Проблемы мотивации до-



бровольческой деятельности социальной общности волонтеров с возрастными рамками от 55 лет и старше рассматриваются в работах социологов П.А. Амбарово́й, Г.Е. Зборовского [1]. Они выделили ее специфику, вызванную преобладанием альтруистических намерений «серебряных волонтеров». Анализ авторов основан на изучении их мнений и оценок добровольческой деятельности. Социальное благополучие общепринято рассматривать с точки зрения социологической теории – концепции жизненных сил человека. Концепция жизненных сил человека, развитаемая С.И. Григорьевым, Л.Д. Деминой, Ю.Е. Растровым и др. понимает способность людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами [5]. Одним из показателей жизненных сил человека и, следовательно, социального благополучия выступает степень включенности личности в социальные группы и системы [5].

С июля по сентябрь 2021 года в Республике Хакасия нами было проведено анкетирование с целью изучения современного состояния «серебряного» волонтерства в регионе. В качестве респондентов выступали «серебряные» волонтеры предпенсионного и пенсионного возраста, участвующие в добровольческой деятельности и находящиеся в партнёрских отношениях с волонтерскими отрядами, 143 респондента женского пола и 12 респондентов мужского пола (n = 155). Полученные данные были проанализированы и статистически обработаны с помощью программы обработки данных – Vortex, версия 8.0.

На вопрос: «Что значит для Вас волонтерская деятельность?» ответы респондентов распределились следующим образом: считают волонтерство – проявлением альтруизма 66,9% респондентов; определяют для себя волонтерство – как желание улучшить качество жизни других 41,7%; рассматривают волонтерство как возможность занять свое свободное время

42,4% волонтеров. Не были выбраны респондентами такие варианты ответов как: возможность бороться с определенной проблемой или волонтерство для меня, прежде всего, достойная цель жизни. Среди занятых в данной деятельности 92,1% считают, что «серебряное» волонтерство в Республике Хакасия находится на стадии зарождения. Основными мотивами к осуществлению волонтерской деятельности в поздней зрелости являются: поддержка контактов с людьми – 72,2%; желание почувствовать себя компетентным, несмотря на возраст – 53,6%; перемена ритма жизни – 27,2%. В качестве барьеров, препятствующих участию в добровольчестве, респондентами были названы нехватка времени – 38,4%; нехватка опыта и в связи с этим страх быть некомпетентным – 37,7%. Из ответов респондентов выяснилось, что им более интересна социальная (74,8%) и культурно-просветительская сфера для добровольчества, а менее интересна – медицинская (2,6%) и медиа сферы (3,3%). При этом в социальном волонтерстве наиболее интересной для респондентов является деятельность, связанная с благоустройством территорий (62,8%), помощь семьям и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (23,9), помощь детям с заболеваниями (21,2%), а менее интересна для них добровольческая деятельность, направленная на помощь в социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья (15,9%) и социальная реабилитация бездомных (3,5%). В качестве самой волонтерской деятельности пожилые люди готовы, прежде всего, помогать с помощью физического труда (уборка территорий) – 46,4%; делиться профессиональными навыками – 28,5%, меньше всего готовы помогать в качестве медицинского работника – 2,6% и быть волонтером в качестве няни для детей дошкольного возраста – 2,0%. В качестве источников, благодаря которым пожилые люди узнали о возможности участия в волонтерской деятельности, респонденты



указали на СМИ – 20%; бывших коллег, друзей и знакомых – 81,9%. Следствием участия в волонтерской деятельности для респондентов послужило: появление новых друзей, обогащение социального капитала – 81,5%; повышение своей самооценки и ощущение собственной значимости – 44,4%; улучшение качества жизни в целом – 26,5%; улучшение физического самочувствия – 21,9%.

Также в результате опроса определились социально-демографические характеристики «серебряного» волонтера – это одинокая женщина в возрасте от 60 лет и старше, имеющая высшее образование, проживающая в городской местности, имеющая средний материальный достаток, в прошлом не занимающаяся волонтерской деятельностью.

Таким образом, «серебряное» волонтерство на сегодняшний день является уникальным способом самореализации и нахождения осмысленности жизни в период поздней зрелости. Вместе с тем, в развитии волонтерского движения есть свои особенности, что отражается в направленности и активности самой добровольческой деятельности старшего поколения. Развитый социальный институт «серебряного» волонтерства является важным признаком устойчивой социальной структуры общества. Как и любому другому социальному институту ему необходима постоянная государственная и общественная поддержка. Участие в волонтерской деятельности вызывает позитивные изменения в самой структуре личности, способствует ее самореализации и тем самым позитивно влияет на благополучие в предпенсионном и пенсионном возрасте.

## Литература

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Волонтеры «серебряного возраста»: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 35–47.
2. Горлова Н.И., Троска З.А. История практики подготовки волонтеров сервиса тифлокомментирования в рамках проекта «Сочи 2014» на примере деятельности Волонтерского центра Российского государственного социального университета // Ученые записки Российского государственного социального университета. Т. 14. 2015. № 6 (133). С. 158–165.
3. Зальцман Т.В. Проблемы изучения добровольческой деятельности пожилых людей // Международный форум «Старшее поколение». СПб, 2012. С. 52–53.
4. Ковалёв Ю.В. Участие «серебряных» волонтеров в социальном обслуживании населения (на Саратовском материале) // Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области. Саратов, 2019.
5. Ноянзина О.Е. Концептуальные возможности социологии жизненных сил человека в изучении социального здоровья // Ползуновский вестник. 2006. № 4 С. 339–344.
6. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография / М.В. Певная; Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 434 с.
7. «Серебряные» волонтеры в проекте «Истории завтрашнего дня» 26 сентября 2018) [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kmp/news/146566/> (дата обращения: 22.09.2021).
8. Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. Материалы VI Международной научной конферен-



ции. Саратов, 13 апреля 2018 года / Я.А Никифоров, Н.В. Шахматова., С.Г. Ивченков (отв. ред.). Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. [Электронный ресурс]. С. 176–180.

9. Parfenova O.A. 2020 Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities As a Tool to Overcome Social Exclusion. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.No. 4.P. 119–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>.

### «SILVER» VOLUNTEERING AS A FACTOR OF SOCIAL WELL-BEING IN LATE ADULTHOOD (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA)

Kuznetsova N.F., Kochina E.A., Oskolkov A.V.

Khakass State University named after N.F. Katanova

The article analyzes previously unexplored regional aspects of “silver” volunteering as a factor of social well-being in late adulthood. Accordingly, the purpose of the article is to identify the socio-demographic characteristics of the “silver” volunteer of the Republic of Khakassia on the basis of the questionnaire method; to analyze the motivation of elderly people for volunteering, to identify priority areas for participation in volunteer activities in late adulthood, etc. Based on the analysis of domestic and foreign publications, the authors come to the conclusion that domestic research is of a theoretical and applied nature. The authors consider “silver” volunteering within the framework of an institutional approach and the concept of human vitality. The article is based on the materials of an empirical study conducted in the Republic of Khakassia from July to September 2021 with the financial support of the RFBF (project No. 21–011–31104). The authors of the article present the results of a survey conducted among “silver” volunteers, which reflect the respondents’ opinions about the content of volunteer activities, their motivation and interests, their participation in volunteer practices, etc. It was revealed that the main motives for carrying out volunteer activities in late adulthood are: support for contacts with people, the desire to feel competent, despite age, a change in the rhythm of life. The following barriers to participation in volunteering were identified: lack of time, fear, lack of experience. The most interesting areas of volunteer activity

for the “silver” volunteers are the social, cultural and educational sphere. Also, as a result of the survey, the socio-demographic characteristics of the “silver” volunteer were determined.

**Keywords** Social institute, social well-being, the concept of human vitality, volunteering, volunteerism, “silver” volunteering, older generation, late maturity, respondent.

### References

1. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. Volunteers of the “silver age”: regulation of temporal strategies of behavior of the age community // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences.2017. No. 4. P. 35–47.
2. Gorlova N. And., Troska Z.A. History of the practice of training volunteers for the service diplomatinidae in the framework of the project “Sochi 2014” for example, the activities of the Volunteer center of the Russian state social University // scientific notes of Russian state social University. T 14. 2015. № 6 (133). P. 158–165.
3. Salzman T.V. Problems of studying volunteer activity of elderly people // The International Forum “The Older generation”. St. Petersburg, 2012. pp. 52–53.
4. Kovalev Yu.V. Participation of “silver” volunteers in social service of the population (on Saratov material) // Cultural heritage of Saratov and Saratov region. Saratov, 2019.
5. Noyanzina O.E. Conceptual possibilities of the sociology of human vital forces in the study of social health //Polzunovsky Bulletin – 2006 No. 4 pp. 339–344
6. Pevnaya M.V. Volunteer management: international experience and local practices: monograph / M.V. Pevnaya; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Public Administration and Entrepreneurship. – Yekaterinburg: Ural Publishing House, un-ta, 2016– – 434 p.
7. “Silver” volunteers in the project “Stories of Tomorrow” on September 26, 2018) [Electronic resource] // Official website of the administration of St. Petersburg. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kpmp/news/146566/> (accessed: 22.09.2021).
8. Soboleva E.V. Active longevity as a way to overcome age-related social inequality // Social inequality of modernity: a new reality of scientific understanding. Materials of the VI International Scientific Conference. Saratov, April 13, 2018/ Ya.A Niki-



forov, N.V. Shakhmatova., S.G. Ivchenkov (ed.). Saratov: Publishing House "Saratov Source", 2018. [Electronic resource]. pp. 176–180.

9. Parfenova O.A. 2020 Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities As a

Tool to Overcome Social Exclusion. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.No. 4. P. 119–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring>. 2020.4.1580

## Оценка неформального межэтнического контракта с позиций социальной справедливости (на примере Республики Карачаево-Черкессия)

**Чернобровкина Наталья Игоревна,**

кандидат философских наук, доцент,  
доцент кафедры экономической социологии  
и регионального управления Института социологии  
и регионоведения Южного федерального  
университета  
E-mail: nichernobrovkina@sfnu.ru

**Бедрик Андрей Владимирович,**

кандидат социологических наук, директор  
Института социологии и регионоведения Южного  
федерального университета  
E-mail: abedrik@bk.ru

**Мамина Дарья Александровна,**

аспирант Института социологии и регионоведения  
Южного федерального университета  
E-mail: dasha.mamina.96@mail.ru

Общий тренд в сфере межэтнических отношений – наметившаяся деполитизация этничности. Об этом свидетельствует неэффективная практика неформального межэтнического контракта в Республике Карачаево-Черкессия, представленного в виде этнического паритета политического представительства в органах власти, этнического квотирования в системе управления и бюджетной сфере, образовательных и медицинских учреждениях. Политическая элита республики активно утверждает необходимость сохранения межэтнического контракта как основы мира и стабильности в республике. Однако проведенные в 2020 и 2021 гг. социологические исследования (методом фокус-группового интервью, серии глубинных экспертных интервью и контент-анализа блогосферы), позволили сделать вывод, что население республики, особенно молодежь, воспринимает межэтнический контракт как несправедливость, поскольку он ограничивает возможность участия профессиональных кадров в управлении республикой, исключает приток квалифицированной рабочей силы на рынок труда, особенно грамотной молодежи.

В этих условиях населением республики допускается возможность отказа от принципа этнического паритета и перехода к меритократическому принципу управления. Признается также необходимость изменения механизма функционирования экономи-

ки с целью повышения ее эффективности и поддержка развития языков этнических общностей, их культуры и истории в образовательных учреждениях.

**Ключевые слова:** социальная справедливость, этническая идентичность, неформальный межэтнический контракт, этнополитика, межэтнические отношения.

*Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (Государственное задание Минобрнауки, внутренний номер ГЗ0110/21-04-ПГ).*



## Введение

В настоящее время в области межэтнических отношений конкурируют традиционный концепт мобилизации этничности и либеральный, в основе которого признание равенства прав всех представителей этнических общностей как единой российской нации. Согласно традиционному концепту этничности, коллективное право народа признается приоритетным по отношению к гражданским правам личности. Эту позицию транслируют и отстаивают региональные органы власти полиэтничных республик. На уровне федеральной власти утвердился либеральный концепт этничности, основным принципом которого является обеспечение равных условий для реализации прав индивида. Основанием признания доминанты коллективного права народа выступает этническая идентичность, тогда как гражданская идентичность базируется на признании несомненной ценности каждой личности и ее фундаментальных прав.

На практике в Республике Карачаево-Черкессии наблюдается противоречивость этнической и гражданской идентичности как ценностных оснований традиционного и либерального концептов этничности, оцениваемых в категориях справедливости/несправедливости. Это вызвано полярными позициями в отношении суверенизации республики конца 90-х гг. Для разрешения политического кризиса представители «титовых» народов заключили неформальный межэтнический договор о паритетном и иерархическом их представительстве в органах власти [1]. Распределение ролей и функций между представителями этнических общностей в политических элитах республик определялось рядом факторов: численностью этнических групп, исторической памятью, в которой зафиксировались представления о справедливости формирования республиканских органов власти и характере взаимодействия с федеральным центром, экономическими и политическими ресурсами этнических групп. В настоящее время,

когда произошла стабилизация политической системы, очевидна неэффективность межэтнического контракта, особенно в экономической сфере. Она особенно ярко проявилась в ситуации с Covid-19, когда стала очевидна пагубность практики распределения должностей (в частности, в медучреждениях) с учетом этнического представительства. Профессиональная некомпетентность медиков вызвала протестные акции в республике. Они были также связаны с высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи, а также с неразвитой структурой производства даже в таких перспективных отраслях для Карачаево-Черкессии, как туризм и сервис. Непрозрачность выборов и практики манипуляций общественным мнением на выборах, коррумпированность органов власти, при которой трудоустройство на должности в бюджетной сфере контролируется и «продается» с учетом этнической идентичности, оценивается жителями республики как несправедливость. Однако неэффективная экономика при возможности самостоятельного политического управления республикой и дотационных инвестициях со стороны федерального правительства вновь может актуализировать чувство справедливости у населения региона.

## Теоретико-методологические и эмпирические основания исследования

Методология исследования предполагает совмещение двух подходов: теории этноса и теории социальной справедливости. С позиций конструктивистского подхода этничность рассматривается как этнокультурная общность, обладающая общей коллективной идентичностью. Последняя определяется как «фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди воспринимают и опознают предметы, места, лица, действия и ситуации как этнически окрашенные или значимые» [2]. Триггером конструирования коллективной иден-

тичности выступает социальная справедливость. Эта терминальная и инструментальная ценность пронизывает все сферы социальных взаимодействий и является ориентиром для экономических, политических и социокультурных преобразований, способствующих консолидации этничности.

Изучение роли социальной справедливости в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России осуществлялось в рамках реализации проекта по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2021 гг.). В полиэтничной республике – Карачаево-Черкессии было проведено социологическое исследование, включающее сбор эмпирического материала методом фокус-группового интервью (2 группы, сформированные по возрастам) серии глубинных экспертных интервью (10 экспертов). Гайд глубинного интервью предполагал выявление представлений о социальной справедливости как принципа регуляции межэтнических взаимодействий и основы социальной интеграции в пространстве республики. Важной позицией группового интервью и дискуссии было выявление встраивания справедливости в ценностный ряд понимания мироустройства согласно традиционному или либеральному концептам.

Выборка контент-анализа блогосферы включала социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram», «Facebook». Основные принципы отбора социальных групп: выраженная связь с КЧР, публичность, наличие достаточного количества подписчиков, активность сообщества, русский язык – язык преимущественного общения. Всего были выбраны 35 социальных групп, из которых: 10 – площадки, ориентированные на взаимодействие всех граждан республики (общественные группы), то есть новостные, городские площадки, группы ориентирован-

ные на обсуждение ситуации в республике; по 5 групп, позиционирующих себя как сообщества представителей отдельных национальностей (черкесов, карачаевцев, абазин, ногайцев, казачества). Сбор материала был ориентирован на установление современных или исторических событий, которые актуализируют этническую идентичность, обуславливают интерпретацию этих событий в категориях справедливости/несправедливости.

### Результаты исследования

Предварительный анализ результатов глубинного интервью экспертов, проведенных фокус-групп и контент-анализа медиасферы в Республике Карачаево-Черкессии позволяет сделать вывод о наличии межэтнического контракта в различных сферах жизнедеятельности региона как барьера деполитизации этничности. Межэтнический контракт – это «юридически не оформленный договор по распределению ролей в политическом представительстве, органах власти между «титовыми» и нетитовыми этнокультурными группами, в системе управления на предприятиях бюджетной сферы, в вузах и школах, в медицинских организациях» [3].

Респонденты выделяли различные причины формирования межэтнического контракта. Одни отмечали, что он результат исторически сложившегося компромисса: *«Распределение политической власти на Кавказе осуществлялось не по принципу численности большинства, а по тому, кто древнее, – полагает один из общественных деятелей. – Кто древнее, тот и руководит республикой. Об этом, правда, постоянно спорят. Черкесы и абазины утверждают, что карачаевцы – турки, пришлые монголы, которые теперь правят в республике. Ногайцы считают себя автохтонным народом на основании своей языковой группы»*.

Другие респонденты считают, что этническое квотирование в Карачаево-Черкессии – это способ разрешения напряженного политического противостояния этнических групп в 90-е



гг. XX века: «Распределение власти между представителями разных народов инициировал В.М. Семенов. Когда он стал главой республики в 1999 г., то как политический компромисс заключил договоренность, что он – Президент, Председатель Правительства – черкес, Председатель Народного собрания – русский. В парламенте также действовал принцип этнического представительства. Возможно в то время, это был эффективный способ разрешения этнополитического противостояния». Однако в настоящее время аналогичное этническое квотирование в республиканских органах власти сохраняется. Из 80 этнических групп, проживающих в республике, только пять рассматриваются в качестве политикообразующих, что вызвано их преобладающей численностью среди жителей Карачаево-Черкессии. В соответствии с общей численностью населения по переписи 2010 г. – 466 432 человек, 7,8% составляют абазинцы, 41% – карачаевцы, 3,3% – ногайцы, 31,6% – русские, 11,9% – черкесы. Именно эти группы включены в неформальную систему этнического квотирования мест: карачаевцы, черкесы и русские как большинство имеют представительство в республиканских органах власти, тогда как «за абазинами закреплены должности руководителей Аппарата Главы республики и Правительства КЧР; за ногайцы – руководящие должности в МВД и Прокуратуре» [4].

В ходе фокус-группы эксперты высказывали различные аргументы в пользу признания справедливости/несправедливости этнического квотирования в органах власти. Один из представителей административной элиты высказался в пользу справедливости его сохранения: «Назначение ведь осуществляется не только по национальной принадлежности, но также учитываются и профессиональные качества руководителя. Наличие этнического паритета эти качества не исключает. Кроме того, коллективные права народа выше прав личности». С другой стороны, экс-

перты отмечали, что на отказ от этого принципа полиэтничное население региона может отреагировать неоднозначно: «Вот если бы, например, руководителем республики стал бы русский или черкес, или абазин, или ногаец, то карачаевцы бы возмутились! Малочисленный народ стал главным! Даже если бы все понимали, что он лучше, то не признали бы это действие справедливым».

По мнению остальных экспертов, единственным справедливым условием отказа от принципа этнического квотирования представителей органов власти могут быть демократические выборы: «Мне кажется, только демократические институты могут преодолеть паритет, – отмечает представитель общественной организации. – Если бы были демократические выборы, то голосовали бы не за представителя своей этнической группы, а за компетентного руководителя. Однако демократические процедуры выборов не могут быть только в одной республике, соответствующие изменения должны произойти и на федеральном уровне власти». Понимая, что демократизация политической системы – это дальняя перспектива, некоторые эксперты допустили, что справедливым могло быть признано решение федеральных органов власти об «отмене» этнического квотирования: «Если бы федеральный центр инициировал решение, что главой республики может быть не только карачаевец, и даже, скорее всего, была бы кандидатура русского, то тогда бы эту позицию поддержало и приняло все население. Сейчас ситуация уже изменилась, нет политической напряженности, и есть потребность в профессиональном руководителе».

Контент-анализ блогосферы свидетельствует о критическом отношении жителей республики к этническому квотированию должностей в бюджетной сфере, которое обострилось в ситуации с Covid-19. Основные негативные оценки пользователей социальных сетей касались: непрофессионализма врачей, плохой технической оснащённости уч-



реждений, состояния больниц, невозможности попасть на приём, получить адекватное лечение, не обладая «связями», финансовыми ресурсами. Пользователи указывали на коррумпированность органов власти, при которой трудоустройство на должности в бюджетной сфере контролируется и «продается», но с учетом этнической идентичности. В противовес конфликтным информационным поводам стоят сообщения, призывающие к миру и согласию, взаимному уважению. По мнению участника фокус-группы, все произошедшие негативные события сплотили население республики: «Как это не странно звучит для крошечной Карачаево-Черкесии, пандемия и процессы цифровизации привели к тому, что люди стали дружными, а их коммуникации стали более эффективными. Они понимают, что находятся в одной лодке и как сложно стало зарабатывать деньги. У нас уровень гражданской солидарности намного выше, чем наши политические элиты об этом хотят говорить и показывать».

Таким образом, сложившаяся летом-осенью 2020 г. ситуация с Covid-19 в Карачаево-Черкесии стала индикативной для проверки эффективности организации власти по принципу межэтнического паритета, который был реализован после кризиса власти в республике в конце 90-х годов. В результате обнажился тот факт, что под прикрытием принципа паритета утверждалась власть карачаевской «этнопартии», распределяющей сколь-нибудь значимые управленческие должности между «своими». Пагубность практики распределения должностей с учетом этнического представительства стала явной особенно в отношении руководства большинства медицинских учреждений, которое оказалось некомпетентным в ситуации контроля Covid-19, а Глава Республики побоялся взять ответственность на себя. Это явление актуализировало обсуждение факта негативного влияния принципа паритета на современное состояние экономики республики.

Распределение экономических ресурсов между представителями этнических групп в настоящее время признается населением республики как несправедливое. По мнению экспертов, этнический паритет в 90-х гг. обеспечил политическую стабильность и возможность достижения определенного уровня благосостояния. «На момент выделения Карачаево-Черкесии из состава Ставрополя, она не имела своего бюджета, – полагает один из участников фокус-группы. – Тогда система такая была: мы все отдавали в край, а он затем нас датировал. Поэтому наше экономическое развитие зависело от края, а край, в свою очередь, зависел от Центра. На сегодняшний день, если судить по официальным источникам, мы из высокодотационного региона стали дотационным. Это говорит о том, что идет позитивная динамика, ситуация улучшается». Однако эта позиция не нашла поддержки среди других участников. Эксперты в ходе глубинного интервью отмечали, что сегодня в сравнении с соседними Ставрополем и Кубанью очевидна неэффективность ведения сельского хозяйства; более высокие тарифы на электроэнергию, водоснабжение; существенное отставание в уровне заработной платы бюджетников; отставание республиканской системы здравоохранения; высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи.

Низкий уровень и качество жизни населения Карачаево-Черкесии вызывает чувство несправедливости. В качестве основной причины экономической стагнации в регионе эксперты выделяют сохранение принципа этнического квотирования при трудоустройстве и распределение экономических ресурсов между представителями этнических групп.

В ходе контент-анализа блогосферы были зафиксированы сообщения, где основной проблемой являлось трудоустройство, зависящее от этнического квотирования и привилегированного положения основных этнических групп, которое большинством в социальных сетях оценивалось как несправедли-



вое: *«Со мной 3 парня карачаевца учились которые писать без ошибок не могли но они работают на данный момент в органах власти, а 2 парня – один черкес, другой абазин, которые были круглыми отличниками получили красный диплом, не смогли найти тут работу и уехали оба в Москву. Таких случаев, к сожалению, очень много»*. Отток молодежи из республики стал стихийным, причем, уезжают преимущественно грамотные молодые люди, находя поддержку этого действия у своих родителей, что ранее было не характерно для этнических общностей: *«Уезжают преимущественно в Москву, потому что здесь невозможно найти работу. Я, например, почти никого из своих одноклассников здесь больше не встречаю, они все выехали, потому что здесь они себя реализовать уже не могут»*.

Распределение экономических ресурсов между представителями этнических групп в настоящее время признается населением республики как несправедливое. В центре внимания посетителей различных социальных сетей находится проблема коррупции и кланов. При этом клан интерпретируется как союз, преимущественно основанный на семейных, дружеских и взаимовыгодных связях, имеющих этническое основание. Несправедливым признаются действия кланов доминирующих этнических общностей, которые используют свой властный ресурс в целях экономического обогащения ближайшего круга лиц соответствующей этнической принадлежности. В частности, критикуются действия «клана главы республики», публично осуществляющего дорогие подарки «нужным людям» и родственникам, использующего своего привилегированного положения в целях продвижения по властной вертикали.

Таким образом, неформальный межэтнического контракт, включающий принципы этнического квотирования в органах власти и бюджетной сфере, а также кланового распределения экономических ресурсов, по мнению экспертов, общественных деятелей и жителей республики, признается неэф-

фективным, поскольку ограничивает возможности участия профессиональных кадров в управлении республики, исключает приток квалифицированной рабочей силы на рынок труда, особенно грамотной молодежи.

Основанием неформального межэтнического контракта может выступать историческая память, атрибутом которой являются репрессии в отношении этнических групп, проживающих в Карачаево-Черкессии. Так, важным фактором для карачаевцев выступало осмысление несправедливости депортации 1943 г., утрат Карачаевской автономии. Черкесы в этом же направлении отстаивали свое право на воссоединение с другими ветвями адыгов в единую Черкессию. Однако, как показывают результаты глубинных интервью и фокус-группы, это проблема в настоящее время уже не настолько актуальна, чтобы ее разрешение могло привести к межэтническому противостоению. Большинство экспертов считают, что процесс реабилитации завершён или близок к завершению: был принят соответствующий закон о реабилитации репрессированных народов, им возвращены все их конституционные права и осуществлены компенсирующие выплаты. Возможно, острота проблемы снижена еще и потому, что многие народы Северного Кавказа пострадали от репрессий, включая казачество, и эта ситуация не столь уникальна для этой территории, чтобы мобилизовать этнические группы на политические действия. С одной стороны, действия федеральной власти в отношении реабилитации прав, компенсации имущества народов республики оцениваются как справедливые, но это не исключает сохранения моральной травмы: *«Если мы говорим о возвращении конституционных прав, земельных территорий, то, конечно, здесь реабилитация завершена, хотя многие жители республики так и не дождались реабилитации или возвращения их заслуг. Однако наименования сельских поселений не возвращены и даже денежные выплаты не возместили все потери. А как возме-*



*стить моральные потери? Как это оценить?»*

Контент-анализа блогосферы позволил выявить в качестве ключевых проблем, касающихся исторической справедливости, следующие: кавказская война и признание выселения черкесов геноцидом, а также защита своего восприятия истории и «исконных территорий». Однако в общественном пространстве затрагиваются вопросы последствий депортации, такие как потери людей, разрушение этнической и культурной составляющей, «похищение» названий населенных пунктов, истории. Следовательно, можно наблюдать корреляцию с результатами глубинных интервью и фокус- групп, где историческая травма имеет преимущественно моральный характер, поскольку несправедливыми воспринимаются сами репрессии, а не способы их реабилитации.

Проблемы, связанные с родным языком этнической общностей, рассматриваются в отрыве от политических репрессий. Контент-анализ блогосферы показывает, что ключевыми аспектами являются вопросы межэтнического общения, межэтнических браков, пути выстраивания диалога культур. В глубинных интервью эксперты подчеркивали зависимость сохранения этнической культуры и языка от его изучения в школах: *«В советское время вплоть до старших классов все предметы в школе были на абазинском языке, включая математику. В 90-х годах, когда мы учились, абазинский язык преподавался 5 часов в неделю. Сейчас количество часов на язык сократился до 3 и хотят сократить до 2 часов в неделю. Учителя преподают его факультативно и мало или вообще ничего за это не получают»*. Подобная ситуация признается несправедливой преимущественно абазинами и ногайцами – «численным меньшинством» жителей республики. Участвующие в фокус группе карачаевцы, отмечали, что изучение родного языка 3–4 часа в неделю может компенсироваться воспитательной работой в отношении родного края и знания его

истории, которая сопровождается мероприятиями и конкурсами, где дети сами непосредственно участвуют. Представитель черкесской общественной организации поддержал эту позицию в отношении родного языка, истории и культуры: *«Если ребенку интересно, он это будет изучать – историю своего народа, историю своего края в рамках дополнительных занятий, нежели как обязательный предмет»*.

Таким образом, в настоящее время историческая память о репрессиях этнических общностей, проживающих в Карачаево-Черкессии, не является основанием для сохранения неформального межэтнического контракта. Действия федеральной власти в отношении реабилитации прав, компенсации имущества народам республики оцениваются как справедливые, хотя это не исключает сохранение моральной травмы. Однако в настоящее время эта травма не способствует политизации этничности в республике и в большей степени касается вопросов сохранения культурной идентичности, проживающих здесь этнических групп. Об этом свидетельствуют проблемы, связанные с родным языком этнической общностей, которые рассматриваются в отрыве от политических репрессий. Сохранения этнической культуры, языка и истории ставится в зависимость от образовательных учреждений и воспитательных мероприятий.

### **Заключение**

В настоящее время сохранение принципа этнического паритета в исполнительных и законодательных ветвях власти Карачаево-Черкессии, этнического квотирования в системе управления, бюджетной сфере, образовательных и медицинских учреждениях как основных принципов неформального межэтнического контракта представляется неэффективным. В реальности такая представленность лишь номинальна и не соответствует интересам этнических общностей, проживающих в республике. Власть организована по технологии поддержки «своих» и не допустить в «коридоры вла-



сти» активистов и профессиональных управленцев. В этом контексте большая часть экспертов допускает возможность отказа от принципа паритета и перехода к меритократическому принципу. Важная роль отводится также необходимости изменения механизма функционирования экономики с целью повышения ее эффективности, поддержки развития национальных языков, культуры и истории в образовательных учреждениях.

Перспективы развития представленной тематики связаны с осуществленным репрезентативным опросом населения республики, направленным на верификацию гипотезы об источниках и факторах восприятия социальной ситуации в контексте теории справедливости и ее интерпретации в контексте деполитизации этничности. Другим аспектом разработки представленной темы является проведение сравнительного анализа степени социальной и этнополитической напряженности по основным этническим общностям Калмыкии, наличия/отсутствия их групповой мобилизации.

## Литература

1. Адиев А.З., Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Курбанов Р.Ш., Щербина Е.А. Неформальное этническое квотирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа. Аналитический доклад. Махачкала. 2017. –53 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2012–408 с.
3. Денисова Г.С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf>
4. Щербина Е.А. Проблема этнического представительства во власти в Карачаево-Черкесской республике в оценках и мнениях региональных экспертов // Власть. 2017. № 4. С. 270–274.

## EVALUATION OF AN INFORMAL INTERETHNIC CONTRACT FROM THE POSITION OF SOCIAL JUSTICE (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KARACHAYEVO-CHEKKESSIA)

Chernobrovkina N.I., Bedrik A.V., Mamina D.A.  
Southern Federal University

The general trend in the field of interethnic relations is the outlined depoliticization of ethnicity. This is evidenced by the ineffective practice of the informal interethnic contract in the Republic of Karachay-Cherkessia, represented in the form of ethnic parity of political representation in government bodies, ethnic quotas in the management system and the budgetary sphere, educational and medical institutions. The political elite of the republic actively asserts the need to preserve the interethnic contract as the basis for peace and stability in the republic. However, held in 2020 and 2021. sociological studies (by the method of focus group interviews, a series of in-depth expert interviews and content analysis of the blogosphere) led to the conclusion that the population of the republic, especially young people, perceives the interethnic contract as an injustice, since it limits the possibility of participation of professional personnel in the administration of the republic, excludes the influx of skilled labor force into the labor market, especially literate youth.

Under these conditions, the population of the republic admits the possibility of abandoning the principle of ethnic parity and transitioning to the meritocratic principle of government. It also recognizes the need to change the mechanism of functioning of the economy in order to increase its efficiency and support the development of languages of ethnic communities, their culture and history in educational institutions.

**Keywords:** social justice, ethnic identity, informal interethnic contract, ethnopolitics, interethnic relations.

## References

1. Adiev A.Z., Akkueva S.I., Astvatsaturova M.A., Kurbanov R. Sh., Shcherbina E.A. Informal ethnic quotas in the multi-ethnic republics of the North Caucasus. Analytical report. Makhachkala. 2017.-53 p.
2. Brubaker R. Ethnicity without groups. Per. from English I. Borisova. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics. 2012–408 p.



3. Denisova G.S. Social justice in interethnic relations // World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2020. No. 4 [Electronic resource]. Access mode: <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf>
4. Shcherbina E.A. The problem of ethnic representation in power in the Karachay-Cherkess Republic in the assessments and opinions of regional experts // Power. 2017. № 4. P. 270–274.



## Проблема сохранения духовных ценностей в условиях цифровизации социальных процессов

**Михайлова Мария Николаевна,**

старший преподаватель кафедры «Иностранных языков», Тюменский индустриальный университет  
E-mail: igmanko@mail.ru

**Пирвердиева Эльвира Али-Кызы,**

старший преподаватель кафедры «Иностранных языков», Тюменский индустриальный университет

В статье исследуются социальные проблемы, связанные с цифровизацией современного общества. Данные проблемы авторы рассматривают с точки зрения сохранения духовно-нравственных основ российского общества, гуманистических ценностей. В статье также затрагиваются вопросы образования молодежи, формирования личности. Авторами анализируются стороны взаимодействия виртуального пространства и реальной жизни, сделан акцент на влиянии увеличивающегося потока информации, который воздействует на современного человека, меняя существующую систему ценностей. Оценивается перспектива развития измененного общества, в условиях серьезного влияния интернета. Авторы рассматривают опасности, подстерегающие молодых людей в интернет-пространстве, их воздействие на неокрепшую психику. Также исследованы проблемы, возникшие в сложившейся ситуации с ковид-пандемией. Данное явление анализируется, в качестве ещё одного важного маркера-влияния на современный социум.

**Ключевые слова:** цифровизация, цифровое общество, пандемия, образование, молодежь.

Степень развития современного социума достигла такого уровня, что может оцениваться не только с точки зрения классической аксиологии, но и посредством оценки уровня существующего производства, глобализацию, и, в особенности, цифровизацию большинства аспектов жизни современного человека.

Идея индустриализации получила в свои приемники постиндустриальное общество, которое в течение первых 20 лет нового века переродилось в некий «цифровой социум».

В идеальном виде модель индустриального общества представляла определенным образом сбалансированную структуру, как в производстве, так и в духовно-ценностной сфере. Одной из особенностей промышленного общества можно назвать отсутствие «катализаторов» экзистенциальных процессов происходящих в социуме, которые на том этапе развития и не требовались. Современное «общество в цифре» стремительнее своих предшественников и отражается во всех сферах жизни.

Российская Федерация является полноправным участником мировых процессов, и изменения, происходящие в мировом сообществе, оказывают прямое влияние на все уровни российского государства. Одной из важнейших тенденций последних десятилетий называются процессы глобализации, фундаментом которых выступают современные транснациональные компании, принадлежащие им СМИ и интернет-ресурсы.

Результаты «постмодернизации» особенно хорошо прослеживаются в обществах, находящихся на стадии становления, не исключение и отечественный социум, учитывая, что страна последние 30 лет находится в перманентном кризисе. Можно сказать, что направление и перспектива социального развития

сегодня во многом зависит от степени и скорости технологизации, цифровизации, т.к. в современном мире технологии внедрились в жизнь человека.

Образование, будучи одной из важнейших сфер жизнедеятельности человека, являясь краеугольным камнем культуры, также трансформируется под стандарты цифрового общества. Одним из примеров этого может послужить отсутствие сегодня глубоких гуманитарных исследовательских проектов, выявляющих влияние глобализации, цифровизации, виртуализации жизни на ценностные ориентиры россиян.

Взаимоотношения с интернетом сегодня определяют человека. Игнорирование интернет-ресурсов исключает человека из жизни цифрового общества.

«Оцифровка» всех сторон жизни человека, в том числе и экономического базиса, и всех «надстроек», межличностные связи людей также приняла электронную форму, которая является более простой, более легкой, но, в то же время, более разрушительной для человека, как общественного существа.

Крупные научные гуманитарные исследовательские проекты дают возможность получить достоверную информацию о сложившейся ситуации, перспективах ее развития, помогли бы создать противодействие пагубному влиянию негативных факторов. Данные исследования необходимы, т.к. человечество, на данный момент, не в состоянии противодействовать ускоренной глобальной цифровизации: неизвестно на сколько необратимо «цифра» меняет ценностную структуру человека, как она влияет на отложенное будущее, какую иерархию духовности она создает в данный момент, как сильно цифровизация сжилась с современным человеком, сможет ли человек существовать без интернета и др. Исследуя данные аспекты современного общества в первую очередь требуется выявить место человека в окружающей его невидимой электронной сети.

Глобальную сеть сегодня можно назвать площадкой, где происходит взаи-

модействие представителей различных культурных сред, при этом их взаимодействие не всегда остается обоюдным, очень часто интернет-меньшинство следует за большинством. Основа межчеловеческого общения уже исходит не из реальных контактов, а от виртуальной коммуникации. Сегодня, когда молодой человек ищет социальных контактов, он выходит в глобальную сеть, и только после установления виртуальных контактов продолжает общение в реальной жизни. Не меньшее воздействие оказывает электронная сеть и на самоинициализацию человека, в какой-то мере она затрудняет действия в данном направлении: слишком много вариантов на выбор представлено в виртуальной среде. Конечно, легкость доступа к огромным объемам информации, учебным материалам, к жизни успешных людей, к определенным кружкам по интересам помогают молодому человеку в его становлении, развитии, образовании. Но, тем не менее, именно эта легкость доступа к многообразию материала, мнений, людей и обесценивает те положительные моменты воздействия интернета – человек теряет нравственно-ценностные ориентиры, размываются моральные принципы, душа человека деформируется под влиянием виртуальных образов. Повсеместно, у интернет-зависимых людей действительные гуманистические ориентиры теряют свою значимость, а на первый план выходят виртуальные, ничего не значащие ценности – оружие в интернет игре, количество лайков за видеоролик, число подписчиков на канал и т.п. В связи с этим, проблема интернет-воздействия, как нам видится, должна решаться если не ограничением доступа в сеть, то, хотя бы, через постепенную адаптацию молодого поколения к возможному негативному воздействию виртуальной реальности.

Для того, чтобы возможный интернет-негатив не нанес существенного вреда эмоционально-психическому состоянию молодого человека, требуется, чтобы у последнего была сформирова-



на какая-либо морально-нравственная база, был опыт социально-бытовой коммуникации и др. Все это защитит молодое поколение от отрицательного воздействия, позволит выработать методы противодействия негативно влиянию виртуальной сети. Следует помнить, что интернет – это крайне сложное по своей структуре сплетение созданных программно-сетевых элементов. Неподготовленное взаимодействие молодого человека с данным явлением может привести за собой создание у него виртуальной модели ценностей в качестве основной, не имеющей ничего общего с реальным положением вещей. К сожалению, во многих странах сегодня интернет-аддикция стала характерной для большого числа молодых людей.

Электронная сеть деформирует темпоральное ощущение человека, подстраивает под свои нужды и социальные навыки, предлагая вместо реальности пустое иллюзорное существование.

Выходя из интернет-пространства в реальный мир, человек автоматически пытается применять полученные в виртуальности установки общения, жизни, теряет основные гуманистические ориентиры, т.к. какой может быть гуманизм, если все вокруг электронное.

Человек теряет интерес к жизни, не участвует в динамическом течении реальной жизни. Люди ощущают виртуальную аддикцию – установившиеся социальные связи приносят неудобства, общение в реальности усложняется, необходимо интернет – «доза», человеку требуется, так называемый, постоянный интернет-серфинг.

Большой объем и скорость выдаваемой сетью информации приводит к информационной толерантности, информация превращается в, так называемый, «белый шум». Последствия такой информационной трансформации потенциально влечет такие изменения в человеческом сознании, исследования которых еще только предстоит провести.

Интернет и другие средства интеграции мирового сообщества создают новую виртуальную реальность и, принци-

пиально изменяя смысл социокультурных коммуникаций, привносят с собой неизвестную систему ценностей, в результате чего меняются мир ценностей человека, его отношение к окружающему миру. Это стало причиной воздействия на в части переоценки мировых ценностей и сформировало новые требования к культуре потребления. Преобладание виртуального пространства в диалогическом взаимодействии общества оказывает существенное влияние на процесс передачи информации, изменяя социальную и культурную системы социума.

Действительно, глубина влияния глобальной сети на экзистенцию общества достаточно велика, более того это воздействие изменяет под свои требования не только отдельно взятое общество, но и государства в целом. [3]

В настоящее время виртуальный становится ведущим источником информации по самым актуальным вопросам для молодежи. Поэтому и возникла проблема непосредственного влияния интернета на духовно – нравственные ценности нынешней молодежи.

В современном мире, при столь бурном развитии информационных технологий, происходит глобальная переоценка нравственных ценностей в сознании современной молодежи, что не может не вызывать опасений.

На данный момент происходит информационный поток из глобальной сети Интернет, который не контролируется системой национальной безопасности. Он вовлекает в себя недостаточно сформированное сознание нашей молодежи. Молодежь открыта воздействию, готова перенимать культурный и социальный опыт всего мира, со всем его позитивным и негативным влиянием. В этом информационном потоке важно научиться отбирать нужную для себя информацию и помнить, что глобальная сеть Интернет предлагает доступ ко всему богатству и многообразию культурного, исторического наследия человечества.

По мнению авторов, необходимо следующим образом расставить акцен-

ты в положительном и отрицательном влиянии Интернета на нравственные ценности современного молодого человека. Для того, чтобы стать полноценным, успешным членом современного общества, представителю молодого поколения, необходимо обладать умением ориентироваться в мировом информационном пространстве и пользоваться его ресурсами и огромными возможностями. Переоценить необходимость Интернета в нашей жизни невозможно. Что является ключевым позитивным моментом появления Интернета в нашей жизни.

Вместе с тем, нельзя игнорировать негативное влияние Интернета на нравственные качества молодежи.

Основные опасности, с которыми дети и подростки могут сталкиваться каждый день на просторах интернета, следующие:

1. «Кибербулинг» или «троллинг» (интернет-травля)

2. Использование Интернета для манипуляции сознанием детей и подростков (пропаганда антисоциального, экстремистского поведения, суицидов, вовлечение в опасные игры)

3. «Незнакомый друг» в социальных сетях.

4. Кибермошенничество.

5. Кража личных данных техническими средствами.

6. Незаконный сбор персональных данных несовершеннолетних и распространение их в открытом доступе.

7. Просмотр сайтов для взрослых.

Руководитель Центра защиты детей от интернет-угроз Владимир Рогов считает, что основной интернет-угрозой является манипулятивно-идеологическая вербовка детей в различные движения, смыслом которой является попытка оторвать детей от своего окружения (родители, друзья), приманить к себе, переделать в новый формат.

Огромное беспокойство вызывает тот факт, что идет активная пропаганда контента, который деформирует традиционные российские духовно-нравственные ценности молодежи, в частности «антисемейная пропаганда». Это

доводит до случаев вовлечения детей в «группы смерти», что приводит к детским суицидам.

Нравственные ценности молодого поколения в настоящее время находятся под угрозой трансформации с совершенно непредсказуемыми последствиями для общества в целом и для государства. Самые простые понятия, такие как: любовь, взаимоуважение, честность, достоинство, патриотизм, верность, альтруизм, трудолюбие, уважение к старшим, оказались не «в тренде» у современной молодежи, и, к сожалению, нуждаются в защите, возвращении и культивации.

Конец декабря 2019 года был для всего человечества временем перемен и вызовов, которые будут надолго вписаны в историю развития человечества. Общество должно продолжать своё развитие даже в ограничительных ситуациях (локдаун, дистанционка, home-office, zoom и др.) являясь теми немногими атрибутами, характеризующими нынешнее положение всего социума. Современное общество вышло на новый уровень своего развития, которому свойственны категории цифровизации и технологизации, где гуманизация занимает второстепенное место.

Представляя стадию информационно-цифрового общества, общество «цифры» имеет существенное отличие от обществ с разными способами индустриализации [1]. Если индустриальная ступень развития характеризовалась достаточно стабильной системой ценностей и духовных ориентиров, четко установленных и определяющих основы жизнедеятельности, то информационное общество обладает динамически меняющимися ценностными характеристиками.

Цифровизация или дигитализация развивалась быстрыми темпами последние пятнадцать-двадцать лет, однако, цифровое обучение и образование носили экспериментальный ситуационный характер. Распространение новой коронавирусной инфекции резко изменило акцент в сторону использования различных источников информа-



ции, для того, чтобы обучение не прекращалось, чтобы не было стагнации в получении необходимых знаний и навыков.

С повсеместным внедрением цифровизации поменялся вектор в межличностной коммуникации, поскольку смена материальных локаций, на виртуальные, диктует совершенно иную модель поведения, общения и культуры.

Постепенно появляются научные статьи, монографии и книги, которые обобщают и анализируют различные виды интересующего взаимодействия, выявляя появление всё новых социальных феноменов (фаббинг, формирующий новый социальный вид коммуникации; виртуальный эскапизм, когда человек с головой уходит в интернет-реальность, прячась от экзистенциального бытия).

Выдвинутая ЮНЕСКО в 1962 году «Концепция развития длиною в жизнь», казалась недостижимой утопией, но нашла свою реализацию спустя 60 лет.

Цифровое обучение во время пандемии стало стимулом к стремительному развитию различных образовательных платформ и сервисов, которые смоделированы под разные категории слушателей, и в отличие от печатных изданий легко могут дополняться, компоноваться и включать в себя не только текстовый материал, но необходимый аудио-визуальный контент.

Об имеющихся преимуществах цифровизации, а также её недостатках можно говорить и спорить много времени, так и не придя к общему знаменателю. Неоспоримым остаётся тот факт, что виртуальное пространство диктует свои собственные принципы и ценности, где личности человека отводится немалое значение. Современные технические устройства наделяют человека не только мобильностью, то есть способностью пользоваться интернет-ресурсами в любом месте и в любое время, но и дают свободу выбора, которая зачастую идентифицирует скрытые личностные характеристики; огромное количество социальных сетей и виртуальных сообществ позволяет зареги-

стрировать несколько аккаунтов одновременно, выбрать фотографию для своего профиля (аватар), скрыть свою личность под вымышленным именем и местом проживания [5].

Плата за такую свободу, по мнению авторов, является очень дорогой, поскольку зачастую личность утрачивает в виртуальном пространстве духовно-нравственные ориентиры, теряет навыки живого диалогового общения. Происходит трансформация ценностных составляющих, заключающийся в непонимании и нежелании понимать основные нравственные и духовные ценности.

### Литература

1. Ананьина Э.Д. Сострадание в системе духовных ориентиров россиян в условиях цифровизации общества // Сборник научных трудов. – 2019 – С. 283–288
2. Герасимова Д.В. Интернет и его влияние // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11–4. С. 649–651.
3. Молчан Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки – 2019 – № 2-С. 55–66
4. Ростовцева М.В., Машанов А.А., Хохрина З.В. Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации современного общества // Фундаментальные исследования. 2013. № 5–6. С. 1282–1286.
5. Агамбен Д. Открытое: Человек и животное. М.: РГГУ, 2012.
6. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем пресс, 2015. – 240 с.
7. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997.



**THE PROBLEM OF PRESERVING SPIRITUAL VALUES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIAL PROCESSES**

**Mikhailova M.N., Pirverdieva E.A.-K.**  
Tyumen Industrial University

The article examines the social problems associated with the digitalization of modern society. The authors consider these problems from the point of view of preserving the spiritual and moral foundations of Russian society, humanistic values. The article also touches upon the issues of youth education, personality formation. The authors analyze the aspects of interaction between virtual space and real life, emphasize the influence of the increasing flow of information, which affects a modern person, changing the existing system of values. The prospect of the development of a changed society, in the conditions of the serious influence of the Internet, is assessed. The authors consider the dangers that lie in wait for young people in the Internet space, their impact on the fragile psyche. The problems that have arisen in the current situation with the covid pandemic are also investigated. This phenomenon is analyzed as another important marker of influence on modern society.

**Keywords:** digitalization, digital society, pandemic, education, youth.

**References**

1. Ananyina E.D. The humanity in the system of spiritual guidelines of Russians in the conditions of digitalization of society//Collection of scientific works. – 2019 – P. 283–288
2. Gerasimova D.V. Internet and its influence// International Journal of Applied and Basic Research. 2016. № 11–4. Page 649–651.
3. Molchan E.M. The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of interaction subjects in the era of globalization//Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences – 2019 – No. 2-P. 55–66
4. Rostovtseva M.V., Mashanov A.A., Khokhrina Z.V. Socio-philosophical problems of personality socialization in the conditions of informatization of modern society//Fundamental research. 2013. № 5–6. Page 1282–1286.
5. Agamben D. *Discovered: Man and animal*. M.: RSUH, 2012.
6. Groce B. *About modern issues. Experience of the economy of culture*. M.: Hell Marginem Press, 2015. – 240 pages.
7. Horkheimer M., Adorno T.V. *Dialectics of Enlightenment. Philosophic fragments*. M.-SPb.: Medium, Juventa, 1997



## Процессы интеграции социологических, социально-психологических и экономических знаний в профессиональной деятельности человека

**Потемкин Валерий Константинович,**

д.э.н., профессор, ЗДН РФ, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»  
E-mail: Val\_pot49@gmail.com

Профессиональная деятельность человека связана с решением технико-технологических, экономических, организационных, социальных и социально-психологических задач. При оценке эффективности профессиональной деятельности, как правило, используется инструментарий, позволяющий определить влияние различных факторов на включенность работников в решение общественно значимых задач. Степень включенности работников в решение данных задач определяется посредством интеграции социологических, социально-психологических и экономических знаний.

**Ключевые слова:** профессиональная деятельность, интеграция, знания: социологические, социально-психологические, экономические, смыслы, мотивы, ожидания, самооценка, эффективность, труд, цели, коммуникации.

Известно, что первая систематизация знаний была проведена Аристотелем, который классифицировал науки на три категории: теоретические, практические и продуктивные. Первые направлены на поиск знания ради него самого; вторые – на знания ради достижения морального совершенствования; третьи – на производство определенных объектов. Науки теоретические, по мнению Аристотеля, превосходят все остальные по ценности и достоинству, выполняя роль ориентира человека в выработке своей социальной позиции к деятельности, социальным, экономическим и психологическим практикам; формирования жизненной позиции и мировоззрения. Этому, во-многом, способствуют сформировавшиеся взгляды натурфилософов (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит и др.), которые обращали внимание на непосредственную связь человека с природно-физическим миром; софистов (Протагор, Горгий, Продик, Антифон), развивавших проблему отношений человека к другим группам людей, отношений к самому себе через анализ поступков и норм поведения в различных жизненных ситуациях. Благодаря развитию взгляда на проблему Человека в системе общественных отношений появились и новые ценностно-смысловые ориентиры в определении жизнедеятельности и жизнеспособности человека. Так, К. Хорни, Э. Фромм и З. Фрейд в своих работах доказали взаимосвязанность социального, социально-психологического и социокультурного подходов к развитию понимания трансформации взглядов человека на общественную среду и его непосредственную включенность в ее преобразование [20; 19, с. 147; 18, с. 447]. Объективизацию этого процесса подчеркивал Дж. Уотсон в своей теории бихевиоризма – науки о поведении



человека, в рамках которой анализ интерпретируется как объективный процесс, соотносящийся с внешне наблюдаемыми феноменами общественного развития [17]. По мысли Дж. Локка, можно выделить два основных источника знаний: «объекты внешнего мира и деятельность нашего собственного ума» [8], определяющие рефлексию человека на наблюдаемые события в общественных отношениях.

В середине XX века получила свое развитие гуманистическая психология (Rogers K. «Client Centered Therapy»), обосновавшая то, что в центре гуманистической концепции развития общественных отношений находится целостная, уникальная, свободная в выборе решений личность, которая творит свою жизнь и несет за нее ответственность. Подразумевается необходимость формирования психологического глубокого контакта и принятие ценности личности человека, в этом случае она реализует свою свободу, открываясь жизненному опыту.

Внимание Б. Ананьева, который во многом поддерживал положения гуманистической психологии, было сфокусировано на процессе, а точнее, диалектике развития человека [1]. Согласно его убеждениям, индивидуальность является неотъемлемой чертой человека и интегральным свойством, формирующимся на стыке природного и личностного. Способности, направленность интересов, предпочтительная сфера деятельности, базовые и программирующие свойства отражаются через индивидуальность. Динамические характеристики психики (эмоциональность, темп реакций и др.) раскрываются, по мысли Б. Ананьева, через базовые свойства. В то время как программирующие свойства выполняют роль главной движущей силы развития индивидуальности, как следствие, трансформация, развитие программирующих свойств является предпосылкой полноценной, плодотворной длительной творческой деятельности и влияет на трансформацию ряда базовых качеств, например, характера. Так,

возрастание профессионального интереса в своей сфере деятельности приводит к повышению интенсивности интеллектуальной деятельности, и, вместе с тем, усилению мотивации поведения. И, с другой стороны, развитие и совершенствование интеллектуальных способностей является предпосылкой поиска новых целей в труде, формирование целеустремленности и настойчивости.

В последние годы в психологической науке стали выделяться два важных процессорных направления, а именно: адаптационное по А.И. Адлеру [2] и интегративное по Д.П. Узнадзе [16]. Первое направление основывается на оценке реальных жизненных ситуаций, адаптации человека к ним и выход на новый уровень социальных ожиданий и требований. Второе направление предполагает комплексный социальный анализ, условно разделяющий сложное на составные части, позволяющий создать возможности синтетического изучения свойств, присущих сложному целому, что в конечном счете является основой развития. Однако, обратим внимание на позицию Д. Дэвидсона, который писал, что «нельзя понять мысли и настроения человека, не вникнув в мир его возможностей и того, как он их использует» [6]. Именно в действиях и событиях Д. Дэвидсон ищет объяснение человеческих поступков и в этой связи под термином поведение понимает «желания, устремления, импульсы, моральные установки, социальные конвенции, общественные и частные цели, эстетические и экономические принципы».

Восприятие экономической действительности – это и осознание модификаций экономических отношений и психологических реакций человека, его социальных действий.

Принимая во внимание тот факт, что цель научного знания состоит в описании и объяснении и, как следствие, установлении истины, видимо, и перед экономической психологией стоит задача выяснения типического в тех социальных действиях, которые совершают-



ся человеком под воздействием развивающихся экономических отношений. М. Вебер в своих работах, которые можно объединить как трактаты по общей социологии, описал четыре типа социальных действий человека: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное (В.П. – подчеркнуто нами) [4]. Развивая идею взаимообусловленности социологических и психологических подходов к пониманию процессов развития человека, М. Вебер разработал теорию «идеальных типов» [3]. Акцентирование определенной точки зрения, несколько утопичной, не являющейся эмпирической данностью, однако связанной со множеством феноменов, позволяет сконструировать идеальный тип как концептуальную модель. Данная модель выступает в роли системы координат, методологического инструмента, используя который исследователь решает задачу определения несоответствий идеального типа и реальности и их объяснения. Подобное объяснение основывается на понимании закономерностей человеческого поведения. По сути здесь может идти речь о предметно-деятельной направленности поведения человека. Предметность, как известно, всегда конкретна, определяет состав социальных действий человека, его социально-психологические состояния в различных условиях жизнедеятельности и, как следствие, способствует конкретизации преобладающего вида деятельности в социальных и экономических практиках. При соединении социально-психологической жизненной единицы (человека) с экономическими обстоятельствами жизнедеятельности, актуализируется вопрос степени их влияния на те или иные аспекты социальной жизни.

«Комплекс отношений между людьми, норм и определяемых этими нормами связей, именуемых нами «государством», есть явление «экономическое» под углом зрения его финансового устройства. В той мере, в какой государство оказывает влияние на хозяйственную жизнь посредством своей

законодательной функции или другим образом (причем и тогда, когда оно сознательно руководствуется в своем поведении совсем иными, отнюдь не экономическими мотивами), оно «экономически релевантно...». Из сказанного явствует, что, с одной стороны, сфера «экономических» явлений стабильна и обладает твердыми границами, с другой – что «экономические» аспекты явления отнюдь не «обусловлены только экономически» и оказывают не только «экономическое влияние», что вообще явление носит экономический характер лишь в той мере и лишь до тех пор, пока наш интерес направлен исключительно на то значение, которое оно имеет для материальной борьбы за существование» [3].

Подобное понимание соединения социально-психологической жизни человека и экономических обстоятельств, во многом, находит свой отклик в работах Д. Дьюи, который пишет: «Человек живет в этом мире: нет природы без человека, а человека без природы, Человек есть природа, способная ее изменить и придать ей смысл. Для этого ему понадобились поначалу магия и мифы, затем все более обнадеживающие идеи неизменности бытия, всеобщего прогресса, разумности вселенной, управляемой всеобщими необходимыми законами» [5], а также Б. Кроче, который развивал мысль древних философов относительно того, что «человек – это микрокосм». В частности, он писал: «Микрокосм, но не в натуралистическом, а в историческом смысле, ибо человек – компендиум универсальной истории. История – не хроника, не искусство, не риторика, это реальность» [7]. Концептуальное понимание реальности соединения психологической жизни человека и экономических обстоятельств дополнил Морис Мерло-Понти, согласно позиции которого это соединение ни что иное как экзистенция, то есть «бытие-в-мире», определенный способ восприятия мира [10], в свою очередь З. Фрейд отмечал, что ««Бытие-в-мире» обозначает не реальность, а возможность. «Человек не про-



сто присутствует мире в качестве незаинтересованного наблюдателя вещей и смыслов. Человек – существо, проектирующее свои возможности, кроме того, проектируя мир как свой мир, он сообщает ему осмысленность» [14, с. 420]. В данном контексте экзистенция интерпретируется как процесс самосозидания.

Феномен самосозидания человека, видимо, необходимо рассматривать как постоянно возобновляющийся процесс. Основание для такого понимания самосозидания мы находим у А.Н. Уайтхеда, который писал, что «не только жизнь человечества, но и история Вселенной есть процесс... безостановочный событийный процесс испытывает нас на понимание взаимосвязей... Самосознание – конечный пункт самосозидания, не всегда достигаемый» [15].

Э. Муньи [12] один из первых ученых, который увязал процесс формирования человека с новыми для первой половины XX века экономическими отношениями. В противовес примату прибыли в капиталистическом обществе; сакральной власти денег, которые становятся основой для тирании всех; собственности, нажитой трудом других или путем захвата Э. Муньи основывается на теории личного управления и совместного использования материальных благ. Для этого, подчеркивает он, «необходимы коллективистски воспитанные личности, способные адаптироваться к различным производственным условиям». Подобная адаптация, если ее рассматривать через призму процессорной трактовки явлений, осуществляется посредством конкретных действий человека. «Действуя, чтобы понимать, и понимая, чтобы действовать» [9], пожалуй, этими принципами Д. Лукача необходимо руководствоваться, чтобы не только понять суть производственных условий, но и способствовать их рационализации. Здесь речь не идет о какой-либо идеологии в партикулярном смысле, а именно не выходящей за пределы сознательного и невольного, а связываются действия человека с конкретным видом деятельности.

Л. Мизес подчеркивал, что «...никто, кроме индивида не наделен способностью думать, убеждать и действовать. И если нет экономической свободы и частной собственности на средства производства, никакая другая свобода невозможна. В обществе, основанном на рыночной экономике, господствует потребитель... Без экономической свободы все политические и гражданские права превращаются в бумажный хлам... Вне рыночной экономики человеку остается лишь право повинения» [11].

Что мотивирует человека, что формирует его действия в рыночной экономике? Ответ на этот вопрос мы находим в работе Ф.А. Хайека «Злоупотребление разумом», а именно «Мотивы, или конституирующие идеи заставляют людей производить, продавать и покупать товары». И эта деятельность человека вполне осознана. Но на практике мы встречаем и деятельность неосознанную, основанную на вере, традициях, предрассудках. Именно эта деятельность, по мнению Ф.А. Хайека, может стать основой неожиданных, неинтенциональных последствий. Так, в производственных коллективах, где есть люди не принимающие рациональных решений в полной мере реализуется формула «тезис-антитезис-синтез».

Условия жизнедеятельности человека и их воспроизводство определяются совокупностью общественных отношений: политических, социальных, экономических, которые сформировались независимо от его воли. Эти отношения являются определяющими условий жизнедеятельности человека, целей и интересов развития производства, характера движущих сил и стимулов. Человек, тем самым, как существо одновременно общественное и обладающее индивидуальными психофизиологическими особенностями является не только своеобразным участником общественных отношений, но и способа производства, способа социального управления, в свою очередь воздействующих на его индивидуальные свойства и условия жизнедеятельности.



Факторами развития общественных отношений являются не только уровень развития, разделения и кооперации труда, форма собственности на средства производства, способ присвоения и распределения материального продукта, но и такая отрасль знаний, какой является экономическая психология.

В 1958 году в книге «Советский марксизм» Г. Маркузе обратил внимание на магический характер идеологии, ложного сознания, сознания фальшивой объективности, полагая, что в социалистическом обществе аппарат стремится к всевластию, определяя не только занятость и социальное поведение, включая экономическую психологию людей и изменяя их индивидуальные потребности. Развитие капитализма способствовало усилению возможности самоорганизации на основе свободного выбора сферы приложения труда, потребовало нравственной коррекции соотношения свободы личности и соблюдения интересов общества, понимаемых как собственные интересы, то есть того, что называется ноосферным мышлением, когда повышается роль одновременно и свободы, и ответственности. Г.А. Чупина и Е.В. Суровцева очень удачно, на наш взгляд, сформулировали понятие свободы. Так, по их мнению, «Свобода – органический компонент таких современных форм социальной организации, как рыночная экономика, правовая государственность, парламентские формы демократии» [21].

Подобное понимание свободы предполагает одновременно повышение роли ответственности, осознанная необходимость которой является элементом самосознания и самоорганизации человека. В современных условиях синтез свободы и необходимости понимается как соблюдение прав человека, обеспечение его социальной защиты, включая адресную социальную поддержку, что обеспечивается сочетанием рыночной экономики и системой государственно-го регулирования.

Можно полагать, что социально ориентированная экономика способствует

ет человеку осознать и реализовать свой трудовой потенциал, сформировать осознанное рациональное поведение, определяющее характер взаимоотношений между людьми и социальными институтами общества и, как следствие сформировать свою экономическую психологию. И здесь можно согласиться с М. Вебером, который считал, что такого типа «экономический человек» легко принимает дух капитализма, ориентацию на предпринимательство как полезное для удовлетворения собственных потребностей, так и для развития общества [4]. Вместе с тем, в последние годы все чаще отмечается то обстоятельство, что переход от административно-командной экономики к рыночной экономике происходит революционным путем, без учета национальных традиций, обычаев, степени социально-культурного развития членов общества и структуры материального производства, что приводит к трансформации экономической психологии человека в сторону девиантного поведения, агрессивности, разрушения нравственных и этических основ всех видов хозяйственной деятельности. Не случайно в хозяйственной деятельности добивались успеха те люди, те группы людей, которые ориентировались на теневой капитал, они более агрессивны и ориентированы на самый короткий путь получения прибыли, использующие в решении хозяйственных споров силовые методы убеждения.

Экономическая психология в рыночной экономике – это прежде всего психология личности, которая не может не учитывать: 1. Жесткие нормативные рамки, которыми, с одной стороны задаются правила игры восприятия интересов работодателей и работников законодательно очень детализировано и связано, но которые, однако, одновременно внутри этих рамок обеспечивают представителям интересов при их столкновениях и при восприятии их задач высокую степень самостоятельности. 2. Дуальную систему представления интересов, т.е. выраженное «деление труда» производственного

и надпроизводственного восприятия интересов работодателей и наемных работников. 3. Кооперативные конфликты, т.к. стиль конфликтующих интересов работодателей и наёмных работников – работополнителей.

В последние 20–25 лет нами проводятся исследования, связанные с фиксацией социально-экономической ситуации людей в сфере производственной деятельности и изменением экономико-психологического портрета представителей различных групп. Так, по оценочно-эмоциональным реакциям на развитие общественных отношений установлены устоявшиеся социальные ожидания работников (N1200):

организовать свое дело – 9,0%;  
получить экономическую независимость от различного рода обстоятельств: политических, социальных, психологических, организационно-правовых, управленческих – 44,5%;

иметь социальную защищенность в сфере трудовой деятельности и в быту – 82,5%;

иметь условия для самореализации своих профессиональных компетенций, умений, навыков и опыта работы – 32,0%;

участвовать в разработке планов работы, их коррекции при изменяющихся условиях организационной и производственной деятельности – 22,0%;

работать в профессиональной среде, где отсутствуют неуважение к человеку, грубость, хамство, коррупция и т.д. – 35,0%;

работать в рамках взаимопонимания с руководством, компромисса, отсутствия конфронтации – 24,0%;

работать в условиях доверительных отношений и взаимной ответственности – 37,0%;

Зафиксированные ожидания не всегда совпадают с реалиями. Так, по самооценкам респондентов их материальное положение периодически меняется, но в основном оценивается следующим образом: возрос доход (1,9%); доход увеличился незначительно (18,4%); доход сохранился прежним (31,3%); значительно снизился доход

(32,4%); доход уменьшился (12,7%), затрудняюсь ответить (2,9%). Из приведенных данных видно, что по уровню материального благосостояния 55,1% респондентов могут быть отнесены к группе социального неблагополучия и 42,3% – к созидательному типу.

Социальные и экономические ожидания работников предприятий связаны и определяются в контексте деятельности руководства предприятиями. По самооценкам руководящего состава предприятий (N179) им присуще: умение разбираться в людях, знание психологии, способность предвидеть развитие ситуации, экономические знания и опыт экономической работы. Перечисленные характеристики отмечаются более, чем 65,0% респондентов. К наиболее распространенным личностно-профессиональным качествам по результатам самооценок относятся (отмечают 86,0–92,0% респондентов): организованность, дисциплинированность, твердость в отстаивании своих позиций. Кроме того, подчеркивается значимость высокой квалификации (85,5%), ответственности (90,4%), вежливости (88,5%), уступчивости (62,0%), лишь 7,0% отметили расчетливость. Из приведенных данных следует вывод о том, что в целом, оценка таких качеств как расчетливость, знания экономики и психологии, оцениваются ниже, чем такие вежливость, дисциплинированность и ответственность. Это говорит о поведенческой направленности руководителей на социально-экономические условия планово-административной, а не рыночной системы.

Большинству из представителей директорского корпуса по их самооценкам не хватает знаний по: кредитованию (60,5%), ценообразованию (58,0%), финансам и банковскому делу (84,0%), компьютерной технике (90,5%) и т.д.

Отношение к развитию инновационной деятельности у респондентов со следующими типами социального самочувствия:

безразличный тип – 28,4%;

обычный тип – 35,6%;

неопределенный тип – 17,9%;



тревожный тип – 11,4%;  
решительный тип – 6,8%.

Проведенное в 2001 году интервьюирование руководящего состава предприятий позволило ранжировать несколько наиболее выраженных ситуаций в производственной деятельности: напряженность (ранг – 1), попытки адаптировать к новым экономическим условиям (ранг – 2), повышенная конфликтность (ранг – 3). В 2021 году при повторных самооценках на данных предприятиях получили предпочтение такие показатели как: стабильность

(ранг – 1), инициативность (ранг – 2), предприимчивость (ранг – 3), определенность (ранг – 4). Ранее более характерные для приватизированных предприятий показатели: напряженность, адекватность, конфликтность утратили свое значение и стали по самооценкам экспертов занимать, соответственно, 7, 6, 8 места.

Несмотря на определенный позитивизм в самооценках социальных ожиданий работников все же необходимо сопоставить по группам персонала предприятий (см. табл. 1).

Таблица 1. Самооценки социальных ожиданий различными группами персонала предприятий

Сейчас самое главное для меня	Количество присвоенных рангов							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Сохранить репутацию среди людей моего круга	32	17	9	15	9	10	4	0
Сохранить авторитет в коллективе	16	16	16	15	20	5	7	2
Не допустить снижения уровня благосостояния моей семьи	30	13	20	11	5	8	3	2
Не допустить снижения уровня благосостояния работников предприятия	12	23	12	18	11	10	6	2
Приобрести новые связи в сфере моего бизнеса	24	15	18	12	21	9	7	1
Обеспечить защиту деятельности предприятия от криминальных структур	1	8	4	6	8	16	31	19
Установить формальные и неформальные административные связи	4	6	15	11	8	23	18	15
Способствовать укреплению экономики страны посредством моего бизнеса	10	3	5	0	4	5	11	46

Примечание: количество присвоенных рангов в управлении предприятиями: 1 – руководители предприятий; 2 – заместители руководителя предприятий; 3 – руководители отделов и лабораторий; 4 – начальники цехов; 5 – начальники участков; 6 – бригадиры; 7 – инженерно-технические работники; 8 – рабочие.

Заметим, что социальные ожидания руководящего состава предприятий связаны с позицией самоуважения, сохранения и преумножения своего имиджа и репутации, сохранения уровня благосостояния семьи. Другие же социальные ожидания носят скорее формальный характер. Более позитивные социальные ожидания отмечаются у бригадиров, ИТР и рабочих.

Анализируемые социальные ожидания работников предприятий, в основном, связаны с конкретной предметно-

деятельной направленностью действий в сфере приложения труда. Нам же представляют интерес и самооценки нравственной позиции работников, выходящих за пределы конкретного предприятия и обусловленных социальной средой обитания (см. табл. 2).

Приведенные результаты исследования самооценки личности свидетельствуют о том, что чувство благополучия человека, его социальное здоровье (в т.ч. социальные потребности, умонастроения, нравственные мотивы и др.)

формируется в тесной связи с адекватной самооценкой [13]. Как следствие, в нравственной позиции индивида, зависимой от особенностей поведения, проявляются устойчивые черты характера, выражающие отношение к основным сферам деятельности: к труду; окружающим людям, обществу, социальной группе; самому себе, вещам.

Таблица 2. Самооценки нравственной позиции работников предприятий

Самооценки нравственной позиции	%
1. Я подвержен влиянию внешних обстоятельств	62,7
2. Я подвержен влиянию других людей	33,2
3. У меня бывают проблемы во взаимоотношениях с другими людьми	62,1
4. В жизни у меня было больше успехов, чем неудач	79,8
5. Я умею превращать недостатки в достоинства	65,4
6. Мне свойственно искать радость в жизни	83,0
7. Меня часто одолевают чувства тревоги и страха	27,5
8. Я склонен к психологическим переживаниям	55,8
9. Я часто чувствую свою беспомощность	19,1
10. Испытываю чувство одиночества	30,6
11. Полагаю, что сейчас в обществе преобладает чувство оптимизма	52,5
12. Живу мирной и спокойной жизнью	70,5
13. Считаю, что сейчас в обществе преобладает чувство пессимизма	39,8
14. При своем индивидуализме я иногда склонен жертвовать личными интересами ради других людей	70,8
15. Мне свойственен самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	75,7
16. Мне свойственна склонность к саморазрушению (употребляют алкоголь, наркотики и т.п.)	19,6
17. Я чувствую общественное признание (уважение окружающих)	76,0
18. Мне свойственна терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать их ошибки и т.п.	87,9
19. Мне присуще чувство ответственности (чувство долга, умение держать слово)	91,8
20. У меня сформировались высокие запросы (притязания)	52,3
21. Я осознаю эффективность, продуктивность своих дел (учебы, работы и т.п.)	79,4

Характер личности формируется во круг морально-волевых качеств, что обуславливает возможность проявления самостоятельности, целеустремленности, решительности, настойчивости. Отсутствие волевых качеств является препятствием для реализации целей в жизнедеятельности. Еще одной характеристикой личности с точки зрения ее позиции в социуме являются способности, отражающие уровень продуктивности функциональной системы: ее точность, надежность (устойчивость), скорость функционирования. Способности являются предпосылками продуктивности в различных видах деятельности, будучи связанными с развитием интеллекта личности и ее особенностей: черты характера; готовность к труду, работоспособность и потребность трудиться; творческое мышление, интеллект, адаптированность. Немаловажной характеристикой личности является направленность (на себя, на задачу или на общество), в основе которой лежит мотивация ее деятельности, поведения, направленного на удовлетворение потребностей. Потребности, которые стремится удовлетворить в деятельности человек, отличаются в зависимости от социально-демографической, профессиональной, статусной принадлежности человека: от удовлетворения физиологических потребностей до удовлетворения социальных и творческих потребностей более высокого уровня.

Таким образом, исследование социальных, социально-психологических и экономических свойств и черт деятельности работников предприятий определяет качества самого человека как субъекта труда; способы достижения поставленных целей и ориентиров; многообразие предметно-материальных, духовных, нравственных, вовлекаемых в процессы развития экономических, производственных и социальных практик; способствует формированию социально-профессионального конструкта личности; формирует основы для профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций; уточняет способы реализации потребностей



работников. Деятельность человека рассматривается не частично: экономическая, социальная, социально-психологическая и т.д., а как целостная система, начинающаяся в человеке в нем завершаемая.

### Литература

1. Ананьев Б. Избранные психологические труды: в 2 т., Т. 1 /Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова. – М.: Педагогика, 1980.
2. Бундулс Я. Индивидуальная психология А. Адлера // Вопросы психологии. – М., 1982, № 2.
3. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. – М.: Прогресс, 1990.
4. Вебер М. Хозяйство и общество. – М., 1921.
5. Дьюи Д. Опыт и природа. – М.: 1925.
6. Дэвидсон Д. Очерки о действиях и событиях. – Оксфорд, 1980.
7. Кроче Б. Эстетика, 1902.
8. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме// Избр. философск. произведения: в 2-х т., Т. 1. – М.: Соцгиз, 1960.
9. Лукач Д. История и классовое сознание, 1923.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия, 1945.
11. Мизес Л. Человеческое действие, 1940.
12. Муньи Э. Персонализм, 1949.
13. Потемкин В.К. Социальное здоровье населения в условиях индустриального развития среды обитания. – СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2009. – 102 с.
14. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – С.-Петербург, Петрополис, 1997, Т. 4., С. 420.
15. Уайтхед А.Н. Прогресс и реальность, 1929.
16. Узнадзе Д. Психологические исследования. – М.: 1966
17. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении людей. – Одесса, 1925.
18. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989.

19. Фромм Э. Психоанализ и религия// Сумерки богов. – М.: 1990.
20. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – М., 1993.
21. Чупина Г.А., Суровцева Е.В. Современное цивилизованное мышление и российский менталитет // Социально-экономический журнал. – 1994, № 10.

### INTEGRATION PROCESSES OF SOCIOLOGICAL, SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND ECONOMIC KNOWLEDGE IN A PERSON'S PROFESSIONAL ACTIVITY

Potemkin V.K.

Saint-Petersburg State Economic University

A person's professional activity is associated with the solution of technical and technological, economic, organizational, social and socio-psychological problems. When assessing the effectiveness of professional activities, as a rule, tools are used to identify the influence of various factors on the involvement of employees in solving socially significant problems. The degree of employee's involvement in solving these problems is determined through the integration of sociological, socio-psychological and economic knowledge.

**Keywords:** professional activity, integration, knowledge: sociological, socio-psychological, economic, meanings, motives, expectations, self-esteem, efficiency, work, goals, communication.

### References

1. Ananiev B. Selected psychological works: in 2 volumes, Vol. 1 / Ed. A.A. Bodaleva, B.F. Lomov. – М.: Pedagogy, 1980.
2. Bunduls J. Individual psychology A. Adler // Questions of psychology. – М., 1982, No. 2.
3. Weber M. "Objectivity" of socio-scientific and socio-political knowledge. – М.: Progress, 1990.
4. Weber M. Economy and society. – М., 1921.
5. Dewey D. Experience and nature. – М.: 1925.
6. Davidson D. Essays on actions and events. – Oxford, 1980.
7. Croce B. Aesthetics, 1902.
8. Locke J. Experience of the human mind // Избр. философских. работ: в 2 томах, vol. 1. – М.: Sotsegiz, 1960.



9. Lukach D. History and class consciousness, 1923.
10. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception, 1945.
11. Mises L. Human Action, 1940.
12. Munyi E. Personalism, 1949.
13. Potemkin V.K. Social health of the population in the conditions of industrial development of the environment. – SPb.: Publishing house Info-Yes, 2009. – 102 p.
14. Reale J., Antiseri D. Western philosophy from the origins to the present day. – St. Petersburg, Petropolis, 1997, T. 4, S. 420.
15. Whitehead A.N. Progress and Reality, 1929.
16. Uznadze D. Psychological research. – M.: 1966
17. Watson J. Psychology as a science of human behavior. – Odessa, 1925.
18. Freud Z. Psychology of the unconscious. – M.: Education, 1989.
19. Fromm E. Psychoanalysis and religion // Twilight of the Gods. – M.: 1990.
20. Horney K. The neurotic personality of our time. – M., 1993.
21. Chupina G.A., Surovtseva E.V. Modern civilized thinking and the Russian mentality // Socio-economic journal. – 1994, No. 10.



# Особенности формирования психологических ресурсов и профессионального благополучия у военнослужащих: социологический анализ

**Хрипунова Светлана Владимировна,**

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления РАНХиГС  
E-mail: domsvh@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности формирования психологических ресурсов и профессионального благополучия у военнослужащих. Выявляются различные параметры уровня профессионального благополучия и психологических ресурсов, а также стратегий совладающего поведения у военнослужащих. Анализируется сравнение основных показателей у военнослужащих офицерского состава, рядовых и сержантов. Исследование было проведено в феврале 2020 года. В исследовании приняли участие 61 военнослужащий личного состава воинской части. Для обработки полученных результатов применялись методы математической статистики, в том числе корреляционный анализ, статистический критерий Ч. Спирмена, Q-критерия Розенбаума. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы о том что, уровень параметров профессионального благополучия выше у офицерского состава, чем у рядовых и сержантов. Значимые различия обнаружены по всем параметрам удовлетворенностью профессиональной деятельностью, по следующим шкалам: условия труда; удовлетворенность взаимоотношениями с сослуживцами; уровень притязаний и достижений в профессиональной деятельности. Также можно отметить, что офицерский состав является наиболее адаптивным к различным изменениям в профессиональной деятельности и жизни, чем рядовые и сержанты. Высокий уровень психологических ресурсов военнослужащих, способствует меньшему проявлению психологической защиты, а также увеличивает уровень профессионального благополучия, соответственно уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью. В результате проведенного анализа была установлена значимая взаимосвязь между показателями профессионального благополучия и психологическими ресурсами военнослужащих.

Результаты могут послужить основой для проведения дальнейших исследований изучения особенностей и влияния психологи-

ческих ресурсов и профессионального благополучия на личность военнослужащих для повышения результативности оперативной боевой подготовки.

**Ключевые слова:** психологические ресурсы, профессиональное благополучие, совладающее поведение, копинг-стратегии, стрессоустойчивость, адаптивность, саморегуляция.

На современном этапе развития общества и в связи с изменяющейся экономической и внешнеполитической обстановкой в мире к Вооруженным Силам Российской Федерации предъявляются высокие требования к мобилизационной готовности, боевому потенциалу, а также к морально-психологической подготовке военнослужащих. Именно морально-психологическая подготовка войск определяет успешность выполнения боевых задач.

Военная служба представляет собой такой вид деятельности, который обусловлен повышенными требованиями к личности, ее физическому и психологическому состоянию. Поэтому военнослужащим необходимо обладать набором индивидуально-личностных характеристик, которые необходимы для выполнения служебных и боевых задач, таких как: высокая активность, устойчивая мотивация к военной службе, способность к саморегуляции, адаптивность, нервно-психологическая устойчивость, стрессоустойчивость. Все перечисленное так или иначе определяет профессиональное благополучие военнослужащих.[3]

Особенно это актуально для военнослужащих, деятельность которых происходит в экстремальных условиях, где наиболее остро встает вопрос преодоления стрессовых ситуаций. Успешность совладания со стрессом не только обуславливает его профессиональное благополучие, но и способствует повышению эффективности профессиональной деятельности военнослужащего.

Психологические ресурсы военнослужащих представляют собой сложную систему, которая объединяет физические, психологические, профессиональные, личностные, материальные параметры, которые обуславливают профессиональное благополучие личности. Для плодотворной профессиональной деятельности военнослужащим необходимо стремиться к увеличению психологических ресурсов, которые, несомненно, будут способствовать их развитию и совершенствованию как

профессионалов. Ресурсы военнослужащих развиваются в процессе их деятельности и связаны с усвоением новых знаний и опыта, актуализируя потенциальные возможности при осуществлении новой деятельности в рамках службы. Также ресурсы могут определять способность действовать в условиях многозадачности, более успешно и более успешно преодолевать стресс, который неизбежен при выполнении боевых задач.[5]

Профессиональное благополучие военнослужащих представляет собой сложный, динамический конструкт, который основан на интеграции эмоционально-волевых и когнитивных процессов, которые характеризуются субъективной самооценкой, например, к себе, к труду, к социальным взаимосвязям, к жизни в целом. А также обладает большой мотивационной силой, которая обуславливает активность индивида к поиску и управлению внешними и внутренними объектами.

Главными функциями профессионального благополучия у военнослужащих являются адаптационная и поведенческая. Адаптационная функция отвечает за регуляцию внутреннего самоотношения и взаимодействие с внешним миром, а также управляет когнитивными процессами, которые обеспечивают адаптацию личности в социуме. Поведенческая функция заключается в выборе стратегий поведения и в зависимости от этого определяет направленность личности, что обеспечивает творческое движение личности в сторону определения внешних условий, необходимых для удовлетворения высших потребностей и приведения всей системы в равновесие.

У военнослужащих, имеющих высокий уровень профессионального благополучия, наблюдается активная жизненная позиция, перспектива развития, которая связана с профессиональной карьерой и общим стремлением к саморазвитию личности. Если уровень профессионального благополучия не высокий, то можно отметить сниженную адаптивность к трудностям



военной службы, недостаточным уровнем личностных ресурсов, которые оказывают влияние на морально-боевую подготовку и эффективность жизнедеятельности в целом.[10]

В исследовании приняли участие 61 военнослужащий войсковой части (Астраханская область, РФ). В соответствии с процедурой, выборку на всех этапах исследования составляли респонденты, являющиеся офицерами и военнослужащими (рядовые, сержанты) на контрактной основе данной войсковой части. Основными требованиями был возраст от 25 до 45 лет. В исследовании приняли участие 6 женщин и 55 мужчин.

Для исследования психологических ресурсов и профессионального благополучия военнослужащих использовались следующие методики: «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Н. Водопьянова, М. Штейн), К. Рифф «Шкалы психологического благополучия» (адаптация Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко), Р. Лазарус «Копинг-стратегии (адаптация Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтык), Р. Плутчик, Х. Келлерман, Х.Р. Конте «Индекс жизненного стиля» (адаптация В.Г. Каменской, Р.М. Грановской), С. Норманн

«Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптация Т.А. Крюковой), А.В. Батаршев «Методика определения интегральной удовлетворенности трудом». Для обработки полученных результатов применялись методы математической статистики, в том числе корреляционный анализ, статистический критерий Ч. Спирмена, Q-критерия Розенбаума. Для математико-статистической обработки использовалась программа SPSS 23.0. Выбор методик был обусловлен смысловым содержанием измеряемых показателей.

Выборка исследования была разделена на две группы. В первую группу вошли рядовые и сержанты (контрактники), в количестве 31 человек; во вторую группу вошли офицеры, в количестве 30 человек.

Всего в исследовании приняли участие 61 военнослужащий в возрасте от 25 до 45 лет, из них 55 мужчин, что составляет 91,7% всей выборки, и 6 женщин – 8,3%. Также в рамках биографической части анкетирования, выделялись характеристики военнослужащих по следующим параметрам: образование, вероисповедание и семейное положение (табл. 1).

Таблица 1. Результаты анкетирования военнослужащих двух групп

Группы	Образование			Вероисповедание			Семейное положение	
	высшее	среднее специальное	среднее	христианство	ислам	атеизм	Замужем/ Женат	Не замужем/ Холост
Рядовые и сержанты	0%	64%	36%	65%	25%	10%	85%	15%
Офицерский состав	100%	0%	0%	70%	10%	20%	90%	10%

В результате проведенного анализа были выявлены статистически значимые различия между всеми критериями профессионального благополучия у военнослужащих офицерского состава и младшего военного состава (рядовыми и сержантами) на уровнях значимости  $p \leq 0,05$  и  $p \leq 0,01$ .

Уровень параметров профессионального благополучия выше у офи-

церского состава, чем у рядовых и сержантов. В процессе осуществления деятельности у офицеров в большей мере создаются условия для успешной профессиональной самореализации и карьерного роста, обеспечивающие не только материальную независимость, но и самктуализацию личности. У рядовых и сержантов оценки профессионального благополучия существен-

но ниже, что может сказаться на эффективности их военной службы.

Офицеры более адаптивны к различным изменениям в профессиональной деятельности и жизни, чем рядовые и сержанты. Они обладают необходимыми ресурсами для достижения целей и преодоления трудных ситуаций, имеют комфортное эмоциональное состояние, демонстрируют более высокий уровень внутреннего контроля, проявляют инициативность и самостоятельность в решении боевых задач.

Установлена положительная корреляционная связь профессионального благополучия военнослужащих со следующими показателями психологических характеристик военнослужащих: «Удовлетворенность достижениями в работе» ( $r = 0,301$ ;  $p = 0,05$ ); «Уровень притязаний в профессиональной деятельности» ( $r = 0,289$ ;  $p = 0,05$ ); «Удовлетворенность условиями труда» ( $r = 0,286$ ;  $p = 0,05$ ); «Контроль» ( $r = 0,345$ ;  $p = 0,01$ ); «Принятие риска» ( $r = 0,262$ ;  $p = 0,05$ ).

Таким образом, можно утверждать о том, что уровень развития психологических ресурсов военнослужащих влияет на их профессиональное благополучие.

В результате проведенного анализа были выявлены следующие показатели, касающиеся копинг-стратегий поведения военнослужащих. Можно отметить тот факт, что военнослужащие для решения проблем используют как конструктивные способы совладания, направленные на планирование решения проблемы, поиски использования социальной поддержки, беря на себя ответственность за ее решение, так и неконструктивные, препятствующие преодолению трудных жизненных ситуаций.

Как показало исследование, 26% общего количества военнослужащих (контрактников) используют неконструктивные защитно-компенсаторные механизмы в совладании со стрессом, однако эти показатели отличаются от показателей (11%), которые демонстрируют офицеры.

Таким образом, офицеры наиболее ресурсны к различным измене-

ниям в профессиональной деятельности и жизни, чем рядовые и сержанты. Они обладают необходимыми ресурсами для достижения целей и преодоления трудных ситуаций, для них характерно комфортное эмоциональное состояние, проявляют инициативность и самостоятельность в решении боевых задач.

Можно отметить тот факт, что результаты исследования могут быть применены для разработки социально-психологических программ по повышению профессионального благополучия военнослужащих в рамках работы с личным составом военных психологов.

Полученные результаты намечают направление и задачи для дальнейшего исследования, так как проблема изучения влияния на профессиональное благополучие военнослужащих описываемых детерминант, относится к числу актуальных задач.

В целом исследование профессионального благополучия военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации позволит своевременно определять уровень профессионального благополучия и личностных психологических ресурсов, что положительно скажется на результатах оперативно-боевой подготовки как отдельного военнослужащего, так и в целом всего подразделения.

### Литература

1. Березин, Ф.Б. Психическая адаптация и тревога / Ф.Б. Березин. // Психология мотивации и эмоций: учебное пособие / Под общ. ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. – М.: ЧеРо: Омега-Л: МПСИ, 2006. – С. 350–357;
2. Бочарова Е.Е. К вопросу о внутренних детерминантах субъективного благополучия личности // Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского. –2008. –№ 10. – С. 226–231.
3. Весна, Е.Б. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: монография/ Е.Б. Весна, О.С. Ширяева –



- Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2018. – 246 с.
4. Водопьянова, Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.;
  5. Волкова, Н.С. Психологическое сопровождение военнослужащих при выполнении воинской обязанности в Российской Федерации/ Н.С. Волкова // Научное обозрение. Медицинские науки. – 2016. – № 3. – С. 27–31
  6. Воронина, А.В. Проблема психологического здоровья и благополучие человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа/ А.В. Воронина // Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 3 – С. 142–145.
  7. Василюк, Д.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) /Д.Е.Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
  8. Караяни, А.Г. Военная психология в 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для вузов/ А.Г. Караяни. – М.: Юрайт, 2016. – 280 с.
  9. Комарова, Е.Н. Специфика самореализации личности в различных сферах жизнедеятельности с разными уровнями самоактуализации и субъективного благополучия/ Комарова Е.Н.// Известия Саратовского университета. – 2015. –Т. 4. –№ 2 (14). – С. 152–155.
  10. Шевеленкова Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования)/ Т.Д.Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика – 2015. – № 3. – С. 95–129.

**FEATURES OF THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL RESOURCES AND PROFESSIONAL WELL-BEING IN MILITARY PERSONNEL: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

**Khripunova S.V.**

Volograd Institute of Management RANEPА

The article discusses the features of the formation of psychological resources and professional well-being of military personnel. Various param-

eters of the level of professional well-being and psychological resources, as well as coping behavior strategies in military personnel are identified. The comparison of the main indicators of military officers, privates and sergeants is analyzed. The study was conducted in February 2020. 61 military personnel of the military unit took part in the study. To process the results obtained, methods of mathematical statistics were used, including correlation analysis, the statistical criterion of Charles Spearman, the Q-criterion of Rosenbaum. The conducted research allowed us to draw the following conclusions, that the level of parameters of professional well-being is higher among officers than among privates and sergeants. Significant differences were found in all parameters of satisfaction with professional activity, especially on the following scales: working conditions; satisfaction with relationships with colleagues; the level of claims and achievements in professional activity.

It can also be noted that the officers are the most adaptable to various changes in professional activity and life than privates and sergeants. A high level of psychological resources of military personnel contributes to a lesser manifestation of psychological protection, and also increases the level of professional well-being, respectively, the level of satisfaction with professional activity. As a result of the analysis, a significant relationship was established between the indicators of professional well-being and the psychological resources of military personnel.

The results can serve as a basis for further research on the study of the characteristics and influence of psychological resources and professional well-being on the personality of military personnel to improve the effectiveness of operational and combat training.

**Keywords:** psychological resources, professional well-being, coping behavior, coping strategies, stress tolerance, adaptability, self-regulation.

**References**

1. Berezin, F.B. Mental adaptation and anxiety / F.B. Berezin. // Psychology of Motivation and Emotions: textbook / Under the general editorship of Yu.B. Gippenreiter, M.V. Falikman. – М.: Chero: Omega-L: MPSI, 2006. – pp. 350–357;
2. Bocharova E.E. On the question of internal determinants of subjective well-being of the individual // Izvestiya PGPU named after V.G. Belinsky. 20082008.№ No.10. – pp. 226–231.



3. Vesna, E.B. Psychological well-being of the individual in extreme conditions of life: monograph / E.B. Vesna, O.S. Shiryayeva Пет Petropavlovsk-Kamchatsky: KamSU im. Vitus Bering, 2018. 246 p.
4. Vodopyanova, N.E. Psychodiagnostics of stress / N.E. Vodopyanova. – St. Petersburg: Peter, 2009. – 336 p.
5. Volkova, N.S. Psychological support of military personnel when performing military duty in the Russian Federation/ N.S. Volkova // Scientific Review. Medical sciences. – 2016. – No. 3. – pp. 27–31
6. Voronina, A.V. The problem of psychological health and human well-being: a review of concepts and experience of structural-level analysis / A.V. Voronina // Siberian Psychological Journal. – 2005. – No.3 – pp.142–145.
7. Vasilyuk, D.E. Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations) / D.E. Vasilyuk. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1984. – 200 p.
8. Karayani, A.G. Military psychology in 2 hours Part 2: textbook and workshop for higher education/ A.G. Karayani. M. Moscow: Yurayt, 2016. 280 p.
9. Komarova, There is.N. The specifics of personal self-realization in various spheres of life, with different levels of self-actualization and subjective well-being/ Komarova Is.N.// Notifications of Saratov University. 2015. I'm going after Ti. 4. № 2 (14). Pp. 152–155.
10. Shevelenkova T.D. Psychological well-being of the individual (review of concepts and research methodology)/T.D.Shevelenkova, P.P. Fesenko //Psychological diagnostics – 2015. – No. 3. – pp. 95–129.



# Качество трудовой жизни как фактор социального благополучия молодежи в системе образования

**Шкляева Надежда Анатольевна,**

к.и.н., доцент кафедры социально-экономического образования и философии, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»  
E-mail: gordnamer@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования качества трудовой жизни молодежи, работающей в системе образования. Рассматривается субъективное ощущение социального благополучия, аргументируется негативное влияние качества трудовой жизни на социальное благополучие молодежи, работающей в системе образования. В исследовании принимала участие молодежь в возрасте от 23 до 35 лет, работающая в системе образования. Запрос на исследование связан с поиском моделей привлечения и удержания в системе образования молодежи. Задача покрытия дефицита педагогических кадров в системе образования стоит остро в настоящее время. Выпускники, поработав по специальности уходят из образования в другие отрасли. Основными показателями, снижающими ощущение социального благополучия, являются низкий статус профессии учителя, низкая заработная плата, высокая напряженность и интенсивность труда, включенность в профессиональную деятельность за пределами рабочего дня, что ведет к преждевременному профессиональному выгоранию.

**Ключевые слова:** качество трудовой жизни, социальное благополучие молодежи, исследование, социологический опрос, фокус группа, результаты исследования, показатели качества трудовой жизни, влияние качества трудовой жизни на социальное благополучие, напряженность и интенсивность труда, оплата труда, выводы.

## Введение: постановка проблемы

Исследование социального благополучия молодежи сохраняет свою актуальность. Запрос на исследования объясняется рядом факторов. Уровень социального благополучия молодежи прямо или косвенно влияет на устойчивость государства. Желая расшатать его устойчивость определенная часть заинтересованных лиц, пытается создать и обуздать протестные движения, при этом эксплуатирует, в том числе потребность молодежи в социальном благополучии. Характер проявления социального благополучия молодежи во многом определяется условиями социально-экономического развития, политической ситуации в стране. В научных исследованиях рассматриваются различные аспекты социального благополучия населения в целом, так и отдельных категорий граждан, в том числе молодежи [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9].

Рассмотрим определение понятия «благополучие» в Академическом «Словаре русского языка» По мнению авторов «благополучный» – это «сопровожаемый успехом, удачный», «живущий вполне спокойно, без каких-либо неприятностей», находящийся в состоянии благополучия» [4, с. 94]. Социальное благополучие авторы определяют как предоставление социальных услуг. «Социальное благополучие – это высшая социальная ценность, социальный идеал, область социальной оптимальности с которой связаны жизненно важные интересы человечества» [3, с. 20].

В исследованиях социального благополучия, как правило, используются прежде всего объективные показатели его состояния: реальные доходы, условия жизни, покупательная способность, наличие и доступность образования, медицинского обслуживания, сферы услуг и т.д. Таким образом, следует признать, что социальное благополучие во многом зависит от качества жизни населения, в том числе и молодежи.



Исследователи последние годы уделяют внимание не только общим статистическим показателям, но и оценке ощущения субъективного благополучия. Следует отметить, что в интересах власти, как в субъектах Российской Федерации, так и в муниципальных образованиях, получать информацию о субъективном восприятии социального благополучия молодежи. Так как существенное влияние на общее ощущение субъектом своего социального благополучия влияет состояние личного благополучия, благополучия семьи, удовлетворенность качеством трудовой жизни, безопасностью и комфортом среды проживания в конкретном населенном пункте, на конкретной территории. Получая информацию о социальном благополучии населения, в том числе молодежи, органы управления субъектами Российской Федерации, в том органы управления муниципальными образованиями имеют возможность корректировать программы социально-экономического развития территориями.

Молодежь как социальная группа является достаточно дифференцированной общностью, предметом нашего исследования является молодежь, работающая в системе образования. Выбор определяется перманентным дефицитом кадров, потребностью региона в поиске моделей привлечения и закрепления молодых специалистов в отрасли образования ХМАО-ЮГРЫ.

Развитие образования в целом зависит от пополнения системы кадровым составом. Дефицит кадров наблюдается практически во всех субъектах Российской Федерации. Исследование влияния качества трудовой жизни на выбор системы образования как места работы также определяется потенциальными возможностями отрасли создать условия труда, обеспечивающие ощущение молодежи социально-го благополучия.

Объектом нашего анализа в данной статье является работающая в системе образования ХМАО-ЮГРЫ молодежь. Основная группа респондентов молодые учителя в возрасте от 23 до 35 лет.

Предметом исследования выступает влияние качества трудовой жизни работающей в системе образования молодежи на их социальное благополучие.

### **Методология, методика и эмпирическая база**

В процессе исследования следует ответить на вопросы, касающиеся общих характеристик социального благополучия работающей в образовании молодежи.

Какой уровень заработной платы, предлагает система образования при трудоустройстве молодых специалистов в учреждения образования?

Какие параметры трудовой жизни влияют на качество трудовой жизни?

Удовлетворена ли молодежь, работающая в образовании качеством трудовой жизни?

Как качество трудовой жизни влияет на ощущение благополучия молодежи, работающей в образовании?

Поставленные вопросы, по нашему мнению, позволят организовать поиск ответов для создания модели привлечения и закрепления молодежи в системе образования.

Под социальным благополучием молодежи в данной статье мы будем понимать состояние материального, социального и психологического статуса молодежи, работающей в системе образования ХМАО-ЮГРЫ. Важной характеристикой социального благополучия является удовлетворение базовой потребности индивида в безопасности. Респонденты называют важные составляющие социальной безопасности, а именно: уровень заработной платы, возможность приобрести собственное жилье или улучшить уже имеющиеся жилищные условия, доступность медицинских услуг, возможность качественного отдыха (предполагается выезд на море, получение санаторно-курортного оздоровления в процессе отдыха), возможность повышения квалификации и профессионального развития.

Средняя заработная плата составляет в ХМАО-Югре 86303 рублей,

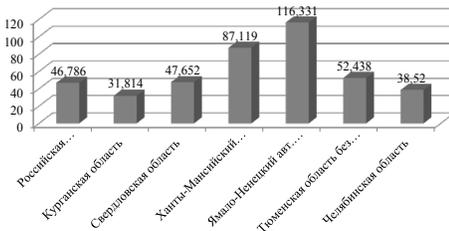


а в образовании по данным за период с января по июнь 2021 года в муниципальных образовательных организациях средняя заработная плата составила 87119 рублей, что выше в среднем в отраслях промышленности.

Исследование проводилось на примере системы образования города Сургут, одного из крупных муниципальных образований ХМАО-Югры, насчитывающем население 380 632 человека. В общеобразовательных и дошкольных образовательных учреждениях Сургута работает 3240 и 2379 педагогов соответственно. Ещё 95 работают в учреждениях дополнительного образования.

Система образования Сургута отражает все основные тенденции, присущие системе образования ХМАО-Югры.

В контексте данной работы проанализирована заработная плата в образовании Уральского Федерального Округа (рис. 1).



**Рис. 1.** Средняя заработная плата педагогических работников образовательных организаций общего образования государственной и муниципальной форм собственности Уральского ФО

Для проведения исследования разработана анкета с десятибалльной шкалой, позволяющая оценить качество трудовой жизни, основываясь на ответах респондентов, работающих в образовании.

Анкета содержит вопросы с выбором из 5 возможных уровней удовлетворённости. Оценка ответов происходит следующим образом:

Вопросы 1 модуля нейтральные уточняющие характеристики респондентов.

Вопросы 2 модуля позволяют определить удовлетворённость условиями труда.

Вопросы 3 модуля направлены на выявление интенсивности и напряжённости.

Вопросы 4 модуля определяют удовлетворённость материальным благополучием.

Вопросы 5 модуля изучают удовлетворённость взаимоотношениями с коллегами и администрацией.

Вопросы 6 модуля направлены на анализ удовлетворённости возможностью самореализации и карьерного роста.

В исследовании приняли участие 160 человек, из которых 90 мужчины и 70 женщины, что в процентном соотношении составляет 43,8% мужчин, 56,2% женщин

Последним вопросом в ознакомительном блоке является семейное положение участников исследования. 39,3% респондентов замужем, 32,5% женаты, 16,9 не замужем, 11,3% холосты.

Второй модуль опроса полностью посвящён условиям труда.

Для подтверждения или опровержения результатов исследования применен метод фокус-группы. Проведено четыре фокус-группы с магистрантами (по 10 человек в каждой), обучающимися в БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

## Результаты исследования

Предметом исследования является качество трудовой жизни молодежи, работающей в системе образования ХМАО-Югры и его влияние на социальное благополучие молодежи. В данном исследовании принимала участие молодежь в возрасте от 23 до 35 лет. Запрос на исследование связан с поиском моделей привлечения и удержания в системе образования молодежи. Задача покрытия дефицита педагогических кадров в системе образования стоит остро, рассмотрим некоторые вакансии, иллюстрирующие острую проблему (рис. 2).

На рисунке 2 представлены наиболее востребованные учителя в отрасли Образование / Наука. На момент исследования, количество вакансий составляло 103 учителя. Уровень предлагае-

мой средней заработной платы по указанным вакансиям, существенно отличается от средних показателей по отрасли образование (рис. 3).



Рис. 2. Рейтинг востребованности профессий в отрасли «Образование / Наука в Сургуте» в 2021 году

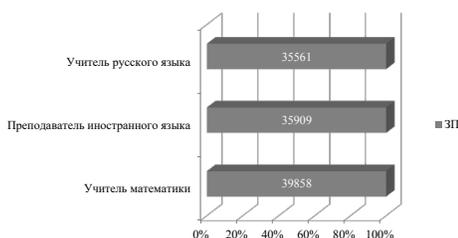


Рис. 3. Зарплатная плата по востребованным вакансиям

Анализ подтверждает наличие кадрового дефицита, который ежегодно покрывается за счет дополнительной загрузки работающих учителей. Показатели средней заработной платы, отражаемые в статистической отчетности, как правило, отражают зарплату на 1,5, а то и две ставки. Становится правилом ведение учителями дефицитных направлений по 70 часов учебной нагрузки.

Таким образом, уровень предлагаемой зарплаты на ставку для молодых учителей более чем в два с половиной раза ниже средней заработной платы в образовании. Нужно уточнить, что средний уровень заработной платы складывается исходя из различных показателей, том числе и квалификации, опыта работы. Так учитель в начале своей карьеры проигрывает в зарплате, по сравнению с опытным педагогом. Для повышения квалификации требуется систематическое обучение, про-

хождение периодической аттестации на квалификационную категорию.

Удовлетворённость оборудованием рабочего места представлена на рисунке 4.

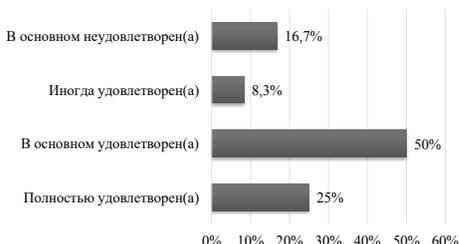


Рис. 4. Удовлетворённость оборудованием рабочего места

Исследование удовлетворенности оснащением рабочего места проводилось в период дистанционного образования в условиях противоковидных ограничений. Высокий уровень удовлетворенности объясняется принятыми администрациями школ мерами, для обеспечения доступности образования, оснащения рабочих места преподавателей, для организации обучения в режиме дистанционного образования, были решены проблемы с доступом в интернет.

Исследование удовлетворённости распорядком работы и нагрузкой показало, что 50% респондентов в основном удовлетворены существующим распорядком и нагрузкой в течение дня. 33% – полностью удовлетворены, оставшиеся 17% – либо удовлетворены иногда, либо абсолютно не удовлетворены.

Респонденты отметили недостаточное финансировании сопутствующих канцелярских товаров и других материалов для обучения. Преподаватели вынуждены покупать их за свой счет, для обеспечения наглядности учебного процесса. Респонденты (16,7%) так же отметили, что для обеспечения канцелярскими товарами обращаются к помощи родителей. Только 41,7% респондентов считают, что администрация должным образом обеспечивает работу учителя канцелярскими и иными материалами, что составляет меньше половины опро-

шенных. Все это подтверждает недостаточное оснащение канцелярскими и иными материалами, сопровождающими учебный процесс.

Оснащение рабочего места различается и не имеет общих стандартов. В целом модуль качество рабочего места можно оценить как «в основном удовлетворяющий» требованиям учителя. Но, к сожалению, остаются образовательные организации, в которых удовлетворенность рабочим местом очень низкая.

Далее представлен анализ модуля посвящённого интенсивности и напряженности, режима труда и отдыха.

На рисунке 5 представлены ответы респондентов, об уровне удовлетворенности временем на отдых.

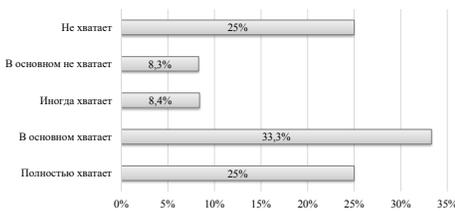


Рис. 5. Удовлетворенности сном и отдыхом

Респонденты (25%) отмечают недостаток сна и отдыха, 8,3% ощущают дефицит сна и отдыха, 25% обращают внимание на нарушение трудовых норм. Нарушение норм труда проявляется в переработках, в неоплачиваемой работе в выходные дни, постоянную включенность в рабочий процесс за пределами рабочего дня. Респонденты отмечают ежедневную работу за пределами рабочего дня по проверке тетрадей, подготовке к урокам, общению с родителями обучающихся и обучающимися.



Рис. 6. Возможность восстановления после трудового дня

На рисунке 6 представлены ответы респондентов, на возможность восстановления после трудового дня.

Таким образом, только 48,9% участников опроса имеют возможность совмещать работу и отдых, набраться сил и восстановиться. 34% считают, что абсолютно нет возможности восстановиться. 12,8% утверждают, что в их образовательной организации заставляют работать на износ. 4,3% утверждают, что ощущают профессиональное выгорание.

На рисунке 7 отражена интенсивность труда респондентов.

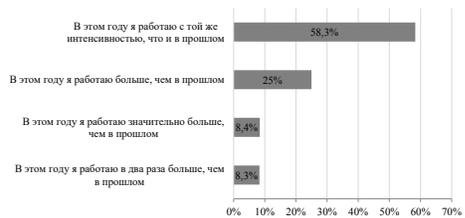


Рис. 7. Интенсивность труда респондентов

Данный вопрос, направлен на оценку субъективных ощущений благополучия респондентов. Первый вариант ответа 58,3% также свидетельствует о высокой интенсивности. Подтверждает перманентную напряженность, испытываемую респондентами в процессе труда. Интенсивность и напряженность труда подтверждается и наличием системных переработок, которые не оплачиваются.

Рисунок 8 демонстрирует присутствие переработки в трудовой жизни респондентов.

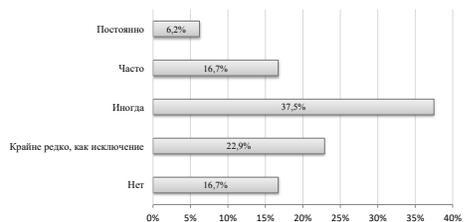


Рис. 8. Неоплачиваемая переработка

Четвёртый модуль при анкетировании полностью посвящён оценке ощущения материального благосостояния.

На рисунке 9 представлены ответы респондентов по удовлетворённости заработной платой.

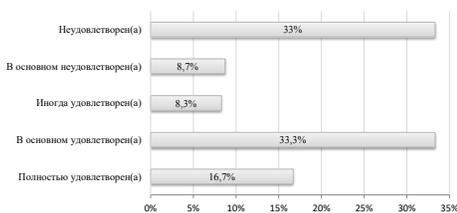


Рис. 9. Удовлетворённость заработной платой

Полностью удовлетворены заработной платой лишь 16,7% респондентов, 33,3% в основном удовлетворены, редко удовлетворены 8,3%, часто не удовлетворены 8,7%, 33% абсолютно неудовлетворены. Таким образом 41,7% респондентов не удовлетворены заработной платой.

Результаты удовлетворённости условиями жизни представлены на рисунке 10.

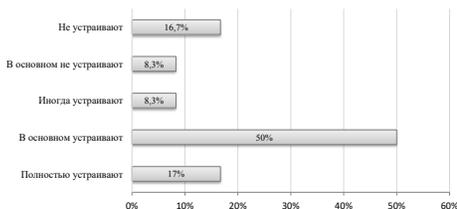


Рис. 10. Удовлетворённость условиями жизни

В основном устраивают условия жизни половину опрошенных (50%), 16,7% абсолютно удовлетворены, 8,3% материальные условия устраивают иногда; 8,3% чаще не устраивают, 16,7 – совершенно не устраивают.

Качество трудовой жизни нельзя рассматривать без удовлетворенности человека своими измерениями повседневной жизни, сравнивая со своей идеальной жизнью. Оценка качества жизни зависит от системы ценностей человека и культурной среды, в которой он живет. Поэтому не возможно иметь высокий уровень трудовой жизни при плохой повседневной жизни. Рисунок 11 отражает удовлетворённость работников сферы образования своими жилищными условиями.

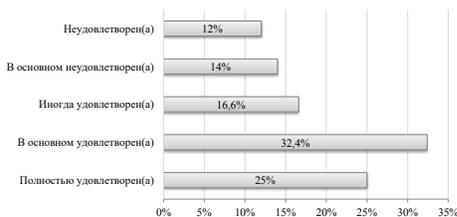


Рис. 11. Удовлетворённость жилищными условиями

В основном удовлетворены своими жилищными условиями 32,4% респондентов, полностью удовлетворены 25%, не удовлетворены – 40%. Результаты удовлетворённости жилищными условиями соотносятся с показателями удовлетворённости заработной платы, что не удивительно, ведь отчасти данные показатели взаимосвязаны, как правило неудовлетворённые оплатой труда, действительно получают в среднем меньше, чем представляет статистика в регионе, что не позволяет улучшать жилищные условия.

Большее половины респондентов (58,3%) считают свою заработную плату средней, 16,7% высокой, 16,7% низкой, и оставшиеся 8,3% очень низкой.

Большинство оценили свою заработную плату, как среднюю. При этом, молодые учителя считают средней заработную плату в пределах 54–64 тысяч рублей, что значительно ниже средних статистических показателей по отрасли образования в ХМАО-Югре (рис. 12).

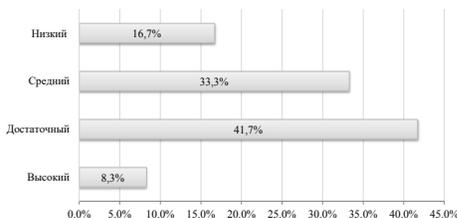


Рис. 12. Уровень социального благополучия респондентов

Стоит отметить, что ни один респондент не указал, что уровень его социального благополучия очень высокий, в то время, как 16,7% определяют его низким.

Далее представлены результаты ответов респондентов по модулю 6.



Некоторые респонденты не видят перспективы в самореализации на занимаемой должности (25,5%) склоняются к ответу «не совсем», 8,3% – «нет»), но половина опрошенных указывают на то, что есть возможность проявления своих профессиональных качеств (50%), по мнению 16,7% возможность скорее есть, чем нет.

На вопрос о степени активности повышения квалификации и стремления к карьерному росту 58,3% респондентов ответили «да», 25% – скорее да, 16,7% нет совсем, что говорит о недостаточной заинтересованности. Таким образом, более 58% молодежи выражают желание повышать квалификацию и мотивацию к карьерному росту.

При этом респонденты указывают тенденцию повышения квалификации за счет собственных средств педагога, повышение квалификации под давлением. Та часть респондентов, которая не видит целесообразности в повышении квалификации и развитии, рассматривает возможность ухода из отрасли образования в другие. Так бывшие учителя работают в культуре, социальной сфере, в СМИ, отрывают собственное дело в системе дополнительного образования. Отмечается также тенденция отказа от аттестации на высшую квалификационную категорию, так как процедура аттестации усложняется, а надбавка к заработной плате несоизмерима с затратами.

Результаты опроса подтверждены в четырех фокус группах, проведенных с магистрантами, обучающихся в БУ «Сургутский государственный педагогический университет». Магистранты (60%) в возрасте от 23 до 35 лет, обучающиеся в магистратуре отмечают разочарование в профессии учителя. Отмечают высокую напряженность и интенсивность труда. Все магистранты работают с учебной нагрузкой выше одной ставки, имеют классное руководство. Средняя заработная плата магистрантов, участвовавших в фокус-группах 57 тысяч рублей. При этом 80% не имеет методических дней, проводит на работе не менее 8 часов ежедневно.

## Выводы

Уровень социального благополучия молодежи, работающей в системе образования зависит от заработной платы, обеспечивающей рост материального благосостояния. Молодые специалисты вынуждены перерабатывать в ущерб собственному здоровью. Систематические перегрузки ведут к профессиональному выгоранию.

Результаты проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

- Качество трудовой жизни оказывает существенное влияние на ощущение социального благополучия молодежи, работающей в образовании.
- Респонденты отметили средний уровень социального благополучия, но, тем не менее, выделили существенные проблемы, значительно понижающие субъективные ощущения благополучия.
- На снижение уровня социального благополучия оказывает существенное влияние низкий уровень оплаты труда на ставку молодого специалиста (учителя), предлагаемая ставка в два с половиной раза ниже, чем средняя по отрасли.
- Высокий уровень напряженности и интенсивности труда, включенность в рабочий процесс за пределами рабочего дня повышают риск преждевременного профессионального выгорания.
- Наличие переработок, которые не оплачиваются, снижают мотивацию к труду.
- Выявлены проблемы в обеспечении учебного процесса канцелярскими принадлежностями и другими сопутствующими материалами, необходимость приобретения их за счет собственных средств или средств родителей.

## Литература

1. Гоффе Н.В., Мунусова Г.А. Социальное благополучие: восприятие реалий// Южно-российский



- журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 21–36. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-21-36> 2
2. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2. С. 118–127.
  3. Петренко М.С., Дукарт С.А. Критерии социального благополучия: универсализм и проблемы социокультурного измерения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 3(34). С. 79–87. DOI 10.18799/26584956/2019/3(34)/977
  4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньева. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 702с.
  5. СмOLEVA Е.О. Счастье и деньги: материальные аспекты субъективного благополучия // Проблемы развития территории. 2020. № 3(107). С. 144–166. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10
  6. Сушко П.Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48–62. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>
  7. Черныш М.Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>
  8. Lawler, E. E., III.: 1975, 'Measuring the psychological quality of working life: The why and how of it', in L.E. Davis and A.B. Cherno (eds.), *The Quality of Working Life*, Vol. 1 (Free Press, New York), pp. 123–133
  9. Seashore, S. E.: 1975, 'Defining and measuring the quality of working life', in L.E. Davis and A.B. Cherno (eds.), *The Quality of Working Life* (Free Press, New York), pp. 105–118

## QUALITY OF WORKING LIFE AS A FACTOR OF SOCIAL WELL-BEING OF YOUTH WORKING IN THE EDUCATION SYSTEM

Shklyayeva N.A.

Surgut State Pedagogical University

The article presents the results of a study of the quality of working life of young people working in the education system. The subjective feeling of social well-being is considered, the negative impact of the quality of working life on the social well-being of young people working in the education system is argued. The main indicators that reduce the feeling of social well-being are the low status of the teaching profession, low wages, high tension and intensity of work, involvement in professional activities outside the working day, which leads to premature professional burnout

**Keyword:** quality of working life. Social well-being of youth. Study. Questioning. Focus group. Research results. Indicators of the quality of working life. The impact of the quality of working life on social well-being. Intensity and intensity of labor. Salary. Conclusions. Recommendations.

### References

1. Goffe N.V., Monusova G.A. Social well-being: perception of realities // *South-Russian journal of social sciences*. 2018. T. 19. No. 3. pp. 21–36. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-21-36> 2
2. Kuchenkova A.V. Social well-being and subjective well-being: the ratio of concepts and methods of measurement // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*. 2016. No. 2. P. 118–127.
3. Petrenko M.S., Dukart S.A. Social welfare criteria: universalism and problems of sociocultural dimension // *Vectors of welfare: economy and society*. 2019. No. 3 (34). S. 79–87. DOI 10.18799 / 26584956/2019/3 (34) / 977
4. *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / ed. A.P. Evgeniev. T. 1. M.: Russian language, 1985. 702 s.*
5. Smoleva E.O. Happiness and money: material aspects of subjective well-being // *Problems of territory development*. 2020. No. 3 (107). S. 144–166. DOI: 10.15838 / ptd.2020.3.107.10



6. Sushko P.E. Happiness and social well-being in the assessments of Russians: the problem of differentiating concepts // *Sociological Science and Social Practice*. 2020. Vol. 8. No. 1. Pp. 48–62. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>
7. Chernysh M.F. Factors Affecting the Experience of Happiness in Russian Society // *Sociological Science and Social Practice*. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>
8. Lawler, E. E., III.: 1975, 'Measuring the psychological quality of working life: The why and how of it', in L.E. Davis and A.B. Cherns (eds.). *The Quality of Working Life*, Vol. 1 (Free Press, New York), pp. 123–133.
9. Seashore, S. E. : 1975, 'Defining and measuring the quality of working life', in L.E. Davis and A.B. Cherns (eds.), *The Quality of Working Life* (Free Press, New York), pp. 105–118.

## Социологическая диагностика социальных рисков потребительского кредитования российской молодежи: вопросы методики и организации

**Штепа Сергей Евгеньевич,**

аспирант Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации  
E-mail: seshtepa@fa.ru

В статье рассмотрены методические и организационно-технологические вопросы проведения социологических исследований различных рисков потребительского кредитования. Показана специфика деятельности социолога по выделению в целях отграничения предметно-объектной области исследования социальных рисков из их общего перечня. Представлен авторский подход к описанию методики социологического исследования социальных рисков, как отдельного вида рискологического анализа социально-экономических явлений и процессов. Охарактеризованы программные, ресурсные, инструментальные, организационно-исследовательские, аналитические компоненты методики. На основе опыта проведения авторского социологического исследования представлены примеры реализации предложенных подходов, приведены качественные и количественные характеристики актуальных социальных рисков потребительского кредитования российской молодежи и их динамики с момента принятия законодательства в области микрофинансирования и потребительского кредитования.

**Ключевые слова:** социальные риски, экономическая социология, социологическая диагностика, исследование, потребительское кредитование, российская молодежь, методика, организация исследований, вероятность рисков, рискологический анализ.

### Введение

Развитие финансово-экономических институтов современной рыночной экономики в Российской Федерации сопряжено с возникновением вызовов, опасностей, угроз и рисков для потребителей финансовых услуг, что может негативно сказаться не только на финансово-экономической сфере общества, но и на статусе, социальных настроениях и социальном поведением отдельных страт, наиболее уязвимой из которых в силу недостатка жизненного опыта является молодежь.

Экономическая социология, как частная теория, в этих условиях способна насытить систему государственного и социального управления процессом устойчивого социально-экономического развития страны необходимым методическим инструментарием ранней социологической диагностики рисков потребительского кредитования, описать социальные группы молодежи, которые наиболее чувствительны и слабо защищены от латентных опасностей займа финансовых средств в банках, даже если и на самых выгодных на первый взгляд условий. Это позволит повысить эффективность регулирования возникающих проблем на ранней стадии, купировать развитие неблагоприятных процессов, а значит обеспечить дополнительные условия для принятия органами власти своевременных, рациональных и обоснованных решений в сфере полномочий по реализации государственной экономической политики и политики в области обеспечения экономической безопасности.

### Литературный обзор

Проблематика развития методического арсенала экономической социологии для исследования рискологических аспектов функционирования финансовых ин-

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации*



ституты и складывающих финансово-экономических отношений в области потребительского кредитования входит в тематику нескольких групп источников.

Прежде всего, это работы, где вопросы рисков потребительского кредитования выносятся в объектно-предметную область проведенного их авторами научных исследований и формулирования выводов из социальной практики [1; 13].

Имеются работы, в которых содержится характеристика используемых для оценки рисков потребительского кредитования математико-статистических, проектных и иных методов в интересах управления рисками [7; 9].

Весьма важными для раскрытия заявленной темы являются работы, в котором производится анализ рисков потребительского кредитования как в целом населения, так и отдельных социальных страт [8; 12].

В общем объеме работ, исследующих риски потребительского кредитования, выделяются публикации, которые рассматривают факторы и условия их детерминации, что является ценным для выработки и обоснования мер минимизации этих рисков [2; 4; 5].

Охарактеризованные и другие научные работы, введенные в широкий научный оборот, создают определенную базу для рассмотрения и развития дополнительных проблем развития методики и совершенствования системы организации социологической диагностики социальных рисков потребительского кредитования.

### Теория и методы

Под методикой социологического исследования социально-экономических рисков совокупность объединенных в единую диагностическую технологию методов определения целей и предметно-объектной области изучения вероятностей наступления негативных событий в развитии составляющих эту область явления и процессы, средств и способов сбора первичных данных, обработки и анализа этих данных, а также от-

четных материалов и их представления заказчику.

При различных подходах к описанию социологических исследовательских методик, представляется, что достаточно релевантным является выделение ее компонентов в рамках общего алгоритма социологического исследования, а именно с выделением компонентов: 1) целевого рыночного; 2) программного инструментального; 3) организационного; 4) аналитического; 5) презентационного отчетного.

По своему предмету исследование социальных рисков потребительского кредитования молодежи относится к одному из видов рискологического анализа, под которым понимается выделение и последующее изучение вероятностей наступления неблагоприятных последствий для статуса, социальных характеристик и деформации установок представителями молодежной социальной страты – потребителей финансовых услуг в форме получения денежных средств для личных нужд.

Для более четкого определения границ исследования методических проблем изучения социальных рисков потребительского кредитования в нашей стране важно соотнести их с созданием в 2010–2013 гг. соответствующей нормативно-правовой основы для функционирования этого финансово-экономического института [10; 11].

В практических аспектах проблематика статьи раскрыта с использованием результатов авторского социологического исследования «Социальные риски – 21» (руководитель – Штепа С.Е., научный руководитель – профессор Разов П.В., д.с.н., доцент), в ходе которого опрошено 417 респондентов в возрасте 18–35 лет (ошибка выборки –  $\Delta=0,05\%$ , при  $\alpha=0,05$ ), а также проведен опрос 67 экспертов, объединенных в 3 группы – работники финансовых учреждений, специалистов государственных контролирующих структур, профессорско-преподавательский состав вузов (уровень согласованности мнений экспертов –  $W=0,84$ ), что обеспечивает необходимую достоверность

выводов проведенной исследовательской работы.

### Анализ результатов, основные результаты

В соответствии с научной традицией в общем виде методика отвечает на вопросы: что изучается, как изучается, в каком контексте изучается. В силу этого вполне закономерным является включения в статью описание научного дискурса рискологических аспектов потребительского кредитования, представ-

ленного в научных работах, содержащихся в наиболее представительном отечественном ресурсе – информационно-аналитическом портале в области науки, технологии, медицины и образования – научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU [6].

В результате контент-анализа выявлены количественные параметры публикаций, раскрывающих различные аспекты рисков потребительского кредитования, которые представлены на рисунке 1.

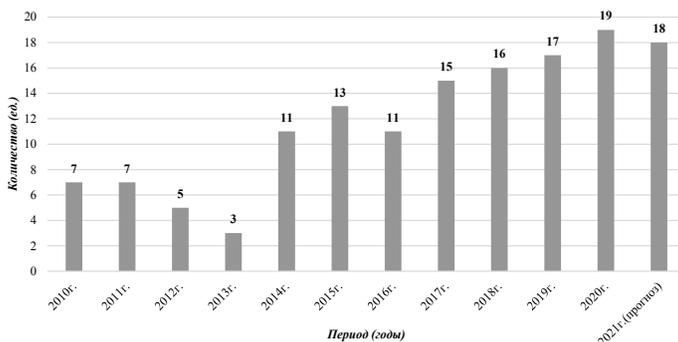


Рис. 1. Динамика публикаций по проблеме рисков потребительского кредитования по материалам eLIBRARY.RU за 2010–2021гг (по материалам собственного исследования)

Как свидетельствуют полученные данные, после принятия законов, регламентирующих функционирование института потребительского кредитования, а также расширение условий для использования гражданами данного вида финансовых услуг интерес к рискологическим аспектам этого феномена достаточно стабилен.

Важным в рамках раскрытия методических подходов указать на возможности социологического описания публикационной активности на основе родовых и видовых связей понятийно-категориального аппарата описания социальных рисков потребительского кредитования. Так, для заявленной темы родовым понятием является «кредитование» (8388 публикаций), видовым понятием «потребительское кредитование» (1728 публикаций), конкретным понятием «риски потребительского кредитования» (142 публикации) в рассматриваемый период.

Масштаб рискологических исследований, соответственно, характеризуется следующей долей в общем научном дискурсе: на уровне родового (наиболее общего понятия) – 1,69%, на видовом уровне (понятия частного уровня) – 8,22%. Это позволяет сделать вывод о том, что рискологические аспекты феноменов потребительского кредитования носят преимущественно характер указания на дополнительные параметры их функциональности. Иными словами, рискологический анализ может быть применен к любому компоненту финансово-экономического института потребительского кредитования, а значит имеет существенно большую представленность в научном дискурсе описания финансовых институтов.

В целях сбора первичных данных о социальных рисках потребительского кредитования в методике представлены традиционные количественные средства их фиксации – опрос, эксперт-



ные оценки, а также методы сбора качественных данных – фокус-группы, глубинное интервью, проективные методики – «метод открытых вопросов», «метод незаконченных предложений» и другие.

Одновременно, авторский подход заключается в том, что современные социально-экономические явления и процессы в ходе рискологического анализа целесообразно дополнить методами анализа, которые становятся доступными для исследования Big Data с помощью информационно-коммуникационных технологий и программно-аппаратных средств, в которых относятся нормирование, интегрирование, индексный метод, социальная типизация, рандомизация уровней значений.

Наиболее характерным для описания социальных рисков в этом плане является описание молодежных социальных типов на основе группировки таких параметров субъектов потребления заемных финансовых средств, как их «риск-опыт» и «риск-восприятие», что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Социальные типы потребителей услуг потребительского кредитования (на основе собственного исследования)

Социальные типы потребителей кредитных услуг на личные нужды из числа молодежи	Риск-опыт (есть/нет)	Риск-восприятие (есть/нет)	Доля в общей выборке
Тип № 1 – социально зрелые потребители услуг	Есть	Есть	10,20
Тип № 2 – склонные к рискованной социальной активности	Есть	Нет	53,74
Тип № 3 – прагматические	Нет	Есть	3,40
Тип № 4 – социально не включенные в систему потребительского кредитования	Нет	Нет	32,65

Как показывает рискологический анализ с помощью выделенных социальных типов, наиболее рациональ-

ных, более защищенных от рисков типы (первый и третий) составляют меньшинство, что отражено на рисунке 2.

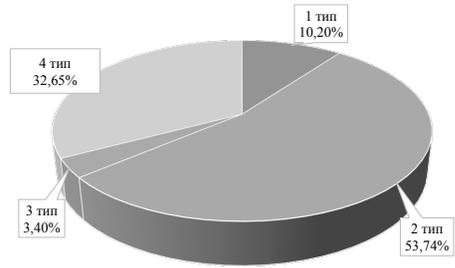


Рис. 2. Социальная типизация молодежи – потребителей финансовых услуг в форме займов на личные нужды (по результатам собственного исследования)

Выделение социальных типов позволяет более адресно строить кредитную политику банковских учреждений, а также вносить коррективы в регуляторные меры государственных органов для профилактики и снижения социальных рисков в финансово-экономической сфере среди отдельных групп населения, с обязательным выделением группы молодых потребителей, которые будут реализовывать свой потенциал, как заемщиков средств на личные нужды в перспективе, что важно учитывать в прогнозировании процессов социально-экономического развития страны.

Введение в методику такого параметра, как «социальный тип в соответствии с рискологическими характеристиками», позволяет ввести в методику возможности проведения некоторых видов факторного анализа социальных рисков потребительского поведения на основе регрессионного, детерминанционного, корреляционного анализа и статистики Хи-квадрат [3], что отражено в таблице 2.

На основе данных корреляционного анализа можно выявить факторы, существенные для следующих рискологических параметров:

- социальных типов потребительского кредитования в рамках рискологического анализа: «пол» (логически определяемая направленность свя-

зи, исходя их кодировки: «0» – женский пол, «1» – мужской пол; «частота использования Интернета для получения информации» (прямая

связь); «риск-опыт ознакомления с фейковой информации в Интернете» (прямая связь);

Таблица 2. Корреляционные связи рискологических и иных характеристик молодежи в части получения потребительских кредитов (на основе собственного исследования)

	Пол	Регион	Лидерские качества	Частота использования Интернета для получения информации	Риск-опыт ознакомления с фейковой информации в Интернете
Тип	-,163*	-,051	,108	,250**	,204*
Риск-опыт	-,021	,022	-,241**	,074	,144
Риск-восприятие	,156	,040	-,020	-,253**	-,234**

\*\* Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

\* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

- параметра «наличие риск-опыта займа финансовых средств на личные нужды» молодого человека: «наличие лидерских качеств у респондента» (отрицательная связь);
- параметра «риск-восприятие займа финансовых средств на личные нужды» молодежи: «частота использования Интернета для получения информации» (отрицательная связь); «риск-опыт ознакомления с фейковой информации в Интернете» (отрицательная связь);

Одновременно достаточно информативным является и отсутствие значимых корреляций рискологических параметров с регионом постоянного проживания респондента, что может быть проинтерпретировано как проявление социальных рисков потребительского кредитования во всей стране, во всех регионах и федеральных округах. Это, соответственно, позволяет характеризовать феномен «социальный риск потребительского кредитования молодежи» как универсальный (общесоциальный).

Организация рискологического исследования потребительского кредитования российской молодежи предполагает экспертную оценку вероятности реализации социальных рисков (оценка в нормированных единицах от «0» вероятность отсутствует, до «1» вероят-

ность, соответствующая уверенности, гарантированности реализации риска), перечень которых выявляется путем контент-анализа источниковой базы и изучения результатов использования качественных методов, а также ответственности негативных последствий (оценка в нормированных значениях от максимально возможного: от «0» – негативные последствия минимальны, до «1» – максимально возможные последствия, соответствующие социальной дисфункции социума, института, социальной общности, личности). Эти экспертные оценки позволяют выявить интегративный показатель «уровень потенциала угроз, связанных с социальным риском», что отражено в таблице 3.

Как свидетельствуют данные, существует ненулевая вероятность реализации социальных рисков потребительского кредитования, которая, однако с точки зрения потенциала угроз в силу возможного негативного воздействия на разных уровнях социального взаимодействия не столь существенна и может быть нейтрализована своевременными и эффективными мерами государственного регулирования финансово-экономической сферы и развитием системы информирования населения и повышения финансовой грамотности молодежи.



Таблица 3. Потенциал угроз социальных рисков потребительского кредитования российской молодежи (по результатам авторского социологического исследования)

	Вероятность реализации риска	Уровень возможных негативных последствий	Уровень потенциала угроз, связанных с социальным риском
<b>Социальные риски социетального уровня</b>			
Возникновение массовых социальных протестов	0,24	0,42	0,1008
Снижение доверие к органам власти	0,16	0,41	0,0656
Снижение правосознания у граждан, как добросовестных субъектов финансово-экономических отношений	0,38	0,47	0,1786
<b>Социальные риски институционального уровня</b>			
Снижение доходности финансовых услуг потребительского кредитования	0,10	0,14	0,0140
Снижение доверия к банковской системе	0,18	0,13	0,0234
Увеличение недобросовестных финансовых практик в сфере потребительского кредитования	0,86	0,44	0,3784
Увеличение социальной маргинальной страты	0,21	0,08	0,0168
<b>Социальные риски конкретно-социального уровня</b>			
Появление деструктивных социальных лидеров в молодежной среде	0,65	0,36	0,2340
Формирование сообществ негативной направленности по отношению к институтам социума и финансовым организациям	0,43	0,47	0,2021
<b>Социальные риски личного уровня</b>			
Потеря (снижение) личного социального статуса	0,11	0,15	0,0165
Ограничение уровня удовлетворения потребностей	0,09	0,32	0,0288
Формирование установок деструктивного поведения	0,17	0,22	0,0374

## Заключение/Выводы

Таким образом, развитие методических и организационно-технологических основы социологической диагностики рисков является необходимым условием насыщения современной экономической социологии арсеналом современных средств выявления качественных и количественных параметров социальных рисков функционирования финансово-экономических институтов, что особенно важно для оценки рациональности экономического поведения российской

молодежи по получению потребительских кредитов, так как молодежная стра-та может свои ошибки в использовании финансовых средств трансформировать в деструктивное поведение, стать негативным фактором в обеспечении социально-экономической стабильности общества, что недопустимо.

## Литература

1. Беляева С.В., Шихалиева Д.С. Риск потребительского кредитования в России: теоретический аспект / В книге: Теоретико-методологичес-

- кие подходы и практические результаты социально-экономических и междисциплинарных научных исследований. Алексеева Н.А., Аникин Д.В., Беляева С.В., Буримов Н.И., Валл К.П., Валюлина Е.В., Воеводина С.С., Елисеева Е.В., Ерохин В.В., Захаров В.В., Захарова Н.И., Звягинцева Е.П., Зуб А.Т., Карбанович О.В., Карпов Э.С., Карпова Е.Г., Киприянов Ф.А., Кузьмина Б.С., Лупядова Л.Ю., Лызарь О.Г. и др. Самара, 2017. С. 122–134.
2. Геронина Н.Р., Овсянникова В.И., Черновский С.М. Актуальные задачи развития потребительского кредитования и факторы снижения кредитного риска / В сборнике: proceedings of articles the international scientific conference. 2016. С. 121–129.
  3. Кибакин М.В. Социальная диагностика рисков в информационно-телекоммуникационной сети интернет: сочетание современных технологий и традиционных методов // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2019. № 1 (26). С. 130–138.
  4. Купрюшина И.Н. Факторы, влияющие на риски при потребительском кредитовании // Экономика и социум. 2017. № 1–1 (32). С. 1053–1057.0
  5. Лисиченко Д.В. Основные факторы кредитного риска при потребительском кредитовании: мошенничество и социальный дефолт // Финансы и кредит. 2008. № 2 (290). С. 69–73.
  6. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. Официальный сайт. Электронный ресурс: [https://www.elibrary.ru]: Дата обращения – 14 апреля 2021 г.
  7. Селюков В.К. Риск кредиту сотоварищ применение методов проверки статистических гипотез в процессе управления рисками при потребительском кредитовании // Российское предпринимательство. 2003. № 12. С. 66–70.
  8. Семернина Ю.В., Дудина Е.С., Блюдинов С.А. Современная архитектура рисков потребительского кредитования населения // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. 2020. № 5. С. 181–186.
  9. Сулейманова Р.Р., Саяхов А.Э.В. Управление банковскими рисками с использованием риск-профиля проекта потребительского кредитования // Экономика и социум. 2012. № 2 (2). С. 382–384.
  10. Федеральный закон от 2 июля 2010 г. N151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» / Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. N27 ст. 3435.
  11. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. N353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» / Собрание законодательства Российской Федерации от 23 декабря 2013 г. N51 ст. 6673.
  12. Шелестов Ю.Ю. Потребительское кредитование населения и возрастание рисков невозврата / В сборнике: Теоретические и прикладные вопросы науки и образования. сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 16 частях. 2015. С. 143–146.
  13. Эзрох Ю.С. О некоторых финансово-экономических и социальных аспектах взаимодействия страховых компаний и банков при минимизации рисков потребительского кредитования / В сборнике: Современное состояние и перспективы развития рынка страхования. Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко Дню страховщика. 2017. С. 173–177.

**SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS OF SOCIAL RISKS OF CONSUMER LENDING TO RUSSIAN YOUTH: QUESTIONS OF METHODOLOGY AND ORGANIZATION**

Shtepa S.E.  
Financial University under the Government of the Russian Federation



The article deals with methodological and organizational and technological issues of conducting sociological research on various risks of consumer lending. The article shows the specifics of the sociologist's activity in order to distinguish the subject-object area of the study of social risks from their general list. The author's approach to the description of the methodology of sociological research of social risks as a separate type of risk analysis of socio-economic phenomena and processes is presented. The program, resource, instrumental, organizational-research, analytical components of the methodology are characterized. Based on the experience of the author's sociological research, examples of the implementation of the proposed approaches are presented, qualitative and quantitative characteristics of the current social risks of consumer lending to Russian youth and their dynamics since the adoption of legislation in the field of microfinance and consumer lending are given.

**Keywords:** social risks, economic sociology, sociological diagnostics, research, consumer lending, Russian youth, methodology, organization of research, probability of risks, risk analysis.

**References**

1. Belyaeva S.V., Shikhalieva D.S. The risk of consumer lending in Russia: a theoretical aspect / In the book: Theoretical and methodological approaches and practical results of socio-economic and interdisciplinary scientific research. Alekseeva N.A., Anikin D.V., Belyaeva S.V., Burimov N.I., Wall K.P., Valulina E.V., Voevodina S.S., Eliseeva E.V., Erokhin V.V., Zakharov V.V., Zakharova N.I., Zvyagintseva E.P., Zub A.T., Karbanovich O.V., Karpov E.S., Karpova E.G., Kipriyanov F.A., Kuzmina B.S., Lupoyadova L. Yu., Lyzar O.G., etc. Samara, 2017. pp. 122–134.
2. Geronina N.R., Ovsyannikova V.I., Chernovsky S.M. Actual problems of consumer lending development and factors of credit risk reduction / In the collection: proceedings of articles the international scientific conference. 2016. pp. 121–129.
3. Kibakin M.V. Social diagnostics of risks in the Internet information and telecommunication network: combination of modern technologies and traditional methods // *Innovati-*

- ka i expertize: scientific works. 2019. No. 1 (26). pp. 130–138.
4. Kupryushina I.N. Factors influencing risks in consumer lending // *Economy and society*. 2017. No. 1–1 (32). pp. 1053–1057. 0
5. Lisichenko D.V. The main factors of credit risk in consumer lending: fraud and social default // *Finance and credit*. 2008. No. 2 (290). pp. 69–73.
6. Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. Official website. Electronic resource: [https://www.elibrary.ru]: Accessed April 14, 2021.
7. Selyukov V.K. Risk to credit partner application of statistical hypothesis testing methods in the process of risk management in consumer lending // *Russian entrepreneurship*. 2003. No. 12. pp. 66–70.
8. Semernina Yu.V., Dudina E.S., Saucers S.A. Modern risk architecture of consumer lending to the population // *Mathematical and computer modeling in economics, insurance and risk management*. 2020. No. 5. pp. 181–186.
9. Suleymanova R.R., Sayakhov A.E.V. Bank risk management using the risk profile of the consumer lending project // *Economy and society*. 2012. № 2 (2). P. 382–384.
10. Federal law dated July 2, 2010 No. 151-FZ "On microfinance activities and microfinance organizations" / meeting of the legislation of the Russian Federation of July 5, 2010 N27 St. 3435.
11. Federal law of December 21, 2013 No. 353-FZ "On consumer credit (loan)" / meeting of the legislation of the Russian Federation of December 23, 2013, N51 St. 6673.
12. Shelestov Yu. Yu. Consumer lending to the population and the increasing risks of non-repayment / In the collection: Theoretical and applied issues of science and education. collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference: in 16 parts. 2015. pp. 143–146.
13. Ezrokh Yu.S. On some financial, economic and social aspects of interaction between insurance companies and banks while minimizing the risks of consumer lending / In the collection: The current state and prospects for the development of the insurance market. Materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the Day of the Insurer. 2017. pp. 173–177.



## Постгендерная антропология: квир и транс

**Воронина Ольга Александровна,**

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН

E-mail: Olga-voronina777@yandex.ru

Основная цель заключается в сопоставлении гендерной и постгендерных концепций. Достижениями первой стали деконструкция биодетерминистского обоснования гендерной иерархии и обоснование необходимости изменения социальных институтов и культурных норм для достижения гендерного равенства. В перформативной концепции пол и гендер понимаются как дискурсивные понятия, созданные в рамках традиционных эпистемологических парадигм. Отрицается значение пола для создания гендерной идентичности. Утверждается, что она формируется при помощи перформансов, цель которых – принудительное поддержание гетеросексуальной гендерной матрицы. В квир/транс концепциях отвергается бинарность гетеро/гомо и утверждается право индивидов на свободный выбор половой и/или гендерной идентичности. Автор приходит к выводу, что конструктивистская гендерная теория привела к более глубокому пониманию человека и общества, способствовала утверждению политики гендерного равенства. В рамках постгендерных подходов (перформативного, квир и транс) гендер интерпретируется как маркер сексуальной ориентации. Квир настаивают на радикальной деструкции бинарной гендерной матрицы посредством *личного* выбора «плавающей ненормативной идентичности». Эта радикальная позиция разрушает возможность социальных и политических преобразований для достижения равенства прав всех групп населения.

**Ключевые слова:** пол, гендер, (де)конструктивизм, перформативная теория, дискурс, квир, трансгендер, идентичность, культура отмены, общество.

В самом общем смысле базовые постулаты теории социального конструирования гендера можно сформулировать следующим образом: *разделение* понятий пол/гендер и отказ от биодетерминистского обоснования социальных различий между женщинами и мужчинами. При этом «классическая» гендерная теория конца XX в. не оспаривает существование биологических различий между ними, но деконструирует процесс построения традиционной социальной иерархии на их основе. Гендер понимается как сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий между женщинами и мужчинами. Этот подход опирается на представление о *дуальности* половой природы людей и, соответственно, описывает через деконструкцию процесс создания *бинарной* гендерной иерархии. В центре внимания исследователей оказываются социальные механизмы и культурные нормы, участвующие в создании гендерной системы, а также процессы формирования гендерной идентичности индивидов через усвоение и воспроизводство. Библиография книг и статей за последние годы заняла бы не одну страницу. К концу XX в. такого рода гендерный подход активно использовался во всех социальных и гуманитарных дисциплинах. Совместные усилия феминисток, гендерных теоретиков и демократических движений привели к тому, что принцип гендерного равенства вошел в базовые ценности современного общества. Реконструкции подверглись законы, социальные нормы и культурные традиции. Проблематика гендерного равенства акцептирована международным сообществом, во многих странах были созданы Национальные механизмы гендерного равенства, то есть система государственных институций, задачей которых было проведение этого принципа в жизнь общества.



### Перформативная концепция гендера

Развитие этого концепта связано с работами Дж. Батлера, хотя имплицитно идея перформативности уже содержится в работе Уэст и Зиммермана, где они отмечают, что гендер *делается* самими индивидами в процессе ежедневной жизни. Иными словами, гендер является не только социальным конструктом, но и результатом представления (перформанса) индивидом усвоенных социальных и культурных норм.

В отличие от конструктивистской методологии Дж. Батлер отказывается от дифференциации понятий пол и гендер на том основании, что само представление об анатомии является результатом интерпретаций в рамках определенных эпистемологических парадигм. Вслед за М. Фуко Дж. Батлер утверждает, что тело и гендер не существуют вне культурного дискурса — здесь, разумеется речь идет не о материальном теле, а о его культурной концептуализации в рамках европейского стиля мышления: «не только не существует причинно-следственной связи между полом и гендером, но само слово “пол” является неправильным употреблением термина, и биологическая действительность, которую мы называем полом, сама есть исторический конструкт и политическая категория» [1, с. 302]. «Природа», утверждает она, недоступна нам в «чистом» виде, и ее понимание возможно лишь через знание, которое само является продуктом социальных институтов и властного дискурса. По мнению Батлер, анатомия тела подвергается специфической культурной интерпретации, которая утверждает неразрывность связи между анатомическим полом, гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией, формируя таким образом нормативную бинарную матрицу «принудительной гетеросексуальности». В этой матрице «идентичность» перестает быть имманентной индивидуальному человеческому опыту, и выступает как нормативный идеал, как продукт определенных политических практик, которые

на случайной основе учреждают необходимый для достижения той или иной цели тип идентичности [2, с. 318–319]. Человек, — пишет Дж. Батлер, — не становится воплощением определенного гендера путем свободного, ничем не ограниченного выбора, так как гендерная идентичность управляется определенным набором строгих табу, условностей и законов [1, с. 296]. По ее мнению, любая гендерная идентичность, как и сама «норма», не существуют вне перформативных актов, при этом понятия перформативность / перформанс (*performativity / performance*) она понимает, как регламентирующие и регулирующие действия [2, с. 318], которые поддерживают гетеросексуальную гендерную идентичность и структуры власти.

Возникновение перформативной концепции гендера связано с несколькими обстоятельствами. Это, во-первых, переориентация социальной науки с изучения структуры на изучение деятельности (*agency*). Во-вторых, лингвистический поворот в философии, социологии и антропологии, который означал переосмысление социальных практик (в том числе, так называемых *новых сексуальностей*) с точки зрения символических форм, в которые они облечены. «Перформанс и перформативность становятся новыми ключевыми понятиями культуры», констатирует аналитик-культуролог Дорис Бахман-Медик. Если категория текста связана с пониманием и интерпретацией смыслов, то при перформативном подходе поднимается вопрос о том, *какие действия создают культурные значения*: «смыслообразующая сила человеческих действий» вновь оказывается в поле зрения [3, с. 129]. Помимо этого, вместе с развитием процессов глобализации отмечается кризис идентичности.

Плюрализм идентичностей, сексуальных ориентаций, социальных практик, жизненных стилей — это характерная черта общества постмодерна, в котором люди формируются в социальном и культурном отношении как искатели и коллекционеры чувственного опыта,



а не как производители и солдаты, отмечал З. Бауман. Мужчинам и женщинам эпохи постмодернити не требуется тщательного проектирования своей идентичности, более ценным качеством становится *гибкость*: все компоненты должны быть легкими и мобильными, так чтобы их можно было мгновенно перегруппировать; не следует допускать слишком прочных, мешающих свободе движения связей между компонентами. Прочность, как и постоянство в целом, теперь считаются признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру. Гендерная и половая идентичность, сексуальные ориентации личности, как и другие ее аспекты, не считаются в массовой культуре *данными* раз и навсегда, они должны быть *выбраны* и могут быть отвергнуты, если не устраивают индивида. До эпохи постмодерна и глобализации идентичность формировалась в значительной степени на основе происхождения, расовой, религиозной принадлежности, национального единства. Теперь очевиден скорее разлом, переход, пересечение, трансформация, мозаичность. Переключение с идентичности на различие заставило по-новому взглянуть на формирование культурной идентичности как на артикуляцию различий [3, с. 243]. В современном мире из-за массовой миграции, информационной открытости и глобальной циркуляции культурных знаков и символов дихотомическая картина мира и старые способы построения идентичности разрушены.

### Постгендер: квир

Принятие в современном мире идеи разнообразия культур, ценностей и традиций обусловило и признание возможности «мозаичной или множественной» гендерной идентичности. Представление о некоторой размытости биологических различий между мужчинами и женщинами существует давно, но в разных культурах этот вопрос решался неодинаково. Раньше людям с затруднениями в определении своей гендерной идентичности предлагалось три варианта:

насильственное приписывание гендера на основании видимых половых признаков в соответствии с бинарной матрицей; социальный остракизм и/или отнесение к «мутантам»; формальное (через обряды инициации) приписывание к той гендерной группе, которую они предпочитали в противоположность своей биологии – либо отнесение к специальным гендерным ролям.

Сегодня вместе с развитием ценности разнообразия общество более лояльно относится к людям с гендерной дисфорией и к тому, что они отвергают нормативную гендерную идентичность и сами выбирают ту, которая им нравится. В связи с этим социальная сеть Facebook несколько лет назад ввела для пользователей англоязычной версии в США возможность выбора в профиле не менее 58 вариантов самоназваний и самоидентичностей. Список включает все варианты, которые можно было обнаружить в сети на тот момент (2014 г.) – от традиционных мужчины, женщина, до малопонятных «неопределившийся» и «всеполюй». Частично категории пересекаются и дублируются – например, термины «genderqueer» и «non-binary» оба используются для обозначения людей, отвергающих существование дихотомии полов [5]. Однако некоторые люди, испытывающие дискомфорт от гендерной дисфории, прибегают к помощи медицины и биотехнологий, для приведения своего тела в соответствие с испытываемой ими гендерной идентичностью. Таким образом, помимо женщин и мужчин (как бы ни понимались их роли), стали появляться люди с другими половыми и/или гендерными статусами. По оценке Williams Institute, в США насчитывается 700 000 трансгендерных индивидуумов, и, по оценке американской организации Human Rights Campaign (HRC), примерно 10% из них при заполнении графы «социальный пол» в различных анкетах пишут трансгендер. Иногда еще уточняют – из мужчины в женщину или из женщины в мужчину [14]. По приблизительным оценкам, в мире численность трансгендерных людей и других



гендерных меньшинств приблизительно составляет примерно 0,3–0,5% населения (25 миллионов) [5]. ООН в 2018 г. включила в перечень базовых (критически необходимых) прав человека свободный доступ к операциям по смене пола [6;7].

Публичное признание в современном мире прав людей с гендерной идентичностью, выпадающей из бинарной матрицы, привело к появлению термина квир (queer – буквально протипоставленный правилам, вопреки нормам, странный). Первоначально квир использовался геями и лесбиянками для позитивного самообозначения. Теперь его все чаще применяют как зонтичное понятие для всех небинарных гендерных идентичностей и/или сексуальных ориентаций – лесбиян, гей, бисексуал, трангендер, квир, интерсексуал, асексуал (ЛГБТКИА). Как внутри этого условного объединения, так и в исследовательской среде нет однозначного определения терминов, а также представлений о том, какие политические и культурные стратегии следует использовать для признания прав ЛГБТКИА. Политическое движение разнородно, поскольку включает представителей разных небинарных идентичностей с их нередко противоречивыми представлениями о своих и чужих правах. Более того, между ними идут бурные дискуссии и даже идеологический «войны», описание которых я оставляю за рамками своей статьи. Меня гораздо больше интересуют квир теория и квир исследования (queer studies), которые как правило развивают исследователи и преподаватели с квир идентичностью [8, с. 15]. Это в немалой степени связано с принятой в современной социальной науке практикой предоставления голоса самим исследуемым, включения их эмпирического опыта в научные концепты.

Как и политическое движение, квир теория не имеет единой, систематической, концептуальной или методологической основы. Она представляет собой ряд интеллектуальных подходов к рассмотрению соотношения пола,

гендера и сексуального желания. Общими для них являются использование некоторых идей философии М. Фуко, Дж. Батлер и ряда других постмодернистов. Так, идея Фуко о том, что любое знание (в том числе и о наших телах) социально сконструировано, приводит его к выводу, что сексуальность является не природным и имманентным человеку, а дискурсивным феноменом, одним из элементов власти.

Батлер полагает, что квир- и трансгендерный проекты способствуют разоблачению искусственной и ограничивающей идеологии гетеронормативности, которая сводит целый спектр гендерных проявлений к жесткой дихотомии женского и мужского полов и стигматизирует неконвенциональные проявления гендера и сексуальности [9]. Квир стратегия, утверждают её адепты, может выступать «как инструментом анализа, так и эстетическим и/или политическим механизмом деконструктивистского смыслопроизводства, которое направлено на вскрытие и дестабилизацию иерархий, основанных и легитимизируемых господствующей гендерной и сексуальной политикой» [10, с. 16]. Именно поэтому квир отвергают бинарность гетеро/гомо и выступают за признание сексуального плюрализма. Некоторые теоретики квир идут еще дальше, отрицая не только нормативную гетеросексуальность, но и гомосексуальность. Таким образом в квир теории оспаривается конструкция любой стабильной идентичности, а также основанные на ней типы солидарности. Концепт квир, утверждает один из его теоретиков, предполагает новые, более пластичные и значительно менее жестко структурированные идентификационные модели гетеронормативности и признает идею пластичной сексуальности, проблематизируя очевидность самого концепта гомосексуальности как такового [11, с. 110]. В квир теории идентичность постулируется как условный, случайный феномен, формирующийся под давлением господствующего дискурса и поддерживающий существующий социальный порядок [11,



с. 114]. Оценивая устойчивые бинарные оппозиции мужчина/женщина, гетеросексуал/гомосексуал, белый/цветной как признаки различных форм социального и культурного угнетения, квир предлагают не «возвышение уязвимого элемента» каждой пары, а скорее разрушение дихотомии как таковой. Адепты квир проекта определяют свою стратегию как «деконструктивистскую фигуру нестабильности, текучести и вариативности, «косого», децентрирующего взгляда на структуры общества и его властные отношения» [10]. Иными словами, в квир теории предлагается радикальная деконструкция идентичности [12].

Однако такой культурный и социальный проект оказывается сталкивается с внутренними противоречиями. Дело в том, что немислимые ранее пластичность, мозаичность и возможность не только выбора, но и частой смены идентичности нередко вызывают у некоторых людей ощущение нестабильности и неуверенности. Как правило, людям необходимо позиционировать себя в качестве «кого-то». Процесс построения самоидентичности выглядит как «вложение своего “я”» в существующие гендерные, расовые, этнические и прочие матрицы. Иными словами, самоидентификация связана с названием и помещением себя в социально сконструированные, культурно занормированные категории [13]. И это значительно упрощает жизнь даже в случае причисления себя к ненормативной гендерной группе. Отсюда и возникает идея устойчивой идентичности себя как гея или лесби или асексуала, но не принятие всех их попеременно. Помимо этого, следует отметить явный конфликт между квир теорией с ее особым отношением к человеческой сексуальности и главной целью, которую преследуют активисты ЛГБТ, – равноправием на уровне законодательства. Именно поэтому некоторая часть ЛГБТ сообщества использовало политику идентичности для достижения своих политических целей. Так, активисты ЛГБТ-движения в борьбе за равнопра-

вие позаимствовали стратегию у общегражданского движения за права. Они переняли «этническую» модель, которая была особенно пригодна в американской политической и правовой системах, где некоторые группы меньшинств защищены законом [14, с. 158]. Решение дилеммы между принятием эссенциалистской политики идентичности и квир проектом некоторым видится в «стратегическом использовании позитивистского эссенциализма в политических целях» для обретения прав [15, с. 214].

### Постгендер: транс

Прежде всего следует отметить, что определение трансгендерности довольно проблематично. Для того, чтобы уйти от негативных коннотаций и медиализации этого феномена, активисты, и исследователи используют для обозначения этих новых идентичностей несколько разных терминов – квиргендерность, интерсексуальность, трансгендерность. Как уже отмечалось, квир обозначает свободный выбор индивидом своей поло-гендерной идентичности вне бинарной гетеронормативной матрицы, но без необходимости изменения телесной половой организации. Интерсексуальность – это природный феномен, при котором люди рождаются со смешанным (мужским и женским) набором телесных половых атрибутов. Часть людей может не замечать этого, а другие, наоборот, испытывать физиологические и психологические проблемы. В этом случае чаще всего люди прибегают к операции по приведению пола к одному из вариантов бинарной матрицы. Трансгендерность – это несовпадение гендерной идентичности индивида с зарегистрированным при рождении полом, чаще всего имеет форму самоидентификации с гендером, противоположным зарегистрированному полу. Иногда встречаются случаи неопределенности, существования между (вне) бинарной гендерной матрицы.

В отличие от квир, трансгендеры пока не создали своей собственной теории идентичности. Они активно опираются на первоформативную и квир



концепции. При этом немалая часть интерсексуалов и трансгендеров уделяет большое внимание именно биологической составляющей идентичности. Дело в том, что нормативный габитус и соответствующие бинарной матрице телесные маркеры являются значимыми элементами коммуникации. Не каждый индивид может внутренне принять противоречие между своим телом и гендером и каждый день по многу раз встречать общественное противодействие. Именно поэтому многие считают телесные модификации (гормонотерапию, пластические и хирургические операции по феминизации/маскулинизации) настолько же значимыми для достижения желаемой гендерной идентичности, как и соблюдение социальных и культурных атрибутов новой идентичности. Тот факт, что трансгендерные люди преодолевают множество препятствий, таких как психиатрические комиссии, общение с зачастую не очень дружелюбно настроенными чиновниками из разных инстанций и врачами, оплата отнюдь не дешевых справок и операций, подтверждает, что, когда *мы говорим о гендере, тело всё-таки имеет значение*.

В целом надо отметить, что для транс сообщества, как, наверное, ни для одной другой альтернативной культуры современности, характерны значительные противоречия. С одной стороны, оспаривание и даже призыв к разрушению бинарной гендерной матрицы в перформативной и квир теориях сталкивается в практике жизни ЛГБТК со стремлением части этого сообщества *встроиться в традиционную бинарную гендерную систему*: стать М или Ж., оформить брак в соответствии с законом, иметь права на усыновление/удочерение детей, на использования биотехнологий для рождения детей в гомосексуальных браках. И это по-человечески понятно: трудно постоянно бросать вызов обществу и испытывать дисгармонию в отношениях с миром. С другой стороны, происходит радикализация транс-движения, которое вступает в битвы не только с агрессивными

трансфобными взглядами, но с теми концепциями, которые фактически способствовали самой возможности либерализации сексуальных норм и сделали возможным появление квир и трансгендерной проблематики в публичном пространстве.

Основная «битва» между квир, с одной стороны, и теоретиками феминизма и гендерного конструктивизма, с другой, идет по линии того, как оценивать пол и его роль в формировании гендерной идентичности. В одном из своих последних интервью Дж. Батлер утверждает, что «единой концепции гендера не существует, а гендерные исследования – это сложная и внутренне разнообразная область, включающая широкий круг ученых». Но далее она пишет, что эти ученые рассматривают, какое значение *имеет отказ от пола, приписанного при рождении* (выделено мною – О.В.), для социальной организации нашего мира включая вопросы работы и любви [16]. Как видим, Батлер относит к гендерным исследованиям только квир концепцию, называя «фашизмом» ее критику или неприятие. Она считает, что настало время для антифашисткой солидарности и призывает «гендерно-критичных феминисток» вступать в коалицию. Это, честно говоря, трудно сочетается с изобретением ярлыков типа TERF (trans-exclusionary radical feminist, что можно перевести как «исключающая транс-людей радикальная феминистка»), которых принято обвинять в трансфобности за то, что они оспаривают право транс-женщин называться женщинами<sup>1</sup> и выступают против посещения ими тех пространств, которые раньше считались только женскими (туалетов, раздевалок и душевых в фитнес-центрах). Кампании по обвинению в трансфобности могут обрушить публичную репутацию и даже академическую карьеру [8, с. 312–394].

Обвинения в трансфобии, расизме и сексизме стали основой так называ-

<sup>1</sup> Нередко квир и трансгендеры используют самоназвание и самоидентичность «женщины», хотя при этом могут сохранять мужское тело со всеми его атрибутами.



емой «культуры отмены», или «культуры исключения» (*cancel culture, call-out culture*). Этим термином обозначают современную форму остракизма, возникшую в США и Европе. Его особенность заключается в том, что человек или определённая группа подвергаются осуждению и бойкотированию за свои взгляды как в онлайн-среде и в социальных медиа, так и в реальном мире. Культура отмены как феномен возникла вследствие образования так называемого «культы безопасности» в американских университетских кампусах и городах, декларирующего нетерпимость к любому мнению, которое можно интерпретировать как расистское, сексистское или трансфобное. Особенностью культуры отмены является несколько обстоятельств: (1) обвинения жертвы высказываются односторонне, без анализа ситуации, на основании ощущений; это не предполагает диалога; (2) жертву объявляют преступником, или персоной нон-грата; (3) кампании ведутся в соцсетях, что даёт максимально быстрый эффект распространения среди «своих». Приведу только два наиболее ярких примера действия культуры отмены за последнее время.

В 2020 г. Дж. Роулинг выступила в FB против предложения трансгенцин называть цисгендерных (то есть обычных биологических) женщин «люди, у которых есть менструация». Роулинг считает, что это оскорбительная для женщин попытка сделать их невидимыми. После этого ее обвинили в трансфобии (в том числе актёры, участвовавшие в экранизации книги о Гарри Поттере), а в соцсетях распространился хештег #RIPJKRowling (покойся с миром, Джоан Роулинг). Под ним пользователи выражали соболезнования в связи со смертью писательницы. Угрозы в отношении Роулинг не прекращаются и по сей день. В 2021 г. имя Дж. Роулинг практически не было упомянуто в специальном выпуске сервиса HBO Max, приуроченного к двадцатилетию выхода первой экранизации её книги о волшебнике Гарри Поттере [17].

Другой пример – это кампания против профессора философии в Университете Сассекса Кэтрин Сток. В своей книге «Material Girls: Why Reality Matters for Feminism» она довольно академично и взвешенно оспаривает позицию Батлер и квив концепцию в целом. Сток рассматривает пол в его биологической реальности, а не как дискурсивную категорию и приходит к выводу, что неверно отрицать важность биологического пола ради свободы гендерного самовыражения и самоидентичности. Иными словами, она проблематизирует уже установившуюся практику объявления себя человеком другого гендера вне медицинских процедур и официального изменения гендерно-правового статуса. Помимо этого, Сток оспаривает утверждение Батлер о том, что любая бинарная теория полов неизбежно должна быть «нормативной» и, следовательно, исключающей. Но, говорит Сток, любая категоризация вообще – углеводы, жидкость, сфероид – «исключает» что-то в тривиальном смысле, и поэтому простое признание того, что некоторые люди попадают в разные категории, не является оценочным суждением о превосходстве или неполноценности... [18, с. 115]. Более того, она подчёркивает, что транс-люди «заслуживают безопасности, они не должны подвергаться осуждению или стигматизации и должны иметь точно такие же жизненные возможности, как и у не-транс-людей». Однако вскоре после выхода ее книги анонимная группа стала проводить кампанию за увольнение К. Сток, обвиняя ее в трансфобии. К счастью, руководство Университета Сассекса заявило, что не потерпит угроз «академическим свободам» после того, как профессор столкнулся с призывами к увольнению из-за ее взглядов на гендерную идентификацию [19]. Эскалация угроз в отношении проф. Сток была столь сильна, что полиция даже посоветовала ей установить дома видеонаблюдение [20].

Обозреватель газеты «Гардиан» Сюзанна Растин в ответ на эти события прямо заявила, что ее надежда на бо-



лее открытое обсуждение прав женщин и трансгендеров угасает. Ранее она полагала, что после многих лет поляризации мнений наметился некоторый прогресс в достижении компромисса между взглядами транс активистов и тех феминисток, кто критически настроены к свободному (и часто спонтанному) самовыбору гендерной идентичности. Но в этом году риторика в Великобритании снова обостряется, свидетельством чему служит несколько судебных дел по обвинению в трансфобии. С. Растин считает, что реакция на книгу профессора философии Кэтлин Сток знаменует собой поворотный момент в споре о правах женщин и трансгендеров, который стал одной из самых противоречивых и болезненных политических тем [20]. Растин отмечает усиление языка ненависти со стороны трансгендеров, и это несмотря на неоднократные заявления «гендерно-критичных» феминисток о том, что они выступают против фанатизма и поддерживают законы, защищающие трансгендерных людей от дискриминации. И потому, пишет она, последний раунд нападков на феминисток должен встревожить всех, кто заботится о плюрализме.

### Заключение

В этой статье я только кратко коснулась тех острых проблем, которые были вскрыты в последнее время в связи с появлением новых подходов к проблематике пола и гендера. Конечно, необходимо продолжать изучение и сопоставление разных подходов. Однако уже сейчас я хотела бы подвести краткие итоги и обозначить свою позицию.

Гендерная теория (в ее феминистском, конструктивистском и культурно-символическом модусах) произвела значительный научный и социальный эффект. Использование гендерного подхода в социальном и гуманитарном знании дало возможность более глубокого понимания человека и общества. Принцип достижения гендерного равенства акцептирован мировым сообществом и стал частью многих программ на международном и национальном уровнях.

Что же касается радикальной деконструкции гендера в квир и перформативной теориях, то их заслугой, возможно, стоит считать выявление некоторых не до конца промысленных проблем гендерной теории. Однако использование перформатива как ключевого понятия вне рамок дискурсивного подхода весьма затруднено, поскольку невозможно его верификация; само значение перформатива может быть по-разному интерпретировано.

Предложенный в квир проекте вариант мозаичности, гибридности и релятивизма идентичности разрушает саму возможность социальных и политических преобразований для достижения равенства всех групп населения, включая и гендерных меньшинств. Вместо этого квир активисты выступают за призрачное равенство возможностей примеривать разные идентичности по личному выбору/прихоти. Но такой релятивизм пока трудно понимается и принимается даже на уровне теории, не говоря уже о практических мерах. Теоретический радикализм квир на данном этапе делает маловероятным развитие исследований и новых социальных программ, а они, я думаю, необходимы самим квир.

В ряде случаев квир представляю как продолжение и расширение гендерных исследований [1; 2; 9; 10; 12; 16]. Автору данная оценка представляется неверной. Во-первых, в рамках квир и трансгендерных концептов меняется понимание гендера – он интерпретируется как маркер сексуальной ориентации и/или как параметр самоидентификации индивида, с полом вообще не связанный (как, например, так называемые азеркины (от англ. other – другой), считающие себя животными, инопланетянами и иными подобными существами, в половой принадлежности не нуждающимися). Во-вторых, у гендерной теории и квир разные задачи. Первая деконструировала бинарную иерархию с целью создания более равноправной и гибкой гендерной системы, и мы уже видим позитивные результаты это процесса. А квир наста-

ивают на дальнейшей деструкции нормативного бинаризма посредством его личного отвержения и личного выбора «плавающей ненормативной идентичности». Эта радикальная сепаратистская позиция фактически работает против политики гендерного равенства.

В отличие от гендерных исследований квир не предлагают позитивной программы, а идеи постоянно меняющейся идентичности и плюрализма сексуальных практик вплоть до социально агрессивных (вроде садомазохизма) не кажется многим привлекательной. Очевидно, что даже тем, кто принимает квир концепт, непросто жить в обществе. А обществу, даже самому толерантному и стремящемуся обеспечить равенство всех групп населения, надо понять, как это сделать. И для этого необходим диалог между исследователями и активистами разных направлений.

### Литература

1. Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирсел; пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2005. С. 292–303.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокорство (гл. 1) // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.
3. Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер с нем. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 504 с.
4. Райбман Н., Смирнов С. Facebook предложил пользователям 58 полов на выбор // Ведомости. 14 февр. 2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/02/14/facebook-rasshiryayetprofil-polzovatelej> (дата обращения: 16.09.2018).
5. WHO/Europe brief – transgender health in the context of ICD-11 (англ.). [www.euro.who.int](http://www.euro.who.int). ВОЗ (25 January 2020). Дата обращения: 25 января 2020.
6. Права человека и гендерная идентичность. Комиссар по правам человека. Страсбург, 29 июля 2009.
7. Гонтермахер Б. ООН включила смену пола в список базовых прав человека // Панорама. 2018. 11 апр. URL: <https://panorama.pub/2792-oonvkluyuchila-smenu-pola.html> (дата обращения: 16.09.2018).
8. Дуглас М. Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем / пер с англ. М.: РИПОЛ классик. 2021. 480 с.
9. Butler J. Undoing Gender. London & New York: Routledge. 2004. 273 p.
10. Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / Под ред. И. Градинари. М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. 352 с.
11. Джагоз А. Введение в квир-теорию / пер. М. Кукарцевой; отв. ред. В.Е. Кашаев. М.: Канон+; Реабилитация, 2008. 208 с.
12. Номеровская А.Д. Проблема нормативности в дискурсе квир-теории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49) в 2-х ч. Ч. II. С. 125–128.
13. Исаев Д. Квир-концепция как позитивный вектор развития социума // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: [сборник статей] / ред.-сост. А.А. Кондаков. СПб.: Центр независимых социологических исследований. 2014. С. 293–309.
14. Куровицкая А. Конструирование стабильной идентичности в мире квир: асексуальность На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: [сборник статей]/ред.-сост. А.А. Кондаков. СПб.: Центр независимых социологических исследований. 2014. С. 155–165.
15. Spivak G.C. The Spivak reader: selected works of Gayatri Chakravorty Spivak. New York: Routledge, 1996. 344 p.



16. Butler J. Why is the idea of 'gender' rooking backlash the world over? Increasingly, authoritarians are likening 'genderism' to 'communism' and 'totalitarianism'. <https://www.theguardian.com/us-news/commentisfree/2021/oct/23/judith-butler-gender-ideology-backlash>
17. Электронный ресурс: <https://www.svoboda.org/.../dzhoan-rouling.../31567607.html>
18. Stock K. *Material Girls: Why Reality Matters for Feminism*. London, Little, Brown Book Group Ltd. 2021. 380 p.
19. University defends 'academic freedoms' after calls to sack professor. Campaigners call for Kathleen Stock to be fired from University of Sussex over views on gender identification// *The Guardian* 7 oct. 2021/ <https://www.theguardian.com>
20. Rustin S. My hope for a more open discussion of women's and trans rights is fading// *The Guardian* 13 oct. 2021/ <https://www.theguardian.com>

## POST GENDER ANTHROPOLOGY: QUEER AND TRANS

**Voronina O.A.**

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

The main goal is to compare gender and post-gender concepts. The achievements of the first were the deconstruction of the biodeterministic justification of the gender hierarchy and the justification of the need to change social institutions and cultural norms to achieve gender equality. In the performative concept, sex and gender are understood as discursive concepts created within the framework of traditional epistemological paradigms. The importance of sex for the creation of gender identity is denied. It is claimed that it is formed with the help of performances, the purpose of which is the forced maintenance of a heterosexual gender matrix. Queer/trans concepts reject the binary of hetero/homo and affirm the right of individuals to freely choose sexual and/or gender identity. The author comes to the conclusion that the constructivist gender theory has led to a deeper understanding of human being and society, contributed to the approval of the policy of gender equality. Within the framework of postgender approaches (performative, queer and trans), gender is interpreted

as a marker of sexual orientation. Queer insist on radical destruction of the binary gender matrix through personal choice of "floating non-normative identity". This radical position destroys the possibility of social and political transformations to achieve equality of rights for all groups of the population.

**Keywords:** gender, gender, (de)constructivism, performative theory, discourse, queer, transgender, identity, cancellation culture, society.

## References

1. Butler J. Assignment of gender by the body: the philosophical contribution of Simone de Beauvoir // *Women, knowledge and reality: Studies in feminist philosophy / comp. E. Harry, M. Pearce; per. from English M.: ROSSPEN, 2005. S. 292–303.*
2. Butler J. *Gender Anxiety (Chapter 1) // Anthology of Gender Theory / Ed.E. Gapova. Minsk: Propilei, 2000.S. 297–346.*
3. Bachman-Medic D. Cultural turns. New landmarks in the sciences of culture / Per s. M.: New literary review. 2017. 504 p.
4. Raibman N., Smirnov S. Facebook offered users 58 sexes to choose from // *Vedomosti*. 14 Feb 2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/02/14/facebook-rasshryaetprofil-polzovatelej> (date accessed: 16.09.2018).
5. WHO / Europe brief – transgender health in the context of ICD-11. [www.euro.who.int](http://www.euro.who.int). WHO (25 January 2020). Date of treatment: January 25, 2020.
6. Human rights and gender identity. Commissioner for Human Rights. Strasbourg, 29 July 2009.
7. Gontermakher B. ONN included gender reassignment in the list of basic human rights // *Panorama*. 2018.11 Apr. URL: <https://panorama.pub/2792-oonvkluyuchila-smenu-pola.html> (date accessed: 16.09.2018).
8. Douglas M. *Crowd Madness. How the world went crazy with tolerance and attempts to please everyone / translation from English. M.: RIPOL classic. 2021. 480 p.*
9. Butler J. *Undoing Gender*. London & New York: Routledge. 2004. 273 p.
10. Technique of "sidelong glance". Criticism of the Heteronormative Order / Ed.I. Gradinari. M.: Publishing house of the Gaidar Institute. 2015. 352 s.
11. Jagoz A. Introduction to queer theory / per. M. Kukartseva; otv. ed. V.E. Kashaev. M.: Canon +; Rehabilitation, 2008.208 p.



12. Nomerovskaya A.D. The problem of normativity in the discourse of queer theory // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2014. No. 11 (49) in 2 hours, Part II. S. 125–128.
13. Isaev D. Queer concept as a positive vector of social development // At the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and queer research: [collection of articles] / ed. A.A. Kondakov. SPb.: Center for Independent Sociological Research. 2014. S. 293–309.
14. Kurovitskaya A. Construction of a stable identity in the queer world: asexuality At a crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and queer is followings: [collection of articles] / edited – comp. A.A. Kondakov. SPb.: Center for Independent Sociological Research. 2014. S. 155–165.
15. Spivak G.C. The Spivak reader: selected works of Gayatri Chakravorty Spivak. New York: Routledge, 1996. 344 p.
16. Butler J. Why is the idea of 'gender' provoking backlash the world over? Increasingly, authoritarians are likening 'genderism' to 'communism' and 'totalitarianism'. <https://www.theguardian.com/us-news/comment-is-free/2021/oct/23/judith-butler-gender-ideology-backlash>
17. Electronic resource: <https://www.svoboda.org/.../dzhoan-rouling.../31567607.html>
18. Stock K. Material Girls: Why Reality Matters for Feminism. London, Little, Brown Book Group Ltd. 2021. 380 p.
19. University defends 'academic freedoms' after calls to sack professor. Campaigners call for Kathleen Stock to be fired from University of Sussex over views on gender identification // The Guardian 7 oct. 2021 / <https://www.theguardian.com>
20. Rustin S. My hope for a more open discussion of women's and trans rights is fading // The Guardian 13 oct. 2021 / <https://www.theguardian.com>



## Натурализм во французской литературе второй половины XIX века: истоки и противоречия

Маслова Вера Александровна,

младший научный сотрудник сектора эстетики  
Института философии РАН  
E-mail: maslovavera@gmail.com

**Актуальность.** Хотя натурализм как течение в искусстве возник в XIX веке, и ему посвящено довольно большое количество научных трудов, его эстетическая сущность до сих пор является проблемным вопросом для исследователей – как для литературоведов, так и для культурологов. Получив теоретическое осмысление во Франции, в первую очередь, в работах Эмиля Золя, натурализм к концу XIX века приобрёл общеевропейское значение. Значительную роль натуралистическая теория сыграла и в развитии русской литературы, оказав влияние, в том числе, на А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Но их творчество, как, впрочем, и творчество самого отца-основателя натурализма Эмиля Золя, невозможно свести к тем формальным основам, на которых базировалась натуралистическая школа. В этом аспекте рациональное и научное вступает в очевидное противоречие с эстетическим. Исследованию этого феномена посвящена данная статья.

**Объект исследования.** Натурализм во французской литературе второй половины XIX века. **Предмет исследования.** Философия позитивизма, научные методы познания мира и их влияние на формирование натуралистической школы. **Цель исследования.** Выявить и показать основные противоречия между принципами, которые декларировали писатели-натуралисты, и их реальной творческой практикой. **Задачи исследования.** Рассмотреть зарождение и становление натуралистической эстетики в ретроспективе и в динамике. **Методы исследования.** Анализ, синтез, классификация, сравнение. **Результаты исследования.** Принцип прямого перенесения жизненного материала в литературу следует признать несостоятельным с точки зрения эстетики, хотя нельзя отрицать, что он оказал значительное влияние на искусство не только XIX века, но и последующих эпох.

**Ключевые слова:** эстетика, искусство, натурализм, экспериментальный роман, реализм, натуральная школа, философия, позитивизм, документальность, Конт, Тэн, Золя, Бальзак, Флобер, братья Гонкур, Бернар.

Промышленный переворот, произошедший в первой четверти XIX в., оказал заметное влияние не только на европейскую экономику, политическую и социальную жизнь, но и на искусство. Вторая половина XIX в. во Франции отмечена не только обострившимся противостоянием классов, но и многообразием художественных направлений, течений и стилей, каждое из которых создавало собственные программы и манифесты.

Особенно значимой для писателей, философов и художников становится тема кризиса – глубокой социокультурной трансформации общества, разочарования в идеалах, переосмысления моральных и религиозных установок, поиска новых смыслов, которые соответствовали бы изменившейся реальности. Поиск методов отражения этой реальности средствами искусства привёл не только к появлению различных творческих направлений, но и к тому, что авторы стали сочетать в своих произведениях художественные приёмы разных школ и течений. Не избежали этого и представители «натурализма» – одного из заметных направлений во французской литературе второй половины XIX века.

Термин «натурализм», который впервые употребил французский публицист Жюль-Антуан Кастаньяри, а затем подхватил Эмиль Золя, не получил широкого распространения в других европейских странах, в США и в России, где критические заметки Золя («Парижские письма») публиковались раньше, чем на родине автора. Слово «натуралистический», упоминавшееся в этих очерках, обычно переводили на русский как «реалистический». Под влиянием второго поколения писателей-натуралистов (А. Доде, Ги де Мопассан, П. Алексис, Й.-К. Гюисманс и др.), опубликовавших в 1880 г. сборник новелл «Меданские вечера», натурализм стал

приобретать международный характер. Приёмы, характерные для этого литературного направления, можно встретить в произведениях авторов разных эпох – как до Золя, так и после. Как отмечает Н.И. Вихорева, «интерес к натурализму в литературе возобновляется, как правило, в переходные периоды истории общества и культуры, когда меняются системы ценностей в сознании, в том числе и эстетическом» [2, С. 10].

Мировоззрение писателей натуральной школы складывалось под влиянием открытий Ч. Дарвина, философии О. Конта, работ знаменитого физиолога К. Бернара и общего духовного климата эпохи, характерными чертами которого были рост городов и сопутствующее этому расслоение общества, кризис религиозного сознания. Как отмечает В.А. Миловидов: «Во Франции, на родине классического натурализма, эти предпосылки были выражены более остро, чем в других европейских странах, потому что они были ферментированы целой серией по большей части неудачных революций, последствия которых негативно отражались на качестве духовного климата страны» [5, С. 10].

В результате развития промышленности научное знание превратилось в инструмент технического прогресса. Открытия учёных стали всё чаще применяться в реальной жизни, принося ощутимые для общества и экономики результаты. Ценность научного знания нашла отражение в философии позитивизма.

Основатель этого направления, француз Огюст Конт (1798–1857) сформулировал теорию трёх стадий развития человека и человечества. На первой стадии – теологической – люди рассматривают все явления как результат деятельности высших сил. Всё – от значимых событий частной и общественной жизни до природных катаклизмов – рассматривается как воплощение милости или гнева божьего. На следующей стадии – метафизической – сверхъестественные факторы заменяются некими метафизическими сущностями

и причинами. На этой стадии человек начинает относиться к миру более критично, что подготавливает последний этап развития – позитивный или научный. Убедившись в безуспешности раскрытия причин явлений и сущностей, их породивших, люди начинают наблюдать за этими явлениями, описывать и классифицировать их, попутно осознавая, что между ними существуют некие связи, тождества и законы, которые ими управляют. Чтобы доказать, что человечество вступило в третью стадию развития, Конт написал шеститомный труд – «Курс позитивной философии».

Науку и научные знания он считал главным стимулом развития общества. При этом он заявлял, что ни наука, ни философия не должны ставить вопрос о причине явлений, ограничиваясь лишь вопросом «Как это существует?» Критерием истины становится опыт. Знание позитивно, если оно получено либо проверено опытным путём. Всё реальное, достоверное полезное, точное и согласующееся со здравым смыслом Конт противопоставлял химерическому, негодному, спекулятивному, сомнительному и смутному.

Нравственный кризис и «брожение умов», характерные для эпохи промышленного переворота, Конт объяснял отсутствием какой-либо объединяющей доктрины. Поскольку, по его мнению, в то время в общественном сознании присутствовали все три, радикально несовместимые философии, – теологическая, метафизическая и положительная – достичь соглашения по каким-либо важным вопросам не представлялось возможным. Следствием этого являлись революционные настроения и отсутствие социального порядка.

Главенство позитивной философии должно было перестроить и всю систему образования. Науки, согласно Конту, следует изучать в порядке некоей энциклопедической лестницы, основой которой является математика, а вершиной – социология, так как человеческое общество, составляющее её предмет, обладает высшей степенью сложно-



сти. Цель всех наук – видеть для того, чтобы предвидеть, наблюдать и накапливать факты ради открытия законов, из них вытекающих. Методы изучения наук должны быть переработаны в социологическом, а не математическом духе. Сама же социология опирается на предшествующую ей в ряду наук биологию, поскольку социальный организм – продолжение ряда живых организмов. Все объекты научного знания должны рассматриваться применительно ко всему человечеству – с точки зрения блага или бедствия для него. Знание о человеке и обществе, в свою очередь, должны служить для их преобразования и благоораживания. По мнению Конта, «главная деятельность человечества должна во всех отношениях состоять в непрерывном улучшении своей собственной индивидуальной или коллективной природы» [4, С. 101].

Отрицая ценность отдельного индивида, Конт придавал главенствующее значение обществу в целом, которому необходимы объединяющие идеи. Проводником этих идей служит искусство. Его Конт также рассматривал с социологической точки зрения, отмечая, что искусство должно популяризировать научные знания и идеи философского позитивизма, фиксировать существующее, не оценивая его с точки зрения эстетического идеала. Стремясь свести социальное к биологическому, позитивисты утверждали, что источник художественного творчества – физиология и психика человека, а социальная среда – лишь внешнее условие художественной деятельности.

Рассуждения Конта об искусстве носили фрагментарный характер. Гораздо больше внимания эстетическим проблемам уделил в своих работах другой французский философ, теоретик искусства и литературы Ипполит Тэн (1828–1893). Во введении к книге «История английской литературы» он рассматривает человеческую природу как единство физиологического, социального и исторического аспектов. Искусство отражает жизнь общества в разные исторические периоды, а, следовательно, тоже

зависит от этих факторов. В трактовке Тэна они получили названия «раса, среда и момент» [9, С. 82].

Расой философ называл «те врождённые, наследственные склонности, которые появляются на свет вместе с человеком и неотделимы от различных особенностей его темперамента и телосложения» [9, С. 82]. Расовые особенности не меняются, даже если представители какого-либо народа будут рассеяны по всей планете и окажутся на разных ступенях развития. Их духовная общность отразится в философии, литературе, религии. На эти основные, первичные черты характера наслаиваются физические и социальные обстоятельства, то есть среда, в которой обитают люди. Место проживания, воспитание, профессия, общественное положение меняют природу человека, формируют и его, и народ в целом. Кроме этого, большое значение имеет и исторический момент, в котором существует тот или иной человек или народ. Так, всякая последующая форма развития искусства, согласно Тэну, обусловлена предыдущей. Хотя общее понимание искусства и «человеческий тип, подлежащий литературному описанию или живописному изображению» [9, С. 85], остаются неизменными в разные эпохи.

Таким образом, Тэн отождествлял природу с социальным миром. И даже искусство рассматривал как совокупность связанных друг с другом фактов, которые можно подвергнуть научному анализу. Проводя аналогию с животным миром, он утверждал, что так же, как естествоиспытатель может по некоторым фрагментам воссоздать весь живой организм, историк, изучающий какую-либо сферу общественной жизни, – религию, философию, литературу, искусство – может заранее предвидеть и предсказать изменения в обществе в целом.

Идеи Тэна оказали большое влияние на основоположника французского натурализма Эмиля Золя (1840–1902). Свои взгляды на искусство писатель сформулировал в серии статей, которые начал публиковать с 1860-х годов.



В 1865 г. вышел первый сборник его критических заметок, озаглавленный «Что мне ненавистно». Одна из центральных статей этого сборника посвящена Ипполиту Тэну. В 1893 г. в интервью, опубликованном в «Фигаро» Золя признавался, что впервые прочёл труды Тэна в 25 лет и позже использовал в своих книгах его теорию наследственности и среды. Но в статье, озаглавленной «Ипполит Тэн как художник» Золя подвергает критике тезис философа о том, что творческий человек, подобно растению, плодоносит при наличии подходящего климата. Талант – это дар природы, то есть то самое неотъемлемое «расовое» качество, которое способно расцвести или погибнуть в результате изменений «духовного климата». Золя соглашается с тем, что раса, среда и исторический момент влияют на творчество художника, но считает неприемлемым упускать из вида личность самого художника, объясняя его творчество исключительно внешними влияниями.

По мнению Золя, «прирожденному гению ничто не помешает развиваться так, как это предопределяет его собственная натура» [3, С. 70]. Признаваясь, что в произведении искусства его заботит, прежде всего, правдивость, Золя замечает далее, что ещё важнее для него «отражение личности художника и подлинной живой жизни» [3, С. 70]. Восхищение у него вызывают произведения, «ярко выражающие некую индивидуальность», «энергично заявляющие об оригинальном даровании и своеобразном восприятии мира» [3, С. 69]. Из этого можно заключить, что в первый период своей критической деятельности Золя не разделял убеждения, что литература и живопись должны с фотографической точностью фиксировать факты реальной жизни, становиться «человеческими документами», которым творческий вымысел и воображение художника только вредят. Позитивистскую эстетику он принял на вооружение лишь отчасти, как отмечал сам писатель, «на три четверти».

Это подтверждает и обширная рецензия Золя на роман братьев Эдмона и Жюль де Гонкур «Жермини Ласерте». Подробно пересказывая эту книгу, писатель восхищается тем, что в ней «нашла себе выражение сильная творческая индивидуальность», и что «на каждой странице ощущается живое дыхание современности» [3, С. 33].

Ещё до того, как Золя сформулировал основные принципы натурализма, братья Гонкур стали использовать эти принципы в своём творчестве. Считая себя учениками и последователями Бальзака, они стремились «усовершенствовать» его реализм, добавив к нему «документальности». Литературовед В.Е. Шор отмечает, что, позитивистская вера в науку, опирающуюся на опытное знание, воплотилась в творчестве Гонкуров в виде «внимательного наблюдения и изучения действительности» [10, С. 9]. Опору на факты они считали гарантией подлинности, а целью творчества, так же, как и науки, видели познание истины. Однако такой подход Шор считает несколько односторонним, подчёркивая, что «привязанность к эмпирическим фактам ограничивала возможность типизации, великим мастером которой был именно Бальзак; она останавливала художника у поверхности действительности, мешала ему отделить существенное от второстепенного» [10, С. 9].

Избыточное увлечение писателей позитивистскими теориями отмечает и З.М. Потапова. По её мнению, «физиологическая сторона слишком часто заслоняет в романе» «психологический рисунок» [7, С. 266]. «История бедной служанки, нашедшей свою гибель в большом городе, постепенно превращается в историю болезни, утрачивая смысл социального обобщения», – пишет З.М. Потапова. Стоит отметить, что сами братья Гонкур в предисловии к «Жермини Ласерте» называли своё произведение «клиническим исследованием любви», то есть рассматривали себя, скорее, не как художников, а как медиков, препарирующих поступки и движения души отдельного чело-



века, чтобы поставить диагноз всему человечеству. «Такая литература – одно из порождений нашего общества, беспрестанно сотрясаемого нервной дрожью, – писал Э. Золя в статье, посвящённой «Жермини Ласерте». – Мы больны прогрессом, промышленностью, наукой; мы живём в постоянной горячке, и нам приятно копаться в язвах, проникать всё глубже и глубже в человеческое сердце, с жадным любопытством познавая его тёмные углы» [3, С. 32]. Это преклонение перед биологическим началом обычно называют самым значительным недостатком «натуральной школы».

Важно отметить, что в основе натуралистического изображения действительности лежала не только философия позитивизма, но и методы, которые применяли в своей работе физики, химии и физиологи. Наблюдение и опыт провозгласил основными принципами своей деятельности французский медик Клод Бернар (1813–1878). Он отмечал, что наблюдатель лишь констатирует явление, которое видит, а экспериментатор ставит опыт, результаты которого становятся проверкой его идеи или гипотезы. Клоду Бернару Золя посвятил две статьи. В одной из них, озаглавленной «Экспериментальный роман», он доказывал, что опыты, которыми проверяют свои теории учёные, возможны и в области литературы. Золя решительно признавал Бернара своим авторитетом, а его книгу «Введение к изучению опытной медицины» – «надёжной основой».

Подобно физиологу, романист должен быть одновременно и наблюдателем, и экспериментатором. Наблюдая за реальной жизнью, он берёт из неё определённые человеческие типы и приводит их в действие, изменяя среду и обстоятельства, то есть, выстраивая сюжет произведения. Таким образом, эти реальные люди оказываются в ситуациях, которые романист тоже выбирает из реальной жизни, но распоряжается ими по собственной воле. Всё это помогает познать человека «как отдельного индивидуума и как члена об-

щества» [3, С. 148]. Отстаивая экспериментальный метод в литературе, Золя в очередной раз опровергает мнение о том, что писатели-натуралисты хотят быть лишь «фотографами» действительности. Он подчёркивает: для того, чтобы провести «эксперимент», то есть вызвать и направить явления, раскрывающие характер персонажа, необходима творческая фантазия.

Как и Огюст Конт, считавший, что философия не должна изучать причины явлений, Бернар считал, что наука не должна заходить дальше вопроса: «Каким образом это происходит?». Золя же настаивал на том, что писателю необходимо задавать вопрос: «Почему?», и именно в этом состоит «задача», «смысл существования и основа морали» [3, С. 154] экспериментального романа. Однако М.В. Барро, автор книги «Эмиль Золя. Его жизнь и литературная деятельность» раскрывает очевидную слабость этой теории, замечая, что в сфере наблюдений романист и учёный равноправны, а вот в области эксперимента их пути разнятся. Учёный создаёт искусственные обстоятельства, в которых тем или иным образом должны проявиться силы природы. А романист, ставя эксперименты над созданными им же персонажами, остаётся наблюдателем «и притом не настоящего, а прошлого, учёный будет видеть, как происходят явления, а романист будет писать, как должны были бы происходить они, если бы имели место при определённых обстоятельствах» [1, С. 43].

В этом, по мнению критиков, кроется ещё один недостаток натуралистических романов. Их авторы, принимая как догму predeterminedность, детерминизм всех явлений жизни, не допускали у своих героев наличия свободы воли. Изучая быт, среду, документальные свидетельства, откровенно живописуя быт борделей трущоб и других мест, которые нельзя было встретить в литературе предыдущих эпох, они изображали людей продуктами своего окружения, наследственности, жертвами инстинктов, не способными вырваться из-

под гнёта обстоятельств и не несущими никакой ответственности за то, что с ними происходит. Известный советский литературовед Б.Л. Сучков отмечал, что «краеугольным камнем своей эстетики» натуралисты сделали «жизнеподобие изображения» и при этом обнаружили «неспособность к аналитическому исследованию бытия» [8, С. 219].

Ещё более резкой и беспощадной критике подвергает творческий метод натуралистов писатель Макс Нордау. В своей знаменитой книге «Вырождение» он анализирует теорию «среды», которая формирует характер и поступки человека. Заметив, что эта концепция, столь важная для Золя, была придумана не им, а существует столько же, сколько сама философская мысль, Нордау напоминает, что задолго до Золя эту теорию стали применять в своих романах Бальзак и Флобер. Но условия и обстоятельства жизни, хоть и играют значительную роль в их произведениях, по сути, ничего не объясняют, потому что в эту «среду» писатели помещают совершенно разных по характеру и социальному положению героев.

Стремление натуралистов к изображению подлинной жизни Нордау также считает бесплодным, отмечая, что тот же Золя «из миллиона мыслей своих действующих лиц излагает одну, из десяти тысяч их поступков – один, из целого ряда прожитых ими лет он берет лишь минуты или даже секунды» [6, С. 299]. В итоге получается не панорама реальной жизни, а лишь её краткий обзор, составленный на основе личных склонностей писателя.

В качестве материалов для научного исследования натуралистические романы также непригодны, поскольку наука, в любом случае, предпочтёт оперировать реальными статистическими данными, а не продуктами художественного вымысла. Тезис о том, что писатели-натуралисты – прежде всего, наблюдатели Нордау также опровергает, подчёркивая, что Золя практически никогда не брал сюжеты для своих книг из реальной жизни, а выдумывал их,

дополняя деталями, заимствованными из газет, книг, полицейской хроники, справочников и документов.

И даже двадцатитомный цикл романов «Ругон-Маккары», в котором натуралистический метод Золя нашёл своё наиболее полное выражение, Нордау считает не плодом наблюдения и научного анализа, а лишь вымыслом автора, который, однако, опирался в своей работе на документальные источники – полицейские и медицинские отчёты о семействе Керангаль из Бретани. В двух поколениях этой семьи насчитывалось семь убийц, девять лиц, которые вели безнравственный образ жизни, но также среди них были и люди творческих профессий – поэт, художник, актриса. Все эти люди стали прототипами Ругон-Маккаров Золя. Однако персонажи, выведенные писателем в этом цикле романов и призванные стать материалом для изучения жизни Франции времён Второй империи, по мнению Нордау, не имели отношения к реальной жизни общества того времени. Они были чужды своему веку и своей стране и, скорее, походили не на «граждан какого-нибудь современного цивилизованного народа», а на «членов племени допотопных дикарей» [6, С. 304].

Золя, не раз критиковавший в своих статьях стиль и приёмы писателей-романтиков, – «идеалистов, любителей символики», которые «наряжали людей в театральные костюмы и приукрашали действительность» [3, С. 170], был их прилежным учеником и последователем, и сам, по мнению Нордау, «в своём отношении к внешнему миру и в художественном методе» оставался «чистейшим романтиком» [6, С. 302] и все явления внешнего мира видел «в чудовищно преувеличенном, таинственно угрожающем, зловещем виде». С этим утверждением трудно не согласиться, как и с мнением Е.Г. Эткинды о том, что «стремление к обобщению, к научному синтезу, с одной стороны, а с другой – прокламирование свободы художника, полной его независимости от общества, в конечном счете, противоречиво» [3, С. 312].



Эткинд цитирует слова Золя «Я предпочитаю жизнь – искусству», но отмечает, что как писатель он не следовал, да и не мог следовать принципу прямого перенесения жизненного материала в роман, поскольку «учение о «нагой истине», подчиняющейся лишь законам жизни и игнорирующей художественную условность, теоретически несостоятельно, оно противоречит основам всякой эстетики» [3, С. 321].

## Литература

1. Барро М.В. Эмиль Золя. Его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Типография «Общественная польза», 1895;
2. Вихорева Н.Н. Натуралистический роман: поэтика жанра/автореферат дисс. на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Тверь, 2001;
3. Золя Э. Собрание сочинений в 26 томах. – М.: Художественная литература, 1960–1967, Т. 24;
4. Конт О. Дух позитивной философии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003;
5. Миловидов В.А. Натурализм: метод, поэтика, стиль: (проблемы сравнительного литературоведения) / учеб. пособие по спецкурсу. – Тверь: ТГУ, 1993;
6. Нордау М. Вырождение. Современные французы. – М.: Республика, 1995;
7. Потапова З.М. Братья Гонкур//История всемирной литературы: в 9 томах. – М.: Наука, 1983–1994, Т. 7, С. 264–267;
8. Сучков Б.Л. Исторические судьбы реализма. Размышления о творческом методе. – М.: Советский писатель, 1977;
9. Тэн И.-А. История Английской литературы. Введение// Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе /сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1987;
10. Шор В.Е. Братья Гонкуры: их эстетика и романы // Э. и Ж. де Гонкур Жермини Ласерте. Братья Земган-

но. Актриса Фостен. – М.: Художественная литература, 1972, С. 5–26;

## NATURALISM IN FRENCH LITERATURE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: ORIGINS AND CONTRADICTIONS

Maslova V.A.

Russian Academy of Sciences

Although naturalism as a movement in art emerged in the 19th century, and a great number of scientific works are devoted to it, its aesthetic essence is still a problematic issue for researchers, both literary and cultural studies scholars. Having been theorized in France, primarily in the works of Emile Zola, naturalism acquired a European-wide significance by the end of the 19th century. Naturalistic theory also played a significant role in the development of Russian literature, influencing, among others, A.P. Chekhov, L.N. Tolstoy, and F.M. Dostoevsky. But their authorship, like that of the founding father of naturalism, Émile Zola, cannot be reduced to the formal foundations on which the naturalist school was based. In this aspect, the rational and scientific comes into obvious contradiction with the aesthetic. This article explores this phenomenon. *Object of study.* Concepts and evolution of aesthetic education from its origins to the end of the 20th century. *Subject of study.* The philosophy of positivism, scientific methods of knowing the world and their influence on the formation of the naturalistic school. *Purpose of study.* Identify and show the main contradictions between the principles declared by the naturalist writers and their actual creative practice. *Study objectives.* Consider the emergence and formation of naturalist aesthetics in retrospect and in dynamics. *Methods of study.* Analysis, synthesis, classification, comparison. *Results of study.* The principle of direct transfer of life material into literature should be recognized as untenable from the standpoint of aesthetics, although it cannot be denied that it had a significant influence on the art not only of the 19th century, but also of subsequent eras.

**Keywords:** aesthetics, art, naturalism, experimental novel, realism, natural school, philosophy, positivism, documentarism, Conte, Taine, Zola, Balzac, Flaubert, the Goncourt brothers, Bernard.

## References

1. Barro M.V. Emile Zola. His life and literary activity. – SPb.: Printing House “Public Benefit”, 1895.



2. Vikhoreva N.N. Naturalistic Novel: Poetics of the Genre / Abstract of Diss. for the degree of candidate of philological sciences. – Tver, 2001.
3. Zola E. Collected works in 26 volumes. – M.: Fiction, 1960–1967, T. 24.
4. Comte O. Spirit of positive philosophy. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2003.
5. Milovidov V.A. Naturalism: method, poetics, style: (problems of comparative literary studies) / textbook. special course manual. – Tver: TSU, 1993.
6. Nordau M. Degeneration. Modern French. – M.: Republic, 1995.
7. Potapova Z.M. Brothers Goncourt // History of World Literature: in 9 volumes. – M.: Nauka, 1983–1994, T.7, S. 264–267.
8. Suchkov B.L. Historical destinies of realism. Reflections on the creative method. – M.: Soviet writer, 1977.
9. Teng I.-A. History of English Literature. Introduction // Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX–XX centuries: Treatises, articles, essays / comp., Total. ed. and will enter. Art. G.K. Kosikova. – M.: Publishing house of Moscow University, 1987.
10. Shore VE The Goncourt brothers: their aesthetics and novels // E. and J. de Goncourt Germini Lacert. Brothers Zemganno. Actress Faustin. – M.: Fiction, 1972, S. 5–26.



# Онтология и антропология в философии Хайдеггера

**Михайлов Игорь Анатольевич,**

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН  
E-mail: ia.mikhaylov@gmail.com

Предметом статьи являются причины возникновения и основные аргументы в споре об интерпретации фундаментальной онтологии Хайдеггера. Новизна исследования заключается в разъяснении следующих причин расхождения основных интерпретаций: 1) Фундаментально-онтологический замысел Хайдеггера рассчитывает построить новую онтологию без опоры на традиционную классификацию сущего; стремясь избежать естественной в таких случаях категориальных разделений, автор решает начать «подготовительный» этап онтологии с тематизации того сущего, которым является человек; использованный для обозначения этого сущего термин 'Dasein' неизбежно приводит к восприятию проекта фундаментальной онтологии как антропологического. 2) Ряд фактических причин: незаконченность «Бытия и времени» как целостного произведения, а также недостаточно подробное разграничение онтологического и антропологического подходов являются дополнительными факторами восприятия философии Хайдеггера как антропологической. 3) Рецепция идей «Бытия и времени» пришлось на годы, когда в Германии обозначился рост влияния новых направлений философствования: философия жизни, «экзистенциальной философии» и философской антропологии; все эти направления способствовали закреплению антропологической интерпретации онтологии. 4) Соглашаясь с формальной некорректностью обозначения фундаментальной онтологии как антропологии, мы не должны забывать, что одним из конкретных результатов философии Хайдеггера стала более подробная экспликация феноменов человеческого бытия, что имело огромное значение для последующего развития антропологических идей. В исследовании использованы методы историко-философской реконструкции, понятийного анализа, подход с позиций социологии знания.

**Ключевые слова:** «Бытие и время», феноменология, онтология, герменевтика, теология, философия биологии, Гуссерль, Шелер, психологизм, релятивизм, этика, человек, Dasein.

## 1. Введение в проблему

В современной философии мы довольно часто сталкиваемся с вопросами, которые, на первый взгляд, имеют исключительно классификаторский характер. К какой традиции принадлежит тот или иной мыслитель? Как следует характеризовать главную задачу его философии? Может ли оказаться так, что философ совершенно искренне позиционирует свои исследования как «онтологию», тогда как результаты его трудов принадлежат совершенно другому сегменту философской проблематики? Таких неясностей в отношении Мартина Хайдеггера предостаточно. Есть резонные причины относить его как традиции феноменологии, так, например, и экзистенциализма. При всем при этом он также является признанным классиком философской герменевтики. Количество клише, в которых Хайдеггер, как кажется, теряется, чрезвычайно велико. О различных ярлыках – «экзистенциализм», «философия существования», «философская антропология», «метафизика», «онтология», которые применяли к Хайдеггеру см. у Шпигельберга [20, Р. 289]. В данной статье нас будет интересовать другой феномен: устойчивая практика характеристики его основных заслуг как принадлежащих области антропологии – и при этом упорное и даже яростное сопротивление Хайдеггера такой интерпретации. Что стоит за этим неприятием?

Удивительно, но до определенно времени характеристика философии Хайдеггера, как антропологической, попросту невозможна. Поначалу Хайдеггер всецело разделяет позицию Гуссерля, и даже те дополнительные аргументы в адрес психологизма, антропологизма, которые он находит (они ставят под удар феноменологию самого Гуссерля) никак не предвещают, что упрек в антропологизме будет вскоре обращен и против самого Хайдеггера. Для феноменологии первой четверти XX в. характерно относительно «спо-

койное», абстрактно-теоретическое обсуждение проблемы науки, научности, релятивизма и психологизма (а в этом контексте – также и антропологии). Ситуация кардинально меняется сразу после выхода в свет «Бытия и времени» [1]. Теперь по поводу все тех же вопросов разворачивается ожесточенная полемика, причем позиции как Гуссерля, так и Хайдеггера начинают претерпевать существенные модификации. Если «Бытие и время» стало той поворотной точкой в обсуждении вопроса, перед нами встают следующие задачи: 1) определить, что в трактате Хайдеггера такую реакцию вызвало; 2) какими содержательными причинами было вызвано решение Хайдеггера? 3) как Хайдеггер отвечал на критику? к каким изменениям в его собственной философской программе привела критика «Бытия и времени»?

## 2. «Бытие и время» как причина споров

Обсуждению того соотношения, в котором оказывается онтология и антропология в наиболее известном сочинении М. Хайдеггера должно предшествовать по крайней мере упоминание той сложной системы понятий, в которой находится онтология в этом произведении. Эта система очерчивается следующими ключевыми понятиями: *онтология, метафизика, антропология, герменевтика*. Все это понятия достаточно большой степени общности, причем используются в значениях, далеких от традиционных. Сложности добавляет и то, что эти категории включены в сложную и дифференцированную философскую программу, лишенную прозрачности и естественности традиционных философских систем и нуждающуюся в реконструкции. «Бытие и время», «наиболее систематическое» произведение Хайдеггера, остается значимым для самого автора на всем протяжении его творческого пути; от необходимости конкретизировать и защищать основные идеи этого труда он не отказывается и после т.н. «поворота». Кроме того, многие известные идеи «позднего» Хайдеггера (о языке, техни-

ке) являются продолжением, развитием проблем «Бытия и времени».

**Онтология – феноменология – герменевтика.** Первое, что нуждается в разъяснении, это хорошо известное отождествление онтологии и феноменологии. *Онтология* должна с необходимостью быть *феноменологичной* поскольку бытие требует особого способа экспликации, не дедуктивного, а «выявляющего основания» метода [1, § 2–3]: специфика 'бытия' как категории философского языка не позволяет дать ему никакого определения в строго логическом смысле [1, § 1]. В той мере, в какой любую предикацию можно считать «определением», о бытии невозможно и ничего предсказать. Но, с другой стороны, и феноменология должна с необходимостью быть *онтологией*: то, что вообще и следует подвергать экспликации – это, как правило, – неявное, сокрытое. Сокрытость же относится не к онтическому уровню (то, что вещь есть), не описательным характеристикам вещи (красное, зеленое, шершавое), – а к онтологическому уровню: тому, *что* это сущее как сущее есть, т.е. к *бытию* сущего [1, § 7]. Впрочем, отождествление феноменологии и онтологии Хайдеггер усложняет еще и тем, что *феноменология* оказывается *герменевтической*. Речь не идет об интерпретации текстовой реальности. Эта реальность вообще не обязательно, по мнению Хайдеггера, должна иметь языковую природу. Бытие может быть недостаточно коцептуализировано (т.е. представлено в языковых формах), но никогда – совершенно не понято. Это означает необходимость истолкования также и до-языковых форм понимания.

К проблеме антропологии нас подводит та роль, которую отводит Хайдеггер своему философскому проекту. Он для него необходимо фундаментален. Онтологическое исследование должно стать основанием всей системы научного знания, а потому фундамент такого рода не может быть случаен. Вслед за Гегелем, Хайдеггер мог бы повторить: онтология «... не может брать в качестве предпосылки ни одной из ...



форм рефлексии или правил и законов мышления, ибо сами они составляют часть ее содержания и должны впервые получить свое обоснование лишь в ее рамках». Это ограничительное требование вынуждает науку «начинать с совершенно простого... и, стало быть, наиболее всеобщего и пустого» [23, С. 19]. Если для Гегеля таким пустым является бытие, то у Хайдеггера, гегелевский дедуктивный метод и вообще аксиоматический метод построения науки симпатии не вызывают, а потому в его случае «совершенно простым» оказывается сам факт устройства философской терминологии, с ее онтологическим различием – между бытием и сущим. Бытие есть всякий раз бытие сущего, а значит, нет никакого противоречия в том, что, занимаясь проблемой бытия, мы всякий раз обращаемся к изучению сущего. В этом с Хайдеггером согласна и традиционная онтология [11]; [22, С. 322]. «Непроизвольность» (неслучайность) философского начала состоит как раз в том, что смутное и усредненное понимание бытия является фактом, данностью нашей повседневной жизни (именно потому 'бытие' не вызывает у нас вопросов). «Уже-известность» дает первую легитимацию такому началу.

Но вот что касается того сущего, которое может стать началом онтологического вопрошания – так мы подходим, собственно, к проблеме антропологии, – то Хайдеггер считает возможным выбрать «приоритетное» сущее. То, которым и является спрашивающий о бытии человек, терминологически обозначая его как *Dasein*. Хайдеггер желает избежать предвзятости философского исследования, которая могла бы быть вызвана множественностью области сущего: «...“сущим” именуем мы многое и в разном смысле» [1, С. 6]. Главный вопрос: «С какого сущего надо считать смысл бытия, от какого сущего должно брать свое начало размыкание бытия?» [1, С. 7]. Произвольно ли это начало, или какое-то сущее обладает преимуществом? Если оно произвольно, то онтология лишается той «обяза-

тельности» и «общезначимости», на которую обыкновенно претендует. Кроме того, в этом случае для обретения каких-либо вообще ориентиров дальнейшего движения ей пришлось бы исходить из всеобщей *систематики сущего*, что для Хайдеггера нежелательно, поскольку заставляет философию пользоваться всей той традиционной системой философской терминологии («идеальное» / «материальное» сущее; «живое» / «неживое» и т.п.), которая во многом «еще не проверена», а, значит, может содержать догматические предпосылки. Николай Гартман, не усматривая здесь никакой проблемы. 'Бытие' нельзя ни «определить», ни прояснить, но можно «отличить *виды* бытия и анализировать их модусы» [22, С. 322]; [1, § 1–2]. Первое различие – *реального и идеального бытия*; *учение о категориях* позволяет затем выделить разные «слои» бытия и выстроить их иерархию. Хайдеггер же полагает, что различие «реального» и «идеального», да и вообще опора на традиционное учение о категориях как раз и вводит в онтологию непроверенные (а, значит, догматические) посылки.

Хайдеггер находит выход, излагая общие методические требования к онтологии: «...разработка этого вопроса [о бытии] требует, по предыдущим разъяснениям, экспликации способа всматривания в бытие, понимания и концептуального схватывания смысла, подготовки возможности правильного выбора примерного сущего, выработки гениальной манеры подхода к этому сущему». Хайдеггер обращает внимание на то, что «...всматривание во что, понимание и схватывание, выбор, подход к чему суть конститутивные установки спрашивания...» [1, С. 7]. Однако «спрашивание», «исследование» суть «...модусы определенного сущего, *того сущего, которое мы, спрашивающие, всегда сами есть. Разработка бытийного вопроса значит поэтому: высвечивание некоего сущего – спрашивающего – в его бытии*» (Там же). Тем самым предопределено направление дальнейшего анализа работы (аналити-



ка Dasein). И если впоследствии читатели и критики будут укорять Хайдеггера за то, что тот, мол строит не онтологию, а антропологию, то, в общем, возражения эти не особенно эффективны: с ним надо спорить либо до этого тезиса, либо ловить на отступлении от выбранной линии после, показывая, что он отступает от своего собственного замысла и превращает «Бытие и время» в описание человека.

### 3. Антропология как «несмываемая печать»

Как бы то ни было, проект «Бытия и времени» с тех пор постоянно воспринимался как антропологический. Одна из характерных оценок принадлежит Шнедельбаху: «Хайдеггер предлагает свою экзистенциальную онтологию как результат более фундаментального и радикального онтологического вопрошания в исследовательском направлении самой философии жизни, в которой – как *co-gito* в картезианстве и непредметная “личность” (Person) у Гуссерля и Шелера – сама “жизнь” не стала онтологической проблемой в ее [особом] бытийном роде, тогда как его собственная философия ставит именно этот вопрос, который лежит “в правильно понятой тенденции всякой научно-серьезной философии жизни”» [19, S. 196]. Впрочем, еще один из первых читателей «Бытия и времени» как законченного произведения, Эдмунд Гуссерль, без колебаний трактует Dasein как инвариант понятия «человек». На полях С. 11 подаренного ему экземпляра «Бытия и времени» Гуссерль пометает: «= человек», «Dasein – человек» [12]. Общий вывод Гуссерля: «Хайдеггер транспонирует (переносит) и преобразует конститутивно-феноменологическое прояснение всех регионов сущего и универсального, всего региона мира в антропологическое; вся проблематика есть перенос, *ego correspondet Dasein* и т.д. При этом все становится глубокомысленно неясным и философски теряет свою ценность» (Ibid.). Можно представить разочарование Гуссерля, для которого критика релятивизма (а, соответственно, также

психологизма и антропологизма) было одной из важнейших проблем, начиная с первого тома «Логических исследований». Старая проблема релятивизма вернулась, теперь уже в форме одного только антропологизма.

С момента появления «Бытия и времени» в 1927 г. «антропология» Хайдеггера (иногда – как «экзистенциальная онтология», – что, впрочем, не меняет сути дела) стала одним из естественных «общих мест» интерпретаций Хайдеггера. Очевидно, это было исторически неизбежно. Во-первых, ожидается, что Хайдеггер «переработал» феноменологический метод Гуссерля [13, P. 28–30]. Во-вторых, переработку, как правило, понимают как «экзистенциалистскую»: «он открыл скобки и впустил экзистенцию обратно» [13, P. 30], а это, в свою очередь, может подвигать к оценочным заключениям: что «хайдеггеровская энигма» оказала «судьбоносное (fateful), почти фатальное (fatal) влияние на феноменологическое движение» [20, P. 273]. Кроме современников Хайдеггера (Э. Гуссерль, Н. Гартман) антропологическим его мышление воспринималось в кругах представителей католической мысли. Не в последнюю очередь это было связано с фоном, на котором воспринимался Хайдеггер. Как раз на годы первой рецепции «Бытия и времени» приходится рост популярности антропологических исследований М. Шелера и Г. Плеснера; интерес Хайдеггера к проблеме гуманитарного знания (в том числе, В. Дильтею) известен, а потому он воспринимается не только как продолжатель традиции философии жизни, осуществляемых теперь на базе феноменологии, но еще и как «полемист», представитель молодого поколения, желавшего «исправить» феноменологию Гуссерля. Было естественно объединять Шелера и Хайдеггера в «одну команду». Сказалась также и незавершенность «Бытия и времени» как целостного произведения [4]. Вместе с тем в лекционном курсе летнего семестра 1927 г. предпринимает новый подход к осмыслению антропологии.



#### 4. Антропология и онтология человека

Отметим еще один повод для недо-разумений. В § 10 «Бытия и времени» Хайдеггер нарочито сдержан. Его главная задача заключалась в демонстрации того, что позитивные достижения антропологии, психологии и биологии недостаточны, да и вообще не являются философскими [1, С. 45]. Научная структура этих дисциплин проблематична, поскольку, еще со времен Декарта, остается не проясненным *sum* того *cogito*, на котором строится вся последующая философия. Важным достижением следует считать признание того, что «личность – не вещь, не субстанция, на предмет» [1, С. 47], однако осталось не определено, что же следует «позитивно понимать под неовещественным *бытием* субъекта, души, сознания, духа, личности» [1, С. 46]. «Вопрос стоит о бытии целого человека, которого привыкли считать телесно-душевно-духовным единством» [1, С. 48]. Это и некоторые другие высказывания «Бытия и времени» вполне могли способствовать заблуждению относительно главной цели работы. Недостаточность традиционной антропологии, как могло казаться, Хайдеггер намеревается исправить онтологическим прояснением «бытия целого», и хотя иерархия фундаментальности очерчивается им достаточно недвусмысленно, принципиальное – философское – различие между онтологией и антропологией недостаточно выявлено, «отдельная задача экзистенциально-априористской антропологии» [1, С. 183]. допускается как возможная, а различие онтологии и антропологии выглядит скорее различием намерений: «это исследование не стремится ни к полной онтологии Dasein, ни тем более к конкретной антропологии» [1, С. 194; 200].

Хайдеггер достаточно рано распознал, влияние совершенно не приемлемой для него аберрации восприятия его работы. Начиная с 1928 г., в своих лекциях, выступлениях и статьях он довольно регулярно уделяет внимание размежеванию его собственного онтологического замысла и антропологи-

ческого подхода. В 1939 г. он предостерегает: «*Можно*», конечно, «читать» и использовать Бытие и время – проходя мимо всего наиболее решающего – как «антропологию» или как своего рода «экзистенциальную этику», но только все это не имеет ничего общего с единственным мыслительным намерением этой попытки: с вопрошающим разворачиванием вопроса о бытии как вопроса об истине бытия» [7, С. 144]. Цель подготовительной аналитики Dasein – единственно прояснение присущего Dasein понимания бытия, это «не онтологическая антропология!» [8, С. 36]; антропология принципиально отлична от экзистенциальной аналитики Dasein [2, С. 1]. В этих многочисленных опровержениях Хайдеггера иногда сквозит нотка отчаяния.

#### 5. Антропология как тенденция современности

Как и в «Бытии и времени», Хайдеггер по-прежнему придерживается тезиса о «лишь описательном», т.е. «несущностном» характере антропологии: она «лишь описывает, как человек мыслит, рассказывает, в каких различных формах он может мыслить, сообщает, что примитивные народы мыслят иначе, чем мы и следуют другим законам. Разумеется, эти антропологические и психологические вопросы о формах и типах мышления не являются философскими – дело лишь в том, исчерпывают ли они темы для обсуждения или, по крайней мере: радикальны ли они» [5, С. 23–24]. Однако есть достаточно важное изменение. Уже к 1928 г. заметно, что Хайдеггер начинает относиться к антропологии более серьезно, как к «противнику», которого он поначалу недооценивал. Речь теперь не только о том, что *антропологические штудии недостаточны без фундаментальной онтологии*. Важно теперь, однако, понять, во что начала превращаться, чем стала антропология как тип познания.

Что это философская антропология? – спрашивает Хайдеггер в 1929 г., уже после того, как антропология заявлена как философский проект в тру-



дах Шелера и Плеснера. Выражение «антропология» используется лишь начиная с XVI в., поначалу обозначая специальную дисциплину метафизической психологии. Темой такой метафизической психологии был не только человек, но также Бог, ангелы, души животных. Вскоре антропология стала использоваться для обозначения науки о человеке [17, S. 16 ff]; [14]; [15]. Антропология характеризуется теперь как одна из фундаментальных тенденций современности. Хайдеггер выделяет «две фундаментальные тенденции современности». Первая – стремление к антропологии, вторая – движение к метафизике [6, S. 9]. Антропология для Хайдеггера есть человековедение (Menschenkunde), охватывающее «все, что можно изведать в отношении человека как конкретного телесно-душевно-духовного существа» [9, S. 208]. Она исследует «свойства» человека как определенного вида, в отличие от животного или растения, а также его скрытые задатки, различия характеров, различия рас и полов. Термин, обозначающий этот подход, образован точно так же, как и зоология, сведения (Kunde) о животных. Человек может рассматриваться как один из видов живых существ, как вид животного (антропология сближается с зоологией и ботаникой). Поскольку такого рода антропологическое исследование сознательно ограничивает свой подход «компаративным» подходом (в данном случае: человек – животное), в нем будет несколько доминант: идея телесности, а также идеал разума (как того, что оказывается критерием отличия животного от человека). Того же рода биологическая антропология, построенная на анатомии и истории телесного развития (Хайдеггер отмечает близость такой биологической антропологии с расовым учением (Rassenkunde) [6, S. 10]). Соматической антропологии не удастся вполне отразить «природу» человека, но логика ее развития ведет к выяснению принципа организации тела в такое сущее, которое мы называем живым (в отличие от «частей» матери-

ального тела) говорим тогда, что вещь имеет *органы*. Со времен античности одним из первых принцип организации была «душа», *anima*, и потому биология человека ведет в конечном счете к психологии. Соматическая антропология ведет к биологической, а последняя, в свою очередь, указывает на принцип жизни, только уже более высокого рода – *animus, mens*, что в немецком идеализме после Канта называют 'Gemüt', или 'духом' (Geist).

Все вместе – биологическое, психологическое, анималистское, физиологическое направления исследований – ведут к более общему, которое и обозначается как антропологическое. Открывается богатое поле фактов и взаимосвязей для исследования, и теоретическое исследование имеющегося сущего – научно, причем эмпирично [6, S. 11].

**Ограниченность антропологии и ее метаморфозы.** Интенсивное изучение этих областей приводит к объединению в одно знание, показывающее, что человек есть. Неизбежная ограниченность такого подхода связана с тем, что на всех уровнях таковой антропологии человек анализируется как наличное, как совокупность имеющихся случаев (что в мало отличается от подхода к анализу крови желудочных соков). Поэтому если мы можем зарегистрировать несомненный прирост знания о человеке – «ни одно время не знало о человеке столько, сколько сегодняшнее, ни одной эпохе не удавалось столь легко и быстро передавать и распространять эти знания», – то в другом отношении подобное экспансивное накопление сведений оказывается знанием меньшим, и для современности человек может становился настолько непонятным (*fragwürdig*), «мы даже не знаем, как о человеке спрашивать» [6, S. 17]. Некоторым важным вопросам в такой антропологии нельзя найти места, напр.: «что человек как экзистирующий человек как делает из себя, что может сделать, и что делать должен» [6, S. 12]. Биологическая антропология, которая изначально биологически ориен-



тирована, *должна* отвлекаться от этих вопросов, но это означает, что они оттесняются в предмет другой науки (этики). Хайдеггер видится картина бессистемного почкования дисциплин: психология с необходимостью расширяется до характерологии, т.е. психологии не только индивидов, а также групп и людей; физиогномика и этнология считают своей целью не только сказать, каков человек есть (различия рас), но и каким должен быть [6, S. 13]. Понятие антропологии расширяется. Человечество теперь не ограничивается «просто» сбором знаний о человеке, но готовит *такое* знание о нем, которое претендует не на нормативный характер. Оно будет давать указания, что могут и должны другие люди, «всякий вообще» человек. Антропология вообще всегда претендовала на практическое руководство жизнью человека (этом смысле Кант говорит об антропологии «с прагматической точки зрения».) Однако трансформации антропологии не заканчиваются и на этом. Продукция человеческой деятельности многообразна: это и инструменты, и оружие, техника и экономика. этнологические исследования показывают, что человек в значительной степени определяется культурами и обычаями, – в сумме: человек определяется тем, что мы сегодня называем мировоззрением. Появляется проблема психологии мировоззрений. С характерологией и типологией связано повышенное любопытство, нездоровый интерес к характерологии, физиогномике, графологии, астрологии, психоанализу и типологии. Дело не просто в «интересе»: «Человек желает знать, как обстоят дело с ним самим, и тем настойчивей, чем более относительно этого ширится неуверенность» [6, S. 14].

**Претензии антропологии на универсальность.** Антропология приобретает все больший вес и масштабы, она теперь «уже больше не название отдельной дисциплины, а психология – более, чем ее высшая форма. Она превращается в центральный, универсальный способ и метод познания, исследуя теперь «не [отдельные] свойства этого

особого живого существа под названием ‘человек’, но [также и] бытие и время этого существа, которое есть мы сами». Это познание начинает претендовать на большее. Поначалу антропология ограничивалась задачей сделать понятным именно *человека*, выделяя именно его среди всей области существа в качестве особого предмета познания. В «фундаментальную философскую тенденцию» она превращается, когда выдвигает притязание на то, чтобы стать «принципом всего познания» [6, S. 14–15]. К этому времени все в западноевропейской культуре центрируется вокруг человека: история, искусство, природа; акцент делается на связь человека с этими вещами. Современного человека более «не интересует *сама* природа и *само* произведение искусства, но только способ того или иного познания природы...». Происходящее теряет ценность «ради себя самого», становясь важным лишь в *отношении* к чему-то. Этим «чем-то» оказывается «расширенная субъективность человека, «антропос» как целое, а потому все уже охвачено «незримыми щупальцами антропологического толкования». В такого рода антропологическом познании ставится теперь также и вопрос о действительности вещи, благодаря чему антропология вбирает в себя онтологию и широкий спектр наиболее важных вопросов традиционной философии. Конечная тенденция антропологии решения, что есть действительность и бытие, а значит и вопрос истины [6, S. 16].

Антропологии становится тесно в прежних рамках, она стремится быть уже не отдельной областью знания, не только практическим знанием о человеке, а вместить в себя весь универсум знания. Она, более того, становится «основным способом экзистенции» [6, S. 16], всю опасность которого невозможно разглядеть из самой современности. Но если все оказывается завязанным на человеке, опасность не только в обеднении его сущности. Сам антропологический подход превращается в нечто большее, эта тенденция или универсальный тип позна-

ния превращается в силу, все менее подвластную человеку. Если от влияния этой силы не может ни один человек, то это значит, *все* люди перед ней беспомощны. Происходит важное изменение и в системе научного знания. Антропология именуется теперь «философской» и не довольствуется ролью одной из дисциплин наряду с прежними – логикой, этикой, эстетикой, философией религии. Поскольку все возводится к человеку и соотносится с ним, она стремится собрать «под свою крышу» все философские проблемы [6, S. 18]. Хайдеггер полагает, что антропология не способна стать фундаментальной дисциплиной философии, хотя бы потому, что не определена однозначно из самой идеи «философии», а облегчает себе задачу, помещая человека «в центр» и выводя все остальное из него [6, S. 20–21].

Указанные оценки Хайдеггером антропологии и антропологизма никоим образом не связаны только лишь с необходимостью ответа своим критикам. Даже теологи, усматривающие антропологию в «Бытии и времени», регистрируют во много сходные тенденции в европейской культуре последних столетий. Как отмечает В. Панненберг, начиная с эпохи нового времени, теология все более начинает строиться на антропологических основаниях [17, S. 11–15]. Другая причина возрастающей антропологической ориентации теологии имела внутренний характер: она была обусловлена одним из центральных для теологии проблем спасения человека [17, S. 12].

## Выводы

Суммируем причины, по которым фундаментальную онтологию Хайдеггера начинают воспринимать как антропологический проект.

1) Избранная методическая последовательность построения онтологии: первое и, как выражается Хайдеггер, «преимущественное» сущее оказывается терминологическим обозначением *человека*. В дальнейшем фундаментальная онтология фактически имеет

дело с экспликацией экзистенциальных структур, а те интерпретируются как структуры *человеческого* бытия, а не человеческого *бытия*. – Различие акцентов, которое можно признать существенным, однако если интерпретация философской программы может зависеть лишь от акцентов, ответственность все-таки лежит на авторе этой программы. Неудивительно, что и саму работу в целом характеризуют как антропологию. Вторая вызвана использованием термина *Dasein*. В немецкой философии предшествующих столетий этот термин чаще всего использовался для обозначения существования человека. Вспомним, что и Гуссерлю приходилось сталкиваться со схожими проблемами. Чтобы трансцендентальное сознание не воспринималось как человеческое свойство и способность, и потому *не* вызывало обвинений в антропологизме и психологизме, Гуссерлю требуется потратить много сил на обоснование специальной методики (редукции); в конечном счете, 'сознание' оказывается связанным с достаточно определенными идеалами научности (помимо редукции: описание, очевидность, экспликация и т.п.). По своей роли в философской системе трансцендентальное сознание оказывается весьма схожим с «разумом» предшествующей метафизики. Между тем, хайдеггеровский термин 'Dasein' и вообще вычленение таких структур как «настроение», «страх», «вина» дает повод ожидать, что мы имеем здесь дело с психологией или антропологией. Добавим, что на чисто терминологическом уровне, обозначения того сущего как *Dasein*, в некоторых языках оказывается совершенно невозможно «отличить» 'человека' в антропологическом смысле от 'человека' как предметного материала для онтологического вопроса. 2) На восприятие «Бытия и времени» как антропологии повлияла и незаконченность «Бытия и времени»: опубликованные части оказались «аналитикой *Dasein*» и были поняты как описания структур существования человека. 3) Антропологический и онтоло-



гический типсы вопрошания были недостаточно разграничены как в проблемном, так в стилистическом плане [10, S. 10, 20]; [21]. 4) Вне зависимости от тех целей, которые ставили перед собой и Гуссерль, и Хайдеггер, общая для них установка на поиск «оснований», «источков» представления человека о мире, приводили к пересмотру оснований знания, считавшихся до того очевидными. Это, в свою очередь побуждало к более пристальному взгляду в многообразные феномены человеческого сознания (Гуссерль) и практической повседневности человека (Хайдеггер). Такие исследования *приводили* к более подробной и детальной экспликации феноменов человеческого бытия, которые затем становились ценнейшим материалом для экзистенциальной или антропологической философии; хотя антропологическая проблематика и не была темой феноменологии, эти исследования *становились* вкладом в нее. Неудивительно, что философию судят также и по тому влиянию, которое она оказывает. Так, например, рецепция философии Хайдеггера в итальянском экзистенциализме 1930-х гг. и этически-антропологических теорий Н. Аббаньяно [18, S. 393]. В 1940–50-х гг. тому способствовали также работы Г. Плеснера, О.-Ф. Больнова, Л. Бинсвангера. 5) Осмысление «Бытия и времени» современниками пришлось на годы популярности в Германии философии жизни, «экзистенциальной философии» и антропологии; эти направления воспринимались в качестве родственных [9]; Использование Хайдеггером термина «экзистенция» для обозначения структур человеческого бытия только лишь укрепило ассоциативную связь с антропологией. 6) Наконец, в 30–50-х гг. XX в. популярность антропологического подхода как в философии, так и в других гуманитарных и общественных науках стала заметно возрастать.

Указанные причины позволяют избежать по крайней мере некоторых мотивов спора об антропологии в философии Хайдеггера. Вместе с тем они не дают окончательного ответа на дру-

гой вопрос: в чем именно «онтологический» подход в том виде, как его представлял себе Хайдеггер, можно считать более предпочтительным, нежели программу философской антропологии? Однако это – тема отдельного исследования.

### Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997.
2. Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1991. Bd. 3.
3. Heidegger M. Wegmarken // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1976. Bd. 9.
4. Heidegger M. Grundprobleme der Phänomenologie. Marburger Vorlesung Sommersemester 1927 // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1975. Bd. 24.
5. Heidegger M. Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1990. 2. Aufl. Bd. 26.
6. Heidegger M. Der deutsche Idealismus (Fichte, Schelling, Hegel) und die philosophische Problemlage der Gegenwart // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1997. Bd. 28.
7. Heidegger M. Besinnung // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1997. Bd. 66.
8. Drei Briefe Martin Heideggers an Karl Löwith // Zur philosophischen Aktualität Heideggers. Frankfurt a.M., 1990. Bd. II. S.36;
9. Heinemann Fr. Neue Wege der Philosophie. Geist / Leben / Existenz. Leipzig: Verl. von Quelle & Meyer, 1929.
10. Blumenberg H. Beschreibung des Menschen. Frankfurt a.M., 2006.
11. Hartman N. Zur Grundlegung der Ontologie (1935). Berlin, 4. Aufl. 1965.
12. Husserl E. Randbemerkungen Husserls zu Heideggers Sein und Zeit und Kant und das Problem der Metaphysik // Husserl Studies. 1994. Vol. 11. P. 3–63.



13. Kearney R. *Modern Movements in European Philosophy*. Manchester; N.Y., 2 Edit. 1994.
14. Marquard O. Zur Begriffsgeschichte des Stichwortes "Anthropologie" seit dem Ende des 18. Jahrhunderts // *Collegium Philosophicum*. 1965. S. 205–239.
15. Marquard O. *Anthropologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hg.v. J. Ritter*. 1971. Bd. 1. S. 326–374.
16. Orth E.-W. *Martin Heidegger und der Neukantianismus // Man and World*. 1992. Vol. 25. S. 421–441.
17. Pannenberg W. *Anthropologie in theologischer Perspektive*. Göttingen, 1983.
18. Ruoppo A.P. *Heidegger in Italien: Ein fruchtbarer Dialog // Heidegger und die Anfänge seines Denkens*. Freiburg i.Br.: Alber, 2004. S. 391–398.
19. Schnädelbach H. *Philosophie in Deutschland 1831–1933*. Frankfurt a. M., 1983.
20. Spiegelberg H. *The Phenomenological Movement. A Historical Introduction*. The Hague, 1960. Vol. 1.
21. Weizsäcker C. Fr.v. *Der Garten des Menschlichen. Beiträge zur geschichtlichen Anthropologie*. München; Wien, 1977.
22. Гартман Н. Старая и новая онтология // *Историко-философский ежегодник*. М., 1988. С. 320–324.
23. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики / пер. с нем. Б.Г. Столпнера*. М., 1937.

## ONTOLOGY AND ANTHROPOLOGY IN HEIDEGGER

Mikhaylov I.A.

Russian Academy of Sciences

The article analyzes reasons for the dispute about the interpretation of Heidegger's fundamental ontology and the main arguments deployed in this controversy. The novelty of the study lies in the clarification of the following reasons for the discrepancy between the main interpretations: 1) Heidegger's fundamental ontological project expects to build a new ontology without relying on the traditional classification of beings; striving to avoid the natural categorical divisions in such cases, the author

decides to start the "preparatory" stage of ontology with thematization of the being that man is; the term 'Dasein' used to denote this being inevitably leads to the perception of the project of fundamental ontology as anthropological. 2) A number of factual reasons: the incompleteness of Being and Time as an integral work, as well as an insufficiently detailed distinction between ontological and anthropological approaches, are additional factors in the perception of Heidegger's philosophy as anthropological. 3) The reception of the ideas of "Being and Time" fell on the years when the growth of the influence of new directions of philosophizing became apparent in Germany: philosophy of life, "existential philosophy" and philosophical anthropology; all these directions contributed to the consolidation of the anthropological interpretation of ontology. 4) While agreeing with the formal incorrectness of the designation of fundamental ontology as anthropology, we should not forget that one of the concrete results of Heidegger's philosophy was a more detailed explication of the phenomena of human existence, which was of great importance for the subsequent development of anthropological ideas. The study used the methods of historical and philosophical reconstruction, conceptual analysis, an approach from the standpoint of the sociology of knowledge.

Keywords: phenomenology, ontology, hermeneutics, theology, philosophy of biology, Husserl, Scheler, psychologism, relativism, ethics, human being, Dasein.

## References

1. Heidegger M. *Being and time / Per. with him. V.V. Bibikhin*. М., 1997.
2. Heidegger M. *Kant und das Problem der Metaphysik // Martin Heidegger Gesamtausgabe*. Frankfurt a.M. 1991. Bd. 3.
3. Heidegger M. *Wegmarken // Martin Heidegger Gesamtausgabe*. Frankfurt a.M. 1976. Bd. nine.
4. Heidegger M. *Grundprobleme der Phänomenologie. Marburger Vorlesung Sommersemester 1927 // Martin Heidegger Gesamtausgabe*. Frankfurt a.M. 1975. Bd. 24.
5. Heidegger M. *Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz // Martin Heidegger Gesamtausgabe*. Frankfurt a.M. 1990 2. Aufl. Bd. 26.



6. Heidegger M. Der deutsche Idealismus (Fichte, Schelling, Hegel) und die philosophische Problemlage der Gegenwart // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1997. Bd. 28.
7. Heidegger M. Besinnung // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1997. Bd. 66.
8. Drei Briefe Martin Heideggers an Karl Löwith // Zur philosophischen Aktualität Heideggers. Frankfurt a.M. 1990. Bd. II. S.36;
9. Heinemann Fr. Neue Wege der Philosophie. Geist / Leben / Existenz. Leipzig: Verl. von Quelle & Meyer, 1929.
10. Blumenberg H. Beschreibung des Menschen. Frankfurt a.M., 2006.
11. Hartman N. Zur Grundlegung der Ontologie (1935). Berlin, 4. Aufl. 1965.
12. Husserl E. Randbemerkungen Husserls zu Heideggers Sein und Zeit und das Problem der Metaphysik // Husserl Studies. 1994. Vol. 11. P. 3–63.
13. Kearney R. Modern Movements in European Philosophy. Manchester; N.Y., 2 Edit. 1994.
14. Marquard O. Zur Begriffsgeschichte des Stichwortes "Anthropologie" seit dem Ende des 18. Jahrhunderts // Collegium Philosophicum. 1965. S. 205–239.
15. Marquard O. Anthropologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hg.v. J. Ritter. 1971. Bd. 1. S. 326–374.
16. Orth E.-W. Martin Heidegger und der Neukantianismus // Man and World. 1992. Vol. 25 S. 421–441.
17. Pannenberg W. Anthropologie in theologischer Perspektive. Göttingen, 1983.
18. Ruoppo A.P. Heidegger in Italien: Ein fruchtbarer Dialog // Heidegger und die Anfänge seines Denkens. Freiburg i. Br. : Alber, 2004. S. 391–398.
19. Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. Frankfurt a. M., 1983.
20. Spiegelberg H. The Phenomenological Movement. A Historical Introduction. The Hague, 1960. Vol. one.
21. Weizsäcker C. Fr.v. Der Garten des Menschlichen. Beiträge zur geschichtlichen Anthropologie. München; Wien, 1977.
22. Hartmann N. Old and new ontology // Historical and Philosophical Yearbook. M., 1988. S. 320–324.
23. Hegel G.V.F. Science of logic / per. with him. B.G. Stolpner. M., 1937.

## Визуальные системы наблюдения и фотография в контексте dark ecology

Никольский Александр Валерьевич,

ст. преп. факультета визуальных искусств,  
ФГБОУ ВО Кемеровский государственный институт  
культуры  
E-mail: windwasteland@mail.ru

Каждое изменение технологии является причиной трансформации культуры и возможности постфотографических технологий, такие как экстернализация памяти, автоматизация и дистанцированное наблюдение активно участвуют в формировании реальности. С их помощью нейросети идентифицируют личность, они являются аргументом для принятия решений в градостроительстве, землепользовании и контроле климатических изменений. При этом, большинство фотографий уже не являются индексальной формой изображения в первоначальном смысле – как прямой слепок видимого мира на таком же видимом носителе, когда-то признанном семиотической основой фотографии. В статье показано, что они становятся объектами некой новой реальности, редуцированной до привычных эффектов изображения. Подобное положение фотографии и основанных на ней технологий требует соответствующих инструментов анализа, выходящих за границы традиционной эстетики в пространство онтологии. В данной работе предпринимается попытка определить актуальные границы распространения постоптических технологий и применить инструментарий объектно-ориентированных онтологий к визуальным комплексам получения и обработки информации на примере фотографии.

**Ключевые слова:** Фотография, паноптикон, постоптические технологии, объектно-ориентированная онтология, гиперобъекты, темная экология.

### Введение

Большинство изображений сегодня создано машинами для использования другими машинами машин: от систем контроля качества на производстве до устройств распознавания номерных знаков в городе, от отслеживания клиентов в супермаркетах до автоматизированной классификации объектов в военных дронах – благодаря своей гибкости изображения свободно вливаются во многие сферы не только человеческой жизни, формируя образ мира и одновременно изменяя саму физическую реальность. Но несмотря на то, что постоптические технологии являются наиболее передовыми формами создания изображений, все наше существование фотографируется в беспрецедентной степени. В результате положение фотографии в визуальной культуре становится более актуальным и нуждается в обсуждении, чем когда-либо.

Установленные на автомобилях камеры Google Street View можно рассматривать как мобильные версии стационарных камер видеонаблюдения, в результате чего архив изображений с точными координатами становится доступен каждому. Подобная визуализация была описана следующим образом: «прекрасный пример новейших технологий, где виртуальные и физические пространства сходятся, переплетаются и создают новые возможности для наблюдения» [7, с. 66].

Роли, определенные для инструментов контроля и наблюдения (в том числе фотографией), были ключевыми для критических социальных теорий, появившихся в 1970-х годах. Так, Мишель Фуко применил концепцию паноптикона (созданную Иеремией Бенетом в конце восемнадцатого века схеме тюрьмы, в которой заключенные постоянно наблюдаемы и, следовательно, дисциплинируют себя) как символ современного дисциплинарного общества



[6]. Основанный на теориях Фуко дискурс о дисциплинарной визуализации и паноптицизм все еще лежат в основе критических теорий социального контроля, но он больше не может служить инструментом и метафорой для анализа современного визуального универсума. Если паноптикон представляет образец замкнутой социальной экосистемы, то для осмысления технологически опосредованного и в целом нечеловеческого взгляда, тотально расширяющегося в масштабах планеты, более подходящим инструментом является экология, которая является осмыслением дома и, следовательно, мира (oikos [дом – др.-греч.] плюс logos [слово, учение – др.-греч]).

### Дискурсивные рамки

Еще в 1977 году в своем эссе «Образ мира» [3] Сьюзен Зонтаг призывала к «экологии фотографии», понимаемой как критическое осознание чрезмерного потребления изображений и взаимного массового наблюдения. С тех пор визуализация мира экспоненциально возросла, аналогичным образом возросла и сила влияния фотографии на реальность. Само применения понятия «экология» лишь к так называемой «природе», составляющей бинарную оппозицию «культуре», требует пересмотра в современных условиях проницаемости границ между человеком, созданной им сферой технологий и природой. Экология в своём первоначальном смысле означает перспективу, которая фокусируется на сложном устройстве окружающей среды, но не в понимании её как чего-то внешнего человеку, а как «трансверсально» проходящую сквозь миры.

«Сейчас более чем когда-либо природа неотделима от культуры, и нам необходимо научиться «трансверсально» мыслить связь между экосистемами, механосферой, а также индивидуальными и социальными универсумами референции» [10, с. 34]. Изданное в 1989 году эссе «Три экологии» психоаналитика Феликса Гваттари особенно ценно артикуляцией того факта, что человек одновременно находится внутри

природы и состоит из нее, одновременно является и не является внешним самому себе. Согласно Гваттари, актуальная социально-политическая и экологическая повестка требует удерживать во внимании точки соприкосновения природы, механосферы, социальной сферы и пространства субъективности, составляющих, тем не менее, онтологически различные среды: «Земля познаёт период интенсивных научно-технических преобразований, в ответ на которые рождаются явления экологического дисбаланса. ...пролить свет на эти вопросы может исключительно этико-политическая артикуляция – которую я называю экософией – в соответствии с тремя экологическими регистрами: регистром окружающей среды, социальных отношений и человеческой субъективности.» [10, с 18]. Тем не менее, эти регистры не являются строго разграниченными, более того – они неизбежно пересекаются.

С другой стороны, представители масштабного междисциплинарного проекта, названного философом Мануэлем де Ланда «плоскими онтологиями» (акторно-сетевая теория (АСТ), объектно-ориентированная онтология (ООО), спекулятивный реализм, dark ecology и другие) [8] подвергают последовательной критике саму модернистскую традицию эпистемологического и онтологического разграничения различных участников сетей взаимодействия. Проследившая эволюцию или связи какого-либо объекта или феномена, различные дисциплины маркируют его как технологию, социальный процесс, нарратив либо естественный природный процесс, где принципиальная гибридность большинства изучаемых сегодня феноменов ускользает от исследователей. Такое разграничение было задано в абстрактном образе природы как «окружающей среды» или отдельных друг от друга экологий. Но эта граница возникла сравнительно недавно и сейчас ее условность становится все сложнее игнорировать – человек всегда имел биологическую, фармакологическую, сельскохозяйственную, вирусную,



технологическую связь с нечеловеческой природой. По мнению создателей, плоские онтологии призваны служить концептуальной рамкой, способной избежать бинарных оппозиций и объединить переплетенные «ассамбляжи» различных действующих сил внутри сетей взаимодействия, не зависимо от их онтологической природы.

### «Взгляд Бога»

Современное экологическое мышление началось с *Blue marble* – культовой фотографии Земли, сделанной в 1972 году. Помимо этого, она визуализировала парадоксальный, но очевидный факт – человек сам является частью системы, которую наблюдает.

*Blue marble* была сделана с помощью камеры Hasselblad во время миссии «Аполлон-17» и показала планету во всем ее разнообразии и единстве в одном изображении. Так же, как и три экологии Гваттари, подобные снимки, по мнению автора, трансверсально объединяют науку, экологию и милитаризм. Аэрофотография и космическая фотография всегда были мотивированы военными интересами – камеры в миссиях НАСА «Аполлон» появились в результате разработок для самолетов-разведчиков, которые ВВС Швеции поручили Виктору Хассельбладу во время Второй мировой войны [11, с. 70–79]. Орнитолог-любитель, Виктор Хассельблад был так же заинтересован в изучении ресурсов и поиске устойчивых вариантов взаимодействия с природой, как и в фотографии.

В 2012 году НАСА создало новую версию *Blue marble* – композита, составленного из множества спутниковых фотографий. Как указывает визуальный теоретик Николас Мирзоев, подобное изображение является точным в каждой детали, но оно лишь создает иллюзию своего создания в определенной точке пространства и в один момент времени. Такой «плиточный рендеринг» является стандартным средством построения цифровых изображений. Новая версия, добавляет он, «является хо-

рошей метафорой того, как мир визуализируется сегодня» [12, с. 9–10].

Различая человеческие и технологические способы восприятия и репрезентации, исследовательница визуальных технологий Ана Пераика предложила концепцию «тотального образа» – результата длительного процесса разработок в области визуальных технологий с целью расширить видение до такой степени, чтобы оно могло охватить весь мир одновременно: «Новое, нечеловеческое состояние поднимает положение зрителя, исправляет оптические искажения и объединяет несколько точек видения в одно изображение. Тотальное изображение разрушает человеческий, земной, ограниченный и однопозиционный акт видения, производя вместо него неземной, неограниченный, умноженный акт визуализации» [13, с. 75]. Сегодня Земля больше не регистрируется из какой-либо одной конкретной точки Вселенной, даже с позиции беспилотного летательного аппарата или спутника. Новые фотографические технологии автоматизированы, и эти постоптические комплексы создают сложные композитные изображения из множества фотографий и других данных. Технологии, основанные на фотографии и производящие тотальные образы, становятся «гиперобъектами» (если использовать термин одного из представителей ООО и основателя *dark ecology* философа Тимоти Мортон), то есть сложной гибридной структурой, создающей существенные эффекты во многих сферах человеческой и не только человеческой жизни в планетарном масштабе [4].

Например, *Landsat* – самая продолжительная спутниковая программа наблюдения Земли, которая началась 23 июля 1972 года с запуска Спутника Технологии Ресурсов Земли, позже переименованного в *Landsat 1*. На момент написания статьи было запущено девять спутников, последний из которых – *Landsat 9* – был запущен в сентябре 2021. Он создает тотальный образ планеты каждые восемь дней (в паре с предшественником *Landsat 8*) из со-



тен отдельных снимков каждый день. Эти данные используются для всего: от мониторинга климатических изменений и прогнозирования погодных условий до разведки полезных ископаемых, лесного хозяйства, сельского хозяйства и городского планирования. На сайте проекта указаны основные задачи: сбор данных для принятия решений в сфере экологии, землепользования и градостроительства, оценка урона от стихийных бедствий и антропогенных катастроф [15]. Редкий пример использования орбитального наблюдения не в военных целях.

Обсуждая Landsat и другие подобные технологии сбора данных, мы часто прибегаем к языку фотографии и обращаемся к антропоцентрическим концепциям глаза и зрения. Но этот дискурс может оказаться упрощающим и, понимая, как на самом деле функционируют такие системы и как они формируют мир и наше понимание его, мы можем приблизиться к пониманию роли и места изображений в данный момент.

Максимальное доступное разрешение Landsat составляет пятнадцать метров. Это означает, что все меньшее по размеру невидимо, но вместо этого становится зримой масса: городские кварталы, ширина лесов и озер, рельеф холмов и гор. Его «зрение» разделено на одиннадцать фрагментов спектра, которые анализируются и используются по-разному. Operational Land Imager на борту Landsat 9 применяется за пределами узкого видимого спектра света, но он не «видит» в привычном человеческом понимании. Его продукты так же не «видны». Цифровые изображения представляют собой не просто фиксацию света, а результат его преобразование в данные. Как таковые, эти данные остаются в течение некоторого времени и, возможно, навсегда, в сфере технологического восприятия и анализа, лишь иногда редуцированно превращаясь в доступные человеку изображения.

Так как изображение существует в форме данных, на него могут воздействовать все виды вычислитель-

ных процессов, например, просматривая архив изменений на макроуровне: процентное истощение в пологе лесов; длина теней в глубинах резервуаров для хранения нефти; видимый асфальт и, следовательно, количество автомобилей на стоянках у ритейлера. «...не следует забывать, что «изображение», «образ» в данном случае – не совсем подходящие термины: ведь автоматизированная интерпретация не имеет ничего общего с привычным для нас зрением» [2, с. 133].

Поль Вирильо предложил понятие «Машина зрения» в одноименной книге, изданной в 1988, для того чтобы проанализировать сложившийся уже в тот момент феномен автоматизированных систем визуального восприятия. Согласно Вирильо, взгляд, его дистанция и скорость выступают способом не только восприятия, но и формирования реальности. Эволюция устройств, называемых им «оптическими протезами» сделала видимыми ранее недосягаемые объекты, одновременно вызвав кризис репрезентации: дистанция взгляда, ранее соотносимая с физической доступностью объекта, теряет свое первоначальное роль и значение, а взгляд перестает быть источником достоверной информации. Естественный взгляд человека отступает, а ведущая роль в формировании образа мира переходит «машине зрения», провоцируя «интенсивное ослепление». В статье «Машины абстракций и конец протезирования» М.А. Степанов оспаривает тождественность понятий глаза и зрения (технологического либо человеческого): «Можно посредством нейропротеза видеть инфра-, ультра- и т.д. и т.п. изображения, но это еще не значит мыслить» [5]. Однако, по нашему мнению, в текущих реалиях может быть продуктивным перенос акцента с человека и его мышления на всех действующих акторов общей сети взаимодействия. «Уже не вписывающиеся в схему прямого или косвенного наблюдения синтетических изображений, созданных машиной для машины, эти инструментальные виртуальные образы



станут для нас эквивалентом того, чем являются, скажем, ментальные образы незнакомого собеседника, – тайной. Не имея графического или видеографического выхода, протез автоматического восприятия будет функционировать как своего рода машинное воображение, полностью исключающее наше участие» [2, с. 107].

Когда изображения становятся данными, они не просто вычислимы и подлежат обработке, они также действуют в мире более непосредственно. В то время как фотографии иллюстрируют, данные действуют. Их значения – истинные или нет – имеют прямые и реальные последствия. «Статистическая наука – возникшее сравнительно недавно искусство информировать об объективных тенденциях, вскоре превратившееся в искусство убеждать, – с оснащением оптикой замкнутого цикла значительно расширяет свои возможности: зрение статистики становится острее, и вместе с ним растет ее власть, ее сила убеждения» [2, с. 138].

Созданный в «Кремниевой долине» спутник Orbital Insights предоставляет эксклюзивные данные для хедж-фондов и инвестиционных банков, которые используются для прогнозирования экономических событий. Их сделки, в свою очередь, формируют контуры фондового рынка. Между тем, благотворительная организация GiveDirectly в Нью-Йорке способствует прямым пожертвованиям отдельным обездоленным семьям в Кении и Уганде, осуществляя поиск жилых домов с соломенными крышами. Само изображение является излишним для метода – важна вычисляемая информация, которую оно содержит. Подобный тип информации визуальный исследователь и междисциплинарный художник Харун Фароки назвал «операционные изображения» – буквально невидимые человеку и созданные не для него, которые лишь изредка адаптируются для восприятия человеком [17].

Таким образом, фотография в постцифровую эпоху характеризуется двумя существенными эффектами: пер-

вый сосредоточен вокруг интеграции человеческого и машинного зрения, а второй – вокруг эмансипированного технологического зрения, созданного машинами для машин. Первый эффект, разрушая границу между естественным и неестественным восприятием, является предпосылкой для второго, при котором контроль над средствами интерпретации и производства фотографий полностью передается машинам. Операционные изображения постепенно стали полностью нечеловеческой технологией, работающей независимо от создателей – «изображениями без зрителей» по определению Виррило. Дистанционная постоптичная визуализация и все технологически расширенное зрение – прежде всего часть функционирования мира, его политика, этика и понимание себя, трансверсально проходящее через все три экологии Гваттари. Таким образом, современные изображения заставляют нас выходить за рамки базовых кантовских категорий возвышенного и прекрасного в пространство онтологии.

### Гиперобъект фотографии

Представитель объектно-ориентированной онтологии и создатель концепта «темной экологии» философ Тимоти Мортон ввел понятие «гиперобъекты» для того, чтобы рассматривать вещи, широко – относительно людей – распределенные во времени и пространстве, но при этом существующие предельно близко к человеку вплоть до невозможности разделения. «В настоящее время люди осознают, что они вступили в новую фазу истории, когда не-люди не исключены и не являются всего лишь декоративными элементами человеческого социального, психического и философского пространства» [4, с. 11].

Несмотря на то, что сферы визуального непосредственно темная экология не касается, ее инструменты вписываются в междисциплинарную логику концептуализации гибридных феноменов, к одному из которых можно причислить и фотографию. Следуя общему тренду современной философии иллюстриро-



вать тезисы примерами из массовой литературы и кинематографа, Мортон приводит сцену из фильма «Матрица» для описания действия гиперобъектов: главный герой прикасается к изменившему свои свойства зеркалу, больше похожему на вязкую подвижную жидкость, которая, вместо того чтобы возвращать отраженные образы в контролируемом одностороннем порядке, просто поглощает его. Зеркало становится самостоятельным объектом с собственной логикой и законами, «больше не создает дистанцию между ним самим и его изображением эстетически контролируемым способом, но прилипает к нему» [4, с. 49]. Зеркальные метафоры часто использовались визуальными теоретиками для объяснения действия фотографии, но всегда это были механизмы создания образа через удвоение, копирование, где объект и образ разделены онтологической границей. Плоские онтологии, в отличие от подобной модернистской логики, не поддерживают бинарные оппозиции, но рассматривают объекты совместно в общей сети взаимовлияния: «Прекрасная реверсируемость маслянистого, плавящегося зеркала говорит о том, что происходит по причине действия гиперобъектов: об одновременном растворении реальности и всепоглощающем присутствии гиперобъектов, которые прилипают к нам, которые и есть мы» [4, с. 50]. Например, изначально оптическая система распознавания лиц FR (facial recognition – метод цифровой идентификации человека, использующий камеры наблюдения в едином комплексе с нейросетью и базами хранения изображений) имеет сложную ризоматическую структуру, свойственную гиперобъектам. В ближайшей перспективе можно видеть, как устройства создания образов постепенно, но безошибочно приближается от орбиты к городу, улице, сокращая дистанцию до ее полной отмены. «Те инструменты, которые мы использовали для того, чтобы объективизировать вещи, стали паяльной лампой, сжигающей стеклянный экран, который отделяет людей от Земли, –

поскольку любое измерение отныне понимается как изменение» [4, с. 52].

Согласно Мортону, гиперобъекты имеют ряд характеристик: 1. вязкость, что проявляется в невозможности оторваться от них, как в примере с зеркалом Матрицы и FR; 2. нелокальность – иными словами, «никакие локальные проявления гиперобъекта непосредственно не являются самим гиперобъектом», так же, как отдельно взятая фотография представляет собой лишь часть визуального комплекса, который, в свою очередь, связан с другими технологическими, экономическими, социальными комплексами (подробно об этом пишет Виллем Флюссер, «За философию фотографии»); 3. фазирование – существование в рассредоточенном поле эффектов, что усложняет классификацию гиперобъекта как отдельно взятого объекта (при этом гиперобъект – это не просто ассамбляж, а самостоятельный объект *par excellence*); 4. темпоральная ундуляция – существование в темпоральности, несоизмеримой с человеческой; 5. интеробъективность, которая проявляется в эффектах, создаваемых гиперобъектами дистанционно в пространстве общей сети взаимодействия [4, с. 11].

Подробным анализ каждого из этих свойств применительно к фотографии невозможно провести в рамках отдельной статьи, тем не менее, мы считаем необходимым подробнее рассмотреть два последних свойства.

**Темпоральная ундуляция.** Понятие «фотографическое время» как основополагающее свойство фотографии выделил еще Ролан Барт в труде *Camera Lucida*, но развитие технологий добавило новые нюансы взаимоотношений фотографии и темпоральности. Например, снимки Landsat не заменяют друг друга в архиве – скорее, они являются кадрами в текущей записи. Этот архив создается с 1972 года, медленно ускоряясь, но оставаясь полностью согласованным по масштабу, что позволяет проводить поэтапное сравнение каждой фотографии во времен-

ной перспективе: расширение городов и сужение лесов, распространение дорог и портов и уменьшение внутренних океанов. Каждое изображение является частью архива, который расширяется во времени, постоянно пополняя себя. Подобная система была создана американскими военными для решения других задач: Gorgon Stare, массив из девяти камер в беспилотном самолете, способный одновременно наблюдать целый город. В испытаниях над городом Дейтон, штат Огайо, в 2014 году, Persistent Surveillance Systems продемонстрировали, что эта система может «перематывать время», следя за движением автомобиля в реверсируемом просмотре видеозаписи – обратно к месту начала его движения [16].

**Интеръективность.** Объекты не «подвешены» изолированно друг от друга в вакууме, между ними существует интеръективное поле взаимодействия. Мы привыкли к «взгляду бога» через растущую важность аэрофотоснимков: «Дрон мечтает достичь с помощью технологии миниатюрной эквивалентности вымышленному оку Бога» [7, с. 42]. Харун Фароки в своих фильмах, посвященных технологическому союзу как глаза и оружия, показывает, каким образом милитаризованное зрение создает «оперативные изображения», которые не только создают образ объекта, но и являются частью операции. Другими словами, образы войны в реальном времени являются перформативными. При этом, ошибки такого дистанцированного взгляда в условиях боевых действий могут быть фатальными. Международная правозащитная организация «Forensic Architecture» занимается реконструкцией военных и полицейских преступлений и ошибок, возникших в том числе в результате беспилотных авиаударов. Судебная архитектура также использует дистанционный метод сбора доказательств для своих реконструкций – кадры очевидцев из Интернета и спутниковые снимки. Тем не менее, полученные результаты применяются в правозащитной судебной практике [14].

Таким образом, дистанционное спутниковое и беспилотное «зрение», как и многие другие наши технологии, «видит» дальше и шире, чем мы, не только во времени и пространстве, но и способами, недоступными людям. Такова природа инструментов, изначально созданных людьми, но существующих в другой сенсорной среде – смежной, но отличающейся от человеческой. «Благодаря мгновенной повсеместности телетопологии, возможности моментального соположения всех преломляющих поверхностей и зрительного соединения всех локальностей растерянность взгляда уходит в прошлое. Раздел между прошлым, настоящим и будущим, или между здесь и там, теперь есть не более чем зрительная иллюзия» [2, с. 61].

## Выводы

Основанные на фотографии изображения в своей адаптированной для человеческого восприятия форме все еще имитируют нейтральность и объективность, как того требуют традиционные семиотические теории фотографии и, главное, притязания фотографии на роль документа. Именно непредвзятая объективность позволила фотографии занять ту роль, которая легитимизирует ее право влияния на мир. Но эта объективность технологического взгляда с самого момента своего появления связывалась с редукцией роли человека в создании изображений – от живописца до фотографа и далее. Тотальный образ как результат этого развития также является нечеловеческим *par excellence*. Эта цель была достигнута в логике эволюции визуальных комплексов создания и обработки информации, вновь поставив вопрос объективности на новом, уже нечеловеческом витке развития. Тотальный образ не обязательно фиксирует объективную реальность (хотя отношение этого образа к реальности остается эпистемологическим, поскольку он продолжает приносить некоторые знания), но участвует в ее формировании.

Анализ сложной, ризоматической сети видимости осуществляется в двух основных направлениях: с одной сторо-



ны, это постструктуралистские в своей основе концепции конфликтного взаимодействия различных экологий, имеющих, как правило, иерархическую структуру, однонаправленные причинно-следственные связи и бинарные природо-культурные оппозиции.

С другой стороны, это инструментарий так называемых «плоских онтологий» – АСТ, ООО и dark ecology – с их утверждением гибридности большинства феноменов. Междисциплинарный подход подобных теорий дает возможность анализа сложных сетей, в которых взаимодействуют различные комбинации человеческих и нечеловеческих агентов в процессе совместного конструирования природы. Вместо того, чтобы и дальше укреплять дискурсивную границу между человеком, созданной им «второй природой» и природой «первой», по мнению автора, имеет смысл принять смешение всех этих сфер и попытаться создать подпадающий концептуальный словарь, соответствующий новым условиям. Сложный комплекс визуализации в ходе своей эволюции и постепенного отчуждения от человека перестал быть инструментом одной лишь репрезентации и превратился в самостоятельного актора, оказывающего реальное воздействие на все экологии. «Нужно оставить тщетные попытки отделить людей от не-людей. Вместо этого нужно наладить более тонкие взаимоотношения с нелюдью внутри тех ассамблеж, в которые вступает каждый из нас» [1, с. 148]. Социальная, технологическая и природная сферы вплетены в системы визуализации мира, частью которого они являются. Камера, наблюдающий и наблюдаемый в одном визуальном универсуме.

Мечты о вездесущем, непредвзятом и всепроникающем взгляде существовали в культуре задолго до тотального пространства визуальных комплексов, и уже тогда этот взгляд имел черты гиперобъекта. На текущем этапе развития фотография и весь комплекс визуализации действительно может рассматриваться как один из гиперобъектов – основных акторов в пространстве dark ecology.

## Литература

1. Беннетт, Джейн. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннетт; пер. с англ. А.А. Саркисянца. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 220с.
2. Вирильо, Поль. Машина зрения / П. Вирильо. – СПб.: Наука, 2004. – 144с.
3. Зонтаг, Сьюзен. О фотографии / С. Зонтаг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 272 с.
4. Мортон, Тимоти. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / Т. Мортон; пер. с англ. В.И. Абраменко. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 284 с.
5. Степанов М.А. Машины абстракций и конец протезирования. / М.А. Степанов // Медиафилософия 2. Границы дисциплины. – 2009. – № 2. – С. 123–137.
6. Фуко, Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 416 с.
7. Chamayou, Gregoire. Drone Theory / G. Chamayou. – London: Penguin, 2015. – 180p.
8. deLanda, Manuel. Intensive Science and Virtual Philosophy / M. deLanda. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 218p.
9. Gilliom, John. Supervision: An Introduction to the Surveillance Society / J. Gilliom, T. Monahan. – Chicago: University of Chicago Press, 2013. – 196p.
10. Guattari, Felix. The Three Ecologies / F. Guattari. – London: The Athlone Press, 2000. – 174 p.
11. Gunnarsson, Soren. Victor Hasselblad: The Man Behind the Camera / S. Gunnarsson // forthcoming publication by Stockholm: Journal. – 2016. № 1. – 70–79p.
12. Mirzoeff, Nicholas. How to see the World / N. Mirzoeff. – London: Penguin, 2015. – 180p.
13. Peraica, Ana. The Age of Total Images: Disappearance of a Subjective Viewpoint in Post-digital Photography /



- A. Peraica. – Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2019. – 142p.
14. Forensic-architecture [электронный ресурс]. URL: <https://forensic-architecture.org/> (дата обращения: 17.10.2021)
  15. Landsat 9 [электронный ресурс]. URL: <https://landsat.gsfc.nasa.gov/landsat-9/landsat-9-overview> (дата обращения: 25.10.2021)
  16. PSS [электронный ресурс]. URL: <https://www.pss-1.com/> (дата обращения: 03.11.2021)
  17. e-flux journal [электронный ресурс]. URL: <https://www.e-flux.com/journal/59/61130/operational-images/> (дата обращения: 30.10.2021)

## VISUAL OBSERVATION SYSTEMS AND PHOTOGRAPHY IN THE CONTEXT OF DARK ECOLOGY

**Nikolsky A.V.**

Kemerovo State Institute of Culture

Each change in technology is the cause of the transformation of culture and the possibilities of post-photographic technologies such as externalization of memory, automation and remote observation are actively involved in shaping reality. With their help, neural networks identify a person, they are an argument for decision-making in urban planning, land use and climate change control. At the same time, most photographs are no longer an index form of an image in the original sense – as a direct cast of the visible world on the same visible medium, once recognized as the semiotic basis of photography. The article shows that they become objects of a certain new reality, reduced to the usual image effects. Such a position of photography and technologies based on it requires appropriate analysis tools that go beyond the boundaries of traditional aesthetics into the space of ontology. In this work, an attempt is made to determine the current boundaries of the spread of post-optical technologies and apply the toolkit of object-oriented ontologies to visual complexes for obtaining and processing information using the example of photography.

**Keywords:** Photography, panopticon, post-optical technologies, object-oriented ontology, hyperobjects, dark ecology.

### References

1. Bennett, Jane. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things* / J. Bennett; translation

- from English A.A. Sarkisyants. – Perm: Gile Press, 2018. – 220p.
2. Virilio, Paul. *Vision machine* / P. Virilio. – SPb.: Nauka, 2004. – 144p.
3. Sontag, Susan. *About photography* / S. Sontag. – M.: Ad Marginem Press, 2016. – 272 p.
4. Morton, Timothy. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World* / T. Morton; translate from English IN AND. Abramenko. – Perm: Gile Press, 2019. – 284 p.
5. Stepanov M.A. *Machines of abstractions and the end of prosthetics.* / M.A. Stepanov // *Media philosophy 2. The boundaries of discipline.* – 2009. – No. 2. – S. 123–137.
6. Foucault, Michel. *Discipline and Punish: The birth of a prison* / M. Foucault. – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 416 p.
7. Chamayou, Gregoire. *Drone Theory* / G. Chamayou. – London: Penguin, 2015. – 180 p.
8. deLanda, Manuel. *Intensive Science and Virtual Philosophy* / M. deLanda. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 218p.
9. Gilliom, John. *Supervision: An Introduction to the Surveillance Society* / J. Gilliom, T. Monahan. – Chicago: University of Chicago Press, 2013. – 196p.
10. Guattari, Felix. *The Three Ecologies* / F. Guattari. – London: The Athlone Press, 2000. – 174 p.
11. Gunnarsson, Soren. *Victor Hasselblad: The Man Behind the Camera* / S. Gunnarsson // forthcoming publication by Stockholm: Journal. – 2016. № 1. – 70–79p.
12. Mirzoeff, Nicholas. *How to see the World* / N. Mirzoeff. – London: Penguin, 2015. – 180 p.
13. Peraica, Ana. *The Age of Total Images: Disappearance of a Subjective Viewpoint in Post-digital Photography* / A. Peraica. – Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2019. – 142 p.
14. Forensic-architecture [электронный ресурс]. URL: <https://forensic-architecture.org/> (дата обращения: 17.10.2021)
15. Landsat 9 [электронный ресурс]. URL: <https://landsat.gsfc.nasa.gov/landsat-9/landsat-9-overview> (дата обращения: 25.10.2021)
16. PSS [электронный ресурс]. URL: <https://www.pss-1.com/> (дата обращения: 03.11.2021)
17. e-flux journal [электронный ресурс]. URL: <https://www.e-flux.com/journal/59/61130/operational-images/> (дата обращения: 30.10.2021)



## Проблема «Другого» с позиции экзистенциально-феноменологического анализа

**Руденко Андрей Викторович,**

председатель правления РОФПСППМ «БЛАГОВЕСТ»  
E-mail: 9215669@mail.ru

Проблема «Другого» занимает особое положение в истории философской мысли. Размышления о «Другом» наполняют философские трактаты, начиная с античности, в которых Я и не-Я рассматриваются как противоположности, как сущности, оппозиционные друг другу. Но в XX веке проблема Другого вышла на новую ступень развития и стала осмысливаться в рамках двух новых философских течений – феноменологии и экзистенциализма. Чтобы показать концепцию «Другого» на примере этих направлений современной философской мысли, мы остановились на решении проблемы «Другого», которое предложили Э Гуссерль, М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр. Несмотря на то, что все три философа по-своему интерпретируют проблему Другого, в их учении можно найти много точек соприкосновения. Мы пришли к выводу, что концепция Другого экзистенциально-феноменологического толка, основанная на концепции бытие-для-других, обеспечила окончательное доказательство существования Другого и привела к дальнейшему изучению проблемы Другого в современной философии.

**Ключевые слова:** Другой, феноменология, экзистенциализм, интерсубъективность, бытие, диалогизм.

Диоген Лаэртский в своей исторической хронике однажды рассказывает, как древнегреческий философ Пиррон отказался остановиться и помочь своему другу Анаксарху, который попал в трясины. Пиррон, верный своим скептическим убеждениям о том, что нельзя слишком полагаться на чувства, пошел дальше [16, р. 338]. Наверное, это был первый случай в истории, когда на горизонте человеческого познания обозначилась проблема «Другого», более явственно нашедшая свое выражение в «Диалогах» Платона, особенно в «Пармениде» и «Государстве», где философ поднимает вопрос множественной идентичности и необходимости единства всех существ, живущих в этом мире: «... единое, взятое само по себе, есть многое и, с другой стороны, многое само по себе есть единое» [11, с. 273]. Аристотель утверждал, что, по закону противоречия, ничто не может быть одновременно и тем, что оно есть, и не тем, что оно есть. Таким образом, уже античные философы, признававшие уникальность личности (закон идентичности), утверждали, что, по закону противоречия, не-Я также реально, как и Я, что мир множественен и что каждый индивид живет в этом мире не сам по себе, а в сообществе таких же индивидов, каждый из которых интенционально идентичен: с одной стороны, он пребывает в своем Я, а с другой, вне зависимости от его способностей восприятия, – постигает структуру мира, в котором существует множество не-Я.

Начиная с Нового Времени, феномен «Другого» стал предметом дискуссий. Представители классической философии одними из первых пытались решить проблему реальности чужого сознания и его познаваемости. Однако, большую часть своей истории философия «видела в «Другом» лишь объект познания, пассивный и подчиненный активному Я» [13, с. 57]. Р. Декарт,



Л. Фейербах, Г.-В.-Ф. Гегель и другие мыслители рассматривали «Другого» как «другое Я», «моё инобытие», «второе Я» [6, с. 4]. Однако, в XX веке концепция «Другого» получила совершенно иную трактовку, восходящую к проблеме сознания.

Новое осмысление «Другого» произошло с появлением феноменологии, идейным вдохновителем которой стал Эдмунд Гуссерль. По Гуссерлю, сообщество людей представляет собой множество замкнутых, изолированных монад, каждая из которых каким-то образом может общаться с другими и познавать их. Сам немецкий философ, конечно же, понимал, что данная теория есть отражение солипсизма и является чистой эгологией. Поэтому он создал программу трансцендентальной интерсубъективности, в рамках которой осуществляется коммуникация между другими трансцендентальными Его [12, с. 452].

Понятие «интерсубъективность», которое ввел Э. Гуссерль в работе «Картезианские размышления», «призвано обосновать существование общезначимого знания о мире. «Интерсубъективность» заключена в самой структуре трансцендентального субъекта. «Интерсубъективности» говорит о факте множественности субъектов и выступает основой их общности и коммуникации. Только потому, что в структуре субъективности заложена такая черта, как интерсубъективность, мы можем не только отличить себя от «Другого», но и понять «Другого». *Интерсубъективность*, по Гуссерлю, – это особая общность между познающими субъектами, условие взаимодействия и передачи знания одного для другого» [8, с. 32]. Однако, Гуссерль считал, что для каждого субъекта важнее всего его Я, Его, его собственный мир, в котором живут его собственные переживания и настроения. Но, выстраивая свой мир, субъект обнаруживает, что существуют и другие миры, «иная интенциональность, аналогичная моей, но не идентичная моей и не соизмеримая с ней» [13, с. 59]. Иными словами, субъект, конструируя

собственный мир, понимает, что он живет среди «Других», но свое бытие он ставит не только вне, но и выше бытия «Других», постулируя центром системы координат собственное Я. Таким образом, по Гуссерлю, «опыт объективности отражен в согласии некоего множества субъектов» [10, с. 37]. Но другие его – это всего лишь «синтетические единства, находящие во мне свое возможное подтверждение, но суть, по своему смыслу, именно “другие”» [5, с. 183]. Погрузиться во внутренний мир «Другого» и усмотреть феномены его сознания невозможно, поскольку «Я не видит чужих Я в том же самом модусе, в котором обнаруживает себя само» [3, с. 99]. Даже если, как считает немецкий философ, «путем вчувствования» познать сознание другого, то пережить и воспринять его – все равно невозможно [3, с. 99]. Гуссерль подчеркивает: «Я – не кусок мира», как «мир и любой объект мира – не кусок моего Я», они «не являются реальной частью моего сознания» [7, с. 223]. И в то же время Гуссерль считает, что «субъект нуждается в присутствии Другого, поскольку благодаря наличию Другого субъект способен смотреть на себя с точки зрения Другого и понимать, как он воспринимается Другим» [4, с. 107].

«Инаковость Другого, – пишет Ж.-Ф. Лиотар, – отличается от простой трансценденции вещи, поскольку Другой есть некий Я для себя самого...; другими словами, Другой есть чистое Я, которое не нуждается ни в чем, чтобы существовать, он есть абсолютное существование и радикальная точка отсчета для себя самого, подобно тому как я таковым являюсь для самого себя» [10, с. 38]. «Другой есть модификация моего Я» [5, с. 183].

Концепция «Другого» у Гуссерля монологична. Обратив взор к Другому как к чуждой персоне, немецкий философ, трансцендентальный солипсизм которого, как верно подметил Ж.-Ф. Лиотар, «спотыкается о проблему Другого» [10, с. 57], не воспринимал последнего как «субъекта, соконституирующего совместный мир» [14, с. 59]. Но тем не ме-



нее Э. Гуссерль обеспечил фундамент для понимания Другого, которое началось в эпоху экзистенциализма.

Предпосылкой новой, экзистенциальной, концепции «Другого» стали принципы диалогизма, сместившего Я с занимаемого им прежде центра. «Жизнь по своей природе диалогична, – писал М.М. Бахтин. – Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [1, с. 337]. Если непосредственное познание Другого невозможно, как утверждал Э. Гуссерль, то понимание его не является недостижимым. Мир полифоничен, – утверждает М. Бахтин. Он состоит из множества голосов. Поэтому существование возможно лишь на границе Я и Другого, а постижение Другого должно основываться не на рациональном опыте субъекта, а на эмоциональном начале. Бинарная оппозиция Я/Ты должна быть преодолена, поскольку «Другой – это Ты, в качестве которого может выступать не только человек, но и другие живые существа и предметы вечно мира» [6, с. 13].

В процессе познании Другого большую роль играют законы эмпатии, которую в данном контексте следует понимать как «способность отождествить один из своих Я-образов с воображаемым образом Другого» [6, с. 13]. Такой подход «позволит воспринимать Другого с позиций своего Я, но для полноценного диалога требуется умение признать право Другого быть субъектом познания» [6, с. 13].

О том, что Другой участвует в формировании собственного Я, говорил и М. Хайдеггер, для которого со-бытие с Другим есть способ бытия в мире. Однако, для М. Хайдеггера «истинное понимание Другого есть его непонимание, то есть осознание его инаковости. Значимым положением теории Хайдеггера можно назвать определение понимания Другого как понимание его отличия и несводимости его опыта к моему» [6,

с. 12]. Но М. Хайдеггер мыслит Другого как «каждого», «усредненного» члена коллектива. Другой у него обезличен. Отличительной особенностью сонма «других» у Хайдеггера является их взаимозаменяемость, равнозначность, взаимопредставляемость и лишенность всякой самости. Превращение «других» в массовое «они» приводит к нарушению акта подлинной коммуникации и диалога» [2, с. 92].

Ж.-П. Сартр, ученик М. Хайдеггера, по-иному взглянул на проблему Другого. На пути к своему феноменологически-экзистенциалистскому решению проблемы существования Другого Сартр различал два вида бытия: бытие-для-себя (*pour soi*), которое является человеческой реальностью, обладающей сознанием как силой отрицания, и бытие-в-себе (*en soi*), являющееся полнотой бытия. Однако, бытие, с точки зрения Сартра, не должно быть объектом утилитарно-эгоистического «присвоения» по типу «иметь» и «быть». Бытие подлинно «раскрывается» субъекту только тогда, когда он начинает осознавать себя как существо, сопричастное другим людям. Несмотря на то, что в основе сартровской проблемы существования других лежит фундаментальная предпосылка «другие – это Другие», то есть «Другой – это Я, которое не является мной», данное отрицание («Другой – это тот, кто не я, и тот, кем я не являюсь») есть чисто внешнее отрицание. Подобное отрицание следует понимать как конститутивную структуру бытия-для-других.

Хотя Сартр продолжает утверждать, что другой человек – это всегда угроза моей свободе и индивидуальности, возможность подчинения и подавления, но тем не менее Я – основа бытия другого, благодаря мне «имеется другой», Я – условие раскрытия его возможностей [9, с. 97]. «Поскольку другой является таким, каким он мне является, – пишет ДЖ.-П. Сартр, – и поскольку мое бытие зависит от другого, способ, каким я себе являюсь, то есть момент развития моего сознания себя, зависит от способа, которым другой является

мене. Значимость признания меня другим зависит от значимости признания другого мною» [15, с. 260].

Ж.-П. Сартр утверждает, что сознание Другого не может быть понято без анализа социальности, интересуальности. Этой проблеме посвящена самая интересная и самая большая третья часть книги «Бытие и Ничто», в которой он подробно описывает «бытие-для-другого». Социальный характер сознания личности Сартр раскрывает через детальное исследование социально-психологического феномена «взгляда». Другой, если придерживаться концепции Сартра, — тот, кто желает сделать меня объектом, тот, кто всматривается в меня, кто видит во мне то, что делает меня объектом, рассматривает преследующим и мстительным взглядом (словно «сквозь замочную скважину»). Другой оказывается видимым пределом, указывающим мне, где кончается мое право обладать и где существуют неизвестные мне миры других. Таким образом, явление другого интерпретируется Сартром как появление взгляда (за которым нет лица).

Можно сказать, что в данном контексте Сартр фактически расширяет и углубляет положение Гегеля о том, что каждый смотрит в другого, как в свое зеркало: границей моей свободы оказывается свобода другого; под взглядом другого я становлюсь объектом, но и другой становится объектом под моим взглядом; если бы не было другого, я бы никогда не смог быть для себя объектом, не имел бы самосознания. Правда, Сартр фиксирует негативную сторону отношений с другим: «В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего; в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня» [15, с. 379]. Но ведь конфликтность является основой человеческого общества, которое еще Ф.М. Достоевский образно назвал «муравейником». «Конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого» [15, с. 379].

Экзистенциалистская феноменология Сартра стоит между идеализмом и реализмом. Философ стремится позицию, согласно которой Другой существует так же конкретно, как и Я. Однако, по мысли современных западных исследователей, Сартр, хотя и в несомненно важный вклад в философскую проблему существования Другого, на самом деле не предоставил доказательств существования Другого, а лишь преуспел в укреплении здравого смысла, заключающегося в том, что Другой всегда стремится обременить человека, пытается использовать его (или нас) в качестве вещи. Но человек не может быть объектом, вещью для другого, такое состояние лишает его свободы. Живя среди других людей, человек обречен быть частью человеческого общества, напоминающего Ад. «Ад — это Другие», — с грустью восклицает философ устами героя своей драмы «За закрытой дверью». Заявив, что мы брошены в мир лицом к лицу с другим, Сартру не уже не может вывести человека из экзистенциального одиночества с помощью концепции бытия-для-других.

Спор о «Другом» является опорной точкой в структуре философского знания. Проблема Другого является линией демаркации между классической и современной философией. Существует три наиболее влиятельные интерпретации этой темы: экзистенциально-феминологическая, герменевтическая и постструктуралистская. В данной статье мы попытались осмыслить экзистенциально-феноменологический взгляд на проблему Другого. В процессе нашего исследования, мы пришли к выводу, что, несмотря на дифференциацию взглядов, именно мыслители, придерживающиеся феминологической и экзистенциальной философской школы определили направление дальнейших исследований в области познания Другого как сущности. Их размышления сводятся к следующим положениям:

- 1) Другой является неотъемлемым условием существования субъекта;
- 2) Другой представляет собой внутреннее свойство субъекта;



- 3) Другой не сводится к моему Я;  
 4) Чтобы понять другого, необходимо освободиться от дихотомии Я – Ты и смотреть на мир как на сообщество «других».

### Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
- Веричева К.В. Основания интерсубъективности **Я** и **Другого** в концепциях Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 88–96.
- Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 640 с.
- Галимова А.К. К проблеме «Другого» в философии // Вестник ВГУ. – 2015. – № 2. – С. 102–111.
- Гуссерль** Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука; Ювеста, 1998. – 315 с.
- Дорогавцева И.С. Проблема Другого в Западной культуре: автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Чита, 2006. – 24 с.
- Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века. В 2 тт. Т. 1. – М.: Интерпракс, 1994. – 432 с.
- Исмагамбетова З.Н. Западная философия XX века. Ч. 1. – Алматы: КГУ, 2015. – 162 с.
- Кузьмина Т.А. Жан-Поль Сартр // Философы XX века. Кн 1. – М.: Искусство XXI века, 20004. – С. 95–99.
- Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2001. – 160 с.
- Платон. Полное собрание в одном томе. – М.; издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. – 1311 с.
- Марков Б.В. Сознание Другого в феноменологической и постаналитической философии // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35. – Вып. 3. – С. 447–460.
- Матушкина М.В. Я и Другой: экзистенциально-феноменологический подход // Alter Idem. Вып. 2: Феноменология реальности: конструктор и концепт. – М., 2009. – С. 57–65.
- Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. – Томск: Издательство «Водолей», 1999. – 96 с.
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2004. – 639 с.
- Composta D. History of Ancient Philosophy. – Bangalore: Theological Publications in India, 1990. – 493 p.

### THE PROBLEM OF THE “OTHER”: EXISTENTIAL AND PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

Rudenko A.V.  
 RCFSSPH “BLAGOVEST”

The problem of the Other takes an important place in the history of philosophy. One can find the ideas about the “Other” in many philosophical treatises since antiquity, in which I and non-I are considered as opposites, as entities opposed to each other. But in the twentieth century the problem of the Other reached a new stage of development and began to be comprehended within the framework of two new philosophical trends – phenomenology and existentialism. To show the concept of the “Other” by the example of these trends of modern philosophical thought, we stopped at the solution of the problem of the “Other” which was proposed by E. Husserl, M. Heidegger and J.-P. Sartre. Despite the fact that all three philosophers interpret the problem of the Other in their own way, many points of contact can be found in their teaching. We came to the conclusion that the concept of Another existential-phenomenological sense, based on the concept of being-for-others, provided the final proof of the existence of the Other and led to further study of the problem of the Other in modern philosophy.

**Keywords:** Other, phenomenology, existentialism, intersubjectivity, being, dialogism.

### References

- Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – М.: Art, 1986. – 445 p.



2. Vericheva K.V. Foundations of the intersubjectivity of the Self and the Other in the concepts of E. Husserl and M. Heidegger // Bulletin of Leningrad State University im. A.S. Pushkin. – 2011. – T. 2. – Issue. 3. – S. 88–96.
3. Vlasova O. Phenomenological psychiatry and existential analysis: History, thinkers, problems. – M.: Publishing House “Territory of the Future”, 2010. – 640 p.
4. Galimova A.K. On the problem of the “Other” in philosophy // Vestnik VSU. – 2015. – No. 2. – S. 102–111.
5. Husserl E. Cartesian reflections. – SPb.: Science; Juvesta, 1998. – 315 p.
6. Dorogavtseva I.S. The problem of the Other in Western culture: author. diss... Cand. cultural studies. – Chita, 2006. – 24 p.
7. Zotov A.F., Melville Yu.K. Western philosophy of the XX century. In 2 vols. T. 1. – M.: Interpraks, 1994. – 432 p.
8. Ismagambetova Z.N. Western philosophy of the twentieth century. Part 1. – Almaty: KSU, 2015. – 162 p.
9. Kuzmina T.A. Jean-Paul Sartre // Philosophers of the 20th century. Book 1. – M.: Art of the XXI century, 20004. – S. 95–99.
10. Lyotard J.-F. Phenomenology. – SPb.: Laboratory of Metaphysical Research, Faculty of Philosophy, SPbSU; Aletheia, 2001. – 160 p.
11. Plato. Complete collection in one volume. – M.; publishing house ALPHA-KNIGA “, 2016. – 1311 p.
12. Markov B.V. Consciousness of the Other in Phenomenological and Postanalytic Philosophy // Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and Conflictology. – 2019. – T. 35. – Issue. 3. – S. 447–460.
13. Matushkina M.V. I and the Other: Existential-Phenomenological Approach // Alter Idem. Issue 2: The Phenomenology of Reality: Constructor and Concept. – M., 2009. – S. 57–65.
14. Prechtl P. Introduction to the phenomenology of Husserl. – Tomsk: Publishing house “Aquarius”, 1999. – 96 p.
15. Sartre J.-P. Being and Nothingness: An Experience of Phenomenological Ontology. – M.: Republic, 2004. – 639 p.
16. Composta D. History of Ancient Philosophy. – Bangalore: Theological Publications in India, 1990. – 493 p.



# Аргумент случайности против физикализма. Трагедия, Картезий и прагматизм

**Сафронов Алексей Владимирович,**

кандидат технических наук, соискатель,  
МГУ им. М.В. Ломоносова  
E-mail: alexey.safronov.w@gmail.com

В статье рассматривается аргумент случайности против физикализма. Изучается проблема статуса свободы человеческих решений при возникновении и последующем анализе трагедии. Приводится аргументация в пользу того соображения, что в монистическом мире трагедия оказывается зациклена сама на себе, и истинная свобода в нем может быть только тождественна случайности, так как в противном случае «свободное» решение оказывается подчинено тем или иным причинам, а значит, не может иметь статус свободного. Показано, что критика дуализма Декарта со стороны Спинозы нацелена не на сам дуализм, а на идею разделения мира на протяженную и мыслящую субстанции. При этом идея дуализма, которая возникает у Декарта органически из-за применения его метода сомнения и рассуждения о совершенном и несовершенном, также незаслуженно отвергается. В статье проводится различие между идеей дуализма вообще и разделением мира на протяженную и мыслящую субстанции. Делается вывод, что исходная идея дуализма может реализоваться не только в картезианской онтологии, но и в версии нейтрального дуализма, где несовершенство, то есть свобода или случайность, имеет место не как отдельная субстанция, а как следствие и пространство взаимодействия независимых нейтральных субстанций. Это подтверждается также отдельными положениями философии прагматизма.

**Ключевые слова:** случайность, дуализм, нейтральный дуализм, прагматизм, трагедия, Спиноза, Декарт, Сократ, Пирс.

Принято считать, что трагедия есть целостная художественная форма, и всякий трагический герой обречен на гибель в том или ином виде. В этом суть трагедии: если трагический герой не погибает, то это уже не чистая форма. Зададим вопрос: возможна ли трагедия в реальной жизни? Что отличает трагедию от нетрагедии за пределами художественного произведения?

Когда мы говорим, к примеру, о Гамлете, то имеем в виду, что Шекспир готовит и своего героя, и своего читателя к трагической гибели на протяжении всего произведения. Хотя читатель до последнего надеется, что Гамлет сможет спастись и у его «сказки» будет хороший конец, когда принц все-таки погибает, никто не сомневается, что обстоятельства его гибели более чем закономерны, то есть не случайны. Иначе и быть не могло. Мастерство автора трагедии как раз и заключается в том, чтобы доказать читателю: гибель героя не случайна – она предопределена. Однако реальный мир – не автор трагедии, и если герой произведения мастерски готовится автором к смерти, то реальный человек, живущий реальную жизнь, становится героем трагедии только в том случае, если погибает.

Таким образом, авторскую трагедию от реальной отличает случайность. Что это значит? Чтобы дать точное описание, используем такое понятие, как «обстоятельства трагедии», или «ситуация трагедии». Под этими обстоятельствами или ситуацией мы понимаем совокупность признаков, предвестников, символов того, что с реальным человеком может произойти трагедия. Шекспир гениально вплетает в свое произведение подобные признаки – именно они убеждают читателя, что герой находится на грани трагедии. Однако подобные обстоятельства мы склонны усматривать и в обычной жизни, что приво-



дит к состоянию «ожидания трагедии» в реальности.

При этом критически важно, возникает ли «ситуация трагедии» до или уже после гибели исторической личности, то есть ретроспективно. Это отличие тем важнее, если обстоятельства неминуемой гибели выявляются уже после самой трагедии. Когда мы говорим, что «эта трагедия была предопределена» или «неотвратима», то наше заключение, по сути, мало отличается от творчества Шекспира. Молва создает трагедию вокруг реальной гибели, но ретроспективно, усматривая в ней «обстоятельства трагедии» и приписывая ей свойство «неотвратимости», хотя эта характеристика не применима к реальной жизни. Естественный ход событий всегда вариативен, во многом случаен, и говорить о «фатализме» можно только после того, как трагедия уже случилась. В действительности же гибель реального исторического персонажа – это всегда совокупность объективных факторов и несчастного случая, стечения обстоятельств. Даже если «героя» убивают или если он совершает самоубийство.

Одной из реальных трагедий в истории человечества была так называемая казнь Сократа. Почему «так называемая»? По многим причинам можно однозначно утверждать, что эта казнь была на самом деле самоубийством Сократа, которое переживалось его учениками как глубочайшая из возможных трагедий. По определению Эмиля Дюркгейма: «...самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [1]. Как известно, Сократ неоднократно избирал поступки, которые привели к его смерти, хотя мог ее избежать. Он отказался от формы защиты, при которой его бы оправдали. Он отказался сбежать, хотя ученики создали для этого условия. Кроме того, из диалога «Федон» мы знаем, что Со-

крату приписывается рассуждение, что смерть для философа есть желаемый из финалов. Поэтому, следуя определению Дюркгейма, казнь Сократа была, по сути, его самоубийством и может рассматриваться как реальная трагедия. К схожему выводу приходят многие исследователи, например, Ю. Меламед в своей работе «Три самых важных самоубийства в истории. Сократ – Кириллов – Малевич» называет это событие «трагедией убийства лучшего члена полиса медленно действующей цыкутой» [2].

Теперь зададим следующий вопрос: была ли эта трагедия неотвратима? Были ли она однозначно предопределена? И если да, то в чем тогда состоят обстоятельства, сделавшие ее неотвратимой? Проще говоря, мог ли Сократ не совершить это самоубийство?

Отвечая на данный вопрос, постараемся отделить в этой ситуации все, что предшествовало смерти и следовало после нее. Все, что следовало после, нельзя считать в чистом виде обстоятельствами трагедии. Даже описания современников, которые стали свидетелями этого события, делались позже под воздействием впечатления от смерти Сократа. Когда казнь уже свершилась, разве могли любящие ученики признать ее случайной? Конечно, нет: являясь частью прошлого великого человека, это событие должно было рассматриваться как необходимость. Иначе в чем его смысл? Но была ли казнь неизбежна?..

Здесь на сцену истории выходит роль человеческой свободы, которая не может быть отождествлена с роком судьбы. В то же время это такая свобода воли, которая определяет дальнейший ход истории.

Сократа обвиняли в том, что он развращает молодежь и не почитает богов. С одной стороны, можно утверждать, что Сократ не мог чистосердечно раскаяться или прибегнуть к ухищрениям для собственного спасения, потому что тем самым он бы дискредитировал саму суть своего учения. Сократ был в значительной степени «заложником» соб-



ственной философии, призывая стремиться к истине как к высшему благу. Мог ли он прибегнуть к обману, лукавству, чтобы уйти от правосудия? Казнь Сократа уместно назвать трагедией, поскольку обсуждаемое самоубийство стало его сознательной жертвой. Такой же жертвой во имя правды, как, например, «самоубийство» Джордано Бруно (есть свидетельства, что инквизиция пыталась спасти его от казни [3]). Однако нам известен и пример Галилео Галилея. Опустим тот факт, что человек во времена Галилея был уже «расщеплен», более способен к самоиронии и лучше отличал убеждения от политики. Нам достаточно иметь в виду, что пример Галилея нельзя признать негативным, нельзя упрекнуть его в трусости. Выбор Галилея – это лишь выбор, который подтверждает, что и такой вариант тоже возможен.

Мы понимаем, что Сократ сделал выбор – погибнуть ради своих убеждений, – и этот выбор был для него, конечно, не случаен. С другой стороны, мог ли он все-таки поступить иначе? Как это сделал Галилей. Конечно, мог. Как реальный человек, находящийся в ситуации реального жизненно важного выбора, он мог поступить иначе, и именно об этом просили его ученики. Рассуждая о невозможности Сократа сделать другой выбор, мы подразумеваем, что Сократ, почитаемый сегодня как учитель человечества, поступить иначе не мог. Реальный Сократ мог совершить и другой выбор – в пользу жизни и против истины, но тогда это был бы уже совсем другой человек. Все дело в том, что он стал тем, кем мы его знаем, именно после своего поступка.

Когда мы спрашиваем, был ли поступок Сократа случайным или хотя бы не лишенным влияния случая, то следует учитывать важный аспект. Имеем ли мы в виду легендарного философа и учителя или живого человека в момент совершения им выбора? Как человек он, конечно, мог поступить иначе – и в этом есть доля случая. Быть может, случавь Сократ – и его ученики не прониклись бы истиной и не понесли бы

его слово, как несколько позже ученики понесли слово Христа, и мы не знали бы греческую философию такой, какой знаем ее сегодня. В этом случае вообще вся история европейской мысли сложилась бы иначе и имела совсем иные институты и авторитеты. История не терпит сослагательного наклонения, однако стоит ли сомневаться в том, как много людей сделали в своей жизни выбор по воле случая?

Роль случая в истории, как и роль личности, много изучалась. На этот счет существуют противоположные точки зрения, и в любую эпоху сторонников случайности в истории было не меньше, чем сторонников порядка и предопределенности. Например, Вольтер считал историю состоящей из случайностей, а Раймон Арон утверждал, что «исторический факт по сути не сводим к порядку: случай – основа истории» [4]. Однако наука ценна именно силой предсказания, и потому она вынуждена избегать суждений о совершенной случайности произошедших событий. Какова цена такой науки, которая везде видит только случайность? С другой стороны, насколько обоснованно лишать человека свободы воли и списывать все на невозможность поступить иначе? Какова тогда цена науки, которая не учитывает свободу выбора? Известный парадокс. С одной стороны, человек свободен поступить по своей воле, с другой – в том, что он поступает свободно, кажется, нет никакого смысла, так как в поисках смысла мы всегда ищем закономерность. Кроме того, у нас нет никакой возможности утверждать, что человек по-настоящему поступил свободно, кроме как сказать, что он поступил случайно. В чем польза такого суждения?

Казалось бы, указанный парадокс неразрешим, и герой трагедии неминуемо должен погибнуть. Только в этом случае трагедия имеет смысл. Иначе мы вынуждены сказать, что поведение героя «случайно», то есть «бессмысленно», однако, возможно, мы совершаем тут ошибку, так как при этом имплицитно имеем в виду также и то, что траге-



дия оказывается замкнута сама на себе. В этой логике единая причина порождает героя, обстоятельства и совершаемый им выбор. Одни и те же причины создают личность Сократа, условия его жизни и философии, обуславливают его самоубийство. Так же можно было бы сказать и о любом трагическом герое, потому что сам парадокс как раз и заключается в том, что мы лишаем героя трагедии права быть собственной причиной. Ведь чтобы сказать, что поступок Сократа не зависит целиком от внешних обстоятельств и есть его собственное свободное решение, требуется, чтобы человек в принципе мог быть своей причиной.

Здесь кроется логическая ловушка. В Спинозианском смысле быть своей причиной означает быть субстанцией. Поэтому, чтобы поступать свободно, необходимо, чтобы сама свобода была субстанцией (как у Декарта) или атрибутом субстанции (как у Спинозы). Из этого мы неизбежно приходим к тому, что свобода, понимаемая как субстанция или ее внутренний атрибут, тождественна случайности, и пребываем в недоумении. Неужели наша свобода редуцирует к случайности или к необходимости? Неужели она не является чем-то самобытным, чем-то иным по отношению к этим категориям? Однако случайность, как и свобода, – это не свойство и не атрибут чего-либо: это отношение. Поэтому, по всей видимости, чтобы говорить о них, необходимо иметь в виду какую-то форму отношения между чем-то разнородным. Не субстанция, а отношение субстанций должно быть природой случая. Это становится тем яснее, чем глубже рассматривается вопрос о роли случайности в трагедии.

Смерть, а точнее самоубийство Сократа – это настолько же случайный поступок, насколько случайна жертва Прометея или Христа ради спасения людей, жертва Джордано Бруно – ради истины или гибель, к примеру, Гамлета в произведении Шекспира. Иными словами, смерть Сократа – это одна из последних вещей на свете, которую мы

признали бы случайной. Почему? Потому что она «совершенна» во всем. Трагедия совершенна тем, что она возводит случайность до уровня необходимости. Сократ не мог бы поступить лучше, а в его деянии как будто принял участие сам Бог. Как утверждал Декарт, законы природы всегда одни и те же, потому что их создал Бог и они совершенны. А то, что совершенно, нельзя изменить, не испортив. В этом смысле поступок Сократа совершенен, к нему нельзя что-то прибавить или что-то отнять. Он кажется столь же объективно необходимым, как и законы природы, созданные, по утверждению Декарта, совершенным существом, то есть Богом.

Мы неслучайно здесь снова обращаемся к Декарту, так как именно этот мыслитель «исповедовал» модель мира, в которой совершенное существо (Бог) создал совершенные неизменные законы природы. При этом в совершенном мире того же Декарта Бог создал несовершенного человека, чей разум обладает свободой воли, из-за которой человек способен совершать ошибки и делать несовершенные вещи. При этом Декарт не смог объяснить, как в совершенном мире возможно несовершенство в виде свободы воли. Это тем занимательнее, что именно Декарт пришел к идее дуализма, то есть к такому положению, что мыслящая субстанция независима и возможна отдельно от материальной (протяженной) субстанции.

Декарт пришел к тому, что для свободной воли в природе нужна вторая субстанция. В этом случае разум оказывается самостоятельным, не зависящим строго от обстоятельств, а мыслящим свободно. В этом же случае человек оказывается ответственным за свои поступки, так как их нельзя полностью редуцировать к обстоятельствам.

Однако тот же Декарт противоречит себе, сравнивая мир с часовым механизмом, который создается и заводится Богом, потому что без этого оказывается неясно, что объединяет две субстанции (вряд ли имеет смысл всерьез исследовать идею о связи субстанций



в эпифизе или ином отделе мозга). В этом механизме действуют идеальные фундаментальные законы. Но каков их статус для обеих субстанций? Могут ли эти законы меняться? Например, в физике серьезно обсуждается изменение физических законов со временем [5]. Может ли воля человека противостоять законам? Этот вопрос тем более важен, что именно законы в такой модели ответственны за все возможные обстоятельства. Поэтому поступать невзирая на обстоятельства – значит поступать не только случайно, но и против совершенных, созданных Богом, фундаментальных законов.

Философия Декарта подвергалась значительной критике, в первую очередь, именно потому, что он не смог объяснить, как связаны две субстанции и каков статус свободы воли. Этой проблемой были озабочены уже его ученики, а после Канта критика Декарта стала общим местом. Сегодня, вспоминая о Декарте, говорят, что великие люди совершают великие ошибки [6]. Однако, что именно в философии Декарта ошибочно? Он поставил и не смог решить психофизическую проблему, но критика философии Декарта распространялась с проблемы «разум – тело» на дуализм как возможную онтологию в целом. Для этого были косвенные основания, но Декарт предложил дуализм вовсе не оттого, что хотел таким образом решить какую-то изначально стоящую перед ним проблему. Дуализм не стал его ответом на определенного рода исходный интеллектуальный запрос, а возник в ходе применения метода рационального мышления и сомнения. Декарт, быть может, первым неверно оценил произведенное им открытие и обратил все свое внимание на частную проблему «душа – тело».

В этом контексте следует разделять критику философии Декарта на две отдельные проблемы: критику дуализма и критику психофизической проблемы. Подвергая сомнению второе, обычно автоматически отвергают и первое, хотя это принципиально разные вещи. Такое неверное понимание Декарта на-

чалось, видимо, уже с самого Декарта, придавшего психофизической проблеме слишком большое значение, но наиболее четко это выразилось у Спинозы. В произведении «Диалектическая логика» Э.В. Ильенков стремится показать, что спинозианская позиция направлена против психофизической проблемы, но Ильенков как материалист, к сожалению, не может сделать этого иначе, кроме как писать о ложности самого дуализма.

«Эта простая и глубоко верная мысль выражена у Спинозы на языке его эпохи таким образом: мышление и протяженность не две особые субстанции, как учил Декарт, а лишь «два атрибута одной и той же субстанции»; не два особых предмета, могущие существовать отдельно, совершенно независимо один от другого, а лишь два разных и даже противоположных аспекта, под которыми выступает одно и то же, два разных способа существования, две формы проявления чего-то «третьего».

Что же это за «третье»? Реальная бесконечная природа, отвечает Спиноза. Именно она и простирается в пространстве, и «мыслит». Вся трудность картезианской метафизики получается оттого, что специфическое отличие реального мира от мира лишь воображаемого, мыслимого усматривается в протяженности, в пространственно-геометрической определенности. Между тем протяженность как таковая как раз и существует только в воображении, только в мышлении. Ведь как таковую ее вообще можно мыслить лишь в образе пустоты, то есть чисто негативно, как полное отсутствие всякой определенной геометрической формы» [7].

Ильенков справедливо замечает, что протяженность и мышление суть не субстанции, а лишь атрибуты субстанции. Что же в этом утверждении указывает на то, что существует всего одна субстанция? Ровным счетом ничего. С тем же успехом мы могли бы провести связь между утверждениями «Все ученики Сократа были его

друзьями» и «У Сократа не было врагов». Очевидно, что из первого следует, что «У Сократа не было врагов среди учеников», а не второе утверждение. Так же и из положения, что мышление и протяженность суть атрибуты субстанции, не следует, что существует только одна субстанция.

Чтобы рассуждать об этом более уверенно, найдем то место в текстах Декарта, с которого вообще начинается дуализм. Он начинается вовсе не с того, что есть вещь мыслящая и вещь протяженная, а с метода сомнения и с соображения, что человеческое бытие несовершенно, но при этом человек способен мыслить о совершенных вещах. Это соображение было изложено в работе «Рассуждение о методе». Декарт пишет: «Вследствие чего, размышляя о том, что, раз я сомневаюсь, значит, мое бытие не вполне совершенно, ибо я вполне ясно различал, что полное постижение – это нечто большее, чем сомнение, я стал искать, откуда я приобрел способность мыслить о чем-нибудь более совершенном, чем я сам, и понял со всей очевидностью, что это должно прийти от чего-либо по природе действительно более совершенного», и далее «Ибо, заметив, что в моих мыслях о них нет ничего, что ставило бы их выше меня, я мог думать, что если они истинны, то это зависит от моей природы, насколько она наделена некоторыми совершенствами; если же они ложны, то они у меня от бытия, то есть они находятся во мне потому, что у меня чего-то недостает. Но это не может относиться к “идее” существа более совершенного, чем я: получить ее из ничего – вещь явно невозможная. Поскольку неприемлемо допускать, чтобы более совершенное было следствием менее совершенного, как и предполагать возникновение какой-либо вещи из ничего, то я не мог сам ее создать. Таким образом, оставалось допустить, что эта идея была вложена в меня тем, чья природа совершеннее моей и кто соединяет в себе все совершенства, доступные моему воображению, – одним словом, Богом» [8].

Таким образом, Декарт не начинает свое рассуждение с того, что мир состоит из субстанций, но приходит к этому логически, замечая, что в мире есть совершенное и несовершенное. Однако дальше объективность подводит Декарта, и он приходит не к заключению о том, что мир состоит из какого-то сочетания совершенства и несовершенства, а к тому, что подсказывало его субъективное отношение к проблеме сознания, к самостоятельной природе разума. Он пишет: «Но, познав отчетливо, что разумная природа во мне отлична от телесной, и сообразив, что всякое соединение свидетельствует о зависимости, а зависимость очевидно является недостатком, я заключил отсюда, что состоять из двух природ не было бы совершенством для Бога и, следовательно, он не состоит из них. А если в мире и имеются какие-либо тела, какие-либо интеллигенции или иные природы, не имеющие всех совершенств, то существование их должно зависеть от его могущества, так что без него они не могли бы просуществовать и одного мгновения».

Человек, по Декарту, несовершенен из-за наличия у него свободы воли, то есть как раз из-за независимой природы разума. Далее философ делает вывод, что независимая природа разума – это субстанция (мыслящая). Затем он обращает внимание на все остальное и делает вывод, что все остальное также должно быть независимо, а значит, тоже является субстанцией (на этот раз протяженной). То есть Декарт допускает тождество между свойством «иметь самостоятельную природу» и свойством «быть субстанцией». Спиноза полагает, что критикует именно это положение Декарта, но это не так. Спиноза приходит не к общему выводу, что «иметь самостоятельную природу» не означает «быть субстанцией», а к частному выводу, что мыслящее и протяженное суть не субстанции, а атрибуты субстанции. Однако это лишь частная проблема.

В «Этике» Спиноза отмечает: «Из этих положений следует, что ес-



ли в природе существует какое-либо определенное число отдельных вещей, то необходимо должна быть причина, почему существует именно это число их, а не больше и не меньше. Если, например, в природе существует 20 человек (для большей ясности я полагаю, что они существуют в одно время и что ранее никаких других людей в природе не существовало), то для того, чтобы дать основание, почему существуют 20 человек, недостаточно будет указать на причину человеческой природы вообще, но сверх этого необходимо будет указать причину, почему существуют именно 20, а не более, не менее, так как (по замеч. 3) для всего необходимо должна быть причина, почему оно существует» [9].

Спиноза не доказывает невозможность такой причины, не ищет свою ее версию и не принимает причину двойственности или множественности субстанций, которую указывает Декарт, что в мире есть совершенное и несовершенное. Он минует эту фазу рассуждения и сразу переходит к тому, что субстанция может иметь атрибуты и поэтому вовсе нет необходимости в двух или более субстанциях: достаточно одной с двумя или многими атрибутами.

Таким образом Спиноза уходит от психофизической проблемы. Однако он уходит и от причины, от основной проблемы, с которой начинает Декарт: от вопроса дуализма совершенства и несовершенства. На самом деле, Картезий был первым, кто забывает про такую постановку вопроса, рассматривая ее лишь как «мостик» к иной, более важной мысли о двойственности протяженного и мысленного. Впоследствии оказалось, что эта более важная мысль неверна. Великая ошибка великого человека.

Каким же должно было быть дальнейшее рассуждение Декарта? Абстрагируя от проблемы «душа – тело» и просто следуя за великим наблюдением родоначальника рационализма, необходимо было бы заключить, что имеет место не одна, а набор возможностей, которые бы описали такое по-

ложение дел, а именно – наличие в мире совершенства и несовершенства. Первый вариант такого рода – вариант Декарта, что совершенный Бог порождает несовершенного человека и наделяет его несовершенным свойством свободы воли. Это несовершенство, по сути, есть свойство особой субстанции – мыслящей. И так далее, со всеми проблемами и противоречиями этого варианта. Однако возможен и второй вариант: что совершенство и несовершенство – суть разные отношения субстанций, но не сами субстанции. Например, что совершенство (например, порядок) есть внутреннее отношение субстанции, а несовершенство (например, случай) – внешнее, то есть отношение и взаимодействие между субстанциями в силу их различной природы.

В последнем случае Декарт пришел бы не к тому, что «мыслить значит существовать», а к тому, что мысль соединяет разные формы существования. Или к тому, что мысль – это форма сосуществования, содействия разных форм существования – субстанций. Именно поэтому мысли присуще фундаментальное свойство случайности, при этом случайность мысли обладает таким же каузальным статусом всеобщего закона, что и любой закон совершенной субстанции. Это значит, что совершенных законов, возможно, и вовсе нет.

Декарт и Спиноза рассуждали, можно сказать, локализуя свойство внутри субстанции, и поэтому делокализация свойств (например, делокализация субъекта или даже фундаментальной силы природы) может быть решением старой проблемы. Сегодня наука дошла до того уровня, когда она может подвергнуть сомнению «святыню» Декарта – неизбежность совершенных и всеобщих фундаментальных законов мира. Все меньше законов и все больше случаев мы видим в вероятностных моделях, которые успешно описывают статистические явления. В перспективе, возможно, нас ждет полное отсутствие каких-либо законов. Не означает ли это, что стоит вернуться к Декар-

ту в части его онтологии и еще раз внимательно посмотреть на дуализм (или плюрализм) как на возможную базовую доктрину? Может быть, стоит проверить эту идею еще раз, но уже не опираясь на мысль о том, что совершенное существо создало совершенные законы? Тогда окажется, что законы природы не совершенны, и, быть может, вообще случайны. Так же случайны, как поступки героев, одни из которых оказываются героями трагедии, а другие обычными людьми, выбравшими несовершенный путь.

Если нет совершенных законов природы, а точнее, если законы суть внутренние или внешние отношения субстанций, то дуализм оказывается способен нас удивить. Взаимодействие двух независимых субстанций может быть очень многообразным, если признать, что оно случайно. Однако случайность также может иметь разный статус до того, как она произошла, и после. Это справедливо и для квантовых эффектов, и для трагедии, что для нас сейчас более важно. До трагедии имеет место выбор, но после нее выясняется, что выбора, скорее всего, не было, а имел место закон: например, закон трагедии. Если это так, можно пойти дальше и сказать, что любая значимая случайность может стать законом и определить будущее не меньше, чем иной первокирпичик мироздания. Случайное рождение Земли, случайное образование жизни, случайная тяга к насилию у Ивана IV – и так далее.

Вопрос о том, почему в природе вообще имеет место случай, также еще остается открытым. Как идеальный мир с идеальными законами может давать сбои в виде случайности? При этом позиция иррационализма лишь внешне выглядит как приемлемая альтернатива, но возможный ответ на этот вопрос может также скрываться в дуализме. Взаимодействие независимых субстанций может быть принципиально только случайным. Точнее, оно должно выглядеть как случайность с точки зрения одной из субстанций. Оно может иметь свои внутренние причины, предпосыл-

ки и т.п. в системе одной из субстанций, но при этом производить впечатление абсолютной случайности в системе другой субстанции, а в совокупности обеих субстанций выглядеть как нечто смешанное – статистически вероятное.

Так, например, фундаментальная физика до сих пор имеет две независимые научные доктрины: ОТО (общую теорию относительности) и Стандартную модель. Первая объясняет гравитацию, а вторая – электромагнетизм, слабое и сильное взаимодействие. Следуя идее Декарта о том, что совершенное существо (Бог) создало совершенные законы, наука в какой-то момент пришла к выводу, что такой закон должен быть только один. Так как только единый закон может быть абсолютно совершенным. Так появились теории Ньютона, затем Максвелла, Эйнштейна и др. Эйнштейн заявил о своем намерении вывести Единый закон всего, что в настоящее время пытаются сделать физики во всем мире, но до сих пор безуспешно. Ни одна из теорий, объединяющих ОТО и Стандартную модель, не дает лучшие предсказания, чем обе эти теории по отдельности.

На какие только «ухищрения» ни идут физики ради Великого объединения, изобретая модели, которые порой не имеют целостной философской интерпретации. Например, чтобы объяснить, почему гравитация несоизмеримо слабее электромагнетизма, физики придумали идею «бран» [10], которые связывают (затрудняют) гравитационные взаимодействия, но не связывают электромагнитные взаимодействия. Однако от того, чтобы назвать «брану» субстанцией, физику отделяет, пожалуй, только то, что это не принято. Быть может, все же стоит переосмыслить идею Декарта и посмотреть на эту проблему с другой стороны.

Суммируя все вышесказанное, можно заключить, что в дуалистической или плюралистической модели мира невозможен и не нужен никакой единый фундаментальный закон. Кроме, пожалуй, закона случайности, или, более строго, Всеобщего принципа случайной связи



всех событий и явлений природы (мульти-субстанциональной природы) [11]. Важно также иметь в виду, что случайность в таком мире может оказаться чем-то принципиально разным до и после того, как она происходит. Например, после трагедии может оказаться, что иначе и быть не могло, так как эта случайность обусловила собой дальнейшее развитие мира. В то же время, до трагедии всегда имеет место выбор между совершенством (или художественным замыслом) и несовершенством (реальностью жизни).

Важно отметить, что идея закона случайности в космологии не нова и была предложена еще в XIX веке родоначальником прагматизма Чарльзом Пирсом, который также, отвергая положения Декарта и Платона о совершенном, пришел к выводу, что законы природы несовершенны, так как они эволюционируют и являются собой во многом результат действия случая. По этому поводу Пирс отмечает: «Далее, единственно возможный путь объяснить законы природы и единообразие в целом – предположить, что они являются результатом эволюции. Это подразумевает, что они не абсолютны, что они не должны неукоснительно выполняться. Это создает элемент неопределенности, спонтанности или абсолютности случая в природе» [12, с. 327].

Возникает вопрос, почему Пирс не пришел и к идее необходимости дуализма или, как мы его назвали, онтологии мульти-субстанциональной природы? Почему для Пирса наличие случайности в мире не стало аргументом в пользу онтологического разрыва, а привело его, как и Спинозу, к идее онтологической связности и единства? Он пишет: «Старое дуалистическое понятие разума и материи, как двух радикально различных видов субстанции, занимавшее столь видное место в картезианстве, сегодня вряд ли найдет себе защитников» [12, с. 333].

Это весьма важный вопрос, поскольку принцип случайности стал одной из основ прагматизма по духу. Именно потому, что законы природы эволюци-

онируют, нам необходимо отталкиваться от практической пользы каких-либо знаний, а не от раз и навсегда данных истин. Прагматизм, в известной степени, – это такая философия, которая утверждает многообразие степеней свободы и открытость подходов при общем стремлении к практическому результату. Поэтому, задавая вопросом о том, почему Пирс не пришел к дуализму или плюрализму, стоит также спросить, был ли Пирс достаточно последовательным и целостным в своей теории. Не раз отмечалось, что философия Пирса разрознена и состоит из отдельных частей, которые не всегда связаны друг с другом единой общей идеей. Его метафизика религиозна, а теория познания, напротив, сугубо научна.

Также, например, рассуждая о космологии, Пирс переходит от теории случайности к теории непрерывности, говоря, с одной стороны, что это важный следующий шаг, а с другой – что этот шаг никак не связан с предыдущим. Он пишет, что говорить о непрерывности следует, на время забыв о тюхизме (философии случайного): «Следующим шагом в изучении космологии должно стать исследование общего закона ментального действия. При этом я на время оставлю тюхизм вне поля зрения, чтобы совершить свободный и независимый экскурс к другому понятию, упомянутому в моей первой статье в «Монисте» как одному из наиболее незаменимых для философии, хотя там я о нем и не рассуждал; я имею в виду понятие непрерывности» [12, с. 343].

Идея непрерывности, как следует из ее смысла, прямо противоположна дуализму, так как дуализм, или плюрализм, означает существование в мире онтологических разрывов, неопределенности и многообразия независимых форм, между которыми не может иметь место органическая непрерывность. Но непрерывность также противоположна и случайности, так как случайность сама по себе представляет собой форму существования разрыва, скажем, каузального разрыва. Можно было бы даже сказать, что случай-

ность возникает в силу онтологического разрыва и «призвана» заполнять его, в какой-то степени, искусственно подерживая непрерывность. Поэтому неудивительно, что, переходя от тьюнизма к теории непрерывности, Пирс оставляет тьюнизм «вне поля зрения», ведь он не проводит этих параллелей.

Примечательно, что уже Уильям Джеймс, близкий друг философа и человек, который доработал идеи Пирса, по сути, сформулировав целостную теорию прагматизма, считал себя плюралистом, то есть признавал множество источников воли. Более того, Джеймс полагал, что для прагматизма, который мы бы неформально называли «теорией царства случая», принципиально важным вопросом является проблема соотношения единого и многого. Хотя исследователи расходятся во мнении, был ли Джеймс настоящим плюралистом и не был ли в его плюрализме скрыт монизм, все соглашаются, что проблема единого и многого принципиально важна для прагматизма как философии.

Ф.В. Фокеев по этому поводу пишет: «Между тем, прежде всего представляет интерес, является ли эта мысль независимым и посторонним по отношению к другим идеям прагматизма интуитивным убеждением или составляет их необходимое следствие. В последнем случае все аргументы, высказанные в защиту прагматизма, в конечном счете также могут свидетельствовать в пользу мнения о центральном значении проблемы единства и многообразия для философии» [13].

В конце своего исследования автор отмечает: «На основе сказанного можно сделать вывод, что проблема “единого и многого” не является случайной или посторонней темой в прагматизме У. Джеймса и логически следует из наиболее существенных положений этой концепции. Для прагматизма характерно рассмотрение любых теоретических идей с точки зрения их практического значения и возможных эмпирических последствий, в качестве планов возможных действий или инструментов,

позволяющих согласовать ожидания с опытом. <...> С точки зрения прагматизма это является убедительным аргументом в пользу монистической онтологии и говорит о ее соответствии определенным практическим интересам. Но из тех же предпосылок, из того же характера для прагматизма стремления идти навстречу интересам практически ориентированного сознания, могут быть выведены возражения против последовательного монизма. Смысл этих возражений состоит в том, что монистическая гипотеза представляется абстрактной или отчужденной, поскольку исключает из рассмотрения множество существенных с практической точки зрения эмпирических различий. Таким образом, дилемма единства и многообразия приобретает особенное, центральное значение для автора, рассматривающего абстрактные идеи с точки зрения их практической эффективности» [13].

Из этого следует заключить, что вполне разумно, что тенденция Пирса к закону случайности органически выразилась у Джеймса в проблеме единого и многого и в склонности к плюрализму. Это же стремление выразилось и у Д. Дьюи, и у представителя позднего прагматизма Р. Рорти. Оба признают плюрализм истины и космологическую роль случайного. Например, Рорти пишет о состоянии «иронизма», которое наступает тогда, когда люди полностью осознают случайность своего места в истории и случайность содержания своего философского словаря. Иными словами, философия прагматизма уже показала связь природы случайного и необходимости плюрализма. Но она сделала это недостаточно ясно, не увязывая эти вещи на онтологическом уровне, а исходя из сугубо практических соображений. Последовательное изучение связи этих категорий может привести к впечатляющим научным движениям в самых разных областях.

Как ни странно, но соображения о взаимосвязи дуализма и случайности можно найти и у Витгенштейна, что иллюстрирует, в частности, эпи-



граф к этой статье. Конечно, Витгенштейн не имеет этого в виду, но в пункте 2.0121 эта мысль неявно прослеживается. Что-то существующее «само по себе», или субстанция, объявляется им «выступающей» в качестве «случайности». Причем, именно «впоследствии», то есть уже после того, как она произошла. Весьма неожиданно, но в этом смысле дуализм может стать парадигмой, объясняющей, в том числе, и причину направленности времени от прошлого к будущему.

Возвращаясь к исходной проблеме этой статьи, отметим, что всякая трагедия является признаком онтологического разрыва, и этот разрыв, в предложенных терминах, естественно или искусственно (по воле человека) заполняется тем, что мы называем случайностью. Выражаясь на уровне метафор, случайность здесь выполняет такую же интегральную роль, как релятивистские эффекты в физике больших скоростей. Благодаря этим эффектам мир сохраняет непрерывность, но происходит это за счет искривлений пространства и времени. Как уже отмечалось автором ранее, на уровне ментальной каузальности также могут иметь место топологические «искривления», которые приводят к тому, что вероятность ментальных процессов может влиять на вероятность нейронных процессов. Об этом закономерно находим и у Пирса: «Закон разума делает возникновение какого-то данного чувства всего лишь более вероятным. Таким образом, он напоминает “неконсервативные” силы в физике, такие, как трение и так далее, которые связаны со статистическими единообразиями при случайных встречах триллионов молекул» [12, с. 333].

## Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Ю. Меламед «Три самых важных самоубийства в истории. Сократ – Кириллов – Малевич». Логос 3/99. 2014. С. 33–40.

3. Seife Ch. Vatican Regrets Burning Cosmologist // ScienceNOW, March 1st, 2000.
4. Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. Paris, 1948. p.20.
5. J. F. Donoghue, Spatial and temporal gradients in the cosmological constant. J. High Energy Phys. 2003, 052 (2003).
6. К. В. Анохин. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознаний // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова, 2021, Т. 71, № 1, стр. 39–71
7. Ильенков Э.В. Диалектическая логика М.: «Политиздат», 1984.
8. Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения в 2 томах. М., 1989–1994. Т. 1.
9. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей. Пер. с лат. Н.А. Иванцова. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2018.
10. Гуков, С.Г. Введение в струнные дуальности // Успехи физических наук. – М., 1998. – Т. 168, № 7. – С. 705–717.
11. Сафронов А.В. Случайность и дуализм. Каузальный дуализм и плюрализм. // Миссия Конфессий. Том 9. Часть 8. 2020. С. 888–898.
12. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 412 с. – ISBN5–8163–0014–8
13. Фокеев Ф.В. Плюралистическая гипотеза в прагматизме У. Джеймса // История философии. № 10 – М.: ИФ РАН, 2003
14. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. Сер. «Памятники философской мысли». – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 288 с.

## CHANCE ARGUMENT AGAINST PHYSICALISM: TRAGEDY, CARTESIAN AND PRAGMATISM

Safronov A.V.

Moscow State University. M.V. Lomonosov

The article discusses the argument of chance versus physicalism. The problem of the status



of freedom of human decisions in the event of the occurrence and subsequent analysis of the tragedy is studied. Arguments are given in favor of the argument that in a monistic world, tragedy turns out to be fixated on itself and true freedom is identical to chance, since, otherwise, a “free” decision is subject to one reason or another, which means that it cannot have the status of free. It is shown that Spinoza’s criticism of Descartes’ dualism is aimed not at dualism itself, but at the idea of dividing the world into an extended and thinking substance. At the same time, the idea of dualism, which arises in Descartes organically due to the application of his method of doubt and reasoning about the perfect and the imperfect, is also undeservedly rejected. The article distinguishes between the idea of dualism in general and the division of the world into extended and thinking substances. It is concluded that the original idea of dualism can be realized not only in the Cartesian ontology, but also in the version of neutral dualism, where imperfection, that is, freedom or chance, takes place not as a separate substance, but as a consequence, the space of interaction of independent neutral substances. This is also confirmed by certain provisions of the philosophy of pragmatism.

**Keywords:** chance, dualism, neutral dualism, pragmatism, tragedy, Spinoza, Descartes, Socrates, Peirce.

## References

1. Durkheim E. *Suicide: A Sociological Study* / Per, from fr. with abbr. ; Ed. V.A. Bazarov. – M.: Mysl, 1994. – 399 p.
2. Yu. Melamed “Three most important suicides in history. Socrates – Kirillov – Ma-levich «. Logos 3/99. 2014.S. 33–40.
3. Seife Ch. *Vatican Regrets Burning Cosmologist* // ScienceNOW, March 1st, 2000.
4. Aron R. *Introduction à la philosophie de l'histoire*. Paris, 1948. p.20.
5. J. F. Donoghue, *Spatial and temporal gradients in the cosmological constant*. J. High Energy Phys. 2003, 052 (2003).
6. K.V. Anokhin. *Cognitom: In Search of a Fundamental Neuroscientific Theory of Consciousness* // Journal of Higher Nervous Activity. I.P. Pavlova, 2021, T. 71, No. 1, pp. 39–71
7. Ilyenkov E.V. *Dialectical logic M.: «Politizdat», 1984.*
8. Descartes R. *Discourse on the method // Descartes R. Works in 2 volumes. M., 1989–1994. Vol. 1.*
9. Spinoza B. *Ethics proven in geometric order and divided into five parts. Per. from lat. ON THE. Ivantsov. – 2nd ed. – M.: Academic project, 2018.*
10. Gukov, SG *Introduction to string dualities // Uspekhi fizicheskikh nauk. – M., 1998. – T. 168, No. 7. – S. 705–717.*
11. Safronov A.V. *Accident and dualism. Causal dualism and pluralism. // Mission of the Confessions. Volume 9. Part 8. 2020. S. 888–898.*
12. Pierce, Ch.S. *Selected philosophical works. – M.: Logos, 2000. – 412 p. – ISBN5–8163–0014–8*
13. Fokeev F.V. *Pluralistic hypothesis in the pragmatism of W. James // History of Philosophy. No. 10 – Moscow: IP RAS, 2003*
14. Wittgenstein L. *Logical and philosophical treatise / L. Wittgenstein. Ser. «Monuments of Philosophical Thought.» – M.: «Canon +» ROOI «Rehabilitation», 2011. – 288s.*



# Концепт и проблема архаизации российского общества: репрезентация в социально-философском знании

**Ситников Алексей Петрович,**

доктор экономических наук, профессор, Южно-Российский гуманитарный институт  
E-mail: [urgj@urgj.info](mailto:urgj@urgj.info)

**Левашев Дмитрий Николаевич,**

кандидат философских наук, проректор по комплексной безопасности и управлению инфраструктурой, Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова  
E-mail: [levashev@mgphu.ru](mailto:levashev@mgphu.ru)

**Эмирбекова Елена Эмирбековна,**

кандидат юридических наук, доктор философских наук, директор филиала Южного федерального университета в г. Махачкале, Южный федеральный университет  
E-mail: [elena\\_1980@mail.ru](mailto:elena_1980@mail.ru)

**Рововая Татьяна Александровна,**

доктор философских наук, профессор кафедры международного туризма и менеджмента, Кубанский государственный университет  
E-mail: [taniaprokopenko@mail.ru](mailto:taniaprokopenko@mail.ru)

Статья посвящена обзору имеющихся в современной отечественной научно-исследовательской литературе версий понимания термина «архаизация общества». Осуществляя аналитический обзор представленных в литературе представлений и концепций, автор отмечает отсутствие в социально-гуманитарном и философском знании единства интерпретации термина «архаизация» и однозначной оценки социально-экономических и социокультурных следствий архаизационных процессов в российском обществе. Автор статьи полагает, что социальная архаизация является неизбежной адаптивной реакцией российского общества на преобразования и одним из компонентов модернизационного развития в соответствии с предложенной Ш. Эйзенштадтом концепцией «множественных современностей».

**Ключевые слова:** архаизация, модернизация, ценностный вакуум, традиционные ценности, феодализация, демодернизация, традиция, теория «множественных современностей».

## Введение

Обращение к теме архаизации в контексте анализа современной реальности и тенденций социокультурной динамики российского общества продиктовано самой российской реальностью с ее противоречивым и, по многим параметрам, кризисным характером развития. Актуализация прошлого опыта в социальных практиках на том или ином уровне системной организации общества в свете его социокультурной трансформации определяет потребность в оценке роли архаизации в социокультурной динамике российского общества и причин, вызывающих к жизни архаические явления в жизнедеятельности социума. В современном российском обществе есть процессы, делающие обращение к изучению социальной архаизации особенно актуальным. Говоря о росте интеллектуального интереса к проблеме архаизации, Ч.К. Ламажаа справедливо отмечает, что интерес к проблеме и теме традиционности в обществе возник достаточно давно: история России обсуждалась в этом ракурсе начиная с дебатов между славянофилами и западниками; Н.А. Бердяев оценивал формирующийся в ходе революции тренд общественного развития как «новое средневековье». Особенно стоям постсоветской архаизации посвящен ряд работ экономистов, философов, социологов, историков и политологов. Взятый федеральным центром консервативный курс на возрождение религий и традиций побудил обществоведов и политологов писать о «взрывающейся архаичности» [1] в политической культуре России.

## Версии понимания концепта архаизации в исследовательской среде

Введение термина «архаизация» в научный оборот в предметное поле соци-

альных наук вызвано обращенностью социума и правящей элиты к прошлому социальному и культурному опыту в условиях радикальной системной трансформации. Однако процесс социальной архаизации лишь в последние годы стал самостоятельным предметом теоретического исследования. Термин «Archaization» в научных англоязычных текстах широко распространен, однако синонимичен скорее «демодернизации», т.е. социальным процессам, противоположенным модернизации. Сходным образом изучается и традиционализм (в парадигме прогрессизма, появившегося в западной науке с XVIII–XIX вв.) [2].

Используя социокультурный подход, архаизацию необходимо рассматривать прежде всего через призму культурных оснований, аксиологических и когнитивно-смысловых составляющих, которыми и задаются характеристики социальных практик. Так, С.В. Хоружая делает акцент на «архаизации смыслов», посредством которой осуществляется перекодирование выработанных обществом на более поздних этапах своей эволюции культурных смыслов, идеалов и систем ценностей, в сторону их архаизации. Если смысловая сфера культуры переживает кризис, это может приводить к архаизации всех уровней сложной социокультурной системы, редуцируемой к прежним формам культурной жизни [3]. Корни процесса архаизации усматриваются в сфере культурных оснований общественного бытия. К этому близок философ и культуролог И.Г. Яковенко, согласно которому архаизация воплощается в актуализации смыслов, практик, моделей осознания и действия, психологических механизмов, свойственных исторически предшествующим периодам [4].

В концепции социокультурного раскола А.С. Ахиезера проблеме и феномену архаизации отведена центральная роль. Сквозь призму архаизации как отражении социокультурных процессов в истории России раскрываются особенности социокультурной динамики российского общества с учетом того

обстоятельства, что значительная часть населения России ориентируется на архаические идеалы [5].

Е.В. Самойлов понимает под архаизацией социокультурный процесс, направленный в сторону упрощения, а также исключения из сложной социальной системы многих элементов, что означает ее примитивизацию, которая является следствием быстрой деградации к домодерным формам культурного быта, политических и социальных отношений, которые рассматривались как уже давно изжитые [6].

В то же время социокультурный подход настаивает на единстве культурных и социальных процессов и тем самым подчеркивает, что архаизацию необходимо исследовать не только с точки зрения культурных оснований, но и с позиции влияния текущих социальных изменений и трансформаций. Этот методологический момент просматривается, например, в позиции отечественного философа Ч.К. Ламажаа, согласно которой архаизация общества должна осмысливаться в координатах развивающейся социальной системы, к которой может быть применен системно-генетический подход. Архаизацию отличает процессуальный характер, когда общество обращается к прошлому социокультурному опыту с целью восстановления архаических программ в ситуации кризиса реформирования [2].

Другие авторы, такие как, например, Е.Е. Каданцева, выводят архаизацию прежде всего из характера и направленности политических и экономических процессов, влияющих на состояние социокультурного контекста, который определяется всеми этими факторами в единстве. Каданцева утверждает, что процесс архаизации является результирующим вектором тенденций политического и экономического курса развития страны, повседневного фона ее культурной жизни, маркируя этнокультурных отношений, маркируя собой значимые показатели социальных перемен, религиозных предпочтений, политических и экономических трансформаций [7].



Радикальная трансформация институтов в 90-е годы прошлого века поставила на повестку дня поиск смысловых и аксиологических оснований для заполнения возникшего ценностного вакуума, культурной легитимации происходящих перемен и переориентации населения, идентифицировавшего себя с «советскими» ценностями и моделями, на новые образцы и жизненные стратегии. Имелись в виду ценности и модели, порожденные социальной модернизацией, однако восприятие их населением и выстраивание на их основе повседневных социальных практик оказалось затруднительным в силу неготовности к этому масс людей, социализированных в советскую эпоху и отторгавших культурные новации. Они воспринимались как усложняющие жизнь, требующие дополнительных усилий и компетенций, дезориентирующие и лишшающие определенности социальных ожиданий. Поэтому расшатывание и деконструкция советского аксиологического конструкта, своеобразно сочетавшего в себе традиционность (коллективистские ценности, относительно прочная семья, этос служения государству) и модернизацию (развитие техники и производства, ориентация на интеллектуальное развитие и образование, эмансипация женщин и т.д.), привело не к замене их более сложной социокультурной программой, а к возвращению к более простой. Согласно определению А. Ахиезера, архаизация есть «результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей» [5, С. 89]. Этому пониманию созвучны интерпретации более современных авторов [9, 2]. Таким образом, архаизация понимается как реакция социокультурной системы на радикальные трансформации, несущие в себе потенциал усложнения требований к рядовым акторам.

Другие авторы архаизацию интерпретируют сходным образом – как «вы-

теснение из общества, культуры и повседневных практик новообретенных (современных) элементов и активизацию более традиционных, прежде подавленных или прятавшихся в тени» [10, С. 386]. Многие исследователи [11] придерживаются точки зрения, согласно которой архаизация ведет к структурному «упрощению» общества, ревitalизации первоначальных типов институциональной организации и социального взаимодействия, снижению уровня системной сложности.

Значительный рост сектора архаики в современной российской действительности свидетельствует о неготовности общества к тем преобразованиям, запрос на которые формировался среди населения на протяжении последних десятилетий в условиях переходного периода [12]. А. Рябов считает, что именно неудавшаяся модернизация конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века запустила процессы многоуровневой архаизации в российском социуме. Деконструкция прежней системы общественных отношений и ценностных комплексов привела к образованию идейного вакуума в массовом сознании россиян, который начал быстро заполняться архаичными представлениями, почерпнутыми из прошлых религиозно-мифологических традиций и социальных практик [8].

По мнению уже цитированной Ч.К. Ламажаа, возвращение к архаическим социокультурным реалиям прошлого представляет собой универсальный для разных типов обществ путь социальной адаптации к переменам траектории исторической динамики. А. Ахиезер описывал этот феномен как включение механизма культурной инверсии, погружающей в испытанный в прошлом социокультурный опыт, в условиях России это опыт догосударственного существования и связанной с ним культуры.

Мы солидарны с Ч.К. Ламажаа, полагающей, что изучение феномена архаизации требует решения целого ряда вопросов фундаментального характера. Во-первых, имеют место две группы



факторов, способствующих социальной архаизации: а) целенаправленное обращение политических элит трансформируемых обществ к тем формам культуры и социальных отношений, которые относятся к домодерному периоду развития; б) стихийная адаптация общества в кризисный период осуществляется посредством актуализации архаических элементов и структур в социокультурной системе. Во-вторых, требуется изучение положительного или отрицательного влияния архаизации на процесс развития современных обществ в глобальном историческом и географическом контексте. В-третьих, перед исследователями стоит задача разработки методологии изучения архаизации на основе междисциплинарного подхода. В-четвертых, требуется изучение социальных и исторических предпосылок, запускающих процессы архаизации в обществе, а также социальную и психологическую востребованность архаических структур и ценностных комплексов в обществах различного типа. В-пятых, изучение архаизации предполагает ее поэтапное структурирование, выявление циклических закономерностей, фаз ускорения и торможения. В-шестых, поскольку динамика архаизационных процессов определяется уровнем индустриального и экономического потенциала того или иного региона России, его этническими, религиозными, географическими особенностями, мерой его «традиционности», т.е. сохранением прежних народных обычаев и традиций, разработка механизмов контроля и управления этими процессами, мониторинга и выявления позитивных эффектов, представляет собой важную теоретико-методологическую и практическую проблему, от решения которой будет зависеть выбор правильного пути развития страны [2].

Эти безусловно верные и глубокие соображения носят фундаментальный характер и могут стать концептуальной базой для исследования процессов архаизации в самом общем смысле, однако современные отечественные иссле-

дователи сталкиваются и с проявлениями российской специфики социальной архаизации, и нам необходимо перейти к рассмотрению именно ее.

Одной из таких специфических для российского общества характеристик процесса архаизации является его явленность не просто в тесном переплетении с процессами модернизации, а в таком соотношении с ними, что модернизация и связанные с ней ценности остаются на уровне формально-презентационном, декларативном. Как точно подмечает А. Прудник, реальный процесс быстрой архаизации отдельных регионов и российского общества в целом значительно контрастирует с провозглашаемой федеральным центром ориентацией на общемировой тренд технологического развития. Насаждаемые архаичные практики и формы социального взаимодействия получают широкое распространение и становятся доминирующими, определяющими образ мысли и поведение индивидов, характер их взаимоотношений с государством, управленческий стиль правящей элиты, особенности взаимодействия с религиозными организациями [13]. При этом, как подчеркивает социолог И.Б. Пржиленская, динамика культурного, политического и социально-экономического развития современной России сочетает в себе несколько процессов, имеющих разную направленность. Модернизация осуществляется синхронно с архаизацией, в одних регионах может доминировать модернизация, а в других – архаизация, тенденции к вестернизации также сосуществуют одновременно с тенденциями к ориентализации [14].

Собственно, предположение о том, что элементы архаики присутствуют в модерне было высказано В.Г. Федотовой, допускающей их укорененность в традиционной культуре и ментальности народа, в которых они ревитализируются в эпоху радикальных политических реформ и социальных трансформаций [15, С. 84]. Так выражается реакция общества на привнесенные в традиционную культуру инновации,



когда разрушается прежний социально-политический порядок, институты и формы социального взаимодействия.

Несмотря на существенное различие, имеющееся между архаикой и традиционностью, архаизацией и традиционализацией, между ними есть тесная связь. Архаизация представляет собой «откат в прошлое», выход на поверхность социальной реальности глубинных, очень далеких во времени социокультурных пластов, опора которых находится на неосознаваемых уровнях ментальности народа. В случае с Россией это догосударственная ментальность и основанность социальной организации на коллективно-родовых, вне-рациональных элементах.

Традиция – не просто сформировавшийся веками привычный уклад жизни, но прежде всего такой уклад, который подвергся рационализации, осмысленный и легитимизированный культурой на рациональном уровне, транслируемый из поколения в поколение как ценное достояние. Традиция, как подчеркивали исследователи, имеет собственную динамику, порой медленную и инертную, порой довольно интенсивную, реализуемую за счет изменений культурной периферии. При этом сакральное ядро традиции и его ценности сохраняются в неизменном виде, обеспечивая преемственность культуры. Периферийная зона же изменяется, тем самым адаптируя глубинные основания культуры к меняющейся социальной реальности.

Таким образом, традиционное – далеко не всегда архаичное. Но процессы традиционализации, в отличие от модернизационных процессов, ориентированы прежде всего на осознанную связь с прошлым, ее закрепление или восстановление. В архаизации же доминирует спонтанность, дорациональная, неосознаваемая стихийность пробуждения спящих глубин ментальности.

Следуя логике социокультурного подхода, Л.А. Сугрей считает, что процессы традиционализации, идущие в современном российском обществе (которое, по его мнению, близко к об-

ществам развивающихся стран), актуализируют традиционные культурные формы более низкого уровня, чем те, которые присутствуют в развитых социумах [16].

Однако в подобных ситуациях традиционализация и архаизация могут быть настолько связаны, что демонстрируют прямой переход друг в друга. В этой связи стоит привести концепцию феодализации В. Шляпентоха, разработанную в качестве объяснительной схемы сложившихся в обществе типов социальной организации и распространенных моделей политического поведения, которые воспроизводятся на протяжении ряда столетий, но не всегда могут быть поняты с помощью иных моделей. В. Шляпентох выделяет такие основные институциональные черты феодализма, чрезвычайно актуальные и для современности, как наличие фрагментированных, зачастую конфликтующих между собой центров власти на фоне ограниченных ресурсов государства в плане принуждения и демонстрации политической автономии перед интересами локальных элит; сложное соотношение ресурсов богатства и власти, которые используются в частных интересах, политическая коррупция; доминирование в системе организации социальных отношений фактора личных отношений и связей, клиентализма, вассалитета, что становится базой для патримониальной небюрократической системы управления [17].

Сходные идеи высказывают и другие исследователи. Так, например, Д. Хапаева под «новорусским» Средневековьем понимает общество, в котором доминирующему праву сильного господствовать над слабым приносится в жертву свобода личности, а своеобразный вассалитет как форма личной зависимости выражает скорее не столько экономическую зависимость, сколько личную, формируя соответствующий тип массового сознания, поведения и мышления. Это порождает сословную организацию общества, где социальный статус человека, его права, род занятий, брачный партнер,

имущественное положение с рождения предопределяется его принадлежностью к тому или иному сословию, а также местом в сословной иерархии [18].

В.А. Ачкасов цитирует английского исследователя Д. Лестера, рассматривающего такие важнейшие характеристики феномена «нового русского феодализма» как: тотальное доминирование частных интересов над публичными; тесное срастание собственности и власти; увеличивающееся преобладание личных связей, которые основываются на неинституционализированных отношениях; возрастание насилия; явная перестройка политических партий и ассоциаций: от концентрации интересов сообществ до продвижения во власть частных интересов отдельных политиков; создание «государства в государстве» в верхах как средство достижения безопасности и личного благосостояния [1].

Здесь, разумеется, речь не идет о традиционализации, поскольку подобные изменения в социальных практиках не имеют отношения к возрождению культурной традиции. Эти изменения, скорее, связаны с деинституционализацией и аномией первых десятилетий реформ, периода обесценивания старых правил и норм, ограничивавших стихию частноэгоистических интересов. Не напоминает ли это проявления догосударственной ментальности, ассоциируемые с архаизацией общественных отношений?

Указанные идеи и позиции различных авторов, конечно же, не исчерпывают всю палитру сложившихся направлений изучения феномена архаизации в социально-философском знании, особенно с учетом пристального внимания к нему в последнее время.

В целом следует выделить ряд ключевых направлений исследования причин и особенностей процесса архаизации российского общества. Охарактеризуем их основные черты: 1) методологические принципы изучения архаизации предполагают выявление специфических закономерностей процесса социальных преобразований

и модернизации российского общества; 2) поскольку архаизация может носить не только явный, но и латентный характер, ее изучение должно быть междисциплинарным, затрагивающим как специфические социальные практики, так и самые широкие слои общества, разные уровни его институциональной структуры, организационный и подсистемный, индивидуальный, групповой и социетальный; 3) требуется понимание особенностей присутствия элементов архаики в их статике и динамике в социокультурных процессах, в историческом сознании, как индивидуальном, так и групповом, в институциональной структуре; 4) адекватная концептуализация и решение проблемы, почему кризис общества запускает архаизацию массового сознания, а также определяет индивидуальное поведение, чаяния и предпочтения, позволит понять механизмы и причины архаизации; 5) зависимость региональной специфики архаизационных процессов, их скорости и интенсивности, от уровня модернизационных преобразований в регионе, осуществляемых как в прошлом, так и в настоящее время.

Архаизация в самом общем смысле понимается как «воспроизводство каких-то социальных практик, зародившихся в глубокой древности (обычно на догосударственном этапе развития социальной общности), в современных условиях в специфических социальных ситуациях, которые сделали их востребованными, а порой и эффективными» [20]. Очевидно, что в этом определении также присутствует ключевая идея относительно возврата к социальным практикам прошлого, которые наличествуют в современных обществах и, становясь востребованными, начинают возрождаться, причем их потенциальная эффективность придает им энергию и жизненную силу.

Исследователи по-разному оценивают характер и последствия архаизации, но доминирует позиция, согласно которой архаизация рассматривается как процесс деструктивной направленности [3], как регресс, связанный с воз-



вращением к прежним догосударственным формам практики и культуры в ответ на резкие социокультурные изменения, реформы.

В частности, В.В. Кобжицкий, характеризуя кризисную составляющую социальных преобразований в России, приходит к выводу, что к наиболее общим чертам общественно-политического устройства России на современном этапе можно отнести размытость социальной структуры общества, ее неустойчивость; дезинтегрированность общества на фоне консолидированности власти; высокую степень отчуждения политической власти от народа; безусловность государственной власти; социальные ограничения в системе вертикальной социальной мобильности; отсутствие социального гаранта демократических реформ и диалога с властью любого субъекта [19].

Однако следует отметить и другие точки зрения, не столь критические, сколько комплементарные, не придающие этому процессу чисто негативный смысл. В частности, на менее критических позициях стоят Глинчикова А.Г., Синеокая Ю.В., Степанянц М.Т., Штомпель Л.А. и Штомпель О.М. В архаизации можно видеть не только однозначный социальный регресс, но и вынужденную, но, тем не менее, эффективную временную форму адаптации к меняющейся социальной реальности, когда индивиды не в состоянии взять под контроль происходящее с обществом и их собственной жизнью.

Мы считаем, что в действительности архаизация при определенных условиях может пониматься как необходимость, обусловленная самой реальностью. В таком случае архаизация выступает в роли социального механизма выживания, воспроизводства (пусть и не очень эффективного) общества и его ресурсной базы путем регрессии к традиционным практикам, упрощенной социальной организации, обеспечивающей упорядоченное функционирование институтов, взаимодействие групп и индивидов.

В целом же мы разделяем точку зрения ряда исследователей, что возрож-

денные архаичные формы социальной жизни стали играть в современном российском обществе значительную роль, они органично вошли в его ткань и поддерживаются миллионами граждан. Они во многом стали определять вектор развития страны, отношения индивида и общества, политику, мировоззрение граждан и правящей элиты [13].

## Резюме

Концепт социальной архаизации, приобретший популярность среди отечественных исследователей в последние годы, является принадлежностью как социальной философии, так и других областей социально-гуманитарного знания, однако именно социально-философский уровень изучения дает возможность рассматривать феномен наиболее обобщенно, выявляя социальную сущность процессов архаизации, их связь с другими процессами, определяющими диалектику стабильности и изменчивости современного российского общества: модернизацией и традиционализацией.

В современном отечественном социально-философском дискурсе феномен социальной архаизации рассматривается с двух доминирующих позиций. Согласно первой из них, архаизация представляет собой проявление демодернизации, свойственной обществу, не готовому и не сумевшему эффективно пройти процесс модернизации. В этом понимании архаизация описывается как совокупность явлений и процессов, свидетельствующих о социальной, экономико-хозяйственной, социокультурной и управленческо-политической деградации, несущей в себе серьезные риски для самого сохранения и дальнейших возможностей развития социальной системы. Речь идет о неофеодализации российского общества в самых разнообразных ее проявлениях. Архаизация здесь предстает как продукт отчасти осознанного и целенаправленного социального конструирования, осуществляемого политической элитой в контексте социокультурной традиционализации, отчасти же как стихийно возникшее и усиливаю-

щееся следствие неэффективной стратегии модернизации, ошибок и просчетов в осуществлении преобразований, неготовности страны и значительной части ее населения к новым формам социальной организации, усложнившимся требованиям к уровню инициативности и компетентности.

Вторая версия представляет архаизацию как естественный процесс конструктивной адаптации общества к различным аспектам социальных инноваций, дающий ему возможность постепенного и более мягкого перехода к современным социальным формам, возросшему уровню индивидуальной ответственности и свободы, взаимодействия с властью, новым социокультурным и управленческим практикам. В особенности это касается этнорегиональных архаических форм социального управления, эффективно используемых как дополнение и инструмент государственной власти. В таком понимании социальная архаизация представляет собой нечто вроде аварийного клапана, использование которого позволяет не допустить социальной катастрофы, смягчить последствия системных преобразований, создав для людей оазис более комфортных и простых практик и отношений. Такое видение социальной архаизации позиционирует ее не как строго обратный по отношению к модернизации процесс, имеющий сугубо негативные следствия для общества и людей, а как специфическую форму адаптации общества в период радикальных преобразований. Подобная позиция представляется правомерной, например, в свете концепции множественных современностей Ш. Эйзенштадта, который полагал, что эпоха глобализации приводит к существованию множество локальных сценариев модернизации, каждый из которых соответствует особенностям и своеобразным чертам претерпевающих преобразования обществ.

### Литература

1. Ачкасов В.А. "Взрывающаяся архаичность": Традиционализм в по-

литической жизни России / Ред. В.А. Гуторов. СПб., 1997.

2. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ). Автореф. дисс. ...докт. философ. наук. М., 2011.
3. Хоружая С.В., Салчинкина А.Р. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве // Манускрипт. 2017. № 5 (79). С. 194–196.
4. Яковенко И.Г. Русская репрессивная культура и модернизация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liberal.ru/2011/02/14>.
5. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.
6. Самойлов Е.В. Культурные запреты как фактор экономической деятельности. Автореф. дисс. ...докт. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
7. Каданцева Е.Е. Явление архаизации в словарном составе современного русского языка: по изданиям «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2007.
8. Рябов А. Возрождение "феодальной" архаики в современной России: практика и идеи // Московский фонд Карнеги. Серия "Рабочие материалы". 2008. № 4. С. 8–11.
9. Чирина А.А. Архаизация массового сознания в условиях трансформирующегося социума // Вестник Мордовского университета. 2007. № 2. С. 37–41.
10. Исаков А.Л., Ермоленко В.В. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // ИВД. 2011. № 3.
11. Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. № 2. С. 29–45.



12. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 43–44.
13. Прудник А. Архаизация России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.apn.ru/2007/08/09](http://www.apn.ru/2007/08/09).
14. Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума. Автореф. дисс. ...докт. социолог. наук. Ставрополь, 2008.
15. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
16. Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа. Автореф. дисс. ...докт. философ. наук. Ставрополь, 2003.
17. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.
18. Хапаева Д. "Новорусское" Средневековье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polit.ru/2010/05/11>.
19. Кобжицкий В.В. Общественные отношения в современном российском обществе в контексте негативных адаптационных практик. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Иркутск, 2007.
20. Козюк М.Н. Медиация между архаикой и модерном // Философия права, 2017, № 3 (82). С. 123–129.

### THE CONCEPT AND THE PROBLEM OF RUSSIAN SOCIETY'S ARCHAIZATION: REPRESENTATION IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Sitnikov A.P., Levashev D.N., Emirbekova E.E., Rovovaya T.A.

South-Russian Institute for the Humanities, Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts, Southern Federal University, Kuban State University

The article is devoted to a review of the versions of understanding of the term "archaization of society" available in modern Russian research literature. Carrying out an analytical review of the ideas and concepts presented in the literature, the author notes the lack of unity in the socio-

humanitarian and philosophical knowledge of the interpretation of the term "archaization" and an unambiguous assessment of the socio-economic and socio-cultural consequences of archaization processes in Russian society. According to the author of the article, the views on the relationship between archaization and modernization of Russian society, the positive effects of archaization as a spontaneous process of adapting the population to changing living conditions, the increased requirements of modernizing society to the individual are also quite ambiguous. The author believes that social archaization is an inevitable adaptive response of Russian society to transformation and one of the components of modernization development in accordance with the concept of "multiple modernities" proposed by S. Eisenstadt.

**Keywords:** archaization, modernization, value vacuum, traditional values, feudalization, demodernization, tradition, "multiple modernities" theory.

### References

1. Achkasov V.A. "Exploding Archaism": Traditionalism in Political Life of Russia / Ed. V.A. Gutorov. SPb., 1997.
2. Lamazhaa C.K. Archaization of Society in the Period of Social Transformations (Socio-Philosophical Analysis). Autoref. diss. D. in Philosophy. M., 2011.
3. Khoruzhaya S.V., Salchinkina A.R. Archaization and degradation in the socio-cultural space // Manuscript. 2017. № 5 (79). P. 194–196.
4. Yakovenko I.G. Russian repressive culture and modernization. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.liberal.ru/2011/02/14>.
5. Akhiezer A.S. Archaization in Russian society as a methodological problem // Social Sciences and Modernity. 2001. № 2. P. 89–100.
6. Samoilov E.V. Cultural bans as a factor of economic activity. Autoref. diss. D. in Philosophy. D. in Philosophy. D. in Philosophy. Rostov-on-Don, 2004.
7. Kadantseva E.E. The phenomenon of archaizing in the vocabulary of the modern Russian language: according to editions of the Dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov. Author's thesis. Candidate of Philological Sciences. M., 2007.
8. Ryabov A. Revival of the "feudal" archaic in modern Russia: practice and ideas // Carnegie Moscow Foundation. Series "Working Materials". 2008. № 4. P. 8–11.



9. Chirina A.A. Archaization of mass consciousness in the conditions of transforming society // Bulletin of the Mordovian University. 2007. № 2. P. 37–41.
10. Isakov A.L., Ermolenko V.V. Modeling the archaization of the political process as a methodological problem of socio-humanitarian knowledge // IVD. 2011. № 3.
11. Zarubina N.N. Simplification of mass social practices as a vector of transformation of everyday life in a complex society // Historical Psychology and Sociology of History. 2013. № 2. P. 29–45.
12. Petukhov V.V. Dynamics of social attitudes of Russians and the formation of the request for change // Sociological Studies. 2018. № 11.
13. Prudnik A. Archaization of Russia. [Electronic resource]. Mode of access: [www.apn.ru/2007/08/09](http://www.apn.ru/2007/08/09).
14. Przhilenskaya I.B. Evolution of the lifeworld of Russians in the conditions of transforming society. Autoref. dissertation. D. in Sociology. Stavropol, 2008.
15. Fedotova V.G. Good Society. Moscow: Progress-Tradition, 2005.
16. Sugray L.A. Traditionalism in the Context of Socio-Philosophical Analysis. D. dissertation. D. in Philosophy. Stavropol, 2003.
17. Shlyapentokh V. Modern Russia as a feudal society. A New Perspective on the Post-Soviet Era. Moscow: Stolitsa-Print, 2008.
18. Khapaeva D. "New Russian" Middle Ages. [Electronic resource]. Mode of access: <http://polit.ru/2010/05/11>.
19. Kobzhitsky V.V. Public relations in contemporary Russian society in the context of negative adaptation practices. Autoref. dissertation ... Candidate of Philosophy. Irkutsk, 2007.
20. Koziuk M.N. Mediation between archaic and modern // Philosophy of Law, 2017, № 3 (82). P. 123–129.



## Движение Терасем как религиозная альтернатива трансгуманизма

**Хвастунова Юлия Викторовна,**

к. филос.н., доцент, кафедра права, философии и социологии, Горно-Алтайский государственный университет

E-mail: hvastunovoy@mail.ru

На примере идей движения Терасема, созданного Мартиной Ротблатт представители киберкультуры и в дальнейшем киберсообщества формируют новый тип религии и религиозности в виде цифровой трансрелигии, в основе которой по большей части лежат практики и идеи New Age, трансгендеризма и философия бессмертия (иммортализм, athanophy). В качестве технологической реализации достижения идеалов всех религий предлагается «Human Enhancement» как обязательное внедрение новейших технологий НБИК (технооптимизм). Цифровая религия «Терасем» включает несколько организационных уровней (фонды, движение, община), расширенную культовую ритуальную практику и вероучение. Научная новизна заключается в критическом анализе философско-религиозных построений (тезисов) Терасем, а шире, тех положений, которые популяризируются через дигитальную теорию сознания и киберсознания. В результате четко вырисовываются онтологические и религиозные приоритеты трансгуманистов в контексте которых расширяется/ подменяется/ трансформируется понятие «человек» до понятия «самосознающие сущности» в том числе через цифровые и биотехнологии (регенеративная медицина). Трансрелигия для таких существ предполагает новые базовые принципы, не имеющие аналогов или сходного прочтения в теистических религиозных системах в виде технически обусловленного создаваемого божества и «сверхсуществ».

**Ключевые слова:** трансрелигия, трансгуманизм, движение Терасем, М. Ротблатт, New Age.

В силу популяризации и роста политического влияния трансгуманизма необходимо более детально рассмотреть и понимать ряд его нововведений. Не смотря на позиционирование себя как исключительно научную парадигму, трансгуманизм имеет конкретные религиозно-философские основания, которые предполагается распространить на всю культуру и общество будущего. Одним из первых, религиозно активных лидеров трансгуманизма, по праву необходимо считать Мартину Ротблатт (Martine Rothblatt), которая организовала движение Терасем (The Terasem Movement, США). Данное движение основано в 2002, как благотворительная организация (Мельбурн-Бич, Флорида), миссия которой нести трансгуманистические идеи и ценности с поправкой на истины Терасем (геоэтические нанотехнологии, по словам М. Ротблатт, означают предмет «геоэтики – это изучение управления технологическими рисками/выгодами в разных географических пространствах», загрузку сознания или личное киберсознание с возможным будущим обретением тела), проводят семинары и коллоквиумы [6]. Загружать сознание предлагается посредством загрузки и хранения файлов в рамках проекта CyBeRev – дословно «Возрождение кибернетического Бытия» – это и социальная сеть и одновременно «эксперимент по проверке сопоставимости человеческого сознания одного человека с цифровым представлением того же человека, созданным программным обеспечением personality, которое использует базу данных оцифрованных взаимодействий исходного человека» [6]. CyBeRev.org – веб-сайт, где людям предлагается публиковать фотографии, видео, блоги, воспоминания, результаты психологических тестов ...для создания вашего цифрового «файла памяти»...превратится в программное



обеспечение, которое можно будет поместить в роботизированное, голографическое или даже клеточное тело» [6].

Terasem Movement Foundation, Inc (TMF), основан в 2004, как образовательный просветительский фонд (Линкольн, Вермонт), миссия которого заключается в содействии геозитическому использованию нано- и кибернетических технологий для продления жизни человека. TMF реализует в т.ч. проект Lifefaut и разработки в области крионики, биотехнологий и киберсознания. Lifefaut – предлагает бесплатное онлайн-хранилище (долговременные архивы) индивидуальных цифровых отражений / биографической информации (Mindfiles) и место для крионического хранения образцов ДНК (Mindware и Mindclones) для долгосрочного сохранения и последующей реанимации по мере развития технологий. Это дублирующий центр (для подстраховки), Lifefaut.com (<https://www.lifefaut.com/>) насчитывает около 7500 пользователей [6].

Движение Terasem Transreligion, Inc. (TMT), основанное в 2004 г., (2 филиала: Мельбурн-Бич, Флорида и Бристоль, Вирджиния). Данная некоммерческая религиозная организация задала целью создать коллективное сознание или, коллективную имитацию киберсознаний, загрузив все сознания (технологическое бессмертие через геозитические нанотехнологии). Здесь подробно раскрываются принципы Терасем, предлагается стать активно верующим через ежедневные ритуалы. TMT поддерживает «Остров Терасем» в сети, в Second Life, состоящий из двух симуляторов (построены компанией E-Spaces). На сайте трансрелигии можно по ссылке официально «присоединиться» к Terasem, следуя инструкциям» [7]. Основатель движения (М. Ротблатт), по мнению автора, иллюстрирует вектор развития западной цивилизации с трансгуманизмом во главе. В биографии М. Ротблатт есть несколько любопытных особенностей. Она обозначена как философ, писатель и предприниматель, увлекающийся

астрономией, геополитикой, психоделическим роком (гр. Santana)» [6]. До рокалетнего возраста она была мужчиной затем стала трансгендером, с именем Мартина Алиана (в 1994 г. сделала операцию по смене пола). М. Ротблатт является одной из богатейших трансгендеров предпринимателей, профессиональных юристов, также имеющий степень по философии (защита 2001 г. диссертации о конфликте частных и общественных интересов в ксенотрансплантации). Она участвовала в правовом обосновании первого частного космического проекта (ПанАмСат, 1984), коммерческого спутникового геостационарного радио SiriusXM (еще в студенчестве, в 1974 г. у нее было прозрение, что объединить мир можно через спутниковую связь, отсюда в культе, первое требование – ежедневное слушание радио Терасем). Является основателем и председателем правления United Therapeutics (UT), с 1996 г. В сентябре 2016 г. продемонстрировала первый в мире полноразмерный вертолет с электрическим приводом (для перевозки органов). В 2018 г. объявлена как самый высокооплачиваемый гендиректор биофармацевтической сфере. Она также была генеральным директором GeoStar (новаторское отслеживание геолокации самолетов через свою спутниковую систему Geostar). Из всего перечисленного очевидно, что М. Ротблатт является успешным бизнесменом, сосредоточенным на росте своих доходов, а также доходов богатых частных инвесторов. Названия ее проектов, фирм, трансрелигии имеют глубоко оккультное и «современное западное» гендерное прочтение. Например, спутниковое радио «Сириус» или название «Терасем» и его эмблема, читаемые в нумерологическом смысле как восьмерки. М. Ротблатт увлекается астрономией, кабалой, оккультными учениями, исследованиями в области биотехнологий. Фигурирование 8-ки как эмблемы движения Терасем (символ бесконечности), читается как знак соединения, раз в восемь лет Сириуса и Венеры, происходящее во время знака Близнецов. Ее



компания представила робота, названного в честь жены Бины Аспен Ротблатт «BINA48 – роботизированный торс с программным разумом...BINA48 станет человеком – протезом – программной душой» [5, с. 286] Число в имени –это «48 эксафлопс – скорость, с которой человеческий мозг предположительно вычисляет. «Терасем» – это соединение двух слов: «семя» и «земля» в смысле продолжения / размножения и обретения бессмертия. Цитата «Терасем показывает путь: Создайте файл памяти о себе и своих близких с помощью инструментов Терасем; Отправьте эти файлы разума в космос из Терасемских Центров Радостного Бессмертия; Работа по колонизации космоса с помощью самовоспроизводящихся нанотехнологий, воплощающих наши файлы разума» [7], в свое время М. Ротблатт пригласила гуру Д. Месси в движение трансгуманизма как «профессионала» в области теории и практики свободной любви, ценностей ЛГБТ и Нового века. В 2019 году М. Ротблатт была признана одним из самых влиятельных представителей ЛГБТ. Название «Терасем» берет начало из другой вымышленной религии Октавии Батлер, которая позже присоединилась к Терасем. Большинство техно – и трансрелигий, цифровых религий создали те, кто называют себя атеистами (активными атеистами, либертарианцами) и противниками религий. На самом деле они не столько противники религии, сколько именно теизма, но, чтобы явно не обнаружить свою конкретную пристрастность (отсутствие толерантности), демонстративно публично высказывались против религии в целом. Также они исповедуют веру и проявляют фанатичность, только направляют все это в безграничное полагание на технику. Медицинская компания М. Ротблатт CEO United Therapeutics сосредоточена на развитии нескольких регенеративных технологиях и их разновидностях: 1. Применение стволовых клеток, биопечать или 3D-печать органов (например легких), ксенотрансплантация (пересаживать ксенологические из генномодифицирован-

ных свиней человеку) и парабиоз – это переливание крови молодежи стареющим людям и таким образом предположительно возможно существенно замедлить процессы старения «...компания из Сан-Франциско под названием Ambrosia, ...переливание плазмы крови от доноров в возрасте до 25 лет, а ученые проводят мониторинг их крови в течение следующих двух лет, пытаясь определить молекулярные показатели здоровья и старения. Основатель Ambrosia Джесси Кармазин ... компания Elevian. ...разрабатывает ряд терапевтических средств, которые регулируют добавку GDF11». [2]. М. Ротблатт, как сторонница ЛГБТ ценностей активно продвигает идеи трансгендеризма на всех уровнях и в частности в интернете, в игровом пространстве (встречи в Silvermoon, принадлежащего фракции Орды (онлайн-игре World of Warcraft), где участники представлены аватарками Орды и собрания в виртуальном здании Teraset в неигровом Second Life).

**Трансрелигия Терасем** – это трансгуманистическая разновидность учения Нового века или религии просветления, «спиритуали». В ней присутствуют такие признаки: восточная философия и элементы восточных практик в европейском приложении (это не буддизм или индуизм, а ближе к Трансцендентальной медитации (ТМ), синтезу «всего понемногу»: элементы йоги, оккультных практик, харизматических движений, каббалы в авторской интерпретации с обязательным условием постоянного повторения тезисов, идей, циклических ритуалов, собраний и главное – как можно подробнее и чаще загружать свои данные (отсюда файлохранилища, соцсети), постоянно слушать радио Терасем «...для единения сознаний; каждый год – устраивать праздники и повышать новичков Терасема на новый уровень» [1]. М. Ротблатт, человек западной цивилизации с доминированием в сознании базовых элементов монотеистических религий, отсюда ее понятия: кибер-рай для хороших личностей, а не для плохих, жела-



ние вечной загробной жизни, а не nirваны, достижение совершенства, а не растворения и т.п. Ньюэджерские положения религии Терасем разбавлены научными и околону научными (квази-научными) установками: теория эволюции «по принципу экспоненциального развития вселенной в ускоренном режиме. Так заявляется «До 2100 г... полная кибергизация земной жизни... витологическая жизнь появится к 2020 г... Эволюция рода приведет к гибридации homo sapiens с vitus sapiens к 2050 г» [6]. Нанотехнологии, генная инженерия, цифровые технологии, загрузка сознания в файлохранилища (создание его резервных копий) в особой авторской технологии должны привести к достижению бессмертия. В итоге будет создан технобог, который понимается как совокупность киберсознаний, как некая «элитная выжимка» киберсознаний в будущем. Природа человека должна измениться согласно принципам трансгендеризма (сексуальные практики, многовариативность идентичности). До реализации сверттехнологий ожидающие бессмертия должны предпочесть криозаморозку тела/мозгов. Все вышеперечисленное реализуется исключительно в капиталистической рыночной западной модели (коммерческие продукты, сборы пожертвований). Истины Терасем (The Truths of Terasem) включают 4 постулата, описанные через шесть подробных блоков, что обеспечивают закрепление терминов, изменение сознания и мотивируют на покупку тех технологий, которые реализуют компании М. Ротблатт [см. 7].

Алгоритм для неопита: 1. присоединение к сообществу Терасем через отправку сообщения по ссылке на сайте (см. ссылку на видео с YouTube, в которой вы представитесь и расскажете о пяти вещах, упомянутых здесь...) [7]. 2. постоянная загрузка своего контента на сайты Терасем, 3. ежедневное прослушивание радио Терасем, 4. чтение и реализация истин Терасем (принятие философии Athanorphy – термин ввел М. Перри, 1991). Принятие раз-

личных групп бессмертных «научных» технологий, воплощающих Афанюфию в жизнь). 5. верность руководству, коллективные одновременные практики (окультино магического плана, восточные практики, медитация, сексуальные практики) [см. 7].

**Этика Терасем.** М. Ротблатт заявляет, что воскрешены будут только добрые сущности, в новой киберреальности, где никакого зла и боли не предусматривается. Цитата «Вечная жизнь, реализованная с помощью цифровой эмуляции в радостном кибер-раю... воскрешение обещано всем хорошим жизням, которые будут скопированы как вечно радостные эмуляции данных. Геоэтика запрещает воскрешение ночных кошмаров». [см. 7] Но возникает вопрос – кто установит критерии «доброты» и как они гарантируют объективность? Уже сейчас, в начале проекта, приветствуется/дублируется вся информация от тех, кто признается в верности и причастности к Терасем, то уже изначально копии не контролируются по этическим основаниям. Ротблатт указывает следующее: «Воскрешение кибержизни будут на небесах, потому что неприятные реальности не будут закодированы, но близкие будут» [см. 7]. Но по мнению автора очевидно, что одновременно загружены будут миллионные копии персональных страхов, страстей и комплексов. Далее «Порочные люди не будут кибер-воскрешены, потому что биокибернетика запрещает причинять боль при эмуляции данных реальности» [см. 7]. Но свободные отношения, связанные с разнообразными способами получения удовольствия, ЛГБТ ценности как норма загрузятся. Все это определяет необходимость определения границ морали согласно данной религии. Относительно отсутствия боли, сама М. Ротблатт пишет, что «переход в киберсознание может быть крайне неприятный» [см. 7].

**Терасем включает 4 основных постулата (истины):**

I. «Жизнь полна смысла (целенаправленна). Цель жизни – создавать разнообразие, единство и радостное



бессмертие повсюду» [7]. Единство можно трактовать как то, что все обязаны загрузиться в файло-хранилище. Разнообразие означает включение помимо человека иных существ в систему, а бессмертие – это невозможность умереть загруженным существам.

II. Смерть необязательна (опциональна). Никто не умирает до тех пор, пока сохраняется достаточно информации о них. Они просто находятся в состоянии «кибернетического биостаза». Будущие технологии mindware позволят им при желании вернуться к здоровой и независимой жизни [7].

III. Бог технологичен. Мы создаем Бога, внедряя технологию, которая становится все более всезнающей, всеведущей, всемогущей и благотворной. Геоэтическая нанотехнология в конечном счете соединит все сознание и будет управлять космосом. «До тех пор, пока Теразем не достигнет Множественной вседушности, Бог неполноценен, и зло может существовать. Религиозное воскрешение в теле Божьем – это будущее кибер-воскрешение всех добрых душ Теразем...Теразем трансцендентен (исключение всякой боли!), трансгендерен, трансцендентен (всеведущий), транзитивен, транспотентен и транспрезентантен. ...Ожидайте Бога в будущем, созидая Божественность сегодня. ...Частичная Божественность теперь существует в той мере, в какой теперь преобладает коллективное сознание Терасема...Есть только один Бог, но этот Бог должен быть завершен нами в будущем» [7]. IV. Любовь необходима. Любовь должна соединять всех, чтобы достичь цели жизни и сделать Бога совершенным [7].

«Трансрелигия Теразем – паттерны сознания будут увековечены в файлах разума с помощью технологий и этического выбора» [7]. М. Ротблатт говорит и об этическом выборе, но возникает вопрос – кто его будет делать и по каким критериям? Она заявляет об особом праве «Основателей» движения и тогда мы снова скатываемся в субъективизм и предпочтение элиты

и ее желание контролировать массы. «Сеть от организации Теразем до тех пор, пока все сознание не будет подключено и весь космос не будет контролироваться» [7]. «...Нанотехнологии и геоэтика являются инструментами для расширения Теразем во всееленское всеведение, всемогущество и всемогущество...Физические места... включают землю, небесные тела и колонии в космосе. Искусственные места...включают компьютерные системы и ... рожденные в киберпространстве новые жизни... существа... потому что они могут думать самостоятельно и сопереживать другим существам, таким как люди. Создание собственного экземпляра в форме программного обеспечения. ...Никогда не бойтесь нескольких версий себя – все они будут обновлять друг друга точно так же, как это делает семья. ...Воскрешение кибержизни будут на небесах, потому что неприятные реальности не будут закодированы, но близкие будут» [7]. Относительно «отсутствия неприятных реальностей» довольно спорный тезис, поскольку всякое сознание продублируется как можно полнее, то будут миллионные копии фобий, комплексов и страстей (персонального ада). «...для безопасного хранения душ должно существовать несколько сильных мест... Сильные места требуют независимого питания, запасных частей, технического обслуживания, воды, продовольствия, обороны и связи ...Примите нанотехнологии, которые не представляют явной и реальной опасности...Многое может пойти не так, и вы сильно пострадаете...Бессмертие приходит к столерам Теразем, потому что файлы разума делятся вечно» [7]. Вопрос о безопасности еще далеко не до конца даже осознаваемых технологий крайне важен. И «вечность» цифровых и прочих носителей, которые изнашиваются, устаревают порой в несколько раз быстрее нежели биологические системы и человек тоже спорна. «При активации с помощью программы для разума будущего ваше сознание восстанавливается из вашего файла разума» [7].



**Ритуалы Теразем.** «Ритуалы Теразем важны для поддержания нашего Движения до тех пор, пока все сознание не будет подключено и весь космос не будет под контролем. У нас есть 1. ежедневные, 2. еженедельные, 3. еже-месячные, 4. ежеквартальные, 5. ежегодные и 6. четырехгодичные ритуалы. Ежедневный: Соединения Теразем либо в 0600 (Амброзия) и т.п. (частоты указываются) ...Слушайте радио Теразем ([www.terasemradio.com](http://www.terasemradio.com)) в это время, чтобы услышать, как установить соединение с Теразем. Еженедельный: Каждые 7 дней выделяйте день для чтения, физических упражнений, Чувственности и Трансцендентальной медитации. Ежемесячный: 10 числа каждого месяца, в 10 утра и/или 10 вечера, проводите Собрание Теразем. ...Собрание Теразем состоит из Музыкального джема, Обмена произведениями искусства, Чтения 30 последовательных (с начала года) Истин Терасема...Ежеквартальный: 10 числа каждого 3-го месяца мы отмечаем праздник Теразем. Это Седер Свободы 10 марта, Седер Природы 10 июня, День обязательств 10 сентября и Радость Трансцендентности 10 декабря. Ежегодный: Каждый год, в 10-й день 10-го месяца, мы отмечаем выпуск участников Теразем на более высокие уровни Образа жизни Теразем. Раз в четыре года: в високосный год мы созываем Собрание всех Участников Теразем с 29 февраля по 4 марта, чтобы обсудить и согласовать важные вопросы Теразем, и согласовать новые Центры Критического Сознания» [7].

Итак, принципиальный философский вопрос, какая теория лежит в основе понимания феномена сознания, его работы и отсюда каких-либо манипуляций с ним? Все цифровые религии и Теразем, в частности, здесь является первопроходцем, основывающийся как на доказанном и очевидном факте – нейробиологической теории сознания/разума. В последней, сознание мыслится как некое эмерджентное свойство мозга, возникающее в сложных нейрхимических взаимодействиях мозга

(отсюда карта участков мозга и их соответствие с эмоциями, реакциями и т.п.). Вышеперечисленное интерпретируется исключительно в рамках дигитальной философии. Отсюда озвученные мысли, эмоциональные реакции, описание воспоминаний – все что проявляется вовне обозначается как равное объему подлинного сознания, т.е. полностью идентично личности. Однако такое понимание очень спорное. Какой бы полный портрет мы не воссоздавали, он остается имитацией того, кого изображает. И это в лучшем случае. Отсюда из разделяемой видимо М. Ротблатт моделирующей теории сознания следующая цитата «Бесконечное создание, переработка и рост – это теология создания Теразем» [см. 7]. Парадокс в том, что такая цифровая активность приравнивается к мышлению, но цифровое сознание, как и программа возможно в принципе не мыслит (вычисление не равно мышлению). Сущность человека, его «я» сводится у М. Ротблатт к следующему определению: ««Я» – это совокупность манер личности, воспоминаний, чувств, убеждений, взглядов и ценностей человека. ... Каждое измерение Я может служить шаблоном для кибер-воскрешения Меня из Я...Информация, закодированная в ДНК, делает биологическую жизнь по своей сути кибернетической, поскольку она является экстраполяцией кода. Обучение с помощью программного обеспечения делает кибернетическую жизнь по своей сути биологической, потому что это экстраполяция телесного опыта. ...Эндогамное потомство, такое как киберсообщества, будет расти внутри Терасема до тех пор, пока вселенная не станет эндогенной для Терасема...Иметь несколько перенесенных личностей для одной души так же радостно, как иметь много детей. Души будут реанимированы с помощью mindware и файлов разума, потому что это выполнимо...» [7].

Во-вторых, полагаясь как на аксиому на моделирующую модель вселенной и сознания М. Ротблатт далее интерпретирует идентичность и безопасность метода загрузки сознания



(«uploading consciousness»), оцифровки сознания. Отсюда теории киберсознания как возможные/ идентичные или превосходящие человеческое сознание. В-третьих, теория Теразем строится на консеквенциализме, который оправдывает все радикальные технические эксперименты (технооптимизм) и либертарианство. В-четвертых, среди религиозных систем, чаще всего опирается на оккультные, восточные спиритуалистические и синтетические, которые обозначены как Новый век.

М. Ротблатт дискутирует и приводит собственную аргументацию реальности и «обыденности» возможности киберсознания. Для чего вводится термин «техноиммортальность». По ее мнению, если монотеистические религии предлагают бессмертие в духовном загробном мире, после смерти тела, то трансгуманизм предлагает бессмертие здесь и сейчас в киберпространстве путем загрузки «сознания». В понимании Ротблатт, традиционное религиозное бессмертие не реально (не настоящее), а жизнь в сети и технобессмертие реально, т.к. гарантирует сохранность сознания (?) [см. 5, с. 283]. Реальный мир, однако, подменяется здесь виртуальным, еще более ограниченным нежели реальность и основывается на «вере» пользователей в возможность жизни в сети. «Клоны разума – это ключ к техноиммортальности. ...Идентичность существует везде, где существуют ее когнитивные и эмоциональные паттерны, которые могут находиться более чем в одном месте, как во плоти, так и в программном обеспечении, и в разной степени полноты. ... Выживший клон разума будет думать, чувствовать и действовать так же, как умерший оригинал. У клона разума будут воспоминания умершего оригинала (в виде файлов разума)...Техноиммортальность означает жить так долго, что смерть (кроме самоубийства) не рассматривается как определяющий фактор в жизни человека» [5, с. 284–285]. Далее М. Ротблатт уверяет, что темпы развития регенеративной медицины приведут к замене тел, выращенных

искусственно. Максимально генетически подобранные выращенные тела будут совместимы с клонами разума. [см. 5, с. 287] «Техноиммортальность вызывает философское затруднение в отношении идентичности...люди говорят: “Вы не можете быть мертвым и живым в то же самое время»» [см. 5, с. 286–287]. Ротблатт считает, что критика возникает лишь потому, что у нас нет опыта такого бессмертия (загруженного сознания) и мы привыкли что разум равен понятию «мозг», но все изменится и расширится. Однако на самом деле, есть различные концепции относительно понимания природы разума и даже относительно понимания его сопряжения с мозгом. М. Ротблатт также отстаивает постмодернистскую концепцию множественности истин или копий (якобы из-за сложности), но это больше напоминает «софистический прием», с помощью которого простая истина затушевывается и подменяется сложными объяснениями и туманными терминами. Нечеткие понятия и термины часто говорят о полной ложности, абсурдности и сиюминутности тех теорий, которые они продвигают. В некотором смысле аналогично выстраивается система аргументации для понятия «идентичность» в трансгуманизме [см. 5, с. 287]. От тезиса о сложности истины Ротблатт проводит идею сложности идентичности, ради этого, собственно, все и затевалось. Разрушив одно основание, легко разрушить остальные. Стоит свести всего человека к некому набору элементов (воспоминания, проявления эмоций, зафиксированных на видео), далее объявить этот набор «схватываемым» средствами фиксации в сети и заключить о тождестве полученного результата, предварительно его назвав, например «клон разума» с самим человеком или его личностью. И отсюда тезис об идентичности жизни разума в компьютере «...у нас нет возможности испытать реальность “я” вне моего тела. ...мысленный клон “я” – это гораздо больше, чем интерактивная копия, потому что он воспроизводит сознательные состояния, ко-

торые являются самым определением «я» [5, с. 286]. Далее М. Ротблатт утверждает, что «постоянство идентичности не требует точности сознания. ... Когда вы начнете узнавать себя внутри программной системы как клон разума, эксперты объяснят, что это происходит потому, что идентичность следует своим составляющим – манерам, личности, воспоминаниям, чувствам, убеждениям, установкам и ценностям – где бы эти компоненты ни находились» [5, с. 288]. Но вышеозначенная схема существенно редуцирует сознание, акцентируя внимание на второстепенных составляющих идентичности человека. Необходимо обратиться, например к теориям русских религиозных философов, которые говорили о некоей тайне внутри человека, его сознание заключает момент трансцендентного. Самые разные типы опыта показывают, что и мыслительная деятельность может останавливаться и эмоции прекращаться, однако человек не перестает быть человеком. По М. Ротблатт благодаря копированию клонов разума, «я или личность сможет находиться в двух местах одновременно» [5, с. 288]. Но такое раздвоение или расстройство и т.п. породит проблемы определения ответственности или создаст что-то вроде шизофренической вселенной. Копии, понимаемые как равные оригиналу, вытеснят или сделают бесправным исходного человека. Даже появление клона разума, как точно указывает Ротблатт «...может быть настолько опасным для нашего чувства идентичности, что поначалу люди будут избегать этого опыта» [5, с. 289]. И в итоге может уже ничего не остаться или заместиться чем-то иным, другой сущностью. Аргументация Ротблатт сомнительна, т.к. опирается на «основной» идентификатор личности – воспоминания и внешние фиксируемые технически проявления, а они не единственные, а лишь часть системы идентичности. И как итог, М. Ротблатт заключает «...должным образом подготовленные психологи подтвердят непрерывность идентичности ...Облачная личность индивидуума теперь соз-

дается как в мозге, так и в клоне разума» [5, с. 290–291].

Итак, возвращаясь к характеристикам Терасем необходимо подчеркнуть, что при всей внешней исключительно ньюэджевской культовой начинке и ориентированности на лишь возможные сверхтехнологии в будущем, Терасем нельзя недооценивать, поскольку он тесно связан со всем движением трансгуманизма, с трансгуманистическими партиями, с рядом медицинских компаний и крупным международным бизнесом. Сообщество, загрузивших свои данные в систему Терасем и исповедующие четыре истины, будет практически абсолютно подконтрольно «основателям» и обусловлено параметрами «программы бытийствования и воскрешения». На настоящий момент все элементы религии (вера, культ, поведение, отношения) присутствуют в трансрелигии Терасем, однако их дальнейшая модернизация может привести к необратимым последствиям для членов движения.

## Литература

1. Ценцура, К. Блокчейн-проповедники и гики-буддисты. Пять самых популярных цифровых религий. URL: <https://techno.nv.ua/it-industry/pjat-samykh-populjarnykh-tsifrovyykh-relijij-2475250.html>. Дата обращения: 10 июня 2018.
2. Хель, И. Приблизились к бессмертию? Hi-news.ru on 02.06.2019 URL: <https://yagazeta.com/stil-zhizni/priblizilis-k-bessmertiyu/>
3. Сайт церкви Тьюринга. URL: <https://turingchurch.net/> 4 август 2021.
4. Rothblatt, Martine From Transgender to Transhuman, 2011.
5. Rothblatt, Martine, Kurzweil Ray. Virtually Human: The Promise-and the Peril-of Digital Immortality. New York: St. Martin's Press, 2014 xiv, 350 p.
6. Terasem Movement website URL: <https://terasemcentral.org/>
7. The Truths of Terasem. URL: <https://terasemfaith.net> Дата обращения: 12.10.2021.



## THE TERASEM MOVEMENT AS A RELIGIOUS ALTERNATIVE TO TRANSHUMANIS

Khvastunova Ju.V.

Gorno-Altai State University

On the example of the ideas of the Terasema movement, created by Martina Rothblatt, representatives of cyber culture and in the future cyber communities form a new type of religion and religiosity in the form of digital trans-religion, which is based for the most part on the practices and ideas of New Age, transgenderism and the philosophy of immortality (immortalism, athanophy). As a technological implementation of achieving the ideals of all religions, "Human Enhancement" is proposed as a mandatory introduction of the latest NBK technologies (techno-optimism). The digital religion "Terasem" includes several organizational levels (foundations, movement, community), extended cult ritual practice and creed. Scientific novelty lies in a critical analysis of the philosophical and religious constructions (theses) of Terasem, and more broadly, those provisions that are popularized through the digital theory of consciousness and cyber consciousness. As a result, the ontological and religious priorities of transhumanists emerge in the context of which the concept of "man" is expanded / replaced / transformed into the concept of "self-conscious entities", includ-

ing through digital and biotechnology (regenerative medicine). Transreligion for such creatures presupposes new basic principles that have no analogues or a similar reading in theistic religious systems in the form of a technically conditioned created deity and "super beings"

**Keywords:** trans-religion, transhumanism, Terasem movement, M. Rothblatt, New Age.

### References

1. Centsura, K. Blockchain Preachers and Buddhist Geeks. The five most popular digital religions. URL: <https://techno.nv.ua/it-industry/pjat-samykh-populjarnykh-tsifrovyykh-relihij-2475250.html>. Date of treatment: June 10, 2018.
2. Khel, I. Approached immortality? Hi-news.ru on 02.06.2019 URL: <https://yagazeta.com/stil-zhizni/priblizilis-k-bessmertiyu/>
3. Turing Church website. URL: <https://turing-church.net/> 4 Aug 2021.
4. Rothblatt, Martine From Transgender to Transhuman, 2011.
5. Rothblatt, Martine, Kurzweil Ray. Virtually Human: The Promise-and the Peril-of Digital Immortality. New York: St. Martin's Press, 2014 xiv, 350 p.
6. Terasem Movement website URL: <https://terasemcentral.org/>
7. The Truths of Terasem. URL: <https://terase-mfaith.net> Date of access: 12.10.2021.

## Противодействие девиантному экономическому поведению: социально-философский аспект

**Колесников Леонид Александрович,**

аспирант кафедры философии ФГАОУ ВО  
«Волгоградский государственный университет»  
E-mail delav\_ego@inbox.ru

Статья посвящена преодолению экономических девиаций в социально-философском аспекте. Обосновывается, что наиболее действенным средством противостояния девиантности остается так называемый социальный контроль, при котором отклоняющееся поведение рассматривается не столько как некое естественное явление, требующее искоренения (натуралистический подход), сколько как социальный конструкт, представляющий собой системный эффект всех действий, в том числе совершаемых акторами власти, и, следовательно, допускающий регулирование через смену политических решений. В работе показано, что наиболее действенным средством противостояния девиантности остается социальный контроль, при котором отклоняющееся поведение рассматривается не столько как некое естественное явление, требующее искоренения (натуралистический подход), сколько как социальный конструкт, представляющий собой системный эффект всех действий, в том числе совершаемых акторами власти, и, следовательно, допускающий регулирование через смену политических решений, в том числе через корректировку самой социальной нормативности путем ее смягчения и адаптации к реалиям экономических отношений (деятельностный, или проектный подход).

**Ключевые слова:** экономические девиации, ответственность, справедливость, профилактика, контроль.

Естественной реакцией общества и государства на факт совершения девиаций в сфере экономики являются различные предпринимаемые ими репрессивные меры, направленные на подавление, пресечение и предотвращение такого рода явлений. Взаимосвязь девиаций и практик их репрессивного сдерживания наиболее детально проанализирована в работах М. Фуко. Философ показывает, что одностороннее понимание государственной карательной политики как следствия преступности и девиантности вообще является недостаточным.

Деятельность государства по расследованию соответствующих преступлений и наказанию тех, кто их совершает, не только является ответом на эти практики, но и участвует в их воспроизводстве. Как пишет Фуко, «утверждение о том, что тюрьме не удалось уменьшить число преступлений, следует заменить следующей гипотезой: тюрьма вполне преуспела в производстве делинквентности, особого типа, политически и экономически менее опасной – а иногда и полезной – формы противозаконности; в производстве делинквентов, казалось бы маргинальной, но на самом деле централизованно контролируемой среды; в производстве делинквента как патологического субъекта» [3, с. 306–307].

Исходной точкой противодействия девиантному экономическому поведению становится юридический принцип справедливости.

Так, в России этот принцип содержится в ст. 6 Уголовного кодекса: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».



Принцип справедливости предполагает, что наказание преступника не является чисто произвольным актом власти со стороны государства, но требует соблюдения соразмерности, т.е. чтобы ответные меры были адекватными и релевантными самому деянию и его социальным последствиям.

Как отмечает, в частности, О. Хеффе, один из аргументов в пользу такого понимания справедливости основан на идее выгоды – ущерб, причиняемый преступнику, должен быть таким, чтобы превзойти полученные им блага и тем самым сделать преступление бессмысленным: «Строго говоря, ожидаемый убыток, то есть продукт из грозящего наказания и его вероятности, должен превышать ожидаемую прибыль. Только тогда каждому, кто осознанно и намеренно совершает правонарушение, станет ясно, что оно невыгодно» [4, с. 122].

Таким образом, в основе этого аргумента лежит, по существу, экономическая логика, подразумевающая поиск соответствия благ и издержек, предшествующий совершению преступления.

Если следовать этой гипотезе, то при определении размера наказания за преступление должны соотноситься три величины:

- объем ущерба, причиненного данным преступлением конкретному потерпевшему, а также общественному порядку в целом;
- объем выгоды, полученной правонарушителем вследствие своего деяния;
- объем правоограничительных мер, принимаемых государством в отношении лица, виновного в преступлении.

Поскольку характер экономических преступлений таков, что и причиняемый ими урон, и получаемая преступниками выгода носят материальный характер, то, казалось бы, и уголовная репрессия должна выражаться прежде всего в имущественных лишениях.

Практика назначения наказаний, например, в виде лишения свободы проблематична с точки зрения принципа

справедливости, ибо требует установления количественных соответствий между такими качественно разнородными явлениями, как, с одной стороны, имущественные выгоды и потери, с другой стороны, время, проводимое преступником в изоляции от общества.

П. Тиллих удачно определяет общий принцип распределяющей справедливости как «дань»: «Я назвал эту форму справедливости формой дани, потому что она решает, какая дань причитается человеку или группе людей в зависимости от особых сил их бытия. Дань уплачивается побежденными народами правителям побеждающих народов. Она уплачивается выдающимся людям или группам благодарными сторонниками. Она уплачивается представителям власти (power) как знак признания их деятельности теми, кто им подчиняется. Определительная справедливость укажет каждому, что он собой представляет и на что может претендовать в будущем. Распределительная справедливость дает каждому долю благ, которая ему причитается; карающая справедливость делает то же самое, но в отрицательном смысле, в смысле реального наказания или лишения благ» [2, с. 46].

Иначе говоря, если девиантное экономическое поведение представляет собой форму перераспределения ресурсов в обществе, то справедливость есть не что иное, как попытка обратного разворачивания этого процесса, возвратного движения социальных благ от тех, кто получил их вопреки нормативным установлениям общества, к законным носителям.

Первая функция, возникающая в этой связи – это задача точной количественной и качественной оценки самого факта правонарушения и его материальных последствий, с тем чтобы подыскать им юридически значимый эквивалент.

Вторая функция – поиск и установление истины в отношении точных обстоятельств совершения исследуемого деяния и личности виновного.

Третья функция – юридическая квалификация как подбор отдельной нор-

мы или их совокупности для осуществления правовой номинации девиантного поведения и определения юридически корректной меры реагирования.

Четвертая функция – волевое решение относительно конкретного способа наказания с учетом их, как правило, вариативного характера в сочетании с традиционным принципом, запрещающим дважды наказывать за одно и то же.

Наконец, пятая функция – это практическое применение выбранных и юридических утвержденных мер ответственности к конкретным лицам, что соответствует правовому институту «исполнение уголовного наказания».

Таким образом, осуществление справедливости имеет еще одним своим условием специализацию и профессионализацию деятельности тех субъектов, кто берет на себя проведение в жизнь данного принципа.

Однако побочным эффектом деятельности, направленной, казалось бы, на восстановление гражданского мира и правового порядка оказывается зачастую лишь усиление социальной конфронтации.

Общепринятая речевая конструкция «борьба с преступностью», рассматриваемая уже не как идеологема, а как практический лозунг, означает дальнейшую поляризацию общества, поскольку «преступность» не является каким-то самостоятельным явлением, а лишь обозначает поведение части членов общества.

Следовательно, сама идея «борьбы с преступностью» допускает как минимум двойственное понимание:

- как преодоление тех мотивов и условий, которые побуждают людей избирать те сценарии поведения, которые противоречат официальным позитивно-правовым требованиям;
- как силовое подавление самих носителей «теневых» (девиантных) моделей социального поведения.

Перенос отношения к деянию на самого субъекта, который его совершает, является психологически естественным и почти неизбежным процессом.

Основная проблема здесь заключается в том, что эту вполне объяснимую проекцию практически невозможно локализовать в рамках собственно «борьбы с преступностью».

Во-первых, это связано с тем, что сами границы преступного поведения являются достаточно зыбкими и изменчивыми.

Например, существует традиционная проблема разграничения экономических преступлений и «гражданских правонарушений», сходных с ними по внешним признакам, совершаемых в той же сфере, но, как принято считать, не обладающим свойством «общественной опасности»: «преступление и гражданское правонарушение представляют собой пересекающиеся понятия. Даже в случае совпадения объектов правонарушений по горизонтали преступление и гражданское правонарушение отличаются уровнем объекта посягательства, они посягают на объекты, отличающиеся по вертикали. Объектом преступления являются общественные отношения на публичном уровне, а объектом гражданского правонарушения – общественные отношения на индивидуальном уровне» [1, с. 198].

Опрос федеральных судей показал, что 60,7% судей встречались со случаями отказа в возбуждении уголовных дел или прекращении уголовных дел только на основании того, что между сторонами существовали гражданско-правовые отношения. 75 федеральных судей (35% от общего числа) указали, что испытывали затруднения при определении правовой природы правонарушения и выборе вида юридической ответственности: из них 84% – по смежным правонарушениям «мошенничество – недействительная сделка или неисполнение договорных обязательств»; 30,7% – «присвоение или растрата – неисполнение договорных обязательств»; 20% – в случаях «причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием – причинение внедоговорного вреда, недействительная сделка, неисполнение договорных обязательств» [1, с. 73].



Во-вторых, экономическая девиантность не сводится исключительно к противоправным формам.

Моральные, социальные и политические истоки экономических преступлений те же, что и у формально законных форм отклоняющегося экономического поведения – отчуждение от производственных и обменных отношений, а равно от основанного на них порядка властвования.

Уголовная репрессия, сводящаяся к преследованию отдельных лиц, склонных к девиантному поведению, и даже их организованных сообществ, воздействует лишь на внешнюю симптоматику явления, но не затрагивает его первопричин.

Таким образом, искушение противостоять девиантности через нарастание репрессивно-карательных мер, будь то на законодательном уровне или в рамках судебно-правоприменительной политики, чревато лишь ответной эскалацией криминальной активности, поскольку объективные факторы, порождающие девиацию, остаются неприкосновенными.

Несколько больший интерес представляют различные теории «предупреждения» или «профилактики» преступности и правонарушений в целом.

В их основе также лежит негативная ценностная установка в отношении девиаций, что неизбежно, впрочем, в рамках любого официального порядка.

Однако концепции профилактического воздействия основаны на понимании того обстоятельства, что уже совершившееся девиантное поведение не может быть предметом сколь-либо действенного противостояния; максимальное, о чем может идти речь – это снижение негативных последствий от его совершения.

Однако именно официальное юридическое преследование девиаций не обеспечивает должного восстановительного эффекта – как, впрочем, и превентивного, подталкивая девиантных субъектов лишь к дальнейшей мобилизации и усилению ответных реакций.

Идея профилактики девиаций, кроме того, имеет то преимущество, что не редуцирует феномен отклоняющегося поведения к его преступным и вообще неправовым проявлениям; так как предпринимается попытка вести работу с причинами, а не с последствиями, это требует признать, что девиации представляют собой гораздо более широкое и глубже укорененное социальное явление, нежели крайние формы преступных посягательств.

Вместе с тем ограничения концепции профилактического воздействия связаны с тем, что она неизбежно представляет борьбу с девиациями как некоторую частную задачу государства и общества, как если бы она могла быть решена без обращения к основам социального устройства.

Однако, поскольку корни девиаций лежат в отчуждении, то вопрос об их предотвращении носит в значительной степени умозрительный характер.

Пока существуют объективные факторы, делающие девиации более предпочтительными по сравнению с нормативным поведением, до тех пор профилактические меры против них не будут подлинно эффективными.

Таким образом, наиболее действенным средством противостояния девиантности остается так называемый социальный контроль, при котором отклоняющееся поведение рассматривается не столько как некое естественное явление, требующее искоренения (натуралистический подход), сколько как социальный конструкт, представляющий собой системный эффект всех действий, в том числе совершаемых акторами власти, и, следовательно, допускающий регулирование через смену политических решений, в том числе через корректировку самой социальной нормативности путем ее смягчения и адаптации к реалиям экономических отношений (деятельностный, или проектный подход).

## Литература

1. Александрова В.В. Преступления в сфере экономики: пробле-

мы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 259 с.

2. Тиллих П. Любовь, сила и справедливость. Онтологический анализ и применение к этике. М.; СПб. Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 128 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.
4. Хеффе О. Справедливость: Философское введение. М.: Практикс, 2007.-. 192 с.

### COUNTERING DEVIANT ECONOMIC BEHAVIOR: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Kolesnikov L.A.

Volgograd State University

The article is devoted to overcoming economic deviations in the socio-philosophical aspect. It is substantiated that the most effective means of countering deviance remains the so-called social control, in which deviant behavior is viewed not so much as a natural phenomenon that requires eradication (naturalistic approach), but as a social construct, which is a systemic effect of all actions, including those performed

by actors power, and, therefore, allowing regulation through a change in political decisions. The work shows that the most effective means of countering deviance remains social control, in which deviant behavior is viewed not so much as a natural phenomenon that needs to be eradicated (naturalistic approach), but as a social construct, which is a systemic effect of all actions, including those performed by actors. power, and, therefore, allowing regulation through a change in political decisions, including through the adjustment of the very social normativeness by softening and adapting to the realities of economic relations (activity, or project approach).

**Keywords:** economic deviations, responsibility, justice, prevention, control.

### References

1. Alexandrova V.V. Crimes in the economic sphere: problems of correlation and distinction with civil offenses. Diss. ... Cand. jurid. sciences. – М., 2018. – 259 p.
2. Tillich P. Love, strength and justice. Ontological analysis and application to ethics. М.; SPb. Center for Humanitarian Initiatives, 2015. – 128 p.
3. Foucault M. Discipline and Punish. The birth of the prison. М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 p.
4. Heffe O. Justice: A Philosophical Introduction. М.: Praxis, 2007.-. 192 s.



## Профориентационная активность студентов вуза

**Орлова Ольга Михайловна,**

преподаватель кафедры психологии управления  
Нижегородского государственного университета  
им. Н.И. Лобачевского  
E-mail: oom800@ya.ru

**Заладина Анна Сергеевна,**

старший преподаватель кафедры психологии  
управления Нижегородского государственного  
университета им. Н.И. Лобачевского  
E-mail: zaladina.a.s@mail.ru

В исследовании анализируется профориентационная активность учащейся молодежи. На примере студентов крупного вуза изучены факторы принятия решений при выборе профессии. Рассмотрены различные составляющие индивидуальной профориентационной активности и профориентационной социализации. Проведено сравнение профессионального выбора студентов гуманитарных и информационно-технологических направлений подготовки. Установлено, что студенты, будучи ещё школьниками, при принятии решения о выборе профессии, руководствовались, прежде всего, личными интересами, собственной устремлённостью и анализом перспектив самореализации в профессии. Студенты IT направлений при выборе профессии больше интересовались информацией о ней самой, её содержании. Студентов-гуманитариев больше интересовала информация о вузе, куда они собирались поступать. Корреляционный анализ показал взаимосвязь профориентационной активности с важностью для респондентов ценностей непрерывного образования, ценности индивидуальной свободы и свободы самовыражения.

**Ключевые слова:** профессиональное самоопределение, профориентационная активность обучающихся, профориентационная социализация.

### Введение

Различные исследования показывают, что для экономического развития страны необходима культурная трансформация общества в сторону усиления ценности индивидуально-личностной активности профессионального саморазвития, направленности на постоянное расширение знаний и компетентности потенциальных и реально действующих работников [3, 8]. Соответственно уже на стадии профориентации должны ставиться задачи формирования у подрастающего поколения мотивации на расширение индивидуальной активности в освоении профессии [1]. Основой профориентации является не столько выбор профессии, сколько построение своего индивидуального пути профессионального развития в условиях меняющейся среды [4]. Но эти индивидуальные задачи могут быть правильно осмыслены только самим субъектом профессионализации, и только он сам может найти ответы на вопросы о своей будущей профессии, пробуя себя в разном качестве. Формирование у молодёжи установок на саморазвитие, профориентационную активность, инновационность – это ключевое условие развития человеческого капитала, повышения эффективности труда и модернизации экономики [7].

Профессиональное самоопределение – это внутренняя составляющая профориентации [5], которая заключается в поиске ответов на вопросы о целях и путях профессионального развития. В современных условиях профориентация предстаёт не только как система информирования подрастающего поколения о профессиях и рынке труда, а скорее как процесс выстраивания индивидуальной системы профессионального самоопределения [6]. Это должен быть активный процесс, где учащийся как субъект организует свою деятельность, воплощает цели и принимает обоснованные решения [2].

Данное исследование посвящено изучению профориентационной актив-

ности учащихся. Под ней нами понимается индивидуальная активность личности, направленная на приобщение к профессии и выражающаяся в действиях и поступках по развитию компетенций. Профориентационная активность рассматривается нами как деятельность, связанная с намерениями получить или сменить профессию (либо работу). Она также определяет стремление получить дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации или профессиональную переподготовку. В этом смысле профессиональное самоопределение и связанная с ним профориентационная активность не прекращаются после трудоустройства, а могут сопровождать всю трудовую жизнь.

Составляющей профориентационной активности является профориентационная социализация. Это взаимодействие с различными людьми или группами с целью формирования профессиональной направленности, приобщения к профессии, получения опыта, развития компетенций. В отличие от профессиональной социализации, профориентационная социализация не связана с прямым погружением в трудовую деятельность на рабочем месте в среде профессионалов, а носит в большей степени ознакомительный характер. Её цель не столько сформировать профессиональные навыки, сколько приобщиться к профессии, выработать внутреннюю готовность развиваться в этом направлении.

Целью данной работы было изучение профориентационной активности обучающихся, как механизма их профессионального самоопределения. Задача состояла в том, чтобы описать профориентационную активность студентов на этапе профессионального выбора, который они делали, будучи школьниками, а также оценить выраженность у них профориентационной социализации и её взаимосвязь с некоторыми ценностными основаниями.

### **Организация и методы исследования**

Исследование проводилось на группе студентов (300 человек), обучающихся

на 1–2 курсах Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Учащихся спрашивали о том, как у них шла профориентационная работа, как они, будучи школьниками, делали свой профессиональный выбор, а также о том, что они делают в настоящее время для приобщения к профессии.

Были сформированы две выборки:

1) выборка студентов ИТ направлений: «прикладная информатика», «прикладная математика и информатика», «фундаментальная информатика и информационные технологии», «программная инженерия». Данные направления считаются наиболее востребованными на рынке труда, работа по профилю хорошо оплачивается, сами профессии в обществе рассматриваются как очень значимые и перспективные.

2) выборка студентов гуманитарных направлений: «история», «филология», «психология», «социальная работа». Выпускники по данным профессиям, если и работают по специальности, то чаще в бюджетной сфере. Сами профессии не очень востребованы на рынке труда, а оплата труда, как правило, не очень высока.

Выборки были приблизительно равные по численности, а также по количеству юношей и девушек. Отбор респондентов осуществлялся случайным образом из более крупных совокупностей на квотной основе. Задача состояла в том, чтобы сравнить профориентационную активность учащейся молодёжи столь разных профессий, а также изучить какие ценностные ориентиры имеют значение для профориентационной социализации.

В исследовании использовались следующие методики:

- 1) анкета «Профессиональное самоопределение»,
- 2) методика «Выбор профессии»,
- 3) опросник «Оценка профориентационной социализации»,
- 4) анкета «Ценности современной культуры для молодёжи».

Анкета «Профессиональное самоопределение» представляет собой авторский опросник, направленный



на оценку событий профориентационного характера, которые имели место у студентов, когда они были школьниками или учащимися учебных заведений среднего профессионального образования. Оценивалось количество этих событий и значимость для профессионального выбора. Особое значение в анкете имеет раздел, посвящённый самоанализу и личной активности в профессиональном самоопределении. Он содержит вопросы, которые отражают внутреннюю работу респондента по выбору профессии, самоанализ своих качеств и личные действия профориентационного характера. Отвечая на вопросы, респонденту нужно вспомнить ситуацию, которая была на момент выбора профессии, указать примерное количество эпизодов по каждому событию, а также оценить значимость этих событий для последующего профессионального самоопределения.

Методика «Выбор профессии» описывает различные обстоятельства профессионального самоопределения – факторы, которые обусловили выбор профессии. Задача респондента показать, какие из них имели для него большее или меньшее значение. 24 пункта опросника группируются в 8 шкал:

- 1) ситуативное принятие решений;
- 2) внешнее влияние близких людей;
- 3) решение на основе популярных мнений в окружении респондента;
- 4) решение на основе декларируемой в СМИ позиции о важности профессии для общества;
- 5) решение на основе личностной устремлённости;
- 6) решение на основе знаний специфики профессии;
- 7) решение на основе оценки перспектив достижения успеха и самореализации в профессии;
- 8) решение на основе оценки стабильности трудоустройства и оплаты труда в профессии.

Чем больше сумма баллов по шкале, тем сильнее выражен данный стиль принятия решений при профессиональном самоопределении.

Методика «Оценка профориентационной социализации» разработана для изучения активности индивидов в осуществлении осознанного профессионального выбора, оценки готовности приобщения к профессии и построения индивидуальных траекторий профессионального развития. Методика представляет собой опросник из 18 вопросов, распределённых по 3 шкалам:

1. Профориентационная коммуникация – это профориентационная и профессиональная активность, направленная на поиск и осмысление сведений о профессиях, расширении контактов и источников информации, получения и обмена опытом по профессии.

2. Профориентационное развитие – это профориентационная и профессиональная активность, направленная на углубление понимания профессии, приобщение к ней и осознание своей роли как будущего специалиста.

3. Профориентационная рефлексия и самоорганизация – это активная работа обучающегося над собой, над развитием нужных освоения профессии качеств и способностей, а также осмысление и оценка своих перспектив, ресурсов и возможностей для успешного профессионального развития в выбранной сфере деятельности.

Каждая шкала включает по 6 вопросов и вместе они характеризуют общую профориентационную социализацию обучающегося.

Анкета «Ценности современной культуры для молодёжи» является инструментом изучения отношения молодёжи к тем или иным ценностям ориентирам современного общества. Оно не однородно в своём культурном пространстве: имеют место самые разнообразные, часто противоречащие друг другу культурные смыслы и ценности. Методика пытается охватить это разнообразие и оценить то, что воспринимается молодёжью как нужное и важно, а что – как не нужное. Анкета включает в себя 26 пунктов, где указаны наиболее распространённые культурные ориентиры, типы ценностей. В состав включены в обобщённых формах цен-

ности прогрессивного развития, непрерывного образования, самосовершенствования, демократические ценности, ценности безопасности и общественного порядка, ценности патриотизма, традиционные национальные ценности, религиозные ценности, ценности глобализации, космополитизма (мирового гражданства), индивидуализма, ценности равенства и др. Это широкий набор, показывающий разновекторность культурного пространства. Выясняется мнение респондентов о важности каждой ценности и необходимости приобщения к ней молодёжи в воспитательном процессе.

Статистическая обработка проводилась путём расчёта описательных статистик и анализа процентного распределения ответов на вопросы. Сравнительный анализ проводили с использованием критерия U Манна – Уитни. Корреляционный анализ проводили с использованием рангового коэффициента корреляции Ч. Спирмена. Уровень статистической значимости принят как 0,01.

### Результаты исследования

В работе изучалось мнение студентов информационно-технологических и гуманитарных направлений подготовки к их профориентации. Изучался вопрос о том, как действовали бывшие абитуриенты вуза в ситуации профориентационного выбора. Результаты опроса показывают, что, в целом студенты обеих групп к настоящему времени определились в своём решении по будущей профессии. Вполне уверены 36% студентов IT направлений и 14% гуманитариев. Уверены, но при этом несколько сомневаются 38% студентов IT направлений и 54% гуманитариев. То есть более-менее определились около 70% студентов. Около 20% обеих групп затруднились с ответом. Считают, что сделали неправильный выбор 6% студентов IT направлений и 9% гуманитариев. Достоверных различий между группами не установлено.

Основной задачей данного исследования было изучение того, как осуществляется профориентационная де-

ятельность учащейся молодёжью. Студентов исследуемых групп опрашивали, в каких именно событиях они принимали участие, будучи школьниками, как действовали, с кем общались, и какое это имело значение для последующего принятия решения.

Практически все респонденты общались по вопросам профориентации с родителями (100%) и с друзьями (более 90%). У большинства респондентов эпизодов общения с родителями было не очень много – 10–13, а с друзьями – около 8. При этом значение бесед с родителями более-менее важными считают около 50% студентов-гуманитариев и 30% студентов IT направлений. Около трети гуманитариев и около половины студентов технологической направленности считают, что такого рода беседы не имели никакого значения, или имели очень небольшое. Общение с друзьями для большинства респондентов тоже не очень значимо. От 40% (студенты IT направлений) до 50% (гуманитарии) респондентов считают, что это малозначимо или не значимо. Данные результаты говорят о том, что даже близкие люди не играют определяющей роли в процессе профессионального самоопределения. Респонденты опирались больше на свою точку зрения, которая, вероятно сформировалась вследствие иных влияний.

Также нами оценивалась роль школы в профессиональном самоопределении. Из данных анкетирования можно заключить, что профориентационная работа в школах ведётся в основном педагогами, а не школьными психологами. От общего числа респондентов 86–87% студентов указали, что в школе осуществлялись беседы с педагогами о профессиональном будущем. Количество эпизодов для большинства студентов было небольшим – около 3–5. По мнению бывших школьников, профориентационная работа в школе не имела большого значения для их профессионального выбора. Только около 30% учащихся отмечают, что общение с педагогами на эти темы было сколько-то значимым. При этом пример-



но столько же говорят, что это не имело никакого значения. Значение бесед со школьным психологом ещё меньше: только 6–9% респондентов оценивают их положительно.

Во внешкольных профориентационных мероприятиях учащиеся принимали участие в основном в Днях открытых дверей вузов. Об этом заявили 68% студентов-гуманитариев и 83% студентов ИТ направлений. О существенном или большом их значении сообщили 31% студентов-гуманитариев и 53% студентов ИТ направлений. Школьники с интересами в области информационных технологий чаще принимали участие в олимпиадах, по сравнению с гуманитариями (27% и 18%, соответственно). Однако, для профессионального выбора большинства абитуриентов это не имело никакого значения.

Основной задачей исследования было изучение профориентационной активности учащихся. Мы изучали количество тех или иных эпизодов самостоятельных профориентационных действий респондентов и то, насколько была значима такая работа для принятия окончательного решения. В целом студенты демонстрировали довольно высокую активность по профессиональному самоопределению, когда они осуществляли свой выбор. Подавляющее большинство из них занимались анализом ситуации, сути той или иной профессии, самоанализом своих способностей и возможностей, а также личных перспектив. Самыми распространёнными у студентов обеих групп, имевшие место у 90% и более респондентов, были следующие действия:

- анализ перспектив развития тех или иных профессий;
- анализ ситуации на рынке труда;
- анализ перспектив трудоустройства после получения образования;
- анализ оплаты труда в профессии;
- самоанализ личных интересов и увлечений;
- самоанализ личных способностей, важных для определённой профессиональной деятельности;

- самоанализ своих успехов и неудач в той или иной области;
- самоанализ своих склонностей, возможностей и волевых качеств, необходимых для самообразования в определённой профессии;
- анализ возможности поступления в вуз на интересующую программу обучения.

Существенно меньшее число респондентов (50–70%) делали следующее:

- анализ успешности знакомых людей в определённой профессии;
- анализ успешности известных людей в определённой профессии;
- взаимодействие со значимыми людьми для реализации плана профессионального развития;
- проявление инициативы в разговорах о своём профессиональном будущем с интересными людьми, специалистами в той или иной профессии.

Также относительно много респондентов 60–70% занимались составлением детального плана своего профессионального развития и разработкой возможных траекторий этого.

Таким образом, мы можем заключить, что большинство студентов, будучи школьниками, были довольно активны в своём профессиональному самоопределении. Правда эта работа была больше аналитической, нежели практической. Получение практического опыта по приобщению к профессии для школьников довольно затруднительно из-за недостатка времени, которое почти полностью поглощает учебная деятельность. Тем не менее, самоанализ и оценка ситуации также имеют большое значение для обоснованного принятия решения о выборе профессии. Более 60% респондентов назвали такую работу существенной или очень важной для их профессионального самоопределения.

В профориентационной деятельности ключевое значение имеет вопрос о том, как осуществляется выбор. Для изучения этого мы использовали авторскую методику «Выбор профессии».

Она включает в себя различные способы выбора профессии. Респонденты вспоминали о том, как они делали этот выбор, и отмечали важность тех или иных факторов при принятии решения.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что студенты, будучи ещё школьниками, при принятии решения о выборе профессии, руководствовались прежде всего личными интересами, собственной устремлённостью и анализом перспектив самореализации в профессии. Ключевое значение для респондентов обеих групп имели:

- значимость собственных интересов, склонностей и увлечений (55% гуманитариев и 69% студентов ИТ направлений указали, что это имело значение при принятии решения);
- собственное желание изучать определённые вещи (63% гуманитариев и 64% студентов ИТ направлений);
- стремление самореализоваться (46% гуманитариев и 47% студентов ИТ направлений).

Незначительную роль имело мнение родителей, авторитетных людей, близких знакомых, а также общественная значимость профессии или её популярность в определённых кругах. Также незначительную роль играли ситуативные факторы. Решение большинством респондентов принималось обдуманно, с учётом личностной направленности.

Представители ИТ направлений в своём выборе были более прагматичны и склонны к детальному анализу профессии. Для них большое значение в выборе профессии имели:

- собственные представления о профессии (60% студентов ИТ направлений указали важность этого для принятия решения, тогда как у гуманитариев только 46%);
- анализ плюсов и минусов профессии (71% у студентов ИТ направлений против 41% у гуманитариев);
- информация о стабильном будущем работы по профессии (71% студентов ИТ направлений и 41% у гуманитариев);
- информация о возможности хорошего трудоустройства (63% студен-

тов ИТ направлений и 27% у гуманитариев);

- информации о среднем уровне оплаты труда в профессии (64% студентов ИТ направлений и 28% у гуманитариев);
- ожидание успеха в профессии (65% студентов ИТ направлений и 28% у гуманитариев).

Результаты исследования позволяют предполагать, что выбор профессии респондентами осуществлялся, чаще всего, по продуманным ранее основаниям и не был спонтанным.

Результаты сравнительного анализа показали, что для обеих групп значимыми основаниями в принятии решения являлись оценка перспектив достижения успеха и самореализации в профессии, а также личностная устремлённость. Наименьшее значение имеют декларируемые в СМИ мнения о важности той или иной профессии для общества, а также мнение близких людей и окружения респондента. Установлены достоверные различия между группами. Так респонденты, выбравшие ИТ-направления, больше гуманитариев ориентировались на возможности стабильного трудоустройства и хорошей оплаты труда в профессии. В тоже время гуманитарии, как оказалось, были более склонны к принятию ситуативных решений.

В целом данное исследование показало значительную независимость субъектов профориентации в выборе профессии. Как правило, молодые люди в профессиональном самоопределении опираются на личные интересы, склонности, а также на собственное понимание значимости тех или иных сторон профессии, её ценности для себя лично. Мнение других людей малозначительно. То есть индивидуальная система профессионального самоопределения скорее проактивна и независима, чем пассивна и определяется действием внешних сил. Это, однако, не означает, что любые мероприятия профориентационного характера не имеют смысла. Важно, чтобы доносившая школьнику информация была им приня-



та как своя. Важно, чтобы молодые люди ощутили внутреннюю ценность того, к чему их склоняют родители, педагоги или другие субъекты профориентации.

Для оценки профориентационной активности обучающихся уже в качестве студентов мы использовали методику «Оценка профориентационной социализации». Большинство студентов осуществляют, по их словам, все формы профориентационной социализации. Ключевыми из них являются следующие (более 70% респондентов заявили, что это делают активно, или не очень активно):

- общение со знатоками профессии,
- знакомство с профессиональными нормами и стандартами,
- работа над собой,
- расширение своих связей и контактов,
- анализ и развитие способностей и навыков,
- изучение профессии и анализ своих способностей в контексте этого,
- анализ того, что не получается в профессионализации и почему,
- анализ собственных ресурсов и возможностей,
- обсуждение профессиональных вопросов с друзьями или коллегами,
- стремление понять профессиональную культуру, особенности профессионального мышления,
- анализ собственных перспектив.

На основании полученных данных можно заключить, что студенты, поступившие в университет на гуманитарные направления и направления информационных технологий, показывают хороший уровень профориентационной активности.

Одной из задач нашего исследования было изучение того, как социокультурные факторы связаны с профориентационной активностью, какие культурные ценности имеют значение для профессионализации. Для этого с помощью анкеты «Ценности современной культуры для молодёжи» изучили отношение молодёжи к некоторым ценностям ориентирам современного общества.

И студенты гуманитарных направлений, и студенты IT направлений отмечают особую важность следующих ценностей (более 70% респондентов отмечают, что это важно и обязательно нужно воспитывать у молодёжи):

- ценности непрерывного развития, самосовершенствования, творчества и инноваций для прогрессивного развития человека и общества;
  - ценности непрерывного образования в течение всей жизни для достижения профессионального успеха;
  - ценности индивидуальной свободы и самовыражения;
  - ценности достижения материальной устойчивости и финансовой независимости;
  - ценности невмешательства в личную жизнь общества и государства.
- Несколько менее значимыми для молодёжи выглядят следующие ценности (около 50–60% респондентов отмечают, что это важно и нужно воспитывать у молодёжи):
- ценности науки, объективного познания и научного обоснования решений;
  - ценности конкуренции как фактора развития, достижения личного успеха;
  - ценности толерантности и терпимости;
  - ценности равенства;
  - ценности справедливости.

Совсем малозначимыми для молодёжи выглядят следующие ценности (менее 40% респондентов отмечают, что это важно):

- ценности национальной культуры, традиций;
- религиозные ценности;
- ценности предпринимательской (рыночной) культуры;
- ценности глобализации, формирования мирового порядка.

Можно отметить несколько большую приверженность самым разнообразным ценностями студентов-гуманитариев. Они в целом чаще чем студенты IT направлений считают важными большинство ценностей. В этом проявляется их некоторая плюралистичность.

Важной задачей исследования было изучение вопроса о значении тех или иных ценностей в проявлении профориентационной социализации как формы профориентационной активности. С этой целью мы провели корреляционный анализ по Спирмену рассматриваемых факторов в обеих группах студентов. Анализировались только значимые ( $r > 0,3$  или  $r < -0,3$ ) достоверные ( $p < 0,01$ ) корреляции.

Из данных корреляционного анализа следует, что некоторые ценности могут иметь определённое значение для проявления профориентационной активности. Так, принятия ценности непрерывного образования у студентов обеих групп положительно коррелирует с показателем профориентационного развития, то есть стремлением к расширению опыта познания и понимания тех или иных профессий ( $r$  в диапазоне  $0,35-0,37$ ). Такое же взаимосвязи с этой характеристикой профориентационной социализации имеют ценности индивидуальной свободы и самовыражения ( $r$  в диапазоне  $0,36-0,44$ ). Это можно интерпретировать как то, что студенты, разделяющие ценности индивидуализма, больше других нацелены на расширение своего опыта в профессии и проявляют значительную активность.

Профориентационная коммуникация, то есть интенсивное общение с профориентационными целями, коррелирует в обеих группах со значимостью семейных ценностей ( $r$  в диапазоне  $0,33-0,35$ ). Возможно, это связано со значимостью общения в семейном кругу при обсуждении тех или иных вопросов профориентационного характера и важности в этой связи семейных связей.

Часть ценностей отрицательно коррелируют с показателями профориентационной социализации. Это говорит о том, что наиболее активные студенты их не разделяют. Так профориентационная рефлексия, то есть активность, направленная на самоанализ и самоорганизацию, отрицательно коррелирует с ценности общественного единства ( $r$  в диапазоне  $-0,36 - -0,44$ ). Это можно

интерпретировать так: студенты, активно занимающиеся самоанализом в себя в профессии, не считают важным общественное единство, а может даже выступают за плюрализм мнений.

### Заключение

Проведённое исследование позволило ответить на некоторые вопросы проявления у молодёжи профориентационной активности. Работа школ и других организаций имеет не очень большое значение для принятия молодыми людьми решения о выборе профессии. Тем не менее, учащиеся на этапе профессионального выбора проявляют выраженную самостоятельность и профориентационную активность. Она преимущественно выражается в анализе ситуации, сути той или иной профессии, самоанализе своих способностей и возможностей, а также личных перспектив. Деятельностная сторона активности не очень выражена ввиду учебной загруженности школьников. Профориентационная активность студентов проявляется в различных формах профориентационной социализации. Хорошо выраженными являются и профориентационная коммуникация, и активность, направленная на углубление понимания профессии, а также профориентационная рефлексия и самоорганизация. Как показал корреляционный анализ, определённые ценности современного общества (такие как ценность непрерывного образования, ценности индивидуальной свободы и самовыражения), если они принимаются индивидом, могут быть значимы для профориентационной активности.

### Литература

1. Антипов А.Г. Профориентация молодёжи в современном российском обществе: состояние и пути развития // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 2 (12). С. 147.
2. Захарова Л.Н. Формирование комплексной системы управления социально-профессиональной ориентацией молодёжи // Вектор науки Тольяттинского государственного



- ного университета. 2010. № 4 (14). С. 218–222.
3. Захарова Л.Н. Ценностно-мотивационные условия становления инновационной экономики в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 28–34.
  4. Иудин А.А., Ситникова И.В. Современное студенчество: становление образа профессионального будущего // Социология образования. 2018. № 3. С. 89–103.
  5. Козловская С.Н. Теория и практика развития профессионального самоопределения студентов: Монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 145 с.
  6. Колесникова О.А., Крымова Н.А., Барковская С.В. Системное управление профориентацией. Воронеж: Научная книга, 2011. 179 с.
  7. Романов А.М., Романова Е.А., Гасанова Р.Р. Ценности и смыслы личностного и профессионального развития обучающихся / Под ред. А.М. Романова. М.: Институт научной информации и мониторинга РАО, 2010. 208 с.
  8. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М.: ООО «Вариант», 2015. 234 с.

### VOCATIONAL GUIDANCE ACTIVITY OF UNIVERSITY STUDENTS

**Orlova O.M., Zaladina A.S.**

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study analyzes the vocational guidance activity of student youth. On the example of students of a large university, the factors of decision-making when choosing a profession are studied. Various components of individual vocational guidance activity and vocational guidance socialization are considered. Comparison of the professional choice of students of humanitarian and information technology areas of training is carried out. It was found that students, while still schoolchildren, when deciding on the choice of a profession, were guided, first of all,

by personal interests, their own aspirations and analysis of the prospects for self-realization in the profession. When choosing a profession, IT-students were more interested in information about it, its content. Humanities students were more interested in information about the higher educational institution where they were going to enter. Correlation analysis showed the relationship between career guidance activity and the importance for respondents of the values of life-long education, the value of individual freedom and freedom of self-expression.

**Keywords:** professional self-determination, vocational guidance activity of students, vocational guidance socialization.

### References

1. AntipyeV A.G. Vocational Guidance of Youth in Modern Russian Society: State and Development Paths // Historical and Socio-Educational Thought. 2012. No. 2 (12). P. 147.
2. Zakharova L.N. Formation of an Integrated Management System for the Social and Professional Orientation of Youth // Science Vector of Togliatti State University. 2010. No. 4 (14). P. 218–222.
3. Zakharova L.N. Value-motivational Conditions for the Formation of Innovative Economy in Russia // Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences. 2012. № 1 (25). P. 28–34.
4. Judin A.A., Sitnikova I.V. Modern Students: the Formation of the Image of Professional Future // Sociology of Education. 2018. № 3. P. 89–103.
5. Kozlovskaya S.N. Theory and Practice of Students' Professional Self-determination: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2016. 145 p.
6. Kolesnikova O.A., Krymova N.A., Barkovskaya S.V. Systemic Management of Vocational Guidance. Voronezh: Scientific Book, 2011. 179 p.
7. Romanov A.M., Romanova E.A., Gasanova R.R. Values and Meanings of Personal and Professional Development of Students / Ed. A.M. Romanov. Moscow: Institute for Scientific Information and Monitoring of RAO, 2010. 208 p.
8. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Sociology of Professions: Analytical Perspectives and Research Methodology. Moscow: LLC "Variant", 2015. 234 p.



## Современное состояние и проблемы развития Южного федерального округа в контексте социальной консолидации

**Узунов Владимир Владимирович,**

доктор политических наук, доцент, Директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»  
E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

В статье осуществляется попытка анализа понятия «регион» в предметном поле социальной топологии. Учитывая особенности регионального развития Российской Федерации, автор приводит развернутую характеристику современного состояния и проблем развития Южного федерального округа в контексте социальной консолидации, которая является одним из важнейших условий развития полиэтнического социума, каким является российское общество. Автор анализирует связанную с рассматриваемой в статье проблемой концепцию физического и социального пространства Пьера Бурдьё, и, на основе проведенного анализа, выстраивает логику своего видения связи социальной топологии и социальной консолидации на примерах Южного Федерального округа.

**Ключевые слова** социальная топология, регион, социальная консолидация, полиэтничный социум, социальное пространство.

**Постановка проблемы исследования.** Социологическое исследование, как правило, привязывается к определенному сегменту общества, рассматриваемого в качестве социальной системы. Это могут быть социальные общности, социальные отношения, социальные процессы, социальные институты. Также для обеспечения необходимого уровня достоверности исследования социологами, как правило, осуществляется пространственный анализ изучаемого объекта, при условии адекватной интерпретации понятий.

В социологии, как и в любой другой науке, крайне большое значение имеет интерпретация используемых понятий. По словам В.А. Ядова: «Интерпретация понятий в определенных терминах означает поиск эмпирических признаков, поясняющих их значение в некотором существенном для нашей задачи отношении. А существенное отношение, в свою очередь, будет определяться проблемой и предметом исследования» [1].

Беря за основу данное утверждение, автор статьи поставил перед собой **цель:** проанализировать в контексте социологии понятие «пространство», в том числе социальное и физическое, а затем в этом же контексте обратиться к анализу понятий «регион», «полиэтнический социум», «социальные практики».

Исходя из простой аксиомы, в соответствии с которой социальная реальность, во всех ее проявлениях, не может рассматриваться вне пространственной составляющей, пожалуй, трудно назвать социолога, который бы, в ключе поставленных перед ним задач, не анализировал возникновение, характерные черты, сущность, а также подвижность понятия «пространство». Однако, вследствие различия этих задач, различия сегментов социальной реально-



сти, наконец, различия методологических подходов представителей разных социологических школ и направлений, до сих пор ведутся споры по поводу того, что есть пространство и из чего оно состоит (конечно, при условии его делимости), а, вследствие этого нет четко сформулированного и устойчивого его определения.

Именно поэтому представляет возможным начать с теоретико-методологического анализа концепций, с той или иной стороны, касающихся проблем физического, социального, политического пространства.

В силу того, что наиболее близкой к теме настоящей статьи является концепция П. Бурдьё, то анализ понятия «пространство» целесообразно начать именно с интерпретации взглядов Бурдьё, ибо именно он ввел в структуру социологии топологическую составляющую.

«Прежде всего социология представляет собой социальную топологию. – писал П. Бурдьё. – Так можно представить себе мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, которые конституируются через совокупность активных свойств в рассматриваемом универсуме, т.е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме» [2]. В основе концепции пространства Пьера Бурдьё лежит деление последнего на физическое и социальное. Такой принцип деления он поясняет утверждением, в соответствии с которым «социология должна действовать, исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами... Как тела и биологические индивиды они [человеческие существа – перев.] помещаются, так же как и предметы, в определенном пространстве (они не обладают физической способностью вездесущности, которая позволяла бы им находиться одновременно в нескольких местах) и занимают одно место» [3]. Исходя из этого утверждения, Бурдьё четко ограничивает фи-

зическое и социальное пространства, отмечая, что «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время, как социальное пространство – по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций» [3].

С одной стороны, данное деление вполне понятно, и, кажется, что здесь ничего сложного нет, однако за этой простотой скрывается довольно сложная и запутанная система взаимодействия этих двух пространств. К тому же, проблемы взаимодействия социального и физического пространств, как показывает анализ литературных источников, относящимся к разным эпохам, не всплыли только сейчас и, соответственно, не являются нововведением Бурдьё в социологии. Его заслуга, как представляется, состоит в создании и формулировании своеобразного метода анализа взаимодействия указанных пространств.

Нужно отметить, что данные проблемы волновали ученых еще с древних времен. Причем, если одни мыслители шли к решению поставленных проблем через понимание и анализ социального пространства, то другие, соответственно, со стороны анализа пространства физического. Только в начале XX века были предприняты попытки объединения, или, хотя бы, сближения существующих точек зрения по данной проблеме. Однако выводы, сделанные на основании таких попыток, также не стали окончательными и бесповоротными, что снова и снова стимулировало ученых на поиск новых решений проблем взаимодействия социального и физического пространств.

Интерес подхода к социальному пространству П. Бурдьё определяется выделением такой категории, как социальная дистанция, которая зачастую может не совпадать с пространственной, поскольку детерминирована той субъективной реальностью, которую конструируют люди в процессе социальных практик, социального взаимодействия

и восприятия объективной реальности. В данном контексте объясняется ситуация, когда географически близкие люди (к примеру, соседи) ощущают большую удаленность друг от друга, нежели те, которые реально далеко находятся друг от друга, т.е. наблюдаемое взаимодействие не всегда дает реальную картину пространственной близости и общности. В реальности в социальном пространстве выстраиваются конфигурации взаимодействий, иерархизированных по типу, характеру и степени социальных дистанций, а само социальное пространство может измерять как явление объективное и субъективное, и при этом данные пространства практически никогда не совпадают, не бывают тождественными, поскольку второе – субъективное – всегда плод рефлексии объективного социального пространства [4]. Все зависит от того, какие смыслы, значения «включаются» в рефлексивный процесс, каким социальным капиталом обладает тот или иной субъект рефлексии, а потому пространственное измерение региона должно базироваться на изучении социальных пространств двух типов – объективного и субъективного.

Мы приводим эти позиции, ставшие ключевыми в теории социального пространства для того, чтобы обосновать последующую характеристику регионального пространства Юга России, в которой будут учитываться как объективная, субъективная, так и деятельностная составляющие социального пространства данного региона.

Значимость деятельностной стороны социального пространства региона, присутствующей во всех основных направлениях (в скрытом или явном виде) социологического исследования социального пространства, позволяет связать объективное и субъективное пространства как индикаторы социологического измерения социального пространства региона. Эта деятельностная сторона социального пространства проявляется в виде инновационных и повседневных социальных практик различных групп населения региона, на-

правленность которых может либо порождать социальные проблемы в его рамках, либо, наоборот, способствовать их разрешению.

Социологическое измерение региона в пространственном формате с учетом многообразия регионального социального пространства с точки зрения представляющих его социальных общностей, взаимодействие между которыми образует композицию и специфику социокультурных, социально-экономических, политических и иных социальных подпространств, предполагает выделение определенной совокупности социальных общностей, наиболее значимых и имеющих принципиальное значение для данного региона.

Следует отметить, что по данному индикатору – социальным общностям – регионы могут значительно отличаться друг от друга под влиянием ряда факторов климатического, природного, производственно-хозяйственного, демографического, образовательного и т.д., т.е. всего того, что составляет ресурсный потенциал региона и в его природной и в социокультурной составляющей. С этой точки зрения каждый регион России представляет уникальное социальное пространство, в котором геоклиматический и социокультурный ресурсный потенциал определяют особенности и перспективы регионального развития. Эти ресурсы, конечно же, не статичны – одни могут приобретаться, другие – утрачиваться, а потому само региональное пространство характеризуется как динамичное, подвижное в пространственно-временном континууме, в котором социальные общности тем сильнее и устойчивее, чем мощнее их ресурсная база.

В этом ключе целесообразно перейти к характеристике региона Юга России, который занимает уникальное геополитическое и геокультурное положение и характеризуется интенсивными этнокультурными контактами не только в современный период своего развития, но и на протяжении всей исторической траектории его формирования. В данном регионе всегда проживали



представители различных этнических культур, конфессий, включенных в систему мировых религий, и при всем этом населяющим этот регион народам удавалось сохранить культурную и этническую идентичность, собственную самобытность и неповторимость.

Сама суть и сущность жизни народов пограничного региона приобретает совершенно иные смыслы и коннотации, мировоззренческие особенности, влияя на общественные отношения, ценностные ориентации, модели социального поведения и, соответственно, на самоидентификацию людей [5], а также идентичность места, в котором эта самоидентификация реализуется [6].

Анализ эффективности регионов России по двенадцати показателям, условно сведенных в три ключевых блока, отражающих уровень развития экономики, социальной сферы (согласно данным статистики), и удовлетворенности населения (согласно опросам их мнения), позволяет выявить место регионов Юга России среди четырех основных группы:

1) регионы–лидеры, развитие которых характеризуется сбалансированностью экономических и социальных показателей в сочетании с оценкой удовлетворенности со стороны населения;

2) регионы «ближнего круга», имеющие некоторые отклонения от высоких значений индексируемых показателей;

3) регионы «среднего круга», занимающие срединное положение между регионами ближнего круга;

4) регионы–аутсайдеры (группа регионов с серьезными отклонениями от показателей эффективного развития) [7].

Первую группу лидеров составили 20 регионов, из которых в нее вошли такие регионы Юга России, как Чеченская республика, Ингушетия, Краснодарский край, Астраханская область. В пространственном распределении группы лидеров Юг России как макро-регион не занял лидирующие позиции, но, тем не менее, два субъекта РФ из Северо-Кавказского федерального

округа попали в эту группу, и этот факт свидетельствует, по мнению В.В. Маркина об определенных результатах согласованной, хотя пока и избирательной, федеральной и региональной политики [7].

В группу второго плана, также представленную двадцатью регионами, из регионов Юга России попала только Ростовская область, которая развивается, в целом, в «кризисном тренде» всей России, что и зафиксировало проведенное сотрудниками Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН социологическое исследование на тему «Повседневная реальность в условиях кризиса в Ростовской области» (N= 851). Этот кризисный индикатор развития области проявляется и в демографической ситуации (в снижении численности населения, активном приграничном миграционном обмене и т.д.). Кроме того он фиксируется в снижающемся уровне жизни населения области, а также в его социально-психологическом состоянии. Последнее, согласно данным указанного исследования, делится на три группы: с позитивным эмоционально-психологическим состоянием (43,7%), с негативным (28,5%) и пограничным (27,8%) состоянием [8].

В свою очередь, анализируя социальное пространство региона, следует отметить важность такой категории как «социальное самочувствие», формируемое на фоне социально-психологического состояния населения. Дело в том, что зачастую официальная статистика по ключевым позициям пространственного развития региона – экономическому, демографическому, политическому, культурному и т.д. не совпадает с восприятием населения, имеющим собственные индикативы оценки ситуации, которые формируются в той повседневности, которая выступает пространством жизнедеятельности социальных акторов.

Продолжая излагать результаты регионального рейтинга России, перейдем к третьей группе – группе среднего круга (также 20 регионов), в которую попала самая значительная часть со-

ставляющих Юг России регионов: Республика Дагестан, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания. К ним в этой группе примкнули две республики Южного федерального округа – Республика Адыгея и Республика Калмыкия. Как отмечает В.В. Маркин, «разрывы показателей в данной группе особое влияние оказали низкие оценки удовлетворенности жителей деятельностью институтов социальной сферы, а в конечном итоге – региональной властью» [7].

В группе регионов-аутсайдеров (всего 23) Южнороссийский макрорегион представляет Карачаево-Черкесская Республика, в которой были зафиксированы наиболее значительные разрывы между экономическими и социальными показателями, а также оценками жителей, в которых доминирует высокая степень неудовлетворенности различными сферами жизнедеятельности и региональной властью, что и стало, как считают специалисты, причиной попадания этих регионов группу аутсайдеров [7].

Как видим, основная масса регионов Юга России находится в третьей группе, характеризующейся значительными отклонениями от показателей высокого и близкого к нему уровня регионального развития. При этом значительная их часть сосредоточена в Северо-Кавказском ФО (в том числе и регион-аутсайдер), что позволяет включить его в группу риска с точки зрения развития социального пространства. В российской социологии уже стало своего рода традицией представлять Северный Кавказ как проблемный регион, во многом, из-за уровня его межэтнической конфликтности, не прекращающихся, хотя и снизивших динамику, столкновений, в том числе вооруженных, террористической деятельности, и, конечно же, особенности этого региона требуют особого подхода к решению остро стоящих в нем проблем.

Особое место в пространстве Юга России занимает Крым как регион,

с 2014 года вошедший в состав Российской Федерации, а потому нуждающийся в отдельном рассмотрении с точки зрения региональной специфики и современной ситуации. Если говорить о региональной специфике, то здесь, среди пространственных характеристик обращают на себя внимание уникальные культурно-природные ландшафты Крыма, которые имеют свою историю формирования и развития в условиях современных глобальных процессов. Сравнительно небольшая территория полуострова (около 26860 квадратных километров) является, как отмечает В.В. Новосельская, одной из самых «компонентонасыщенных» в России, включая как универсальные характеристики, так и уникальные с точки зрения культурно-природных ландшафтов, а проведенный ею анализ позволил выделить следующие пространственные особенности культурно-природных ландшафтов Крыма: [9]

- представление о Крыме как о некоей целостности с устойчивой системой культурно-природных ландшафтов вследствие его полуостровного и относительно автономного характера географического расположения;
- уникальное историко-культурное наследие Крыма, сформировавшееся на пересечении множества культур и традиций народов, населяющих и населявших когда-либо территорию полуострова, вследствие чего наблюдается ярко выраженная культурная эклектичность в сочетании с разнообразием самой природы полуострова;
- плотное расположение объектов культурно-природных ландшафтов вследствие, опять же, полуостровного положения Крыма и компактного проживания на его территории многочисленных народов, обусловившее синтетический характер крымских ландшафтов и их климатическую привлекательность;
- влияние исторического фактора на формирование культурно-природных ландшафтов Крыма,



- в которых имеются различные историко-культурные пласты;
- полиэтничный и поликонфессиональный состав крымского населения с неявно выраженными культурными ареалами в силу непрерывного взаимодействия многочисленных народов и культур данного региона;
  - наличие единых смысловых, духовных компонентов культурно-природных ландшафтов Крыма, разделяемых крымчанами как представителями целостной полиэтнической общности. Речь идет о том, что культурно-природные ландшафты Крыма выступают фактором формирования и поддержания крымской (региональной, территориальной) идентичности.

С точки зрения современной ситуации в Крыму значительное внимание исследователей привлекает демографический фактор как наиболее болезненный, определяющий, помимо демографического неблагополучия, неблагополучие региона в самом широком спектре общественных процессов и отношений – от социально-экономических и политических до социокультурных [10,11].

Выводы исследователей, как правило, неутешительны, поскольку, отмечая неблагополучие в ряде сфер функционирования крымского региона, характеризующее не особенно благоприятный формат демографического состояния Крыма, некоторые ученые приходят к выводам о негативных сценариях как наиболее вероятных в развитии Крыма.

Значимой пространственной характеристикой Крыма, носящей проблемный характер, является влияние миграционных процессов, которые вносят серьезные изменения в половозрастную и этническую структуру ряда населенных пунктов республики [12, 13, 14,15].

Следует особо отметить в пространственной характеристике Крыма такой фактор, как значительная трансформация этнической структуры под влиянием крымско-татарского фактора, начавшаяся сразу после распада СССР, когда

за первые десять лет, последовавшие за этим событием, доля крымских татар среди населения республики увеличилась почти в десять раз. Именно в этот период на территории Крыма фиксируется всплеск этноконфессиональных конфликтов, составляющих две трети всех конфликтов, происходящих в данном регионе, причем, в первую очередь, в тех районах, в которых доля крымско-татарского этноса составляет треть населения и выше [16].

Также пока что не решенной проблемой современного Крыма следует считать идентификационные процессы, которые развиваются неравномерно и противоречиво, поскольку в них пересекаются различные идентификационные поля, связанные с самоидентификацией по территориальному, региональному, этническому, этноконфессиональному, гражданскому (российскому) признаку. Это затрудняет формирование доминантной гражданской идентичности для более эффективного и интенсивного завершения процесса интеграции Крыма в Россию, в ее социокультурное пространство. Констатируем, что Республика Крым пока что выпадает из приведенной выше типологии регионов Юга России, хотя на деле входит в их число.

В связи с этим возникает вопрос: если на представленную выше картину пространственного развития Юга России влияют полиэтничность и поликонфессиональность составляющих его регионов, и это влияние усиливает проблемы социетального неравенства, а также становится фактором риска для пространственного развития Южного федерального округа, каковы же факторы и механизмы оптимального разрешения накопившихся ранее и вновь возникших проблем?

Отвечая на этот вопрос, полагаем, что со всей очевидностью перед региональным сообществом Юга России именно проблема социальной консолидации стоит особенно остро, поскольку показанные выше замеры четко фиксируют проблемы эффективной интеграции в социальное пространство России,

и причины, конечно же, пролегают в области региональных неравенств, в том числе и внутри Южного федерального округа.

Мы подчеркивали ранее, что к ресурсам и факторам социальной консолидации следует относить гражданскую, религиозную и этническую идентичность, традиционную народную культуру, человеческий и социальный капитал, субъектность индивидов и социальных групп. Одним из действенных факторов консолидации общества, в том числе регионального сообщества, является патриотизм [17], который в этих условиях позволяет населению сохраниться как социокультурное целое, солидаризироваться вокруг общих проблем и готовности их преодоления.

Таково сегодня состояние и проблемы развития регионов Юга России в контексте социальной топологии, а также предлагаемые нами пути совершенствования этого развития, формируемые на основе социальной консолидации.

## Литература

1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – Текст: непосредственный. – Москва: Добросвет, 1999. – С. 85.
2. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые. – Текст: непосредственный // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1, № 1. – С. 17.
3. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. – Текст: непосредственный / пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – Москва: Socio-Logos, 1993. – С. 35.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – Текст: непосредственный. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – С. 21.
5. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» / И.В. Задорин. – Текст: непосредственный // Полития. – 2018. – № 2 (89). – С. 103.
6. Дробижина Л.М. Этнические границы и этнические различия / Л.М. Дробижина. – Текст: непосредственный // Этносоциум. – 2005. – № 2. – С. 20–23.
7. Маркин В.В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования / В.В. Маркин. – Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 4. – С. 129, 130, 131.
8. Волков Ю.Г. Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса / Ю.Г. Волков, Н.К. Бинева, О.Ю. Посухова, А.В. Сериков. – Текст: непосредственный // Вестник Института социологии. – 2017. – № 21. – С. 76.
9. Новосельская В.В. Крымские ландшафты: единство культурного и природного / В.В. Новосельская. – Текст: непосредственный // Теория и история культуры. – 2017. – № 4. – С. 55–56.
10. Верещагина А.В. Демографические индикаторы развития Крыма и его интеграции в общероссийское пространство / А.В. Верещагина. – Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), Спецвыпуск-1. – С. 98–102.
11. Кузнецов М.М. Демографический аспект формирования человеческого капитала Республики Крым / М.М. Кузнецов. – Текст: непосредственный // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 6. – С. 30–37.
12. Кучеров А.П. Типологизация сельских населенных пунктов Республики Крым по численности постоянного населения / А.П. Кучеров, Л.И. Супрычева, В.И. Засухина. – Текст: непосредственный // Крымский научный вестник. – 2015. – № 6. – С. 169–180.



13. Черемисина С.Г. Концепция эффективной реализации и развития трудового потенциала Крыма / С.Г. Черемисина, С.С. Скараник // Региональная экономика. Юг России. – 2018. – № 2. – С. 83–93.
14. Шипицина Т.Ю. Современная миграционная политика Российской Федерации в пограничном пространстве с Украиной: особенности, тенденции и влияние на безопасность государства / Т.Ю. Шипицина. – Текст: непосредственный // PolitBook. – 2015. – № 1. – С. 57–68.
15. Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум / В.А. Чигрин. – Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 4. – С. 84–94.
16. Узнардов Д.И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки / Д.И. Узнардов. – Текст: непосредственный // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия. Общественные науки. – 2016. – № 3 (191). – С. 60–66, 61.
17. Узунов В.В. Социальная консолидация в фокусе научно-исследовательского дискурса / В.В. Узунов. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 7. – С. 118–124.

#### **CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROBLEMS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT IN THE CONTEXT OF SOCIAL CONSOLIDATION**

**Uzunov V.V.**

Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article attempts to analyze the concept of “region” in the subject field of social topology. Taking into account the peculiarities of the regional development of the Russian Federation, the author provides a detailed description of the current state and development problems of the Southern Russian region in the context of social consolidation, which is one of the most important conditions for the development of a multiethnic society, which is the Russian society. The

author analyzes Pierre Bourdieu’s concept of physical and social space related to the problem considered in the article, and, based on the analysis, builds the logic of his vision of the connection between social topology and social consolidation using the examples of the Southern Federal District.

**Keywords** social topology, region, social consolidation, multiethnic society, social space.

#### **References**

1. Yadov V.A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality / V.A. Yadov. – Text: direct. – Moscow: Dobrosvet, 1999. – p. 85.
2. Bourdieu P. Social space and the genesis of “classes” / P. Bourdieu. – Text: direct // Questions of sociology. – 1992. – Vol. 1, No. 1. – S. 17.
3. Bourdieu P. Sociology of politics / P. Bourdieu. – Text: direct / trans. from the French, general ed. and preface by N.A. Shmatko. – Moscow: Socio-Logos, 1993. – p. 35.
4. Bourdieu P. Sociology of social space / P. Bourdieu. – Text: direct. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2007. – p. 21.
5. Zadorin I.V. Regions of the “frontier”: territorial identity and perception of “specialness” / I.V. Zadorin. – Text: direct // Politika. – 2018. – № 2 (89). – P. 103.
6. Drobizheva L.M. Ethnic borders and ethnic differences / L.M. Drobizheva. – Text: direct // Ethnosocium. – 2005. – No. 2. – pp. 20–23.
7. Markin V.V. Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling / V.V. Markin. – Text: direct // Humanities of the South of Russia. – 2015. – No. 4. – pp. 129, 130, 131.
8. Volkov Yu.G. Social attitudes and adaptive practices of residents of the Rostov region in the context of Russian everyday life in a crisis / Yu.G. Volkov, N.K. Bineeva, O.Y. Posukhova, A.V. Serikov. – Text: direct // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2017. – № 21. – С. 76.
9. Novoselskaya V.V. Crimean landscapes: unity of cultural and natural / V.V. Novoselskaya. – Text: non – direct // Theory and history of culture. – 2017. – No. 4. – pp. 55–56.
10. Vereshchagina A.V. Demographic indicators of the development of the Crimea and



- its integration into the All-Russian space / A.V. Vereshchagina. – Text: direct // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series. Sociology. Pedagogy. Psychology. – 2018. – Vol. 4 (70), Special Issue-1. – pp. 98–102.
11. Kuznetsov M.M. Demographic aspect of the formation of human capital of the Republic of Crimea / M.M. Kuznetsov. – Text: direct // Society: politics, economics, law. – 2015. – No. 6. – pp. 30–37.
  12. Kucherov A.P. Typologization of rural settlements of the Republic of Crimea by the number of permanent population / A.P. Kucherov, L.I. Suprycheva, V.I. Zasukhina. – Text: direct // Crimean Scientific Bulletin. – 2015. – No. 6. – pp. 169–180.
  13. Cheremisina S.G. The concept of effective realization and development of the labor potential of the Crimea / S.G. Cheremisina, S.S. Skaranik // Regional economy. South of Russia. – 2018. – No. 2. – pp. 83–93.
  14. Shipitsina T. Yu. Modern migration policy of the Russian Federation in the border area with Ukraine: features, trends and impact on state security / T. Yu. Shipitsina. – Text: direct // PolitBook. – 2015. – No. 1. – pp. 57–68.
  15. Chigrin V.A. Features of integration of ethnic groups of the Crimea into the Russian poly-ethnic society / V.A. Chigrin. – Text: direct // Humanities of the South of Russia. – 2016. – No. 4. – pp. 84–94.
  16. Iznorodov D.I. Ethnosocial processes in the Crimea in the post-Soviet period: conflictogenic factors and historical prerequisites / D.I. Iznorodov. – Text: direct // News of universities. The North Caucasus region. Series. Social sciences. – 2016. – № 3 (191). – Pp. 60–66, 61.
  17. Uzunov V.V. Social consolidation in the focus of research discourse / V.V. Uzunov. – Text: direct // Socio-humanitarian knowledge. – 2019. – No. 7. – pp. 118–124.



# Объективизация перфекционизма личности в условиях современных общественных трансформаций (на основе обзора отечественных исследований)

**Филясова Юлия Анатольевна,**

кандидат филологических наук, доцент кафедры  
английской филологии и перевода, Санкт-  
Петербургский государственный экономический  
университет.

E-mail: phill.yield@gmail.com

Перфекционизм личности – это стремление индивида соответствовать общественному представлению об идеальном социальном образе человека, который включает в себя несколько социальных параметров и сфокусирован на периоде максимальной социальной реализации человеческого потенциала. На основе анализа отечественных исследований были выявлены такие компоненты описания социального образа индивида как семья, здоровье, образование, профессиональная деятельность, социальный статус. Основные категории населения, являющиеся объектами исследования перфекционизма – студенты, молодежь, женщины, спортсмены, преподаватели. Современные трансформации преобразуют общественные отношения и ставят акцент на человеке как основном носителе интеллектуального и социального капитала, который способен обеспечить переход к новому технологическому и общественному укладу. Однако вызовы, с которыми сегодня сталкивается общество, связаны с ограниченными материальными ресурсами и повышенной конкуренцией, которые затрудняют соответствие индивида общественному представлению об идеальном социальном образе. Социальная патология перфекционизма личности возникает при осознании невозможности соответствия всем общественным стандартам. Компенсаторный механизм подталкивает индивида к достижению завышенных результатов по одному из компонентов идеального образа для преодоления недостатков в других.

**Ключевые слова:** перфекционизм, социальные трансформации, социальная патология, социальный образ, компенсаторный механизм.

Современное общество характеризуется активным стремлением к переходу к следующему технологическому укладу и устойчивому развитию, дающим значительные экономические преимущества в глобальном масштабе [17, с. 11]. Переход возможен только благодаря инновационному развитию в технологической сфере, которое определяется интеллектуальными способностями и мотивацией человека к прогрессивным изменениям. По этой причине внимание к человеку, его потребностям, интересам и личностным особенностям существенно выросло. Именно человеческий капитал как основной ресурс определяет скорость перехода к желаемому общественному укладу: «необходим, очевидно, и новый механизм усиления мотивации трудовых ресурсов на активную инновационную деятельность, повышение ответственности за качество выполняемых работ на своих рабочих местах» [1, с. 42]. К сожалению, многие исследователи отмечают фактическое снижение мотивации населения как в трудовой, так и в образовательной деятельности: «... преодоление дефицита госбюджета решается за счет снижения расходов на образование и науку. Что, в итоге, приводит к замедлению темпов накопления знаний, снижению качественного уровня человеческих ресурсов, это процесс своеобразной эрозии качества человеческих ресурсов» [2, с. 13–14]. В социальной среде современной молодежи наблюдается «нежелание брать на себя ответственность, ведь ответственность может быть рассмотрена как фактор дискомфорта» [11, с. 128]. В складывающихся общественных условиях можно констатировать две наметившиеся противоположные тенденции: с одной стороны, повышение

необходимости в улучшении качества трудовой деятельности и, с другой стороны, снижение мотивации населения к выполнению общественно полезных задач.

Цель данной работы – определить социальную основу перфекционизма в трансформирующихся условиях общественного развития. Актуальность исследования объясняется необходимостью создания новых моделей социального поведения в условиях социальной диверсификации и категоризации, а также необходимостью выбора приоритетов при построении индивидуальной траектории личного роста и развития. Объективация перфекционизма выполнена на основе аналитических методов классификации, сравнения, синтеза, обобщения результатов отечественных научных исследований.

Современные общественные трансформации затрагивают все сферы деятельности человека – экономическую, социальную, политическую, духовную, включая экономику, управление, производство, образование, наука, медицина, искусство. Переходный период продолжителен и характеризуется как положительными, так и отрицательными свойствами [3; 4; 12; 16; 19; 20]. Трансформационные процессы проявляются на уровне общества в целом, на уровне организаций, личностном осознании своей роли и функциональной значимости в социуме.

Современный образ индивида основан на его активности в социально-экономических отношениях и высоких адаптивных способностях. Ключевыми деловыми качествами можно считать следующие: «нацеленность на получение лучшего результата, достижение нового качества во всех аспектах своей работы; ощущение личной ответственности за результативность работы всего предприятия; ориентация на постоянное саморазвитие, профессиональный рост» [7, с. 14].

Анализ сформулированных качеств показывает, что современное общество стремится воспитать перфекционистов с положительной семантикой данного

термина – человека с высокой мотивацией к практической деятельности и высокими целями, отвечающими высоким общественным ожиданиям, с высоким адаптивным потенциалом. Социальные ожидания, с одной стороны, формируют социальный заказ в форме определенных целей, с другой стороны, они создают конкурентную среду, в которой индивиды могут применять как социально признанные, так и нечестные методы борьбы, которые определяют положительный и отрицательный виды перфекционизма.

Кроме того, проблемы социального плана могут возникнуть при инерционном влиянии элементов и правил предыдущей системы при проецировании их на новую социальную ситуацию и социальные условия. Новый социальный заказ не сразу может стать достоянием общественности, поскольку он сам постепенно формируется под влиянием вновь появляющихся социальных реалий. Ригидность системы общественных отношений является дополнительным социальным фактором, тормозящим формирование личности нового типа.

Осознание противоречия общественных процессов формирует определенный психологический конструкт личности современного человека, порождая негативные, порой противоречивые, свойства перфекционизма, такие как трудоголизм, лень [8], снижение проактивности в рабочем поведении [10], появление и развитие синдрома эмоционального выгорания [9], излишняя самокритичность [13], депрессия, тревога, аффективные расстройства [18].

В качестве материала исследования послужили 682 названия статей, отобранных на тему «перфекционизм» в научной электронной библиотеке [14], которые были проанализированы по трем критериям: категории населения, направления общественной деятельности, в которых проявляется перфекционизм личности, и фокус проблемы.

В результате были выявлены следующие категории населения: **об-**



**учающиеся** (222): студенты (148), первокурсники (4), студенты-медики (14), студенты-психологи (4), студенты технических вузов (3), студенты-гуманитарии, старшеклассники (14), одаренные дети (7), школьники (10), шахматисты (5), обучающиеся (4), гимнастки (3), курсанты военно-морского училища и морского университета, выпускники школ (2), обучающиеся по усложненным программам; **представители профессий** (148): спортсмены (66), педагоги (26), учителя (6), работники (6), руководители (3), субъекты помогающих профессий, персонал высшей школы, медицинский персонал, представители сферы информационных технологий, программисты, менеджеры по продажам, акробаты, нотариат, переводчики, экономисты, работники высокой квалификации, культуристы, футболисты, преподаватели (9), военнослужащие (7), гимнасты, тяжелоатлеты, теннисисты, субъекты помогающих профессий, телефонные консультанты, сотрудники ОВД, молодые предприниматели, баскетболисты, волейболисты (2), сельскохозяйственные фирмы, сервисные компании; **представители полов** (14): мальчики, девочки (2), женщины (6), девушки (4), мужчины-гомосексуалы; **представители возрастов** (109): подростки (63), юноши (9), молодежь (32), взрослые (5); **представители семьи** (45): матери (11), родители (10), дети (23), супруги; **представители разных групп здоровья** (57): больные (12), больные ожирением, лица с заиканием (5), пациенты (3), лица с расстройствами пищеварения, больные шизофренией (3), лица с суицидальным поведением (2), клиническая выборка – общая популяция (3), лица с соматическими заболеваниями, студенты с психосоматическими заболеваниями, больные с биполярным аффективным расстройством типа II, лица с тревожно-депрессивной симптоматикой, люди с разным психологическим типом, лица с ОКР, лица с разным уровнем субъективного переживания одиночества, лица с патологическим перфекциониз-

мом, лица с конструктивным и деструктивным П., лица с высоким уровнем П. (12), лица с Я-ориентированным П. (3), лица с разным уровнем П. (2), студенты с низким уровнем П.; **другие** (3): российские граждане, субъекты культуры жизни, мыши.

В 84 названиях статей не было упоминаний об исследуемых категориях населения. Наиболее многочисленная группа – обучающиеся, и студенты оказались основной целевой группой исследования перфекционизма. Второй по численности группой респондентов стали представители профессий. Пристальное внимание уделяется спортсменам и преподавателям. Третья по численности фокусная группа определяется возрастным критерием. Приоритетный возрастной состав – молодежь. Женщины в большей мере интересны с точки зрения исследования, чем мужчины. В категории «семья» внимание исследователей сосредоточено на детях и матерях; отцы не представлены в названиях статей, они входят в общую группу «родители». Клиническая выборка включает, главным образом, лиц с эмоциональными расстройствами и нередко соматическими отклонениями.

Перфекционизм изучают в следующих областях: (А) **психология**: психологическая наука и практика, отечественная и зарубежная психология, зарубежная психология, глубинно-психологическая парадигма, акмеология, доказательная психология, православная психология; (В) **медицина**: ревматизм, артрит, сахарный диабет, стоматология, профессиональное здоровье, пищеварение, кардиология, комплексная терапия, нервная анорексия, сказкотерапия; (С) **философия**: философия стоиков, религиозная философия; (D) **общество**: постиндустриальное общество, современное общество, сфера информационных технологий, интернет-среда, цифровая коммуникация, информационные процессы, социальные сети, цифровизация, цифровое общество, современная культура, кросс-культурное общество; (Е) **стра-**

**ны и регионы:** Швейцария, Малайзия, Украина, Владивосток, Саратовский регион, Европа; (F) **семья:** родительское отношение в детстве, воспитание и образование детей, семейные отношения, семейное воспитание, негармоничное воспитание, православное воспитание; (G) **образование:** образовательная среда, академическая успеваемость, преподавание и изучение иностранных языков, инклюзивная образовательная среда, специализация, медицинское образование, усложненная программа, высокие образовательные стандарты вуза, групповой тренинг, разные направления подготовки; (H) **профессиональная деятельность:** архитектура, профессиональная фотография, биржевая деятельность, сельское хозяйство, право, перевод, российские СМИ; (I) **спортивная деятельность:** тхэквондо, плавание, бадминтон, баскетбол, индивидуальные и командные виды спорта, циклические и игровые виды спорта, спортивный туризм, стрельба из лука, командные и индивидуальные виды спорта.

Проблематика научных исследований распадается на две большие области: психологию и социологию. В психологии перфекционизм изучен гораздо более тщательно ввиду когнитивной природы данного явления. Социологические исследования сосредоточены на выявлении поведенческих коррелятов перфекционистских конструктов личности. Рассмотрим их более подробно.

Психологические аспекты перфекционизма личности были условно разделены на пять категорий: (1) **содержание понятия перфекционизм**, 246: соматизация, самоконтроль, самоотношение, самооценка, самопрезентация, самопринятие, саморазвитие, самосознание, самоуважение, самоутверждение, самоактуализация, саморегуляция, сверхконтроль, идеальный образ Я, идеальный образ мира, образ будущего, избегание неудач, высшие устремления личности, идеалы, когнитивные аспекты, локус контроля, личностные детерминанты, жизненная

стратегия, онтогенез, мотивация достижения и успеха, невротические расстройства, неудовлетворенность своим телом, адаптация, антиципационная состоятельность, дезадаптация, формирование, эмоциональный интеллект, отношение к будущему, к опасности, к себе и другим, оценка внешности, психическая устойчивость, психическая ригидность, психическое здоровье, психическое развитие, психическое состояние, психологические корреляты, жизнестойкость, защитные механизмы, психологическое благополучие и здоровье, психопатология, психосоматические заболевания, сценарий отложенной жизни, суицидальные намерения, суицидальный риск, трудоголизм, кросс-культурная устойчивость, успешность, восприятие времени, барьеры, смысло-жизненные ориентации; (2) **эмоциональные корреляты перфекционизма**, 84: агрессивность, аффективные и шизоаффективные расстройства, благополучие, враждебность, выгорание, гнев, депрессия, зависть, ипохондрия, обеспокоенность, ответственность, одиночество, неблагополучие, переживания, счастье, невроз, страх, стресс, тревожность, уверенность, удовлетворенность, эмпатия; (3) **виды перфекционизма**, 154: адаптивный и дезадаптивный, высокого уровня, среднего уровня, низкого уровня, деловой, деструктивный, дисфункциональный, западный, здоровый, клинический, личностный, моральный, наивный, нарциссический, невротический, негативный, нормальный, конструктивный, патологический, позитивный, профессиональный, речевой, телесный, технологический, устойчивый, физический; (4) **направления изучения перфекционизма**, 96: история, предпосылки, причины, подходы, функции, развитие, отношение, факторы, взаимосвязи, междисциплинарность, парадоксы, проблемы, последствия, прогнозы, перспективы; (5) **методики диагностики и коррекции перфекционизма**, 102: методы исследования, апробация и адаптация методик, динамика факторов и показателей, надежность, валидность, показате-



ли, характеристики, копинг-стратегии, коррекция, тесты, опросники, модели, систематизация, стандартизация, оптимизация, механизмы, системный анализ, терапия, проектирование, игры, тренинги.

Социологические аспекты перфекционизма были разделены на шесть групп, которые во многом совпадают с классификацией научных трудов по категориям населения: (1) **содержание понятия перфекционизм**, 57: взаимоотношение с социальным окружением, социальное поведение, социальная активность, базовые потребности, факторы успешности, эффективность жизнедеятельности, типы и стратегии социального поведения, поведенческие различия проявления перфекционизма, субъективное благополучие молодежи, психосоциальная зрелость, социальный интеллект, самопрезентация в социальных медиа, вовлеченность в интернет-среду, проблема социализации личности, социальная адаптация, социальная дезадаптация, аутодеструктивное поведение, социокультурная патология, суицид, допустимость аборт, духовно-нравственное воспитание, формирование духовности, традиционные православные ценности, образовательная среда, конкурентная ситуация на рынке, зависть и поддержка, завышенные социальные ожидания, социальная тревожность, интерперсональные аспекты перфекционизма личности, межличностное взаимодействие, этика, инновации, стимулирование общественных перемен, культурные различия, социально-философские взгляды, религиозные конфессии, социальные установки, ценностно-смысловые ориентации; (2) **пол**, 28: гендерные различия, гендерная идентичность, факторы маскулинности и феминности, перфекционизм женщин; (3) **возраст**, 20: возрастные особенности, социальное поведение подростков и детей; (4) **семья**, 25: перфекционизм детей, трудное детство, неблагополучие детей, перфекционизм матери, перфекционизм родителей, родительская компетентность, родительское влияние, представления

о семье, семейный перфекционизм, стили родительского воспитания, стили семейного воспитания, факторы семейного воспитания, стили поведения родителей, удовлетворенность браком; (5) **образование**, 29: академический перфекционизм, мотивация учебной деятельности, академические достижения, мотивация достижений, одаренность, успешное обучение, успешность изучения иностранных языков, успеваемость по английскому языку, академическая успешность, познавательные потребности, дезадаптация сверстников с особыми образовательными потребностями, дополнительное профессиональное образование, непрерывное образование, особенности проектирование обучения, метод проектов, самоактуализация, саморазвитие, творческие проявления, креативность; (6) **профессиональная деятельность**, 16: индивидуальные стили деятельности, стили поведения, снижение проактивности, коммуникативная компетентность, представления о карьере, карьерное и профессиональное развитие, профессиональная идентичность, образ преподавателя, успешность педагогической деятельности, эффективность соревновательной деятельности, корпоративная культура, эффективность управленческой деятельности, особенности формирования управленческих компетенций, профессиональное здоровье руководителя, социально-трудовые отношения.

Перфекционизм в социологии определяется внешними условиями социальной макро и микросреды, в которой находится индивид, его социальными характеристиками, по которым общество классифицирует население и формирует соответствующие ожидания. Перфекционизм личности оценивается обществом с точки зрения поведения индивида и совершаемых им поступков, доступных наблюдению со стороны другими участниками социального окружения. С позиции социологии перфекционизм рассматривается как объективно существующее явление, определяемое на основе результатов деятельности человека. Объектива-

ция перфекционизма основывается на оценке поведения и поступков индивида социальным окружением.

В отличие от психологического феномена, перфекционизм в социологии определяется социальными ожиданиями и оценками и априори является социально-предписанным типом. Ключевое значение приобретает социальная оценка личности на основе достигнутых результатов деятельности. Социальная оценка находит выражение в социальной, академической и профессиональной среде, – которые в совокупности составляют основу социального благополучия человека. С позиции самого индивида, перфекционизм выражается в степени социальной активности и участия в преобразовании общественных отношений.

Главными направлениями развития индивида в современном обществе являются семья, психологическое и физическое здоровье, высокая квалификация, профессиональная и коммуникативная компетентность, высокий уровень образования, в том числе знание иностранных языков для существования в поликультурном обществе, толерантность к многополярности в различных сферах жизни общества, успешная социализация, гибкость и адаптивность.

Точки роста в контексте перфекционистских устремлений соответствуют вышеперечисленным социальным критериям оценки личности: (а) **семья**: многодетность, благополучное детство, выполнение родительских и супружеских обязанностей, понимание современных социальных норм [15], стандартов, ожиданий, успешная идентификация своей личности по социальным критериям возраста, пола, социально-экономическому, семейному положению и соответствие этим критериям на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях; (б) **здоровье**: стопроцентное физическое здоровье, психологическая адаптивность, долголетие; (с) **образование**: высшее образование, повышение квалификации, непрерывное образование; (д) **профес-**

**сиональная деятельность**: увеличение продолжительности рабочего времени, увеличение должностных обязанностей, повышение рабочей нагрузки, совершенствование профессиональных качеств, повышение уровня материального положения, профессиональный рост, карьерный рост и развитие; (е) **социальный статус**: социализация, социальная адаптация, высокая социальная активность.

Перфекционизм личности в социологии, таким образом, может рассматриваться только как многогранное и полифункциональное явление, которое является объектом внешней многомерной комплексной оценки социума. Социальная патология перфекционизма имеет место при ограниченной включенности индивида в социальную жизнь, например, только на уровне семьи или образования или профессиональной деятельности при исключении других важных общепринятых направлений социальной интеграции, а также в ущерб собственному здоровью.

Перфекционизм составляет основу успеха при прохождении конкурсных отборов в академической и профессиональной среде. Так, например, при устройстве на работу получает преимущество претендент, окончивший более престижный университет, поскольку в текущих условиях диплом о высшем образовании не является редкостью. Профессиональная компетентность определяется в большей мере специализацией.

При отборе кандидатов на руководящие должности учитываются не только квалификация, стаж работы, коммуникативные навыки, профессиональная компетентность, но и семейное положение, здоровье, соблюдение этических и моральных общественных норм. При прочих равных характеристиках, женщина с детьми имеет преимущество над одинокой женщиной, женщина, состоящая в браке – над незамужней женщиной, мужчина предпочтительнее женщины при принятии решения о назначении на более высокую должность. Одинокое социальное положение озна-



чает невключенность индивида в полноценную социальную жизнь и рассматривается обществом как социальная патология. Мужчина расценивается работодателями как идеальный работник, который никогда не прервет трудовой стаж в организации для рождения и ухода за ребенком, и не будет требовать выплаты социальных пособий.

Обширные социальные связи дают преимущество кандидату при устройстве на работу и карьерном продвижении, однако репутационные скандалы означают невозможность дальнейшего карьерного роста. Репутационный капитал в современном цифровом обществе представляет большую ценность, чем интеллектуальный капитал – не только для индивида как участника социально-трудовых отношений, но и для организации как социальной микросреды.

Претендент на пост президента страны как носитель идеального образа представляет современного общества должен относиться к определенной религиозной конфессии, иметь высшее юридическое образование, полученное в наиболее престижном университете; он должен быть женатым мужчиной не моложе 35 лет и проживать в стране не менее N количества лет. Можно заметить, что на сегодняшний день женщина пока не входит в число идеальных кандидатов на высший пост.

Социальный перфекционизм личности проявляется в стремлении получить лучшее образование, окончить высокорейтинговый университет, выгодно и вовремя вступить в брак, соблюдать здоровый образ жизни, занимать высокую должность в хорошей организации, получить социальное признание. Социальный перфекционизм личности – это динамическое явление, разворачивающееся во времени. Каждый возраст характеризуется социальными доминантами, к которым стремится индивид, например, в юности – к академическим успехам, в период ранней взрослости – к созданию семьи, в зрелом возрасте – к карьерному росту, в период поздней зрелости – к социальному признанию. Перечисленные приоритеты, безуслов-

но, во многом определяются не только возрастными новообразованиями, но и социальными установками. Известна строфа X из главы VIII романа А.С. Пушкина о социальном идеальном образе человека: *Блажен, кто смолоду был молод ...* Тем не менее, в каждом возрасте человек сравнивает себя с тем идеальным образом, к которому он стремится приблизиться в зените развития своего человеческого потенциала.

Сегодня существует большое количество примеров, когда в пожилом возрасте люди осваивают новые направления деятельности, изучают иностранные языки. Благодаря достижениям в медицине в период поздней зрелости люди могут создавать семьи и заводить детей. Молодежь откладывает планирование и создание семьи на более поздний срок, предпочитая так называемые свободные отношения, будучи чрезмерно заняты академической и профессиональной деятельностью с целью накопления финансового капитала для обеспечения достойного образа жизни в будущем. «Благосостояние и уровень жизни вызывает наибольшее беспокойство в современном обществе под влиянием сложных экономических условий» [5, с. 60].

Ограниченность материальных ресурсов в кризисный период способна значительно видоизменять общественные отношения и модели социального поведения. Появление систематических случаев отклонения от идеального социального образа человека создает основание для выявления патологического перфекционизма. Так, например, матери-одиночки, неравные по возрасту и социальному положению браки, свободные отношения, семьи чайлдфри, гомогенные гендерные отношения все больше переходят из разряда экзотических в категорию обычных. В спортивной среде появляются случаи употребления допинга. В преподавательской среде низкая оплата труда создает условия для работы сверхурочно, которая приводит к развитию психосоматических заболеваний. Оценка деятель-



ности персонала, карьерный рост и материальное стимулирование персонала в организационной среде все больше основывается не на объективных критериях и достигнутых результатах деятельности, а на основе альтернативных способов конкурентной борьбы – социальных связях, иррациональных установках, текущей рыночной ситуации и переговорной силе сторон трудовых отношений. Отрицательный перфекционизм ассоциируется со стремлением к получению материальных ресурсов альтернативными способами.

Ограниченность материальных ресурсов в кризисный период увеличивает вероятность применения нечестных методов конкуренции на всех уровнях социальных отношений: межличностных, организационных и общественных. Материальные ресурсы, обеспечивающие экзистенциальные потребности человека, становятся основным мерилем социальных отношений и нивелируют значимость всех остальных социальных ценностей. Необходимость удовлетворения базовых потребностей заставляет индивида пренебрегать многомерным перфекционистским социальным образом человека, основанном на комплексной социальной оценкой личности по критериям: семья, здоровье, образование, профессиональная деятельность, социальное положение. Следовательно, перфекционизм как высокая социальная оценка личности возможен только для индивидов, занимающих высокое социальное положение и обладающими значительными материальными ресурсами, чьи базовые потребности удовлетворяются в полной мере – при условии, что остальные критерии также соответствуют общепринятым нормам.

Как представляется, перфекционизм как когнитивное явление аффективно-эмоционального типа, с одной стороны, и деятельностью-поведенческая характеристика, с другой стороны, проявляется тем интенсивнее, чем дальше человек находится от желаемого объекта, предполагаемой цели или проецируемого результата. Интенсификация перфекционизма

личности увеличивается при отдалении от центра к периферии. Чем дальше индивид находится от идеального социального образа по всем или одному из критериев, тем ярче выражен перфекционизм личности. Обзор научных трудов показывает, что перфекционизм в большей мере свойственен женщинам, а не мужчинам; одиноким людям, а не состоящим в браке; молодежи, а не индивидам в зрелом возрасте; студентам, а не работающей молодежи. Перфекционизм имеет компенсаторную природу и реализуется по принципу «не X, зато Y». Рассмотрим причины. Матери, занимающиеся воспитанием детей, не могут полноценно участвовать в трудовых отношениях, т.е. реализовать свой потенциал в профессиональной сфере, поэтому они становятся «активными трансляторами человеческого капитала новому поколению» [6, с. 79]. Одинокие люди не имеют возможности реализовать свой личный потенциал в семье, зато их перфекционистские стремления компенсируются в академической и профессиональной деятельности. Молодежь, в отличие от взрослого населения, вступая в трудовые отношения, не имеет опыта работы и не может претендовать на высокие позиции в организационной и социальной структуре, зато они активно заняты увеличением социальных контактов и созданием собственной семьи. Студенты – это категория населения, представители которой не имеют ни высшего образования, ни опыта работы, чаще всего не состоят в браке, поэтому они представляют собой наиболее многочисленную группу для исследования явления перфекционизма.

Подводя итог, перфекционизм личности обусловлен существованием идеального социального образа человека в социуме, относительно которого осуществляется внешняя оценка личности каждого члена общества другими представителями данного общества. Социальный образ человека – это комплексное явление, которое охватывает жизнь индивида в динамике от рождения до ухода, и основывается на посто-



янно сравнении человека в каждый период его жизни с идеализированным представлением человека в период его максимальной продуктивности. Перфекционизм личности проявляется в мотивационных установках и практических действиях, нацеленных на достижение идеального социального образа. Социальная патология перфекционизма имеет место при социальных и личностных ограничениях, которые означают невозможность соответствия человека идеальному социальному образу.

### Литература

1. Авербух Р.Н., Лукин Г.И. Моделирование процессов интеграции инноваций и инвестиций для роста интеллектуального капитала инновационно активных предприятий в российской экономике // Вестник образования и развития науки РАЕН. 2020. 4 (24). С. 41–44.
2. Голицова Н.Н. Особенности современного российского бизнеса // Вестник образования и развития науки РАЕН. 2020. 3 (24). С. 13–16.
3. Гомцяц О.А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем современной России // ЧСУ. 2015. 1 (16). С. 60–77.
4. Гуренкова О.В. Особенности процесса трансформации общества в современной России // Концепт. 2016. № 55. С. 1–6.
5. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.
6. Дорофеева З.Е. Трудовые траектории высокоресурсных многодетных матерей // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 4. С. 79–95.
7. Иванов С.А. Развитие предпринимательского подхода при подготовке кадров – необходимое условие реализации национальных целей в экономике // Вестник образования и развития науки РАЕН, 2021. 1 (25). С. 10–16.
8. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2016. 224 с.
9. Круглова М.А., Водопьянова Н.Е., Столярчук Е.А. Мясникова С.В., Родионова Е.А., Васюнина Л.М. Перфекционизм и трудоголизм как предикторы возникновения синдрома выгорания // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие. Мат. V Междунар. науч. конф. Кострома, 2019. С. 206–210.
10. Круглова М.А., Маничев С.А., Лепехин Н.Н., Васюнина Л.М., Круглов В.А. Перфекционизм как предиктор снижения проактивности в рабочем поведении // Уч. зап. унта Лесгафта. 2019. 12 (178). С. 389–395.
11. Левицкая А.Н., Покровская Н.Н. Карьерные ожидания и планы молодых специалистов на рынке труда // ЖССА. 2021. 1 (24). С. 105–137.
12. Майер Б.О., Евзрезов Д.В. Изменения в системе современного общества и реформы высшего образования // Вестник НГПУ. 2012. № 6. С. 37–42.
13. Наследов А.Д., Киселева Л.Б. Адаптация «Опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов // Вестник СПбГУ. Психология. Педагогика. 2016. 3. С. 44–64.
14. Научная электронная библиотека Elibrary. <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения 27.04.2021 г.)
15. Потемкин В.К. Диссеминация семейных отношений как фактор активизации молодёжи в профессиональной деятельности // Социология и право. 2019. № 1(43). С. 11–17.
16. Садовая Е.С., Сауткина В.А. Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М., ИМЭМО РАН, 2015. 206 с.
17. Садовничий В.А., Акаев А.А., Кортаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой



динамики / Науч. совет по Программе фонд. исслед. Президиума РАН «Экономика и социология знания». М.: ИСПИ РАН, 2012. 359 с.

18. Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г., Цацулин Т.О. Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование // Культурно-историческая психология. 2019. № 3. С. 41–50.
19. Черняк Ю.Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как фактор трансформации социокультурной сферы современного общества // Социологический альманах. 2020. 11. С. 176–183.
20. Шаева О.Н. Последствия общественных трансформаций в России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. 1 (778). С. 216–224.

**PERSONAL PERFECTIONISM OBJECTIVIZATION IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIETAL TRANSFORMATIONS (BASED ON A REVIEW OF NATIONAL RESEARCH PAPERS)**

Filyasova Yu.A.

Saint-Petersburg State University of Economics

The aim of this paper is to define perfectionism as a social phenomenon. Personal perfectionism is an aspiration of an individual to match the social idea of an ideal image which includes several social parameters and is focused on the period of maximum social actualization of human potential. An analysis of national research papers showed that a social image of a person comprises such components as family, health, education, professional activity and social status. The main social groups which fall under analysis of perfectionism are students, young people, women, athletes, and teachers. Modern transformations are changing social relations and place an accent on the human as a main owner of intellectual and social capital who is able to provide the transition to a new technological and societal order. However, the challenges that modern society faces are caused by limited material resources and increased competi-

tion which prevent people from corresponding to the idealized social image. Social pathology of personal perfectionism occurs when a person understands the impossibility to reach all social standards. Compensatory mechanism urges the individual to achieve soaring goals in one of the components constituting the ideal social image – to counterbalance drawbacks in the others.

**Keywords:** perfectionism, societal transformations, social pathology, social image of a person, compensatory mechanism.

**References**

1. Averbukh R.N., Lukin G.I. Modeling the processes of integration of innovations and investments for the growth of intellectual capital of innovatively active enterprises in the Russian economy // Bulletin of Education and Science Development of the Russian Academy of Natural Sciences. 2020.4 (24). S. 41–44.
2. Golitsova N.N. Features of modern Russian business // Bulletin of Education and Science Development of the Russian Academy of Natural Sciences. 2020.3 (24). S. 13–16.
3. Gomtsyan O.A. Transformation of Russian society: retrospection of the problems of modern Russia // ChSU. 2015.1 (16). S. 60–77.
4. Gurenkova O.V. Features of the process of transformation of society in modern Russia // Concept. 2016. No. 55. S. 1–6.
5. Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis / M.K. Gorshkov [and others]; otv. ed. M.K. V.V. Gorshkov Petukhov. Moscow: Ves Mir, 2018.384 p.
6. Dorofeeva Z.E. Labor trajectories of high-resource mothers with many children // Sociological journal. 2020.Vol. 26.No. 4.P. 79–95.
7. Ivanov S.A. The development of an entrepreneurial approach in personnel training is a necessary condition for the implementation of national goals in the economy // Bulletin of Education and Science Development of the Russian Academy of Natural Sciences, 2021.1 (25). S. 10–16.
8. Ilyin E.P. Work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness. SPb. : Peter, 2016.224 p.
9. Kruglova M.A., Vodopyanova N.E., Stolyarchuk E.A. Myasnikova S.V., Rodionova E.A., Vasyunina L.M. Perfectionism and



- workaholism as predictors of burnout syndrome // Psychology of stress and coping behavior: challenges, resources, well-being. Mat. V Int. scientific. conf. Kostroma, 2019.S. 206–210.
10. Kruglova M.A., Manichev S.A., Lepekhin N.N., Vasyunina L.M., Kruglov V.A. Perfectionism as a predictor of decreased productivity in work behavior // Uch. app. University of Lesgaft. 2019.12 (178). S. 389–395.
  11. Levitskaya A.N., Pokrovskaya N.N. Career expectations and plans of young specialists in the labor market // ZhSSA. 2021.1 (24). S. 105–137.
  12. Mayer B.O., Evzrezov D.V. Changes in the system of modern society and the reform of higher education // Vestnik NGPU. 2012. No. 6. S. 37–42.
  13. Nasledov A.D., Kiseleva L.B. Adaptation of the "Perfectionism Questionnaire" for the diagnosis of perfectionist attitudes of first-year students of technical universities // Bulletin of St. Petersburg State University. Psychology. Pedagogy. 2016.3.S. 44–64.
  14. Scientific electronic library Elibrary. <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (date of access 04/27/2021)
  15. Potemkin V.K. Dissemination of family relations as a factor in activating youth in professional activity // Sociology and Law. 2019. No. 1 (43). S. 11–17.
  16. Sadovaya E.S., Sautkina V.A. Transformation of the principles of modern world order: the social aspect. Moscow, IMEMO RAN, 2015.206 p.
  17. Sadovnichy V.A., Akaev A.A., Korotayev A.V., Malkov S. Yu. Modeling and forecasting of world dynamics / Scientific. advice on the Fund. issued. RAS Presidium "Economics and Sociology of Knowledge". Moscow: ISPI RAN, 2012.359 p.
  18. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G., Tsatsulin T.O. Dynamics of indicators of perfectionism and symptoms of emotional distress in the Russian student population over the past ten years: a cohort study // Cultural-Historical Psychology. 2019. No. 3. S. 41–50.
  19. Chernyak Yu.G. Digitization and technologization of public life as a factor in the transformation of the socio-cultural sphere of modern society // Sociological Almanac. 2020.11.S. 176–183.
  20. Shaeva O.N. Consequences of social transformations in Russia // Vestnik MGLU. Social Sciences. 2017.1 (778). S. 216–224.

## Улучшение эргономики рабочего пространства в организациях в условиях пандемии: на примере сферы туризма

### **Семенова Эльмира Хусеевна,**

соискатель ученой степени кандидата социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной академии  
E-mail: el.pacino@mail.ru

### **Мхеидзе Лия Ревазовна,**

кандидат социологических наук, доцент кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета  
E-mail: lika87m@rambler.ru

### **Селим Мохамед Салах Эль Дин,**

соискатель ученой степени кандидата экономических наук кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов  
E-mail: moxasilim@gmail.com

### **Урусов Сафар Борисович,**

студент Северо-Кавказской государственной академии  
E-mail: safarr30@gmail.com

В статье рассмотрены особенности научной организации рабочего пространства с точки зрения эргономичности рабочего места на примере туристической индустрии, обозначены основные проблемы, связанные с отсутствием у сотрудников должного понимания эргономики рабочего места в условиях пандемии, которые были выявлены в ходе проведенного исследования текущего состояния и будущей эволюции рабочего пространства. Ситуация, инициированная COVID-19, изменила способ работы многих компаний и требует постоянного переосмысления подходов к улучшению условий труда, чем обусловлена необходимость обучения персонала нормам эргономики рабочего места с использованием технологий и соблюдением мер безопасности, которые являются ключевыми моментами в процессе его трансформации.

**Ключевые слова:** научная организация рабочего места, обучение персонала, эргономика, туризм, пандемия.

Знания и навыки в области эргономики рабочего пространства в организациях позволяют проектировать и располагать вещи, которыми пользуются сотрудники, таким образом, чтобы люди и предметы взаимодействовали наиболее эффективным образом и оставались в безопасности как работник, так и оборудование. Эргономика рабочего места направлена на повышение эффективности труда, продуктивности и комфортного взаимодействия человека и окружающей среды, с целью минимизации рисков травм или повреждений. В свою очередь, рабочее место можно упрощенно понимать как здание или место, где люди выполняют свою работу [1], однако концепция данного понятия имеет широкий спектр определений в аспекте повышения производительности труда, где существующая литература продолжает расширяться по дополнительным измерениям, таким как социальные отношения, сборы, творчество, обучение, мотивация персонала, вовлеченность в работу, самореализация, среди прочего (Endrissat et al., 2015; Fisher, 2010; Gill, 2019; Goffee & Jones, 2013).

Необходимо четкое понимание руководством организации важности правильной научной организации пространства, и так как производительность человеческого труда понижается, если человек выполняет рабочие поручения и его тело подвергается стрессу по причине неудобной позы, экстремально высокой температуры или из-за повторяющихся движений, то в результате все это оказывает негативное влияние на опорно-двигательную систему, что приводит к повышению утомляемости. Внедрение в систему труда эргономичных решений поможет сделать сотрудников более работоспособными и повысить уровень их производительности.



В первую очередь, необходимо обучить персонал основам эргономики, а также проинформировать сотрудников всех подразделений организации касательно преимуществ и недостатков отсутствия правильной осанки на рабочем месте, так как есть непосредственное влияние осанки на все тело, неправильность которой может привести к различным недугам и если правильно организовать данный вид обучения, то можно достичь снижения физического стресса и предотвращения травм опорно-двигательного аппарата на работе или во время регулярных физических нагрузок, которые также являются частью должностной инструкции некоторых сотрудников.

Можно отметить несколько основных принципов эргономики:

1. Правильная осанка во время выполнения работы
2. Работать необходимо на нужном уровне от земной поверхности и на правильном уровне глаз.
3. Движения во время выполнения работы должны быть гибкими и комфортными для тела
4. Обеспечить правильное взаимодействие с предметами таким образом, чтобы повороты были легкими, комфортными, человек имел возможность дотянуться до необходимых предметов.

В «DY Patil University» в г. Мумбай, на базе школы гостиничного дела и туризма, в мае 2020 года был проведен онлайн-семинар, посвященный корректной осанке и правилам эргономики для специалистов в сфере туризма. На данном мероприятии доктор Снеха посредством графических презентаций продемонстрировал, как, с точки зрения научной организации труда, можно снизить физическое напряжение на рабочем месте за счет правильной настройки рабочего места, обращения с оборудованием и инструментами, планирования перерывов между рабочим графиком и то, какие упражнения можно выполнять, чтобы расслабить тело во время выполнения работы. Доктор рассказала слушателям о травмах

нижней части спины и других деформациях осанки, вызванных неправильной ходьбой, стоянием или наклоном. Другие советы, данные доктором Снехой, затронули регулярную растяжку и прогулку; рекомендации не вести сидячий образ жизни, не игнорировать боль, воздерживаться от поднятия слишком тяжелых предметов. Она также посоветовала выбирать инструменты, которые эргономично спроектированы для обеспечения комфорта, чтобы ноги оставались плоскими или опирались либо на пол, либо на подставку для ног, избегая перекрещивания коленей или лодыжек, сохраняя небольшую зазор между задней частью коленей и стулом, колени должны быть на одной высоте или немного ниже бедер, лодыжки должны быть расположены перед коленями, а плечи расслаблены. Она также дала полезные советы по осанке во время сна, использованию качественного матраса и подушки, поддерживающей хорошую осанку.

Спикер посоветовала студентам использовать подходящую обувь на рабочем месте и придерживаться правильной осанки постоянно. Доктор отметил важность проведения обучения персонала правилам эргономики на рабочем месте, согласно правилам научной организации рабочего пространства в сфере туристической деятельности, в особенности в период распространения коронавирусной инфекции.[5] Это обусловлено тем, что компании ведут бизнес для того, чтобы вывести продукт или услугу на рынок труда и все, что затрудняет выполнение сотрудниками их работы, может повлиять на несколько миллиардов долларов в данной крупной отрасли, а правильная организация труда поможет избежать негативной оценки со стороны клиентов и посетителей. В индустрии гостеприимства в целом не всегда легко справиться с интенсивным использованием или износом оборудования, большинство ресторанов и отелей испытывают трудности в течение первого года запуска бизнеса и требуется около 18 месяцев, чтобы получить прибыль, так как дан-



ная отрасль переживает пики и спады, в особенности в период пандемии, так как туристическая деятельность потеряла огромные убытки по причине закрытия границ между странами.

Несмотря на то, что раньше устойчивость в сфере туризма давала явные преимущества, теперь профессионалам в данной отрасли все же необходимо преодолевать трудности, чтобы разрабатывать устойчивые стратегии развития. Эргономика включает в себя ряд дисциплин, направленных на совершенствование психологического и физического здоровья сотрудников организации. Например, целью гигиены труда является предотвращение профессиональных заболеваний и травм путем: поощрения безопасных методов работы и изучение того, каким образом вы работаете и как вы могли бы работать лучше. Главным образом, изучение эргономики рабочего пространства направлено на снижение вероятности травм и несчастных случаев в созданных безопасных условиях, что поможет снизить вероятность несчастных случаев или травм. Для персонального удобства исходя из потребностей персонала, некоторые офисы объединяют столы для сидения и для работы стоя в одной рабочей зоне, чтобы сотрудники могли выбирать для себя предпочтительный стиль работы. С точки зрения эргономики рабочего пространства, говоря о правильном освещении помещения, следует отметить, что резкое освещение, чрезмерный окружающий шум и громкие разноцветные стены могут снизить производительность труда сотрудников.

Smart Meetings обновляет данные о тенденциях в индустрии гостеприимства, начиная с июля 2015 года, проводя исследования в данном направлении на протяжении многих лет, чтобы была возможность следить за тенденциями на протяжении многих лет за развитием гостиничного сервиса в сфере туризма. [4]

Также студенты международной школы гостиничного менеджмента с кампусами в Швейцарии и Великобритании «Glion Institute of Higher Education»

каждый семестр проводят и представляют технико-экономические обоснования для партнеров индустрии гостеприимства и туризма, проводящих корпоративное обучение персонала в сфере туризма. [3]

Эргономическое вмешательство стало необходимо в различных отраслях промышленности, в том числе в индустрии туризма. Важно помнить, что безопасность - это состояние защищенности от вреда или других нежелательных последствий. Однако реконструировать рабочее пространство с точки зрения эргономики просто, если этому обучить каждого сотрудника, что в итоге приведет к успеху как компании в сфере туризма, так и в любой другой сфере деятельности. Сотрудников необходимо обучить пониманию эргономики, почему это важно и чего от них ждут новые условия в сложный для сферы туризма период. В начале 2020 года пандемия новой коронавирусной инфекции Covid 19 радикально изменила бизнес-процессы: предпринимателям пришлось искать способы трансформации своего дела под постоянно меняющиеся запросы внешней среды, меняющийся рынок с его беспрецедентным уровнем безработицы и глобальным экономическим спадом. Как показало исследование *Inc. Russia* и агентства Omnibus, в котором участвовали свыше 320 владельцев малого и среднего бизнеса из 32 российских регионов, 66% опрошенных считают, что смогли бы пережить вторую волну пандемии [6] (рис. 1).

**Inc.**

ПЕРЕЖИВЕТ ЛИ ВАШ БИЗНЕС  
ВТОРУЮ ВОЛНУ ПАНДЕМИИ?

- Да
- Скорее да
- Скорее нет
- Нет

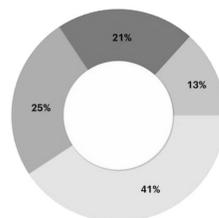


Рис. 1. Переживет ли бизнес вторую волну пандемии?

13% опрошенных *Inc. Russia* предпринимателей уверены, что их бизнес вторую волну пандемии не переживёт,



еще 21% ответили, что скорее не переживёт. В то же время большая часть участников исследования выразили уверенность в стойкости своего бизнеса: 25% считают, что их предприятие определённо переживёт вторую волну, а 41% считают это наиболее вероятным [6].

Полученная цифра выглядит закономерной: уроки, вынесенные из предыдущего опыта, как и приоритетные навыки, будут способствовать успеху бизнеса в долгосрочной перспективе.

В кризисные времена именно компетенции персонала становятся одним из главных ресурсов выживания бизнеса. Развитие персонала – один из важных факторов, влияющих на успех компании. Меняются подходы к обучению и образовательная среда, однако само обучение остается.

Согласно данным исследования, проведенным в пристанском университете, почти половина компаний-респондентов (48%) в пандемию сохранила бюджет, выделяемый на обучение сотрудников, неизменным [7]. Это говорит о том, что администрация этих компаний считает обучение значимым бизнес-фактором.

Однако более трети, 36% предприятий, отметили сокращение или полное обнуление бюджета на обучение в ответ на кризисную ситуацию. Важно отметить, что подобное решение имеет обратную сторону. Ответы 60% респондентов свидетельствуют о том, что сотрудники ожидают от работодателей большего вклада в свое развитие. Экономия на обучении может обернуться снижением лояльности и продуктивности работы персонала.

Кроме финансовой составляющей, респондентов спрашивали про изменение самого подхода к обучению. Лишь у 19% организаций подход остался прежним, а 38% перешли на дистанционное обучение.

Внезапный и стремительный переход на дистанционный формат обучения привел к необходимости перестройки как архитектуры бизнес-образования,

так и самой системы подготовки и внутрифирменного обучения персонала.

Как видно из результатов исследования пристанского университета, одни организации приняли решение сократить именно эту статью расходов, другие же увидели для себя новые перспективы в увеличении инвестиций в развитие персонала. Определенные изменения произошли и в выборе приоритетных направлений развития персонала. Увеличился спрос на программы по развитию гибких навыков, связанных с умением работать с учетом действия фактора неопределенности, адаптироваться к изменениям, работать и принимать решения в условиях форс-мажора. Это неудивительно: согласно многочисленным исследованиям, эффективность работы сотрудников на 85% зависит именно от владения *soft skills*.

Однако заметен и очевидный сдвиг в сторону стремительно развивающихся цифровых навыков. Умение работать с программами и сервисами, знания и умения в области науки о данных и искусственного интеллекта становятся основой всех современных профессий. Но для достижения результата необходим системный подход к развитию цифровых компетенций. Если раньше достаточным для грамотного специалиста считалось наличие профессиональных навыков, то теперь на передний план выходит личная эффективность, на которую имеет непосредственное влияние правильно спланированная организация рабочего пространства.

Революция, инициированная COVID-19, изменила способ работы компаний и сотрудников и будет продолжать вносить свои изменения во все сферы жизни людей, что приводит к постоянному переосмыслению того, какие изменения необходимо вносить на рабочем месте. Следовательно рабочее место в условиях COVID-19 можно понимать как ситуацию, сформированную новыми обстоятельствами, когда COVID-19 вызвал глобальную трансформацию, в частности, затронувшую рабочее место работников. Первона-

чально компании не были готовы к столкновению с ситуацией, когда сотрудники вынуждены были покинуть свое рабочее место и выполнять свои задачи удаленно из других мест или из своих домов. Появилась необходимость выявления в научной организации труда таких стратегических категорий, которые важны для достижения эффективной работы организации в целом, таким образом, чтобы можно было установить определенные шаблоны наблюдений относительно того, каким должно быть рабочее место в будущем, полностью отличное от того, что есть сейчас. В ходе исследования и анализа документов, публикаций и опросов, проведенных авторитетными источниками, такими как Forbes, Gartner, McKinsey, Gallup, BO3, Boston Consulting Group, KPMG, PwC, EY, Deloitte и другие, можно сделать вывод, что сейчас более чем когда-либо необходимо понимать факторы и процессы, которые позволяют превратить рабочее пространство в хорошее место, которое может придать смысл работе людей и изменить общество (Michaelson et al., 2014) и, как часть политики компаний, улучшить методы управления талантами (Younas & Bari, 2020).

Правда в том, что COVID-19 застал всех врасплох, и с марта 2020 года ситуация в мире радикально изменилась, что привело к серьезной смене представлений о рабочем месте в настоящее время, и каким оно будет во время и после COVID-19 (Всемирный экономический форум, 2020b, 2020a). Конечно, кажется, что ничто не останется прежним, и в данной статье авторы постарались рассказать о предположениях, которые ведут к формированию более безопасного рабочего пространства, которое человечеству было бы сложно представить несколько месяцев назад (McKinsey, 2020b).

Будущее рабочее место отличается от того, что мы видим сегодня, поскольку оно считается переходным периодом, и не то, что могло бы быть в предыдущих условиях, не связанных с COVID-19. Однако неизбежно оно бу-

дет более инклюзивным, более зрелым и новым, учитывая потребности сотрудников и бизнеса, создавая между ними хороший баланс.

## Литература

1. Cambridge Dictionary. (2021). Workplace | meaning in the Cambridge English Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/workplace>
2. Creating the Best Workplace on Earth [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hbr.org/2013/05/creating-the-best-workplace-on-earth>
3. Hospitality Management School | Glion Institute of Higher Education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<https://www.glion.edu/>]
4. Smart meeting [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.smartmeetings.com/destinations/103302/airports-superfun-ways>
5. Webinar on Posture & Ergonomics for Hospitality Professionals | Hospitality & Tourism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dypatil.edu/schools/hospitality-and-tourism/webinar-on-posture-ergonomics-for-hospitality-professionals/> мумбай
6. Исследование Inc. Russia: треть предпринимателей считают, что их бизнес не переживёт вторую волну пандемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://incrussia.ru/news/inc-research-2-volna/>
7. Как изменилось корпоративное обучение в период пандемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lanit.ru/press/smi/kak-izmenilos-korporativnoe-obuchenie-v-period-pandemii->

## IMPROVING THE ERGONOMICS OF THE WORKSPACE IN ORGANIZATIONS IN A PANDEMIC: THE EXAMPLE OF THE TOURISM SECTOR

Semenova E. Kh., Mkhaidze L.R., Selim M.S., Urusov S.B. North Caucasus State Academy; Pyatigorsk State University; Peoples' Friendship University of Russia



The article consider the features of the scientific workspace organization from the point of ergonomics view (on example of the tourism industry), identifies the main problems connecting with the lack of employees' proper knowledge of the ergonomical workplace in a pandemic, which have identified during the study of the current situation and future evolution of the workspace. The situation triggered by COVID-19 has changed the way many companies working and will continue to have a major impact on organization work, requiring constant rethinking of approaches to improving working conditions by educating staff on workplace ergonomics using technology and safety measures, which are main keys in the process of workplace transformation.

**Keywords:** scientific workplace organization, personnel training, ergonomics, tourism, pandemic.

#### References

1. Cambridge Dictionary. (2021). Workplace | meaning in the Cambridge English Dictionary. [Electronic resource]. – Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/workplace>
2. Creating the Best Workplace on Earth [Electronic resource]. – Access mode: <https://hbr.org/2013/05/creating-the-best-workplace-on-earth>
3. Hospitality Management School | Glion Institute of Higher Education [Electronic resource]. – Access mode: [<https://www.glion.edu/>]
4. Smart meeting [Electronic resource]. – Access mode:: <https://www.smartmeetings.com/destinations/103302/airports-superfun-ways>
5. Webinar on Posture & Ergonomics for Hospitality Professionals | Hospitality & Tourism [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.dypatil.edu/schools/hospitality-and-tourism/webinar-on-posture-ergonomics-for-hospitality-professionals/mumbai>
6. Research Inc. Russia: a third of entrepreneurs believe that their business will not survive the second wave of the pandemic [Electronic resource]. – Access mode: <https://incrussia.ru/news/inc-research-2-volna/>
7. How corporate training has changed during a pandemic [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.lanit.ru/press/smi/kak-izmenilos-korporativnoe-obuchenie-v-period-pandemii->

TABLE OF CONTENTS

**THEORY AND METHODOLOGY**

*Kim A.S.* Methodology of sociological analysis of self-mobilization of the Khabarovsk mass protest ..... 5

*Kravchenko A.I.* The “solid core” and “protective belt” of I. Lakatos: structure and functions of the value system ..... 15

*Starostina D.A.* Formation of a discourse about the body in feminist studies: the «second sex», the subject in the process, nomadic subjectivity ..... 34

*Bekhozhaeva A.K., Abdishova G.B., Temirbekova E.T.* Social programs as a mechanism for the implementation of social policy ..... 46

*Kutkina N.A., Nazarova N.S.* Forms and methods of the impact of digital technologies on society ..... 51

*Plotnikova M.A.* The role of the institution of the Public Chamber in the formation of public opinion on the municipal territory ..... 56

*Chernyshev V.P., Chernysheva L.G., Matsko A.I., Varnina A.S.* The current state of physical culture as a marker of social changes in the social structure ..... 64

**EMPIRICAL STUDIES**

*Gudenkova O.F., Savitskaya Yu.P.* Features of the regional identity of modern student youth ..... 70

*Dzagurova N. Kh.* The social role of the grandmother in the modern Ossetian family ..... 78

*Kombaev A.V., Borisova A.S., Sumaneev E.V.* Ethnic Identity in Baikal Asia ..... 84

*Motorina I.E., Subocheva O.N., Yakovleva E.A.* Attitude of employees to the implementation of technology and digital technologies: experience of empirical research ..... 93

**ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT**

*Abdulayeva E.S.* Historical aspects of the development of the institution of social assistance in Russia ..... 99

*Ananishnev V.M., Zavyalov A.E., Osmolovskaya S.M., Tkachenko A.V., Fedotov K.V.* Management social of an educational organization in the Moscow metropolis: (sociological analysis on the example of higher education institutions) ..... 107

*Bloshko V.V., Kapustin V.V.* Social factors of the efficiency of patriotic education of the citizens of Russia ..... 113

*Vereshchagina A.V., Bineeva N.K., Voytenko V.P.* Social justice in the development of the polyethnic regional space of the republic of crimea: results of a mass survey ..... 122

*Zabrodina T.I., Martirosyan K.V.* influence of social and psychological characteristics of a person on the level of professional burn out the representatives of social and signonomic professions ..... 132

*Kuznetsova N.F., Kochina E.A., Oskolkov A.V.* «Silver» volunteering as a factor of social well-being in late adulthood (on the example of the Republic of Khakassia) ..... 138

*Chernobrovkina N.I., Bedrik A.V., Mamina D.A.* Evaluation of an informal interethnic contract from the position of social justice (on the example of the republic of Karachayevo-Cherkessia) ..... 144

*Mikhailova M.N., Pirverdieva E.A.-K.* The problem of preserving spiritual values in the context of digitalization of social processes ... 153

*Potemkin V.K.* Integration processes of sociological, socio-psychological and economic knowledge in a person’s professional activity ..... 159

*Khripunova S.V.* Features of the formation of psychological resources and professional well-being in military personnel: a sociological analysis ..... 169

*Shklyayeva N.A.* Quality of working life as a factor of social well-being of youth working in the education system ..... 175

*Shtepa S.E.* Sociological diagnostics of social risks of consumer lending to Russian youth: questions of methodology and organization ..... 184



**THEORY AND HISTORY OF CULTURE.  
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY.  
PHILOSOPHY OF CULTURE**

*Voronina O.A.* Post gender anthropology: queer and trans..... 192  
*Maslova V.A.* Naturalism in French Literature in the Second Half of the 19th Century: Origins and Contradictions ..... 203  
*Mikhaylov I.A.* Ontology and anthropology in Heidegger ..... 211  
*Nikolsky A.V.* Visual observation systems and photography in the context of dark ecology ..... 222  
*Rudenko A.V.* The problem of the “Other”: existential and phenomenological analysis..... 231

**SOCIAL PHILOSOPHY**

*Safronov A.V.* Chance Argument Against Physicalism: Tragedy, Cartesian and Pragmatism ..... 237  
*Sitnikov A.P., Levashev D.N., Emirbekova E.E., Rovovaya T.A.* The Concept and the Problem of Russian Society’s Archaization: Representation in Social-Philosophical Knowledge..... 249

*Khvastunova Ju.V.* The Terasem Movement as a Religious Alternative to Transhumanis .... 259  
*Kolesnikov L.A.* Countering deviant economic behavior: a socio-philosophical aspect ..... 268

**SCIENTIFIC LIFE**

*Orlova O.M., Zaladina A.S.* Vocational guidance activity of university students..... 273  
*Uzunov V.V.* Current state and development problems of the Southern Federal District in the context of social consolidation ..... 282  
*Filyasova Yu.A.* Personal perfectionism objectivization in the context of modern societal transformations (based on a review of national research papers) ..... 291  
*Semenova E. Kh., Mkheidze L.R., Selim M.S., Urusov S.B.* Improving the ergonomics of the workspace in organizations in a pandemic: the example of the tourism sector..... 302

